Национальный Союз Политологов

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

ВЫПУСК 4(28), 2017

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства образования и науки РФ по политическим наукам**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в **Перечень научных изданий рекомендованных ВАК Республики Узбекистан** для публикации основных научных результатов диссертаций по политическим и философским наукам

С 1 января 2018 года журнал выходит один раз в месяц

МОСКВА, 2017

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М., к.ю.н., заведующий кафедрой политических наук РУДН, Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

БЕХ Владимир Павлович	д.ф.н., первый проректор Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова (Украина, г. Киев)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального технического университета (Белоруссия, г. Минск)
ВЕДРИН Оливье	главный редактор русской версии французского журнала «Национальная оборона» (Revue Défense Nationale), спикер Европейской комиссии, редактор франко-германского журнала по вопросам внешней политики «European Union Foreign Affairs Journal» и ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)
ГАЙДУК Вадим Витальевич	д.п.н., к.ю.н., профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета (Россия, г. Уфа)
ИРХИН Юрий Васильевич	д.ф.н., профессор кафедры политологии и политического управления РАНХ и ГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., заведующая кафедрой политологии и социологии МПГУ (Россия, г. Москва)
КЕТЦЯН Григор Ваникович	к.п.н., заместитель Главного редактора журнала, Председатель Попечительского Совета научного журнала «Вопросы политологии» (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., зав. кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОСИКОВ Игорь Георгиевич	д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, Президент Национального Союза Политологов, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна	д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, заведующий кафедрой «Национальные интересы и стабильность общества» Академии государственного и общественного строительства при Президенте Республики Узбекистан (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, заведующий кафедрой политологии Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана (Россия, г. Москва)
СМИРНОВ Вильям Викторович	к.ю.н., заведующий сектором Института государства и права РАН (Россия, г. Москва)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Кетцян Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)
Чернышов С.И. (к.п.н. – зам. гл. редактора)
Шкурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)
Абрамова О.Д. (д.п.н.)
Давыдов В.Н. (к.п.н.)
Козлов Г.Я. (д.и.н.)
Медведева В.К. (к.п.н.)
Слизовский Д.Е. (д.и.н.)

© Национальный Союз Политологов, 2017
© ООО «Издательство «Наука сегодня», 2017

ISSN 2225–8922

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ

УЧРЕЖДЕН Национальным Союзом Политологов

Журнал издается при содействии ООО «Издательство «Наука сегодня» с участием Института современной политики РУДН

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Рег. № ПИ № ФС77–46176 от 12 августа 2011 г.
Журнал издается один раз в месяц

Журнал включен в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

Включен в каталог Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор: 1,489.

Адрес редакции: 119606, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 84, корп. 6, каб. 2069
Тел.: (910) 463–53–42
Интернет-ресурс: www.souzpolitolog.ruwww.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru
souzpolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые в журнале подлежат обязательному рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Иваньшина И.Г.

Подписано в печать 24.11.2017
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п.л. 22,1.
1000 экз. (1-й завод – 500 экз.)
Заказ № ___

Отпечатано в типографии ООО «Белый Ветер».
115054, г. Москва, ул. Щипок, 28.
Телефон: (495) 651-84-56

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Слизовский Д.Е., Медведев Н.П., Ахмадиён Комбиз Сахоби, Репьёва Я., Кузнецова Е. Российская Федерация ищет способ обеспечить развитие экспертного потенциала своей системы образования 7

Нестерчук О.А. «Новая политическая культура» как инструмент стабилизации/деформации общества 26

Глебов В.А., Давыдов В.Н. Законодательный механизм развития гражданского общества 37

Бакушев В.В. Парламентаризм развивает многообразие демократии 51

Николенко А.А., Тушков А.А. Анализ каузальных связей и элементов концепта «русская власть» с точки зрения метапарадигмы политического универсализма 61

Альбов А.П. Философия, религия, искусство как основа становления и развития цивилизации 68

Гришаева О.Н., Гришин О.Е., Толочко А.В. Президентский рейтинг в России: факторы стабильности и роста 79

Амиантов А.А. Современные политические партии России: цели их создания и деятельности 88

Мышьякова Д.В. Рекрутизация политической активности российского гражданского общества на современном этапе 99

Строганов В.Б. Конструктивный потенциал применения политической манипуляции в интернете 106

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Бирюков С.В., Барсуков А.М. «Новый шелковый путь» и евразийская интеграция: роль Казахстана 114

Палилов Д.Е. Сопряжение Евразийского экономического союза и экономического пояса Шелкового пути 126

Цинь Тинтин Китайско-российское газовое сотрудничество и экологическая нагрузка на окружающую среду КНР 134

Набиев Бахтияр Эйваз оглы Геополитические аспекты стратегических перспектив во взаимоотношениях Азербайджана и России 143

Касымов А.А. Результативность политического регулирования интеграционных процессов в Республике Таджикистан 151

Мэн Сянюнь Анализ угроз безопасности «Экономическому поясу Шелкового пути» и необходимости совместного решения проблем КНР с РФ 160

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Экзеков М.Х. Об особых правах коренных малочисленных народов.... 172

Дзюбан В.В., Кочергина М.В. Эволюция старообрядческих общин пограничных территорий России, Украины и Беларуси в советский и постсоветский периоды развития: проблемы сохранения этноконфессионального единства 182

Ефремова Е.А. Особенности этносоциальных интеграционных процессов в России 193

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ И КОНФЛИКТЫ

Сулейманова Ш.С. Информационные войны: история и современные тенденции 203
Бирюков С.В., Андреев А.В. Украинский кризис российской политики. К ревизии политических технологий 215
Курбонова З.М. Межтаджикский конфликт и его особенности в условиях приобретения независимости 223
Соколов А.В., Новикова Ю.А. Группосозидающая функция городских конфликтов (на примере Ярославской области) 230
Палчаев А.Н. О некоторых трудно преодолимых факторах конфликтогенности Северного Кавказа 241
Новосельцев С.В. Территориальные споры в Южно-Китайском море: позиции Индонезии и Сингапура 248
Ширгазина Э.Р. Переговорные практики в политическом процессе: стратегия и тактика 255
Тетерюк А.С. К анализу путей исследования современных вооруженных конфликтов: гибридная война и асимметричный конфликт 263

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Абрамов В.Л., Абрамова О.Д. Экономические интересы России и ЕАЭС при формировании большого евразийского партнерства 276
Слоботчиков О.Н., Киселев В.В. Ирландский политический радикализм: причины и возможные последствия 287
Ли Дань Изучение России в КНР: состояние и перспективы 301
Чан Хыу Тхан Факторы, снижающие эффективность реализации антикоррупционной политики в современном Вьетнаме 308
Павлов В.В. Совет национальной безопасности при Дональде Джоне Трампе: первые наблюдения 322
Md Sazedul Islam Rise of militancy and terrorism and the political crisis of Bangladesh/ К вопросу о политическом кризисе в Народной Республике Бангладеш 331

РЕЦЕНЗИИ

Шевердяев С.Н. Рецензия на книгу Ю.А. Нисневича «Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса».. 338

НАШИ АВТОРЫ 345
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ 352

Academic journal
"Political Science Issues"
Issue 4(28), 2017

CONTENTS

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Slizovsky D.E., Medvedev N.P., Ahmadien Kombiz Sahobi, Repieva Y., Kuznetsova E. The Russian Federation is looking for a way to ensure the development of the education system expertise 25
Nesterchuk O.A. "New Political Culture" as an Instrument of Stabilization / Deformation of Societ 36
Glebov V.A., Davydov V.N. Legal Framework for the Development of Civil Society 50
Bakushev V.V. Parliamentarism Develops the Diversity of Democracy 60
Nikolenko A.A., Tushkov A.A. Analysis of the Causal Relations and Elements of the Concept of "Russian Power" from the Point of View of the Paradigm of Political Universalism 67
Albov A.P. Philosophy, Religion, Art as the Basis for the Formation and Development of Civilization 78
Grishaeva O.N., Grishin O.E., Tolochko A.V. Presidential Rating in Russia: Factors of Stability and Growth 87
Amiantov A.A. Modern Political Parties in Russia: the Purpose of Their Creation and Activities 98
Myshiakova D.V. Civil Society Activism Recruitment in Russian Federation at the Present Stage 105
Stroganov V.B. The Constructive Potential of Applying Political Manipulation on the Internet 113

MODERN INTEGRATION PROCESSES

Biryukov S.V., Barsukov A.M. "New Silk Road" and Eurasian Integration: the Role of Kazakhstan 125
Palilov D.E. The Conjugation of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt 133
Tsin Tintin Sino-Russian Gas Cooperation and Environmental Pressures on the Environment of P. R. China 142
Bakhtiyar Nabiyev Geopolitical Aspects of Strategic Perspectives in Relations of Azerbaijan and Russia 150
Kasimov A.A. Productivity of Political Regulation Integration Processes in Republic Tadjikistan 159
Meng Xiangyun An Analysis of the Security Threats Facing the "Silk Road Economic Belt" and the Necessity of Joint Solution of Problems Between China and Russia 171

ETHNOPOLITICAL PROCESSES

Ekzekov M.Kh. On the Special Rights of Indigenous Peoples 181
Dzuban V.V., Kochergina M.V. Evolution of Old Believers Communities of the Border Territories of Russia, Ukraine and Belarus in the Soviet and Post-Soviet Periods of Development: Problems of Preserving Ethnoconfessional Unity 192
Efremova E.A. Peculiarities of Ethnosocial Integration Processes in Russia 202

POLITICAL CRISES AND CONFLICTS

Suleymanova Sh.S. Informatsionnoye War: History and Modern Trends ... 214
Biryukov S.V., Andreev A.V. The Ukrainian Crisis of Russian Politics. The Revision of Political Technologies 222
Kurbonova Z.M. The Inter-Tajik Conflict and its Features in Acquisition of Independence Context 229
Sokolov A.V., Novikova Ju.A. Group-Forming Function of Urban Conflicts (on the Example of Yaroslavl Region) 240
Palchayev A.N. On Some Difficult Surmountable Factors of Conflictogenicity of the North Caucasus 247
Novoseltsev S.V. Territorial Disputes in the South China Sea: Viewpoints of Indonesia and Singapore 254
Shirgazina E.R. Negotiation Practices in Political Process: Strategy and Tactics 262
Teteryuk A.S. To the Analysis of Ways of Studying Modern Armed Conflicts: Hybrid War and Asymmetric Conflict 275

INTERNATIONAL EXPERIENCE

Abramov V.L., Abramova O.D. Economic Interests of Russia and the Eurasian Economic Union in the Formation of the Greater Eurasian Partnership 286
Slobotchikov O.N., Kiselev V.V. The Irish Political Radicalism: the Causes and Possible Consequences 300
Li Dan Russian Research in China: Situation and Prospects 307
Tran Huu Than Factors that Reduce the Effectiveness of Anti-Corruption Policy Implementation in Contemporary Vietnam 321
Pavlov V.V. The U.S. National Security Council under Donald John Trump: The Early Insights 330
Md Sazedul Islam Rise of Militancy and Terrorism and the Political Crisis of Bangladesh 331

REVIEWS

Sheverdyaev S.N. Book review. “Politics and Corruption: Corruption as a Factor of the Global Political Process” by Yu. Nisnevich 338

OUR AUTHORS 349

DEMANDS FOR MANUSCRIPTS 352

УДК 32.323

Д.Е. СЛИЗОВСКИЙ
доктор исторических наук, профессор,
профессор Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва
Н.П. МЕДВЕДЕВ
доктор политических наук, профессор,
профессор Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва
АХМАДИЕН КОМБИЗ САХОБИ
аспирант Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Россия, г. Москва
Я. РЕПЬЕВА
аспирант Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Россия, г. Москва
Е. КУЗНЕЦОВА
аспирант Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Россия, г. Москва

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ИЩЕТ СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА СВОЕЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Статья – результат аналитических и критических представлений, суждений и умозаключений, представленных научными руководителями и аспирантами РАНХиГС при Президенте РФ в рамках курса «Государственная политика РФ в сфере образования». В центре анализа государственная политика Российской Федерации в области высшего образования и науки в контексте масштабной работы над долговременным приоритетным проектом «Эксперт образования». Академический и практический интерес представляет описание и объяснение противоречий между предпосылками инициирования и условиями реализации, предпринимаемыми государством и государственными образовательными учреждениями по осуществлению не новой для них идеи, но совершенно нового для российской высшей школы проекта, предполагающего повысить международный престиж и роль российского образования, переживающего системный и затянувшийся кризис и вызовы внутреннего и внешнего порядка.

Ключевые слова: *Государственная политика в сфере образования, экспертный потенциал образования Российской Федерации.*

Актуальность. Российское государство и общество уже не менее четверти века ведет поиск стратегии, вариантов, способов той политики, которая «позволит Российской Федерации встраиваться в международную повестку развития высшего образования и претендовать на ведущую роль в глобальном образовательном пространстве»[1]. На этом пути российское образование сталкивается с жесточайшей конкуренцией на внешнем контуре и несчетными препятствиями объективного и субъективного свойства внутри системы. При этом уже ясно, что лидирующие позиции в образовании будут занимать те страны, которые предоставляют учителям и преподавателям высокий статус, обеспечивают высокую квалификацию, где сумеют сочетать теорию и практику, где есть настоящая культура образования. Там, где ее нет, правительствам необходимо не эпизодически, но на протяжении долгого времени проявлять пристальное внимание к этой сфере. Не нужно дожидаться каких-то дополнительных пояснений извне, чтобы самим несомненнейшим образом убедиться в том, что «только выверенные, логические решения и целостный подход к системе образования могут принести результат»[2]. Видимо с учетом этих особенностей на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 30 мая 2017 г. № 6 утвержден паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» с мая 2017 года по ноябрь 2025 года (включительно)[3]. Актуально в этой связи проанализировать и понять, и многое объяснить, в частности:

– что скрывается за предложением высших и федерального уровня исполнительных властных структур страны реализовать широкомасштабную программу и меры по осуществлению стратегии и политики развития экспертных возможностей российского образования. Как известно, еще в 60-е годы прошлого века советская система образования продемонстрировала успешный прорыв в международную систему образования и присущие ему отношения, создала уникальный во всех смыслах международный образовательный проект с сетью государственных образовательных учреждений, жемчужину среди них – университет (УДН имени Патриса Лумумбы, ныне – РУДН) по подготовке специалистов высокой квалификации для стран Азии, Африки и Латинской Америки. По сути и по форме это был проект интернациональной помощи развивающимся странам. Его особенность – сугубо государственная система и политика управления и организации образова-

[1] Доклад Правительства РФ Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. – М., 2017. – С. 127.

[2] Электронный ресурс. – URL: http://smartnews.ru/politics/world/2376.html#ixzz4uQcih5zv (дата обращения: 02.10.2017).

[3] Электронный ресурс. – URL: http://government.ru/projects/selection/653/27862/ (дата обращения: 17.09.2017).

тельной деятельности, масштабная локализация в мировом пространстве, распространение российско-советской системы образования и обучения на большинство (более 140), но не все страны мира. Проект не носил практически какой-либо коммерческой выгоды, такой цели и задач в принципе не ставилось и поэтому его можно рассматривать как экономически и финансово затратный для страны проект. И при этом как гуманистическую и гуманитарную бескорыстную помощь, и содействие с отдаленными, но реальными престижного и высокого репутационного характера преференциями и выгодами. В новом проекте цели и задачи, сама идеология меняется на противоположную в сравнении с прошлым проектом. И где по большому счету гарантии, что именно эта стратегия выражает интересы развития и самого российского образования, и самой России?

– отражает ли такая постановка проблемы в сложившихся обстоятельствах реалии внутреннего и международного положения, уровень и тенденции развития отечественного и международного образования и науки, готовность всех его участников к собственным переменам в русле проектируемой идеи. В этой связи, вправе ли инициаторы такого проекта надеется на то, что в процессе его осуществления, опираясь на опыт его реализации, отдавая себе ясный отчет в недостатках отечественного образования, в недостатках подготовленных кадров и специалистов для подобного дела, получить все же поддержку профессорско-преподавательского состава вузов, ученых, совладать с трудностями и обеспечить выполнение намеченных цели и задач.

Наша гипотеза сводится к тому, что при известных условиях российскому государству, представителям и участникам российского образования никто не предоставляет выбора – продвигать дело экспортных услуг или отказаться от этого, сегодня приступить к решению обозначенных задач, или отложить их. Вынуждены принимать такое решение под угрозой самоизоляции и самоослабления на целую историческую эпоху.

Источники и методы. Фактологическую базу нашего исследования составляют: доклад Правительства РФ Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования[1], ответы Минобрнауки РФ на вопросы депутатов парламентских фракций и Комитета Государственной думы по вопросам семьи, женщин и детей к «правительственному часу» подготовленные 26 сентября 2017 года; официальные документы ряда вузов страны, экспертные оценки, публикации в открытой печати.

Исследование – это коллективный труд, совместная работа, проведенная группой аспирантов РАНХиГС при Президенте РФ под руководством проф.

[1] Доклад Правительства РФ Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. – 2017.

Д.Е Слизовского и в рамках читаемого курса «Государственная политика в сфере образования». Метод исследования – критический анализ фактов, событий, действий, мероприятий, процессов с позиций политической науки, опросные исследования (1500 респондентов) реакций и представлений на заданную тему молодежи (возраст 18-30 лет), и относительно роли и значения образования в жизни общества.

Затронутая нами тема как политическая и социальная проблема формально достаточно разработана и освещена в научных трактатах, исследованиях, статьях, докладах. К ее разработке и освещению приложили руку не только теоретики, но и практики, руководители самого высокого уровня системы российского образования и выработки соответствующей политики. Российские исследователи и эксперты этой темы уже давно показали ее самые болевые точки. Постоянно и упорно заявляли, что перед российской высшей школой стоят сложнейшие вопросы адаптации ее к международному рынку образовательных услуг, прорыву на его площадки. Значительный круг экспертов и специалистов настаивал в прошлом и по-прежнему настаивает на выработке критериев оценки экспертного потенциала российских образовательных услуг, на придании проблеме государственного значения[1]. Но, нужно признать, проблемы развития мирового и российского образования не исчезли, и, кажется, еще более усугубились, поставив перед обществом ученых и специалистов новые проблемы и противоречия, потребовав новых решений.

Результаты исследования мы представляем в следующих терминах:

– проект по развитию экспортного потенциала российского образования, один и четырех проектов, реализуемый Министерством образования и науки РФ, открывает новое и очень важное направление в этой сфере, роль и значение которого будет только возрастать. Только по ходу его выполнения станет ясным, насколько актуальным и сообразным современным вызовам такой проект стал, и насколько качественно/некачественно он подготовлен. Признаки и того, и другого уже обнаруживаются, и потребуется серьезная коррекция по организации мероприятий, уточнению методики оценки эффективности работы всех его участников, возможно и коррекция проектируемых заданий и результатов;

[1] Айдрус И.А., Филиппов В.М. Мировой рынок образовательных услуг. – М., 2008; Балыхин М.Г. Тенденции развития международного рынка образовательных услуг: на примере стран Евросоюза и Российской Федерации. – М., 2009; Колмагорова Ю.В., Васильева И.С. Экспертный потенциал российской системы высшего образования. См.: Электронный ресурс. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eksportnyy-potentsial-rossiyskoy-sistemy-vysshego-obrazovaniya (дата обращения: 30.09.2017); Чеботарева М.С. Россия на мировом рынке образовательных услуг. См.: Электронный ресурс. – URL: https://moluch.ru/archive/40/4854/ (дата обращения: 30.09.2017); Электронный ресурс. – URL: http://government.ru/department/361/projects/ (дата обращения: 30.09.2017).

– политика реализации проекта, с одной стороны, приоткрывает скрытые и дремлющие до сих пор резервы, и интеллектуальные потенции внутри системы образования, с другой, – обнажает естественные и вновь сформировавшиеся слабости, недостатки, пороки. Потребуется мощная воля и энергия для реализации намеченных планов и работ, и достижения его основных показателей. Уже сейчас, на старте, не очень ясно, готово ли правительство РФ, его структуры, ответственные персоны быть последовательными и волевыми, чтобы переломить ситуацию в лучшую сторону с экспертным потенциалом образования, преодолеть сопротивление, косность, консервативность внутри бюрократического аппарата и среди немалой части профессорско-преподавательского состава, потерявших перспективы от постоянных реформ в образовании и не принесших им удовлетворения;

– главным и основным субъектом реализации проекта являются вузы (сегодня их 39), а не причастные к этому проекту структуры и организации. Последние наделены широкими полномочиями, функциями, ресурсами, что объективно позволяет им перехватить инициативу у вузов, вести свою политику, которая будет не на пользу, а станет помехой общему делу. Вузы – это не однородная субъектная группа, хотя они относятся к одной отрасли, что не делает их единым инструментом и субъектом в реализации такого проекта. Стратегия, политика у каждого из них может быть разная, что следует признать и учесть, оперативно выявляя и распространяя положительный опыт. Чтобы следовать такой линии, предстоит внести серьезные коррективы в планы мероприятий на ближайшие и последующие годы и в масштабах ответственных министерств и ведомств, и особенно в содержание образования и в переформатирование и организацию образовательного процесса внутри вузов.

Дискуссия. Противоречивый и даже конфликтный характер процесса развития экспортного потенциала российского образования может при правильной политике и ее грамотной реализации превратить слабости российской системы образования в привлекательные идеи, предложения и результаты. Идеология проекта – это переформатирование слабости в силу. Сформировать и предложить, потом продвинуть свои идеи, свои настроения и ожидания, свою программу и политику, и что очень важно, свои интересы, как для внутреннего, так и глобального потребления, и создания образа будущего образования.

Появление проекта повышения экспортного потенциала российского образования вызвано многими видимыми макрофакторами и факторами неопределенности. Собственно, одна и теоретических и прагматических задач, которую можно рассматривать как приглашение к дискуссии, связана на наш взгляд с ответом на вопрос, почему сейчас правительство РФ и в частности Минобрнауки РФ обратились к этой теме и в том формате, который представляет проект? Или, так что же заставило руководство страны и российского образования принять такой проект и программу его реализации?

В этом контексте укажем самые важные причины и факторы:

– развитие экспортного потенциала российской системы образования, это реакция на реалии мирового глобального порядка и отражение наметившихся тенденций в процессах функционирования мирового образования. Уже, и в ближайшей перспективе образование ожидают самые радикальные перемены. Формируются конкурирующие между собой мировые цивилизационно-технологические и образовательные ареалы, в основе которых единство родственных языков и культур: европейско-американский, китайский, испано-латиноамериканский, арабо-исламский. России предстоит сформировать русскоязычный образовательный ареал на основе распространения русского языка и традиционных социально-экономических и культурных связей с развивающимися странами, и найти свою нишу среди развитых стран. Происходит конвергенция образования с такими отраслями, как информационные технологии, медицина, финансы. Стоит задача системной оценки и выработки адекватной этим процессам и тенденциям политики;

– проект является следствием тех обстоятельств, в которых оказалась Россия, которой европейско-американское сообщество стран объявило санкции, создала искусственно целый шлейф препятствий для интеграции страны и российского общества в мировую систему отношений. Образование в этом контексте является самым действенным и эффективным инструментом поддержания и развития отношений на самых разных уровнях, от межстрановых до личностных. Но образование оказывается и самым уязвимым, если его агентам и контрагентам чинятся препятствия и вводятся ограничения (санкции) мобильного и взаимовыгодного международного общения. Преодоление и противодействие существующих здесь препятствий опять же возможно при качественной и эффективной политики, которую еще предстоит выработать и применить;

– необходимость принятия такого проекта потребует перемен в главной деятельности – в образовательной. Переход образования на уровневую подготовку (бакалавриат и магистратура), ужесточение требований к подготовке высших категорий ученых (кандидатов и докторов наук) не привел к повышению качества образования, не сделал процесс образования генератором повышения качества труда в стране и не повысил престиж и привлекательность российского образования за рубежом;

– изменение условий и объемов финансирования вузов, вызванные переходом на нормативно-подушевое финансирование сферы образования привело к усложнению (ухудшению) условий работы для большего числа профессорско-преподавательского состава и ученых.

Все это в комплексе не обеспечило качество всех видов научной и образовательной деятельности до такого уровня, чтобы продвинутся российским вузам в мировых университетских рейтингах, повысить репутацию и привлекательность, получить дополнительное финансирование своего

развития. Для выхода из такого положения имеется множество подходов, проектов. Одним из них и стал означенный проект.

Россия как постоянный и активный участник глобального образовательного рынка не может позволить себе, чтобы ее так просто, походя, вытеснили из этой системы ценностей и стремится полноценно конкурировать с ведущими странами за мировой образовательный рынок, за политическую повестку в этой сфере. И для этого определяет стратегию и направления своей политики, работая над качеством ее содержания и смыслами. В этом контексте мы предлагаем присоединиться к обсуждению, либо развернуть дискуссию о смыслах и толковании принятой в данном случае политики. Мы же считаем, что под такой политикой следует понимать совокупность мер и мероприятий, направленных на сохранение основных жизненных интересов участников образовательного процесса и в целом общества. Государство и государственные структуры в этом деле представляет собой особый политический инструмент или орган. Политики (персонифицированные и коллективные) в этом процессе выступают всегда как посредники в структуре образовательных отношений, нередко демонстрируя противоположные интересы и действия.

Кажется, сегодня уже почти нет дискуссии относительного признания и утверждения того, что «высшее образование вышло за национальные границы и стало важным инструментом международного влияния, и значительным сектором международного бизнеса. Страны с успешной экономикой и развитой сферой образования получили возможность аккумулировать у себя лучшие интеллектуальные ресурсы через отбор талантливой молодежи»[1]. Спорны ли такие суждения и утверждения, когда они переходят в разряд практической политики, принимаемых решений по финансам, концентрации организационных, управленческих и прочих ресурсов? Теоретически, да. Чтобы прийти к обоснованности и истинности таких соображений, нужно перед этим было пройти нелегкий путь сомнений, поиска адекватных способов решения существующих проблем.

Модернизация, программы, планы, меры по развитию российского образования и науки следовали за последние двадцать лет одна за другой, все они прогнозировали и давала обнадеживающие обещания и, казалось, выверенные и просчитанные результаты прогресса. Принималась политика последовательного, быстрого и неотвратимого принятия болонской системы образования и интеграции российского образования в европейское образовательное пространство. Но и после этой стратегии кроме отдельных улучшений и удержания ситуации в относительно уравновешенном и не

[1] Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030: аналитический доклад, под ред. В.С. Ефимова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. – С. 8.

взрывоопасном состоянии, – прорыва в качестве образования не последовало. Существование не одно десятилетие такого положения с образованием, угрожает потерей динамики не только прогрессивному развитию образования и науки, но и безопасности страны. При этом, как нам представляется, «вечное» недовольство качеством образования со стороны государства, граждан, гражданских, общественных и хозяйствующих субъектов базируется отнюдь не на основании серьезных и проверенных фактах, не на теоретических соображениях и выверенном анализе того, что объективно присуще этой сфере. И даже не на основе анализа того, что имеется в потенциале российского образования, и на что можно в этой связи рассчитывать, и чего добиваться, кроме денежного расчета. Тем прискорбней могут быть принятые подходы в реализации проекта по развитию экспертного потенциала российского образования и такие самооценки, из которых выстраивается собственная идея и политика на заданную тему.

Как полагают инициаторы и разработчики такого проекта, количество иностранных студентов, которые будут обучаться по очной форме в российских вузах, должно вырасти с 220 тыс. человек в 2017 году до 710 тыс. в 2025 году, а количество иностранных слушателей онлайн-курсов российских образовательных организаций – с 1 млн. 100 тысяч человек до 3 млн. 500 тысяч человек. Количество иностранных школьников, прошедших обучение по программам дополнительного образования, должно вырасти в 2025 году по сравнению с 2016 годом вдвое. Включение в число потребителей услуг российского образования школьников, можно рассматривать в определенной степени нестандартным предложением и прорывом в философии и стратегии замысла и практической политики в данном направлении. Включение в систему помимо студентов и школьников объясняет планируемое кратное увеличение доходов. Объемы средств, полученных от экспорта российского образования, должны вырасти более чем в 5 раз – до более чем 373 млрд. рублей в 2025 году.

Все эти цифры и планы представлены в паспорте проекта[1]. Паспорт проекта помимо указаний на главных исполнителей его, а такими по определению являются вузы, и ожидаемых количественных результатов в виде числа принимаемых на обучение или обучаемых техническими отдаленными средствами студентов и школьников, и доходов в денежном выражении, дает детальные представления об основных его положениях, содержании, результатах, модели функционирования результатов проекта, этапах и контрольных точках, бюджете, ключевых рисках и возможностях, связях с государственными программами Российской Федерации и взаимосвязях с другими проектами и программами, формальными основаниями для его

[1] Электронный ресурс. – URL: http://static.government.ru/media/files/DkOXerfvAnLv0vFKJ59ZeqTC7ycla5HV.pdf (дата обращения: 18.09.2017).

инициации; о заказчике данной темы, его руководителях, исполнителях и соисполнителях. К сведению - функциональным заказчиком выступает Министерство экономического развития РФ. Исполнителями и соисполнителями стали девять федеральных министерств (Министерство образования и науки, Министерство экономического развития, Министерство здравоохранения, Министерство внутренних дел, Министерство культуры, Министерство иностранных дел, Министерство финансов, Министерство сельского хозяйства, Министерство труда), Россотрудничество, АО «Российский экспертный центр» и Инновационный центр «Сколково».

Понадобились, как видим, для осуществления планов международной кооперации и экспорта образовательного потенциала страны объединенные силы не только девяти министерств, но и трех специализированных организаций. Какие планы и мероприятия для решения поставленных задач в области эксперта образовательного потенциала, а для некоторых из министерств и организаций это не профильные направления работы, и как они будут их выполнять, – еще предстоит узнать. Очевидно, и уже отчетливо ясно одно, проект связывает всех его участников механикой рыночных, коммерческих отношений по рукам и по ногам, приучает и заставляет их ставить не только коллективные цели выше частных интересов, но и частные интересы обеспечивать. Это суждение подкрепляется доводами и аргументами, если познакомиться с правовым статусом и функциями, например, одного из упоминаемых исполнителей проекта – АО «Российский экспортный центр» (далее также – РЭЦ). Акционерное общество создано в качестве специализированной организации, представляющей «единое окно» для работы с экспортерами в области финансовых и нефинансовых мер поддержки, в том числе через взаимодействие с профильными министерствами и ведомствами, осуществляющими функции по развитию внешнеэкономической деятельности Российской Федерации[1]. Аналитика, исследования, мероприятия, услуги, которые оказывает эта организация пока не может предъявить свидетельств ее приоритетного внимания и заботы в части поддержки экспертного потенциала российского образования, перспектив договорных отношений с Минобрнауки РФ.

Реализуемые мероприятия приоритетного проекта, как сообщает официально Минобрнауки РФ, проводятся в соответствии со сводным планом проекта, утверждаемым проектным комитетом по основному направлению стратегического развития Российской Федерации «Международная кооперация и экспорт». Особо значимые мероприятия проекта, а также разрабатываемые документы и материалы в рамках проекта будут регулярно анонсироваться и публиковаться. Не собираемся составлять каталог таких

[1] Электронный ресурс. – URL: https://www.exportcenter.ru/company/ (дата обращения: 01.10.2017).

мероприятий, список должен быть слишком длинным. Заглянув в этот самый сводный план проекта, видим, что в перечне ключевых конгресс-выставочных мероприятий и деловых-миссий в 2017–2018 гг. есть мероприятия, выделенные по отраслевому и технологическому принципу: автомобильная промышленность, сельское хозяйство, информационные технологии и телекоммуникации, и т.д. Бесспорно, что здесь вычленены приоритеты. Но, из 449 намеченных на два года мероприятий в сотне стран мира нет мероприятий, которые бы относились к министерству образования и науки, к разделу образования[1]. Нельзя не привести, идя по свежим следам проекта, все же примера иного толка. Министр образования и науки РФ О.Ю. Васильева приняла участие в VI Международной конференции АТЭС по образованию и Университетском форуме «Россия – АСЕАН», состоявшимся на Всероссийском экономическом форуме (ВЭФ) во Владивостоке в сентябре 2017 года. Глава Минобрнауки сообщила там же о ходе работ над приоритетным проектом «Экспорт образования», реализацию которого курирует ведомство. Напомнила, что одна из задач проекта – совершенствование нормативной базы для упрощения процедуры въезда, обучения и пребывания иностранных студентов на территории России, и акцентировала внимание на целесообразности расширения программ по языковому образованию[2].

Проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» представлен проектным офисом Правительства РФ не в разделе направления стратегического развития образования, а в направлениях стратегического развития «международная кооперация и экспорт»[3]. Включение приоритетного проекта по экспорту российского образования в портфель Правительства Российской Федерации и стратегию международной кооперации и эксперт в логике субъективного сознания демонстрирует важность задач по повышению конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг. Но это в логике субъективного сознания, и, если оно устроено адаптивно и удобно для его носителей. Тут чтобы не объявлялось, и чтобы не заявлялось, все может уживаться со всем. Не то можно обнаружить, если внимательно обратимся к фактам и конкретным документам, к прагматичной практике политики в этом деле и по этому направлению.

Справочного характера и другие материалы, размещенные на портале Минобрнауки РФ, дают предварительные и очевидные сведения о том, что собой представляет проект и что будет реализовано этим проектом[4]. По за-

---

[1] Электронный ресурс. – URL: https://www.exportcenter.ru/company/documents/1%20.pdf (дата обращения: 01.10.2017).

[2] Официальный сайт Министерство образования и науки РФ. Электронный ресурс. – URL: http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai (дата обращения: 17.09.2017).

[3] Электронный ресурс. – URL: http://government.ru/department/361/projects/ (дата обращения: 17.09.2017).

[4] Там же.

мыслу его инициаторов, реализация приоритетного проекта должна повысить привлекательность российских образовательных программ для иностранных граждан, улучшить условия их пребывания в период обучения на территории России, а также повысить узнаваемость и статус «бренда» российского образования на международном образовательном рынке и в результате в разы увеличить объемы выручки от экспорта образовательных услуг.

В рамках реализации проекта предстоит развивать новые формы совместных образовательных программ и программ на английском языке, развивать онлайн-образование для иностранцев, образовательные туристические маршруты и летние программы обучения для иностранцев, а также создать единый интернет-навигатор по российской системе образования. Также в рамках реализации приоритетного проекта предстоит усовершенствовать нормативную базу, регулирующую прием и обучение иностранцев, признание документов о зарубежном образовании, процедуры въезда, выезда и пребывания зарубежных преподавателей, а также вопросы налогообложения образовательной деятельности в рамках международного сотрудничества.

Кроме того, предстоит усилить продвижение «бренда» российского образования за рубежом через каналы российских загранпредставительств и ведущих СМИ, а также организовать консолидированное представление российских вузов на международных выставках.

Полагаем, к вопросу о повышении экспортных услуг российского образования, который получил неожиданно столь повышенное всеобщее внимание и интерес, руководство страны подошло эмпирическим путем, и из-за нарастания почти тотальной критики со всех сторон по поводу состояния образования и науки в стране. Вопрос, который можно поставить в этой связи: может ли действительно предлагаемый проект и намечаемые меры повысить экспортный потенциал российского образования, если учесть неисчислимые ошибки и порой одновекторность идей и направлений в политике по разрешению существующих здесь проблем и противоречий? Собственно, такой подход допускает ныне гораздо более конкретный анализ и категоричный ответ. Присмотревшись внимательно к обстоятельствам и условиям появления такого проекта, можно обнаружить, что и у его прямых исполнителей нет пока единого видения, чему отдать предпочтение. Озвучиваются такие предпочтения: проработка условий возвращения на родину российских выпускников, закончивших заграничные вузы; развитие программ, способствующих повышению имиджа российского образования за рубежом; совершенствование системы финансирования для обучения за границей граждан России[1]. Заметны взаимоисключающие направления, хотя в такой сфере, как образование на экспорт, может быть полезно и выгодно.

---

[1] Электронный ресурс. – URL: https://www.pnp.ru/social/v-minobrnauki-razrabotayut-programmu-povysheniya-eksportnogo-potenciala-rossiyskogo-obrazovaniya.html (дата обращения: 01.10.2017).

Современное российское общество не гармонично. То, что декларируется и инициируется одной его группой, может быть для нее утешением, или порочной практикой, для другой – оказываться умелой, быстрой и продуманной реакций на сложившуюся ситуацию. Под этим углом зрения и при таком подходе можно рассматривать оценки и предложения, озвученные Д.А. Медведевым там же, на заседании президиума Совета: «У нас сегодня в повестке – два приоритетных проекта по стратегическому направлению «Международная кооперация и экспорт». Начну с абсолютно нового для нас проекта, который посвящен экспорту услуг российского образования. Для нас нового, конечно. Еще 30 лет назад, кстати, Советский Союз был лидером в сфере международного образования. Правда, это было связано с идеологией, к нам часто приезжали учиться представители государств, которые были крепко-накрепко связаны с Советским Союзом. Тем не менее, факт остается фактом: мы были на серьезных позициях. Сейчас у нас где-то четвертое-пятое место в мире по экспортным услугам»[1].

Давно сложившаяся здесь неблагополучная ситуация, как оказывается, не только объективное продолжение общего кризисного процесса внутри странны и за ее пределами, но и рукотворная ситуация, связанная с перманентной модернизацией этой сферы, погрузившей за последние десятилетия российское образование в состояние замороженной стагнации. Есть ли обнадеживающие реакции в обществе на такое положение? Как в этом контексте ведет себя общественное сознание, какие реакции на зафиксированное состояние все того же образования у активной части общества, у молодежи, у студентов? Как они реагируют и воспринимают сложившуюся атмосферу, повседневно соприкасаясь с ситуацией перманентной модернизации и реформирования отечественного образования?

В эпоху отлива больших социальных и политических страстей наблюдается глухое сопротивление этой самой модернизации не только со стороны традиционалистов и консерваторов, но и, казалось бы, со стороны сторонников и держателей пакета новых идей и обновления системы образования. Стремясь узнать больше относительно молодежных и студенческих реакций и представлений по поводу роли и значения образования, группа аспирантов РАНХиГС при Президенте РФ (Ахмадиен Комбиз Сахоби, Репьева Яна, Кузнецова Екатерина, и др.) провели полевые опросные исследования. Полученные в ходе исследования результаты показали перерастание в сознании молодежи (возраст 18-30 лет) роли и значения образования в жизни общества из рамок обычных локальных, даже персонифицированных проблем и противоречий в противоречия и проблемы национального масштаба. В расстановке критериев значимости той или иной сферы в жизни общества по ранжиру от

[1] Электронный ресурс. – URL: http://government.ru/projects/selection/653/27862/ (дата обращения: 17.09.2017).

1 до 10, где 1 – высший уровень ролевого значения, образование и медицина оказались на первом месте, на втором – экономика, на третьем – социальная сфера, на четвертом – политика; на пятом – экология, на шестом – ЖКХ. Для молодежной социальной группы российского общества образование является не только сферой обеспечения прав человека и гражданина, не только, и даже не столько социально оформленный процесс поддержки развития на цикле человеческой жизни от рождения до смерти. Формальные институты и процессы образования для них – только малая часть этого большого и затрагивающего их сознание и поведенческие реакции явления.

Образование превратилось и для них процессом проблемного характера и противоречивых свойств, широко разлившихся и порой больно бьющих его потребителей и участников. С образованием они строили и строят свои планы, расчеты, надежды, однако на практике сталкиваются сплошь и рядом, повседневно с проникнутым в эту систему духом непрекращающегося реформизма, бюрократического догматизма, модернизации и приспособления к существующему режиму. Режиму, непрерывно изматывающего, понижающего творческий порыв реформирования. И безответности этих реформ и модернизации в образовании к их устремлениям и ожиданиям. Они теперь не измеряют преходящие социально-политические комбинации и модернистские инновации образования с историческими, экономическими и социальными перспективами государства и общества. Всю их программу образования можно расчленить на ряд эпизодов от бакалавриата и магистратуры до поствузовского и аспирантского обучения, образования и воспитания, под оболочкой которых скрывается ряд личных и поколенческих непростых судеб и биографий, побед и поражений. Каждая из их побед и поражений может довести до отчаяния, до морального и психологического расстройства. Но перед нами почти психологическое чудо, и холодный расчет политического обостренного восприятия реальности. Все они, разделяя свое понимание, ощущение и восприятие роли и значения образования в равных пропорциях 50:50, между развитием и неизменностью в идеале, неопределившимся и уменьшающимся значением в том, каким оно есть сегодня, стопроцентно хотели бы и хотят роста значения образования в их жизни и жизни страны (см. таблицу).

Значение образования в жизни общества

Факторы изменения	Идеал	Как есть	Как хотелось бы
Растет	50%		100%
Остается неизменным	50%		
Уменьшается		50%	
Не определились		50%	

Собственно, срез представлений о настроениях в сознании молодежи, студентов, молодых ученных является основой понимания атмосферы, в ко-

торой предстоит выполнять данный проект. Существует мнение, будто бы реформы и перемены, связанные с повышением образовательного потенциала, будут основной массой преподавателей и ученных игнорироваться. Либо проект встретить пассивное его неприятие и отрицание. Доля истины в этом есть. Но нам кажется, что глухое сопротивление идеям перестройки и реформирования, связанным с развитием и продвижение образовательного потенциала, это лишь часть реального процесса и отношения к нему. Другая часть – последовательного включения в решение новых задач, проработки планов и мер по повышению образовательного потенциала, искренней поддержки и готовности его поддержать – столь же реальна. И, если обратиться теперь к конкретным направлениям, событиям, материалам и фатам проекта развития экспертного потенциала образования, то все они концентрируются внутри вузов страны. И вузами страны, прежде всего вузами, будут решаться. Опыт такой работы должен скрупулезно обобщаться. Пока же, из кабинетов Министерства науки и образования, сообщалось, что предстоит разработать и внедрить целевую модель деятельности вуза по экспорту образования, в том числе создать международные службы для поддержки иностранных студентов. Эта модель по заявлению замминистра образования и науки РФ П.С. Зенкевич уже внедряется в 39 вузах. И на портале Минобрнауки РФ опубликован список из этих самых 39 вузов-участников консорциума приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». С 2021 года все вузы страны будут исполнителями этого проекта. Что уже ясно, и что еще предстоит прояснить, если познакомится со списочным составом вузов-участников консорциума приоритетного проекта?

Первое, разнопрофильность вузов-участников проекта, считаем, даже выигрышная позиция для прорыва на международный рынок с предложениями по подготовке иностранных студентов. Нельзя точно сказать, какие профили и направления станут более и какие менее востребованы в ближайшем приближении. Есть более или менее выявленные тенденции этого процесса в мире. И когда российские вузы предлагают свои услуги по подготовке высококвалифицированных специалистов, условно, по 50-ти направлениям и специальностям, то это сильный ход. Предложения в этой части не стоит ограничивать и сдерживать. Ближайшее будущее покажет, на какие специальности будет больший спрос, от каких придется отказаться. Но проблемой станет ситуация, которая покажет, что ряд вузов не справятся с поставленными задачами. Наивно думать, что стопроцентно вузы окажутся на высоте. Лучше меньше, да солидней и надежней, – такой принцип не стоит отменять. Принимать решение по «выпадающим» вузам придется отдельно. Поэтому и планы по включению всех вузов в режим работы по повышению образовательного потенциала, придется пересмотреть.

Второе, перед запроектируемыми направлениями работы, мероприятиями и действиями каждый вуз окажется по-своему. У каждого и своя судьба и свое настоящее, свое будущее. Сам проект, его идеология и содержание, как можно предположить, формировался с учетом международного опыта и практики, наработанной и внедренной российскими вузами. Это означает, что ряд вузов уже имеют опыт работы по развитию и поддержанию экспертного потенциала образования. Другие – его почти не имеют. Больший и меньший опыт, степень и уровень его закрепленности и проникновение в сознание руководства и профессорско-преподавательского корпуса вузов тоже сильно дифференцированы. Свой опыт международной деятельности и, следовательно, развития экспортного образовательного потенциала имеют МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, РУДН, Томский политехнический университет, Высшая школа экономики, и др. Сегодня каждый из иных выбрал свою модель повышения эффективности при подготовке кандидатов и докторов наук в рамках предоставленного 4 научным и 19 вузам права самостоятельно присуждать ученые степени[1], или отказаться от такого права. Те, кто согласился пользоваться правом самостоятельно присуждать ученые степени, постепенно стали приходить к мысли, что это очень большая ответственность, и риск навсегда потерять репутацию, признание и уважение со стороны научного и преподавательского сообщества. К тому же, еще предстоит проанализировать позицию и аргументы тех вузов, которые не воспользовались правом самостоятельно присуждать ученые степени. Ссылка на то, что их выбор из-за угрозы девальвации научных степени, объясняет психологическую и поведенческую модель поведения ответственных лиц, но не содержательно-проблемную характеристику состояния дел с аспирантурой. Будущее покажет, кому удалось выдержать прессинг ответственного отношения к использованию такого права.

Когда российскому образованию и его экспортному прорыву противостоит серьезный конкурент и соперник (финское и британское высокое качество среднего образования, беспроигрышная подготовка к высоким достижениям швейцарского среднего образования; высокий рейтинг бакалавриата пяти стран: Великобритании, Германии, США, Австралии, Швеции, которым не нужна дополнительная реклама; предоставление бесплатного образовании в Германии, гибкий подход к системе и множество программ обучения в США; лучшее обеспечение условий обучения и трудоустройства магистров в Германии, хороша база для получения образования в самых разных областях в США; традиционное превосходство и занятость мирового студенческого рынка по программам MBA и программ подготов-

[1] Электронный ресурс. – URL: http://static.government.ru/media/files/JnFTLJA581O4J7RuZuruWKeKZAyWC1V7.pdf (дата обращения: 01.10.2017).

ки аспирантов в США, фундаментальный подход и налаженные контакты с видными учеными в Германии), – не просто найти свою нишу и предложить конкурентные проекты и предложения. Осложняет поиск адекватных решений на этом пути множество факторов: и психологическая и организационная атмосфера, в которой оказались вузы и их коллективы; и приемы, и способы организации, и формы и технологии побуждения к вовлечению в это дело всех групп и поколений ученых, преподавателей, администраторов. В средствах массовой информации[1] и соцсетях[2] бурно и активно, в деловом формате[3] сдержанно, наступательно со стороны тех, кто за и тех, кто против[4], обсуждается реформа образования в Томском политехническом университете. Реформы там – радикальные. Полностью меняется структура вуза: вместо институтов – школы, вместо кафедр – отделения, бакалавриат разделится на два уровня, магистратура на два типа.

Подобными инновациями и преобразованиями, декларируемыми как обновление и прорыв в системе образования, выведение его из состояния стагнации и обретение динамики безапелляционно разрешается академический спор относительно того, в нужном ли русле идут преобразования в образовании. Не только в Томском политехническом университете преподаватели пока с трудом представляют себе жизнь после всех изменений и не стесняются в выражениях. Разрушение корпоративной культуры, исчезновение единой общности внутри вузовских коллективов и появление администрации, управленческих и контрольных департаментом и всех остальных в качестве главных субъектов образовательного и обучающего процессов – так оценивают реформы его противники и слабые, нерешительные, половинчатые сторонники. Эта категория субъектов образования стали статистами и педантами теории притупления противоречий и недостатков в образовании. Они и ранее призывали к умеренности во имя постепенного перехода образования к другой логике и режиму работы. Их оппоненты, активные реформаторы снова требуют от ученых и преподавателей самопожертвования и даже самоотречения – на этот раз в целях преодоления ужасных последствий длительного и затянувшегося реформирования образования и печального его положения, в котором оно оказалось. Широкая дифференциация во всем – это данность стартового развития в динамике

---

[1] Электронный ресурс. – URL: http://tv2.today/Istorii/Zhdem-peremen-tpu-gotovitsya-likvidirovat-instituty-i-kafedry (дата обращения: 01.10.2017).

[2] Электронный ресурс. – URL: https://vk.com/club152590904 (дата обращения: 01.10.2017).

[3] Электронный ресурс. – URL: https://vk.com/club152590904?z=photo-152590904_456239052%2Fwall-152590904_273 (дата обращения: 01.10.2017).

[4] Заявление Президенту РФ В.В. Путину от профессорско-преподавательского состава Национального исследовательского Томского политехнического университета. Электронный ресурс. – URL: https://vk.com/doc444564421_450844120?hash=affbde5dbccd3ca04d&dl=4354f4bcfb73b7ec52 (дата обращения: 01.10.2017).

российского образования и его направления – проекта по развитию и поддержки экспертного потенциала.

Представленный регуляторами российского образования проект по развитию экспортного потенциала дает лишь шанс к мощному толчку в повышении качества и эффективности этой сферы. В заключении предложим свое видение предпочтительных направлений политики по его реализации:

– удерживать разделяющийся, дифференцирующийся процесс в образовании, балансируя между консерватизмом, прагматизмом и прогрессивизмом;

– обеспечивать всей силой государства равные права и возможности доступа к ключевым ресурсам для разных образовательных учреждений; доступ к бюджетам развития, к грантам или дотациям;

– финансировать направления, обеспечивающие знание русского и иностранных языков, математики, программирования, натурфилософских представлений картины мира и основных навыков, отражающих технологические и социальные изменения в 21 веке; точечные инвестиции в формирование лидерских институтов, способных быть участниками мировых центров, институтов и проектов;

– развивать новое образование, создавая «образовательные инкубаторы», площадки взаимодействия между учеными, педагогами, программистами и предпринимателями; поддерживать финансово и через льготный режим налогообложения образовательные и исследовательские стартапы, целевые венчурные фонды в формате государственно-частного партнерства;

– создавать и продвигать дешевые образовательные технологии в развивающиеся страны; тиражировать образовательные практики развитых и развивающихся стран;

– активно подключиться к глобальной системе сертификации результатов образовательной деятельности и глобальному стимулированию перетопка молодежи и молодых специалистов; развивать программы поддержки самозанятости молодежи, стимулы и инфраструктуру для молодежного предпринимательства.

Проект только вступает в стадию воплощения и реализации. Его инициаторы и организаторы политики осуществления еще не раз объявятся, озвучивая и представляя свидетельства, факты и данные на этот счет. И в очередной раз в упор поставят убийственный для них и для всех нас вопрос: что же дальше? Если не сможем добиться цели, вернемся обратно к исходным позициям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Айдрус И.А., Филиппов В.М.* Мировой рынок образовательных услуг. – М., 2008.

2. *Балыхин М.Г.* Тенденции развития международного рынка образовательных услуг: на примере стран Евросоюза и Российской Федерации. – М., 2009.

3. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030: аналитический доклад, под ред. В.С. Ефимова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012.

4. Доклад Правительства РФ Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. – М., 2017.

5. Заявление Президенту РФ В.В. Путину от профессорско-преподавательского состава Национального исследовательского Томского политехнического университета. Электронный ресурс. – URL: https://vk.com/doc444564421_450844120?hash=affbde5dbccd3ca04d&dl=4354f4bcfb73b7ec52.

6. *Колмагорова Ю.В., Васильева И.С.* Экспертный потенциал российской системы высшего образования. Электронный ресурс. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eksportnyy-potentsial-rossiyskoy-sistemy-vysshego-obrazovaniya.

7. Официальный сайт Министерство образования и науки РФ. Электронный ресурс. – URL: http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai.

8. *Чеботарева М.С.* Россия на мировом рынке образовательных услуг. Электронный ресурс. – URL: https://moluch.ru/archive/40/4854/.

9. Электронный ресурс. – URL: http://smartnews.ru/politics/world/2376.html#ixzz4uQcih5zv.

10. Электронный ресурс. – URL: http://government.ru/projects/selection/653/27862/.

11. Электронный ресурс. – URL: http://government.ru/department/361/projects/.

12. Электронный ресурс. – URL: http://static.government.ru/media/files/DkOXerfvAnLv0vFKJ59ZeqTC7ycla5HV.pdf.

13. Электронный ресурс. – URL: https://www.exportcenter.ru/company/.

14. Электронный ресурс. – URL: https://www.exportcenter.ru/company/documents/1%20.pdf.

15. Электронный ресурс. – URL: https://www.pnp.ru/social/v-minobrnauki-razrabotayut-programmu-povysheniya-eksportnogo-potenciala-rossiyskogo-obrazovaniya.html.

16. Электронный ресурс. – URL: http://static.government.ru/media/files/JnFTLJA581O4J7RuZuruWKeKZAyWC1V7.pdf.

17. Электронный ресурс. – URL: http://tv2.today/Istorii/Zhdem-peremen-tpu-gotovitsya-likvidirovat-instituty-i-kafedry.

18. Электронный ресурс. – URL: https://vk.com/club152590904.

19. Электронный ресурс. – URL: https://vk.com/club152590904?z=photo-152590904_456239052%2Fwall-152590904_273.

D.E. SLIZOVSKY
Doctor of Historical Sciences, full professor,
professor at The Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia
N.P. MEDVEDEV
Doctor of Political Science, full professor,
professor at The Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia
AHMADIEN KOMBIZ SAHOBI
Ph.D. candidate at The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
Y. REPIEVA
Ph.D. candidate at The Russian Presidential Academy
ofNational Economy and Public Administration, Moscow, Russia
E. KUZNETSOVA
Ph.D. candidate at The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

THE RUSSIAN FEDERATION IS LOOKING FOR A WAY TO ENSURE THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM EXPERTISE

The article is the result of analytical and critical representations, judgments and inferences presented by the scientific supervisors and post-graduate students of the course "State policy of the Russian Federation in the field of education" at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. At the center of the analysis is the state policy of the Russian Federation in the field of higher education and science in the context of large-scale work on the long-term priority project "Expert Education". Academic and practical interest in this arcticle is presented by the description and explanation of the contradictions between the prerequisites of initiation and the conditions of implementation of the project entirely new for the Russian higher school that involves raising the international prestige and the role of Russian education experiencing a systemic and the protracted crisis and challenges of internal and external level.

Key words: *education state policy, expert potential of the education in Russian Federation.*

УДК 32.019.51

О.А. НЕСТЕРЧУК
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политического анализа
и управления Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва

«НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» КАК ИНСТРУМЕНТ СТАБИЛИЗАЦИИ/ДЕФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются ключевые причины формирования современной новой политической культуры, на основании которых она является как стабилизатором, так и дестабилизатором общества. Выделены характерные черты новой политической культуры власти и населения. Причинно-следственные связи влияния новой политической культуры на общественное состояние проанализированы с учетом их проявления на ментальном, поведенческом, институциональном уровнях. Рыночные отношения, современные пропагандистские, информационные войны на межгосударственном уровне, поиск национальной идеи, непротестная и протестная модели общественного поведения, активное вовлечение общественных структур и их представителей в руководство, регулирование социальными процессами, политико-культурный формат властных, общественных и информационных структур содержательно представлены в тексте с возможным функциональным потенциалом консолидации и раскола общества одновременно.

Показана специфика новой политической культуры, которая в современных условиях приобретает все большее теоретическое и прагматическое значение, она становится одним из важнейших активных элементов политического процесса, получая различное измерение, динамично преобразуя ход социально-политического развития общества. Делается вывод о том, что причины формирования новой политической культуры как стабилизатора и дестабилизатора в обществе указывают на полное отсутствие четкого определения целей, задач этой культуры на всех ее уровнях, и для разрешения общественных противоречий возникает актуальная потребность в «культуре стабильности» и культурной рациональности.

Ключевые слова: *новая политическая культура, стабилизация, дестабилизация, общество.*

В российском политическом пространстве на протяжении многих лет обсуждается вопрос об определении, содержании и формировании новой политической культуры.

Почему на протяжении многих лет? Принятая в 1993 году Конституции Российской Федерации с утверждением, что Российская Федерация – демократическое, правовое государство, заявила необходимость в формировании и развитии новой постсоветской политической культуры. Однако в течение двадцати лет после принятия Конституции РФ вызовы времени показывают постоянную востребованность в самообновленной политической культуре, а именно уход от традиционного понимания этой категории и принятие тех ценностей, моделей поведения, которые образуют возможности национального идейного продвижения, чистой (совершенной) конкуренции в политике, реализации демократических принципов[1]. С учетом проявления как баланса между традиционными, устойчивыми ее элементами и изменяющимися ценностями, установками в зависимости от политического процесса в конкретный период времени политическая культура не является статичной[2]. «Состояние реального политического процесса способно как закреплять основы сложившейся в конкретном обществе политической культуры, так и вносить определенные изменения»[3]. Таким образом, новая политическая культура динамична, и стационарность значимости ее доказывает зависимость от уровня этой культуры будущего общества и государства.

Как инструмент стабилизации и деформации общества новая политическая культура востребована в зависимости от конструктивности/деструктивности задач политического управления, средств решения, соотношения ожиданий, интересов населения и их удовлетворения общественными, властными структурами, уровнем удовлетворенности/неудовлетворенности массовых политических настроений[4].

В современных рыночных отношениях выделяются существующие и необходимые (дефицитные) характерные черты новой политической культуры:

– плюрализм мнений и достижение консенсуса[5];

– «разные субарены культурной и социальной субполитики – общественное мнение, СМИ, судопроизводство, частная сфера, гражданские

---

[1] Борисенков А.А. Политическая культура: сущность, виды и закон // Politbook. – 2014. – № 2. – С. 33-53.

[2] Карпова Н.В. Политический «генотип» как структурный элемент политической культуры // Вестник Московского университета. – Сер. 18. – Социология и политология. – 2016. – № 2. – С. 134-149.

[3] Там же.

[4] Гришин О.Е. Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 6 (56): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 51-54.

[5] Усикова Л.Ф. Политическая культура // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова // История и политология. – 2010. – № 1. – С. 90-101.

инициативы и новые общественные движения»[1] как формы выражения новой политической культуры;

– праймериз как инструмент достижения прозрачности, легитимности выборных процедур, чистой конкуренции среди политиков;

– «открытость» власти;

– ответственность общества, СМИ, власти;

– возрождение национальной культуры;

– патриотический подъем общества;

– «кадровый отбор руководителей»[2];

– политические заинтересованность, уверенность в оказании влияния на принятые решения власти, готовность к активному политическому протесту, за соблюдение прав человека и свободы[3].

Однако вышеперечисленные характерные черты, с одной стороны, стабилизируют общество как политического актора, так как проявляется консолидация в политических убеждениях, интересах, потребностях, настроениях. С другой стороны, происходит дестабилизация общества на основании столкновения интересов с действующей властью, неудовлетворенности деятельностью политической элиты, состоянием реализации некоторых направлений государственной внешней и внутренней политики, полярности позиций различных социальных групп в отношении решения общественных проблем, внутриполитической борьбы в эшелонах власти. Отсюда явное проявление смешанного характера этих черт, а именно в зависимости от политических условий, ситуаций они могут, как стабилизировать, так и дестабилизировать общество.

Для понимания новой политической культуры как стабилизатора и дестабилизатора в обществе необходимо определить основные причины формирования на основе анализа традиционных взаимосвязанных и взаимообусловленных ее основных уровней: ментального (политического сознания граждан), поведенческого (моделей политического поведения населения, власти), институционального (функционирования политических институтов).

В современных условиях ментальный уровень новой политической культуры обусловлен экономическими процессами в государстве. С точки зрения Л.Ф. Усиковой, причиной формирования новой политической культуры являются рыночные отношения[4]. Исследователь отмечает, что рефор-

---

[1] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Электронный ресурс. – URL: weblocal.rudn.ru (дата обращения: 23.09.2017).

[2] Новая политическая культура // Национальный институт развития современной идеологии. Электронный ресурс. – URL: http://www.nirsi.ru/94 (дата обращения: 20.09.2017).

[3] Артемов Г.П. Контуры новой политической культуры России // ПОЛИТЭКС. Электронный ресурс. – URL: http://www.politex.info/content/view/431/30/ (дата обращения: 20.09.2017).

[4] Усикова Л.Ф. Политическая культура // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова // История и политология. – 2010. – № 1. – С. 90-101.

мирование может привести к столкновению интересов и социальным конфликтам, поэтому возникает необходимость большего вовлечения участия населения в управлении социально-экономическими процессами[1]. Следовательно, в период реформ новая политическая культура при достигнутом консенсусе, компромиссных отношениях между группами интересов, плюрализме мнений будет восприниматься как стабилизатор общества, а считаться деформатором в результате нездоровой конкуренции, неразрешенных противоречий с появлением политико-культурных ценностей выживания, гибкого адаптирования к обстоятельствам, абсентеизма.

Другой причиной являются современные пропагандистские, информационные войны на межгосударственном уровне, в контексте которых создается образ внешнего врага. Так на Московском экономическом форуме-2016 в своем выступлении итальянский журналист и писатель Джульетто Кьеза отметил, что с помощью СМИ искажаются реальности посредством создания образов агрессоров в лице европейских стран и США. Научный директор Германо-Российского форума Александр Рар выделил плоскости противостояния между Россией и Евросоюзом в виде: пропагандистской идеологии, в рамках которой происходит отказ сторон принятия противоположной точки зрения; демонизации политиков в России и Европе; в различии западных и российских ценностей. Также было замечено, что в государствах наблюдается поиск внешних врагов и своя интерпретация событий, отличающаяся от противостоящей стороны[2]. В итоге «логика современной международной политической жизни – в превосходстве и вызываемом им недовольстве»[3].

Заявления на Московском экономическом форуме-2016 подтверждают топ-темы по внешней политике в текущих материалах СМИ: экономические и политические противостояния России и США, России и ЕС, России и Украины; война санкций; военные действия в Сирии; борьба с международным терроризмом.

По содержанию информацию можно представить в таких ракурсах, как санкционный конфликт, вооруженный конфликт, этнополитический конфликт, столкновение цивилизаций. В информационном семантическом поле реализуется триада враждебности, базирующаяся на создании у населения страха воздействия внешних угроз: гнев – отторжение – презрение. Латентно ставится вопрос: «Кто виноват»? И чаще предлагаются и показываются

---

[1] Там же.

[2] МЭФ-2016: Пленарная дискуссия III. «Война и мир: политика и экономика». – 23 марта 2016 // Московский экономический форум. Электронный ресурс. – URL: http://me-forum.ru/media/events/mef-2016-plenarnaya-diskussiya-iii/ (дата обращения: 17.09.2017).

[3] Коэн Элиот. История и гипердержава // Россия в глобальной политике. – 18 ноября 2004. Электронный ресурс. – URL: http://globalaffairs.ru/number/n_3949 (дата обращения: 17.09.2017).

готовые политические решения на практике как необходимый ответ на действия внешнего врага.

Общество в свою очередь с формированными политическими убеждениями на основании образов внешнего врага, с одной стороны, консолидируется против него, с другой – происходит раскол в общественном сознании в восприятии и оценке «свой» – «чужой», где «своими» становятся согласные с общей точкой зрения в отношении «кто есть враг», «чужой» – это не согласный и не поддерживающий, опровергающий массовую позицию и стереотипы.

К стабилизирующим и дестабилизирующим причинам также следует отнести достаточно долговременный и дискуссионный поиск национальной идеи.

С соотнесением формирования национальной идеи к политике духовного развития народа согласно позиции некоторых исследователей интересным является их определение «политики в сфере идейно-духовного (мировоззренческого) развития духовного развития народа как экстравертного и интравертного проявления»[1]. Одним из измерителей этих проявлений рассматривается масштаб геополитической адресации государственной идеологии.

На основании такого подхода авторского коллектива ученых в целом сегодня варианты национальной идеи России интравертны, так как адресованы только к российским гражданам. Например, современному обществу предлагается продвижение национальной идеи как патриотизма, православия, также в виде лозунгов, идеологией со следующим содержанием: «Россия как страна цивилизаций», «Антивласовство», «Моя страна должна быть, и должна быть всегда!», «Россия – вперед!», «Своих не бросаем» (в отношении присоединения Крыма), «Россия – сильное государство» и другие.

Множество предложений формулирования национальной идеи, их ограничительный смысловой характер целенаправленно или стихийно провоцируют инциденты в обществе, увеличивают проблемы в формировании гражданской идентичности, что способствует некоторому углублению идеологического противоречия.

В статье 13 Конституции РФ указано: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»[2]. С одной стороны, разрешение на идеологическое многообразие создает условия плюрализма мнений, свободы мысли, многообразие мировоззренческих позиций. С другой – отсутствие единой формулировки национальной идеи, закрепленной

---

[1] Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Строганова С.М. Качество и успешность государственных политик и управления: монография. – М.: Научный эксперт, 2012. – С. 488.

[2] Конституция Российской Федерации. Электронный ресурс. – URL: http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm (дата обращения: 17.09.2017).

в виде официального девиза, провоцирует дезинтеграцию общества с учетом разрешительных свобод на лоббирование различными общественными организациями, движениями выгодное для реализации своих интересов идеологическое направление, представляемое как национальную.

По мнению С.С. Рожневой, национальная идея в партийных программах предстает как «нейтральная или позитивно-окрашенная мифологема» со слабо выраженной интегрирующей функцией для государства, не является ценностью общественного сознания россиян, но становится инструментом воздействия политической элиты на общественное мнение[1].

На поведенческом уровне стабилизация и дестабилизация общества во многом зависит от непротестной и протестной моделей общественного поведения, в основном базирующихся на политических взглядах, убеждениях, установках, стереотипах.

В современный период соотношение политических взглядов и протестного потенциала характеризуются таким образом: чем старше молодой человек, тем реже ему нравятся решения и действия российских властей, при этом работу В.В. Путина большинство опрошенных оценивают как хорошую. 48% молодых респондентов полагают, что страна развивается в правильном направлении, в неправильном – 21%; 31% опрошенных на вопрос затруднились ответить. Только у 14% молодежи имеется желание принять участие в политической акции, при этом лишь 4% уже принимали в них участие. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о низком протестном потенциале молодежи[2].

Непротестная, политически пассивная модель поведения населения подтверждается отсутствием интереса к политике у 60% респондентов, в основном удовлетворительное отношение к решению и действиям российских властей: выражает 41% и отрицательное отношение к политической власти у 38% опрошенных[3].

Процентное соотношение «нравится – не нравится» деятельность российских властей имеет небольшой разрыв, что указывает на достаточное пограничное состояние общественного мнения и уровня протестного потенциала населения.

Институциональный уровень формирования новой политической культура обусловлен активным вовлечением общественных структур и их пред-

---

[1] Рожнева С.С. Национальная идея в публичном пространстве современной России: монография. – М-во образования и науки РФ ФГБОУ ВО Петрозавод. гос. ун-т, 2017. – С. 110. Электронный ресурс. – URL: https://edu.petrsu.ru/files/upload/7039_1488782771.pdf (дата обращения: 23.09.2017).

[2] Политические взгляды и протестный потенциал молодежи. Как россияне оценивают действия властей? – 25 Октября 2016 // ФОМ. Политика. Электронный ресурс. – URL: http://fom.ru/Politika/13045 (дата обращения: 21.09.2017).

[3] Там же.

ставителей в руководство, регулирование социальными процессами для легитимности политического управления, повышения уровня доверия к политическим институтам, президенту, развития гражданского общества.

Так в 2003 году «Единая Россия» одной из первых организаций, которая заявляет о значимости консолидирования, триединости общества, партии, президента, тем самым при активном проведении мероприятий в этом направлении начинается преобразование политической культуры в новую общественно-политическую[1]. Триада «общество-партия-президент» позволяла политической партии выполнять функцию посредника между обществом и президентом, а именно транслятора общественных потребностей, ожиданий главе страны. Таким образом, созданные возможности для различных слоев населения (общественного представительства) высказать свои наказы, пожелания и идеи в адрес президента имели новый формат политической культуры и являлись инструментом консолидации общества, его стабилизации на тот момент.

Содержательность вышеуказанных характерных черт новой политической культуры показывает, что ее формирование касается не только населения, но и властных структур. Отсюда основным стабилизирующими компонентом общества является переход к политическому самосознанию, мышлению, поведению нового политико-культурного формата властных, общественных и информационных структур в конструктивном русле.

Интересным является подход И.И. Глебовой к рассмотрению состоявшихся образов современной российской власти как одной из причин социального раскола. Во-первых, исследователь выделяет оформление новых типов социальности в виде сосуществования враждебных культурных укладов: «новая культура социальных верхов (условно – «нефтегазовая») и новая массовая культура (условно – культура «резервации»)»[2]. При этом раскол между ними – это не традиционное противостояние между верхами и низами. Представителей первой культуры отличает замкнутость на себе, полное безразличие к интересам, проблемам выживания относящихся ко второй культуре.

Во-вторых, изоляционизм, отчуждение, аполитичность, социальная инертность, упование на власть населения, вера в «особый русский путь» поощряется, культивируется политической элитой, является результатом нагнетания сложностей в социуме, социокультурным расколом.

---

[1] Пирогов П. Новая общественно-политическая культура от «Единой России». – 17.06.2003 // Независимая газета. Электронный ресурс. – URL: http://www.ng.ru/ideas/2003-06-17/11_er.html?id_user=Y (дата обращения: 21.09.2017).

[2] Глебова И.И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы // ПОЛИС (Политические Исследования). – 2006. – № 1. Электронный ресурс. – URL: http://polithelppolis.narod.ru/2006/1034216.htm (дата обращения: 23.09.2017).

В-третьих, отсутствие преемственности, истории, выстраивание традиции, конструирование образа прошлого, использование информационно-символического пространства свидетельствуют о неустойчивости национальной политической культуры, дефиците диалогичности в ней.

В-четвертых, субкультурное противостояние актуализирует наличие властных структур для сдерживания, интеграции, символического единения общества и создает основания для легитимности действий политической элиты[1].

В качестве проблемных особенностей современной политической культуры также выделяют у относящих себя к демократам и автократам непоследовательность, размытость политических взглядов, снижение активизма, ответственности молодых групп по сравнению со старшими в этих политических типах, отсутствие партийных идеологов, стимулирование политической системой общества[2].

Следовательно, новая политическая культура политической элиты дестабилизирует современное общество отчасти из-за полного отсутствия желания, проявления интереса к проблемам населения, и в этом случае общество самоорганизуется по принципу «помоги себе сам», общественным регулятором выступают различные заинтересованные в популизме негосударственные организации, движения, отдельные харизматические лидеры мнений посредством использования СМИ, в частности интернет-пространство. Другой причиной дестабилизации общества является политическая несостоятельность, неорганизованность и неспособность элиты в силу своего сложившегося ментального уровня эффективно управлять, содействовать развитию гражданского общества, требования и потребности которого растут. Столкнулись отчуждение от населения, потребительская позиция в отношении него политической элиты с общественными изоляционизмом, потребительскими запросами к власти. «Отсутствие единой ценностной системы, принимаемой как политической элитой, так и массовыми слоями общества приводит к увеличению пропасти между этими группами»[3].

В целом все вышеуказанные причины формирования новой политической культуры как стабилизатора и дестабилизатора в обществе указывают на полное отсутствие четкого определения целей, задач этой культуры на всех ее уровнях, и для разрешения противоречий возникает актуальная потребность в «культуре стабильности» и культурной рациональности.

---

[1] Там же.

[2] Пирогов П. Новая общественно-политическая культура от «Единой России» // Независимая газета. – 17.06.2003. Электронный ресурс. – URL: http://www.ng.ru/ideas/2003-06-17/11_er.html?id_user=Y (дата обращения: 21.09.2017).

[3] Новая политическая культура // Национальный институт развития современной идеологии. Электронный ресурс. – URL: http://www.nirsi.ru/94 (дата обращения: 20.09.2017).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Артемов Г.П.* Контуры новой политической культуры России // ПОЛИТЭКС. Электронный ресурс. – URL: http://www.politex.info/content/view/431/30/.

2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. Электронный ресурс. – URL: web-local.rudn.ru.

3. *Борисенков А.А.* Политическая культура: сущность, виды и закон // Politbook. – 2014. – № 2.

4. *Власов В.И.* О политической культуре в российском измерении // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. – № 2.

5. *Глебова И.И.* Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы // ПОЛИС (Политические Исследования). – 2006. – № 1. Электронный ресурс. – URL: http://polithelppolis.narod.ru/2006/1034216.htm.

6. *Глебов В.А., Амиантова И.С.* Европейский мультикультурализм: миф или реальность? // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2016. – № 4.

7. *Гришин О.Е.* Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 6 (56): в 2-х ч. – Ч. I.

8. *Карпова Н.В.* Политический «генотип» как структурный элемент политической культуры // Вестник Московского университета. – Сер. 18. – Социология и политология. – 2016. – № 2.

9. *Карсанова Е.С.* Мультикультурализм и секуляризм как основные принципы современных либеральных обществ // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – № 2.

10. Конституция Российской Федерации. Электронный ресурс. – URL: http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm.

11. *Коэн Элиот.* История и гипердержава // Россия в глобальной политике. – 18 ноября 2004. Электронный ресурс. – URL: http://globalaffairs.ru/number/n_3949.

12. *Медведев Н.П.* Стабильность политической системы: теория и российская практика // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2007. № 17.

13. *Медведев Н.П.* Межпартийные конфликты как источник общественно-политического развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2016. – № 4.

14. МЭФ-2016: Пленарная дискуссия III. «Война и мир: политика и экономика». – 23 марта 2016 // Московский экономический форум. Электрон-

ный ресурс. – URL: http://me-forum.ru/media/events/mef-2016-plenarnaya-diskussiya-iii/.

15. Новая политическая культура // Национальный институт развития современной идеологии. Электронный ресурс. – URL: http://www.nirsi.ru/94.

16. *Пирогов П.* Новая общественно-политическая культура от «Единой России». – 17.06.2003 // Независимая газета. Электронный ресурс. – URL: http://www.ng.ru/ideas/2003-06-17/11_er.html?id_user=Y.

17. Политические взгляды и протестный потенциал молодежи. Как россияне оценивают действия властей? – 25 Октября 2016 // ФОМ. Политика. Электронный ресурс. – URL: http://fom.ru/Politika/13045.

18. *Рожнева С.С.* Национальная идея в публичном пространстве современной России: монография. – М-во образования и науки РФ ФГБОУ ВО Петрозавод. гос. ун-т, 2017. Электронный ресурс. – URL: https://edu.petrsu.ru/files/upload/7039_1488782771.pdf.

19. *Сулакшин С.С., Хвыля-Олинтер Н.А*. Система ценностей российской молодежи: экспертная оценка. – 15 июня 2016 // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). Электронный ресурс. – URL: http://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoy-molodeji-ekspertnaya-ocenka.

20. *Усикова Л.Ф.* Политическая культура // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. – 2010. – № 1.

21. *Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Строганова С.М.* Качество и успешность государственных политик и управления: монография. – М.: Научный эксперт, 2012.

O.A. NESTERCHUK
Doctor of Political Science, full professor,
professor of the Department of Political Analysis
and Management at the Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

"NEW POLITICAL CULTURE" AS AN INSTRUMENT OF STABILIZATION/DEFORMATION OF SOCIETY

The article considers the key reasons for the formation of a modern new political culture which is both a stabilizer and a destabilizer of society. Characteristic features of a new political culture of power and the population are singled out. The causal relationship between the influence of the new political culture on the social state is analyzed, taking into account the mental, behavioral, and institutional levels of the phenomena. Market relations, modern propaganda information war at the interstate level, the search for a national idea, non-protestive and protest models of social behavior, the active involvement of public structures and their representatives in the management, regulation of social processes, political and cultural format of power, public and information structures are discussed in article as a possible functional potential of consolidation and division of society at the same time.

The specifics of a new political culture, which in modern conditions acquires ever greater theoretical and pragmatic significance, is shown to become one of the most important active elements of the political process, receiving a different dimension, dynamically transforming the course of the socio-political development of society. It is concluded that the reasons for the formation of a new political culture as a stabilizer and destabilizer in society indicate a complete lack of a clear definition of the goals, objectives of this culture at all its levels, and an actual need for a "culture of stability" and cultural rationality arises to resolve social contradictions.

Key words: *new political culture, stabilization, destabilization, society.*

УДК 32.323

В.А. ГЛЕБОВ
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой политического
анализа и управления Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва
В.Н. ДАВЫДОВ
кандидат политических наук, доцент,
заместитель директора Института
современной политики Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА[1]

Авторы исследуют проблемы, закономерности и механизмы трансформации негосударственных институтов страны под воздействием законодательной активности власти. А также факторы, позволившие неформальным самоорганизациям граждан превратиться в один из субъектов современного политического процесса.

Ключевые слова: *демократия, законодательный процесс, гражданская инициатива, гражданское общество, Конституция Российской Федерации, местное самоуправление, публичное политическое пространство, права человека, эффективное государство.*

Современное российское законодательство формируется в процессе перехода страны от авторитарного к либерально-буржуазному строю. Уникальность технологии формирования законодательной базы и ее развитие обусловлено исторической спецификой транзита – реформистского по сути и революционного, по существу. Системная модернизация базиса и надстройки социума осуществляется в условиях, когда в стране прервана преемственность во власти, политической культуре и в праве. Российский цикл реформ обременен тем обстоятельством, что в СССР отсутствовали отношения собственности, не было класса, носителя этих отношений и соответствующей идеологии.

В условиях формирования нового российского права – и законодательства как важнейшей его формы – могло осуществляться только через власт-

[1] Публикация подготовлена в рамках НИР № 101206-0-000 «Религия и образование: современный социально-политический контекст».

ные структуры, во многом позаимствовавшие опыт развитых стран демократии. При этом новое российское законодательство опережало реальные общественные отношения. В том смысле, что несло в себе их новую идеальную модель, внедряющуюся в бесконкурентную среду, при политически пассивном гражданском обществе. Секретарь Общественной палаты России А. Бречалов недавно говорил по этому поводу: «Посмотрите, что происходит в регионах. Там нет никакой конкуренции. Есть назначенные общественники, которые ничего не делают, просто копируют губернаторскую повестку дня. А ведь конкуренция необходима»[1].

Скопированные Россией модели обустройства социума имели различную правовую природу и культуру. Поэтому формирование современного российского общества начиналось именно с создания соответствующей законодательной базы. Новые нормативные акты РФ выступали инструментом реальной политики. При этом размывалась грань между правовой политикой и экономической, социальной сферой жизнедеятельности страны. Диалектика политико-правовых метаморфоз несла в себе установки на то, что гражданское общество и правовое государство – это парные категории, взаимодополняемые аспекты одного и того же явления. Между тем, в научной литературе по сей день отсутствуют единые подходы к определению гражданского общества. В одних случаях его отождествляют с буржуазным обществом как таковым, в других – с частным интересом членов социума – «истинным очагом и ареной всей истории»[2].

Если, к примеру, по Г. Гегелю, государство призвано умерять эгоизм индивидуальных собственников – членов этого общества, то современные сторонники «безбрежной демократии» уповают на гражданское общество, которое напротив – держит государство в правовых рамках. В новейшей литературе высказываются и сомнения относительно состоятельности «цивильного социума» в условиях утвердившегося информационного общества[3]. Или его аналога – «сетевого общества», способного приближать ожидаемые большинством перемены вопреки элитам и далеко за пределами политики[4].

Умеренные политические круги, «центристы от науки» полагают, что России, утратившей лимит на социальные революции, показан такой общественный уклад жизни, который сочетает плюрализм в области идеологии и форм собственности с эффективными механизмами разрешения социальных конфликтов и удержания государства в правовом поле.

---

[1] Рязанов С. Жажда конкуренции // Аргументы недели. – 2015. – № 5. – С. 7.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 3. – С. 35.

[3] Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учебн. пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2000.

[4] Кастельс М. Наша жизнь – гибрид виртуального и физического пространства. РИА Новости. Электронный ресурс. – URL: http://ria.ru/interview/20120622/679289114.html (дата обращения: 12.09.2017).

Такое общество, по их версии, предполагает известный уровень развития производительных сил и демократии в истинном ее значении. В отличие от стран Западной Европы, где гражданское общество формировалось «снизу», в процессе развития капитализма, в России эти метаморфозы происходят по инициативе верхов. И посредством законодательства реализуются государственной политикой по таким направления, как: 1) защита прав человека; 2) стабильная политическая система общества; 3) динамичная социально ориентированная экономика; 4) самоуправление. Стержневым направлением является первое в этом перечне политико-правовых тенденций[1].

Неадекватность российского общественного сознания внедряемым властью «параметрам» гражданского общества европейского типа порождает противоречия формы и содержания, когда законодательство, как правило, соответствующее европейским стандартам, дает «на выходе» иной результат, чем в странах Европы. Поэтому, хотя Конституция РФ провозглашает российское государство демократическим, правовым и социальным (п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 7), в действительности речь идет о государстве, которое лишь движется в данном направлении. Точно так же закрепление в Конституции принципов буржуазного права формально позволяет считать это общество гражданским в силу отсутствия достаточно развитой экономической основы, а также адекватной правовой и политической культуры.

В нашем понимании, во всех упомянутых случаях речь идет о характеристиках качественной трансформации политической сферы в неполитическую, застрахованную от неправового вмешательства государства; служащую всемерному развитию личности, общества и институтов управления. При этом оптимальному развитию гражданского общества будет предшествовать эффективный законодательный процесс.

Критерием состоятельности гражданского общества и правового государства в целом является вопрос о соблюдении прав и свобод человека. Незыблемость социальных и политических свобод личности, возможность воздействия на государственную власть. В первую очередь с применением правовых механизмов, не исключающих легитимных протестных акций[2].

Конституция 1993г. была первой в истории России, в которой права и свободы человека отвечают международно-правовым стандартам. Основной Закон, в частности, провозглашает неотчуждаемость прав и свобод человека, принадлежность их каждому россиянину от рождения (пункты 2 и 3 ст. 17). Права и свободы человека и гражданина являются, согласно Конституции

---

[1] Глебов В.А. Современное российское законодательство: состояние и тенденции развития в условиях социальных преобразований: диссерт. канд. юрид. наук. – М.: Изд-во РУДН, 2007. – С. 162-170.

[2] Алейников А.В., Осипов И.Д. Конфликтогенность русского народа в зеркале отечественной философии // Философия и культура. – 2014. – № 12. – С. 1760-1769. DOI:10.7256/1999-2793.2014.12.13272.

РФ, непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18).

Вместе с тем, в положении Конституции России о высшей ценности прав и свобод человека (ст. 2) просматривается реакция на коллективистские принципы советского права, исходившие из примата общественного перед личным. По нашему мнению, такая позиция законодателей противоречит логике и здравому смыслу: ведь интересы общества все-таки выше, значимее прав и свобод индивида. По крайней мере, политический реализм и судебная практика последних лет подталкивают к подобному выводу.

Проблема прав и свобод человека представляется авторам приоритетной, прежде всего, в методологическом смысле. Человек есть элемент микроструктуры общества, в системе отношений которого он выступает как их участник. Поэтому характер прав, свобод и обязанностей человека и гражданина раскрывает, в конечном счете, «конструкцию» общества, степень ее соответствия идеалам демократии и свободы, социально-политическим реалиям, а не той европейской модели, которая и легла в основу российской кальки «гражданского общества».

Почему состоятельность западных моделей участия граждан в управлении социально-политическими процессами в их странах сегодня вызывает сомнение? Достаточно вспомнить события 2014-2017 гг., когда власти в Брюсселе, Берлине, Париже, Риме (вопреки протестам не только большинства своих граждан, но и политических элит ЕС), погрузили континент в рукотворный миграционный кризис[1].

Один из авторов этих строк имел возможность публично, на дискуссионной площадке в Праге, указать на несовершенство европейских правовых норм, регулирующих отношения между управленческими структурами и субъектами конфедерации – ЕС[2].

Не в силах оказалось гражданское общество США урегулировать политический кризис, вызванный приходом к власти 45-го президента Д. Трампа. Фактически Америка превратилась сегодня в арену «холодной гражданской войны». Эту оценку косвенно подтверждает объективный анализ известного британского историка Н. Фергюсона. В последней монографии исследователь отмечает: «Наше гражданское общество, некогда живое и активное, теперь в состоянии распада»[3].

---

[1] Давыдов В.Н., Савина П.Г., Антонио Н.Г. Антонио. Африка – ЕС: миграционный диссонанс. – Dusseldorf: Germany: Saarbrucken, Lambertes, 2016. – С. 16-23.

[2] Глебов В.А. Россия – ЕС: безопасность и неделимая ответственность. В кн.: EVROPSKÁ UME A PUSKO. Konference pod záštiton poslance Evropského parlamentu Jiriho Maštálky 24. – Iedna 2017. – Praha, 2017. – С. 42-57.

[3] Фергюсон Н. Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства / Пер. с англ. И. Кригера. – М.: АСТ; CORPUS, 2016. – С. 151.

Сложность аналогичных проблем «негосударственной» России состоит в том, что конституционные положения о принадлежности власти народу во многом декларативны ввиду отсутствия адекватной Основному Закону политической системы. Так, из-за несовершенства социальной структуры новой России, политические партии, возникшие в начале 90-х годов, преимущественно отражали не интересы сограждан, а довольно пеструю палитру политических программ, разноголосицу лидеров, претендующих на власть. Эта ситуация во многом не преодолена и сегодня. При внешне благоприятных условиях для политического участия граждане выжидают. Судя по итогам единого дня голосования в сентябре текущего года, избиратели, с одной стороны, демонстрируют социальное иждивенчество, довольствуясь декларациями политических акторов. С другой стороны, − низкая явка говорит о политическом нигилизме людей[1]. Поскольку власть на местах нередко уходит от прямого диалога с гражданами по ключевым проблемам, навязывая общественности собственную повестку дня. Отчасти это и ответ на вопрос, поставленный А. Бречаловым, нынешним главой Удмуртской Республики (см. таблицу).

Деятельность общественных институтов
Индекс одобрения российскими гражданами (в процентах)[2]

Институты	Ноябрь 2016 г.	Декабрь 2016 г	Январь 2017 г.	Февраль 2017 г.
Российская армия	74	81	79	81
РПЦ	56	57	58	57
СМИ	34	40	41	37
Правоохранительные органы	22	24	30	33
Общественная палата	15	20	22	25
Политические партии	16	18	21	22
Профсоюзы	7	13	12	12
Судебная система	-3	7	10	6
Оппозиция	-2	-2	-3	-4

[1] Мухаметшина Е., Чуракова О., Корня А. Выборы в России прошли при рекордно низкой явке. Электронный ресурс. – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/09/10/733150-vibori-v-rossii-rekordno-nizkoi-yavke (дата обращения: 12.09.2017).

[2] Индексы рассчитываются как разница между положительными и отрицательными оценками. Данные представлены на основании всероссийских опросов «Экспресс». В каждом опросе принимали участие 1600 человек в 146 населенных пунктах в 45 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5%. Источник: ВЦИОМ. Электронный ресурс. – URL: https://wciom.ru/news /ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov (дата обращения: 12.09.2017).

В этой связи трудно не согласиться с мнением авторитетных экспертов – Л.И. Никовской и В.Н. Якимца, которые утверждают, что артикуляция основных кластеров интересов социума в публичном пространстве служит средством и необходимой предпосылкой самоидентификации этого общества, определяющей суть и главные линии государственной публичной политики. «Они должны прозвучать в самом обществе, отчетливо заявить о себе, чтобы и власть, и сама общественность смогли их заметить и оценить. Тогда в повестке дня публичной политики выявятся вопросы, действительно волнующие общественность, прояснятся приоритетность и очередность их решения»[1].

Участие в избирательных кампаниях – одна из действенных форм воздействия на властные структуры. Узаконенная норма коррекции социально-экономической и политической ситуаций в стране. Кроме того, по мнению некоторых исследователей, в России сложились благоприятные условия для новых созидательных инициатив гражданского общества. «В каком-то смысле все более утончается и даже стирается грань между политическим правлением обществом и управлением происходящими в нем социально-экономическими процессами, – пишет эксперт: «С одной стороны, властное поле расширяется, а с другой стороны, подрывается монополия государства на властное регулирование, ибо само поле власти становится слишком обширным для такого регулирования сверху».

Динамика перемен, одобренных сверху, рано или поздно должна охватить самые широкие слои российского общества – такова вкратце идея автора. И далее он уточняет: «Быстро развивающаяся сеть креативной жизнедеятельности требует кардинальных социальных инноваций, соединяющих принципы и практики управления общественными процессами с механизмами самоуправления, самоорганизации и саморегулирования, спонтанно вырастающими из этих процессов.

Иными словами, энергия общественной самодеятельности сегодня востребована динамикой самой системы властвования в изменяющемся социуме. Это – своего рода адекватная политическая реакция на умножающиеся вызовы, неопределенности и риски современной непредсказуемо развивающейся реальности. В той мере, в какой гражданское общество и его структуры откликаются на эту потребность времени, они выходят за рамки своего традиционного положения партнера – оппонента государства и берут на себя заметную часть властных функций в расширяющемся властном поле»[2].

---

[1] Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика в регионах России: особенности развития в контексте оценки состоятельности институтов. В кн.: Идеи и ценности в политике. Политическая наука: Ежегодник 2015. Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – С. 257.

[2] Красин Ю.А. Государство и общество: сдвиги во властном поле // Политические исследования. – 2013. – № 5. – С. 52.

Для реализации народных чаяний важное значение приобретает законодательство, своего рода катализатор общественных и политических процессов. К примеру, изменения Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и правового акта «О политических партиях» наделяют граждан полномочиями по выдвижению высшего должностного лица субъекта РФ. Буква и дух законов направлены в том числе и на повышение роли политических партий в формировании органов государственной власти субъектов Федерации. Согласно поправкам, политическая партия, список кандидатов которой по результатам выборов в регионе получил большее число мандатов, вправе инициировать выдвижение кандидатуры высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

Одним из свидетельств зрелости государственно-общественных отношений в РФ стало учреждение института омбудсмена. В конце 1996 г. Госдума РФ приняла Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». Стартовав с известными трудностями, правозащитный институт со временем превратился в самодостаточную и авторитетную инстанцию. При омбудсмене был создан экспертный совет из ведущих юристов, утвердились стабильные отношения как с государственными, так и с общественными органами. Силой морального и правового авторитета аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации продолжает отстаивать насущные интересы граждан.

Укреплению институтов демократии и гражданского общества, обеспечению гарантий реализации политических прав граждан призвана способствовать и созданная на непартийной основе Общественная палата Российской Федерации. Одной из ее главных задач является защита конституционного строя и демократических принципов развития гражданского общества в стране.

Общественная палата РФ наделена правом классификации нарушений российского законодательства федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления, а также нарушений свободы слова в СМИ. Общественная палата РФ вправе направлять заключения в компетентные государственные органы власти или должностным лицам.

Повинуясь общему ритму и логике развития, Россия и Белоруссия 19 июля 2017 г. в Минске учредили Общественную палату Союзного государства. Новый институт демократии, интеграции и гласности, вероятно, на начальном этапе будет опираться на опыт российский стороны. Что не исключает политико-правовых инициатив белорусских коллег[1].

[1] Электронный ресурс. – URL: http://op-sg.ru (дата обращения: 12.09.2017).

Создание общественных палат в регионах России знаменует завершение процесса формирования несущих конструкций гражданского общества. В этом же контексте следует рассматривать расширение полномочий российского парламента в сфере контроля за деятельностью органов исполнительной власти. Закон закрепляет принцип гласности расследования, обязательного информирования общественности о причинах и условиях возникновения негативных явлений, послуживших основанием для проведения парламентского расследования.

Парламентское расследование не подменяет собой дознание, предварительное следствие и судопроизводство. Эта практика служит гарантией независимости органов следствия и суда. Федеральный закон «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» направлен на построение системы парламентского контроля в стране, формирование правовой базы парламентских расследований, что повышает эффективность контроля за деятельностью институтов власти и местного самоуправления.

В обеих палатах Федерального Собрания РФ неоднократно создавались парламентские комиссии для расследования резонансных событий. Достаточно вспомнить актуальную и ныне деятельность парламентской комиссии под руководством вице-спикера Совета Федерации А. Торшина по расследованию событий 2004 г. в Беслане[1]. Подобный опыт не только доказал важность настоящего правового механизма контроля, но и выявил ряд существенных проблем, касающихся порядка проведения парламентских расследований. Во многом они связаны с отсутствием законодательно установленных правовых гарантий и законодательно закрепленной процедуры, и технологий.

В области реформирования политической системы и порядка формирования законодательных (представительных) органов власти, укрепления институтов демократии и гражданского общества был принят ряд законов, логику функционирования которых следует выделить особо.

Российским законам принадлежит ключевая роль в обеспечении конституционных обязанностей государства в соблюдении прав и свобод человека и гражданина. Не являясь творцом прав человека и не наделяя своих граждан этими правами, государство лишь признает их в качестве неотъемлемых и обеспечивает свободу личности, ее права и интересы и их защиту. Однако государственный механизм, подвергающийся перманентной реорганизации, не справляется в должной мере с решением возложенных на него задач. Одна из причин этого в том, что далеко не каждый закон отвечает задачам полноценной защиты прав человека, прежде всего – социально неблагополучных слоев населения, находящихся у черты бедности[2].

---

[1] Давыдов В.Н. Противодействие идеологии экстремизма и терроризма: учебно-методический комплекс. – М.: Изд-во РУДН, 2017. – С. 13-14, 16-17.

[2] Делягин М. Две России // Завтра. – 2017. – № 23. – С. 3.

Существующие механизмы в сфере регулирования доходов не только не решают задачу борьбы с неравенством и бедностью, а, напротив, воспроизводят их в расширенном масштабе. При том, что определенные сдвиги происходят в сфере законодательного регулирования вопросов охраны труда и здоровья работников, которое призвано обеспечить конституционные права граждан на труд с соблюдением соответствующих правил безопасности в условиях «цифровой экономики». Особого разговора в этой связи заслуживает проблема защиты от киберпреступности, атак экстремизма и терроризма в информационном пространстве России[1].

Вместе с тем этот крупный правовой массив отражает и недостатки, присущие законодательству прошлых лет. Речь идет о внутренней противоречивости и несогласованности правового контента со смежными отраслями законодательства. Сохраняет свою актуальность вопрос о внесении соответствующих изменений в законодательную базу по охране труда, экологии, общественной безопасности и другие отрасли права, затрагивающие интересы подавляющего числа граждан и общества в целом.

Комплексное решение этой проблемы отводилось введенному в действие с 01.01.2003 г. Федеральному закону от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании». Который по замыслу законодателей унифицировал законодательные нормы в сфере охраны труда, а также переводил их с ведомственного на общегосударственный уровень регулирования. Вместо многочисленных межведомственных норм по охране труда, стандартов безопасности и т. д. начали функционировать рамочные федеральные законы и 150-300 технических регламентов. При том, что правовой их статус выше, поскольку они вошли в разряд нормативно-правовых актов федерального уровня. Но эффективность реализовавшихся с той поры политико-правовых идей желает много лучшего. Включая такую деликатную сферу, как обратная связь властной вертикали, ее структур и населения.

Доктор юридических наук В.С. Овчинский, советник Председателя Конституционного Суда РФ, указал на вопиющие противоречия в официальной статистике. Так, за десять последних лет количество заявлений и сообщений о преступлениях возросло в России с 20 до 31 миллиона в год. А количество ежегодно регистрируемых преступлений за те же 10 лет сократилось с 3,5 миллионов до 1,7 миллиона… «Как оценивать эти цифры? – задает прямой вопрос правовед. – Да как их не оценивай, налицо та же пропасть вранья, которая, видимо, наблюдается и в экономике, и в демографических показателях, и где угодно»[2].

---

[1] Давыдов В.Н. Интернет-журналистика. Программа курса // Российский университет дружбы народов; Институт современной политики РУДН. – 2-е изд. перераб. и доп. – М., 2011.

[2] Цифровая мобилизация. Что она может означать для России // Завтра. – 2017. – № 39. – С. 3.

Наиболее сложной с начала демократических реформ в РФ остается проблема определения сферы полномочий субъектов местного самоуправления. Как известно, указанные законы установили исчерпывающий (закрытый) перечень вопросов местного значения для каждого типа муниципальных образований. Однако наблюдается тенденция, когда другими федеральными законами органы местного самоуправления наделяются дополнительными полномочиями, что нивелирует усилия по сбалансированию полномочий органов местного самоуправления и их финансовой и материальной обеспеченности.

Характерным примером значительного расширения перечня полномочий органов местного самоуправления, без внесения соответствующих дополнений в Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ, является Жилищный кодекс РФ. Который, к слову, предусматривает исполнение органами местного самоуправления более 20 новых полномочий, к которым в том числе относятся: управление многоквартирными домами с обязательным проведением конкурсов по выбору управляющих компаний, формирование земельных участков под жилыми зданиями и другие функции, требующие значительных затрат из местных бюджетов.

Одним из наиболее проблемных является вопрос о разграничении прав муниципальной собственности между муниципальными образованиями различных типов. В соответствии с пунктом 2 части 7 статьи 85 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ, Правительство Российской Федерации до 01.01.2005 г. должно было утвердить порядок перераспределения имущества между Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями, а также порядок разграничения имущества, находящегося в муниципальной собственности, между муниципальными районами, поселениями, городскими округами. Ряд положений, касающихся данного вопроса, нашли отражение в пункте 11 статьи 154 Федерального закона от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ. Хотя и с опозданием был установлен порядок разграничения муниципального имущества между муниципальными районами, поселениями и городскими округами[1]. Вместе с тем требование об утверждении Правительством России указанных процедур не было ни отменено, ни изменено. Это может привести к проблемам в правоприменении, так как сохранение в законе указанной обязанности Правительства Российской Федерации может быть истолковано, как право детализировать статью 154 Федерального закона от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ, путем утверждения механизма реализации заложенных в ней норм.

[1] Поправки были установлены 23.12.2005 г. Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий».

Тем более, что в самих этих нормах имеется ряд неоднозначно толкуемых положений.

Успешному решению организации местного самоуправления препятствует отсутствие системности в законодательстве и низкий уровень юридической техники. В этой связи вполне справедливо высказывание заместителя губернатора Ханты-Мансийского автономного округа Н.М. Добрынина о том, что реформа местного самоуправления оказалась настолько непроработанной, что по просьбе самих регионов уже дважды переносились сроки ее введения в действие. В ряде субъектов Федерации прямые выборы глав муниципальных образований заменены на назначение конкурсными комиссиями; де-факто начался процесс интеграции муниципальных образований в вертикаль исполнительной власти страны[1].

По нашему мнению, для надлежащей реализации положений Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ следует принять нормативно-правовые акты, предусмотренные этим законом, например, о муниципальной службе, о государственном и муниципальном имуществе, о внесении изменений в ГПК и АПК в части судебной защиты местного самоуправления; исключить из законодательства положений, не согласующихся с разграничением полномочий между уровнями публичной власти и возлагающих «нефинансируемые мандаты» на органы местного самоуправления.

Анализ доходной базы местного самоуправления, за годы реформ качественных сдвигов в финансовой сфере не произошло. Так, по мнению Р.Ф. Туровского, «федеральное законодательство изначально ограничивало возможности для создания на местах сильной персонифицированной власти (в лице выборных глав местных, районных администраций и т.п.), позволяя те или иные способы создания внутрирегиональной властной вертикали с назначением местных руководителей… В процессе режимных трансформаций местное самоуправление, так и не став широко востребованным демократическим институтом, вновь превратилось (по В. Гельману) в подчиненный нижний этаж системы государственной власти, один из элементов режима электорального авторитаризма и стало играть важную роль в воспроизводстве партийной системы с доминирующей партией»[2].

Ощутив вкус самодеятельного творчества, гражданское общество вправе ожидать от власти модернизации политической системы – формирование эффективного государства, работающего на принципах «good governance», предполагающего справедливый общественный строй, обе-

---

[1] Добрынин Н.М. Российский конституционализм и проблема конституционной реформы // Право и управление. – XXI век. – 2007. – № 1. – С. 12.

[2] Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Политические исследования. – 2015. – № 2. – С. 36.

спечивающий личную свободу, защищенность интересов и право на стремление к счастью[1].

Как показывает анализ, несмотря на известные сложности политического процесса и несовершенство правовой базы, в стране создаются условия и институты, позволившие самоорганизациям граждан трансформироваться из фактора политической эволюции и превратиться в один из ее субъектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алейников А.В., Осипов И.Д.* Конфликтогенность русского народа в зеркале отечественной философии // Философия и культура. – 2014. – № 12. DOI:10.7256/1999-2793.2014.12.13272.

2. *Воронцов С.А., Понеделков А.В.* Оценка населением региональных элит как индикатор состояния национальной безопасности Российской Федерации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – № 4.

3. *Глебов В.А.* Современное российское законодательство: состояние и тенденции развития в условиях социальных преобразований: диссерт. канд. юрид. наук. – М.: Изд-во РУДН, 2007.

4. *Глебов В.А.* Россия – ЕС: безопасность и неделимая ответственность. В кн.: EVROPSKÁ UME A PUSKO. Konference pod záštiton poslance Evropského parlamentu Jiriho Maštálky 24. – Iedna 2017. – Praha, 2017.

5. *Глебов В.А., Амиантова И.С.* Европейский мультикультурализм: миф или реальность? // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2016. – № 4.

6. *Давыдов В.Н., Савина П.Г., Антонио Н.Г. Антонио.* Африка – ЕС: миграционный диссонанс. – Dusseldorf: Germany: Saarbrucken, Lambertes, 2016.

7. *Давыдов В.Н.* Противодействие идеологии экстремизма и терроризма: учебно-методический комплекс. – М.: Изд-во РУДН, 2017.

8. *Давыдов В.Н.* Интернет-журналистика. Программа курса // Российский университет дружбы народов; Институт современной политики РУДН. – 2-е изд. перераб. и доп. – М., 2011.

9. *Делягин М.* Две России // Завтра. – 2017. – № 23.

10. *Добрынин Н.М.* Российский конституционализм и проблема конституционной реформы // Право и управление. – XXI век. – 2007. – № 1.

11. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учебн. пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2000.

[1] Никовская Л.И., Якимец В.Н. Указ. Соч. – С. 267.

12. *Кастельс М.* Наша жизнь – гибрид виртуального и физического пространства. РИА Новости. Электронный ресурс. – URL: http://ria.ru/interview/20120622/679289114.html.

13. *Красин Ю.А.* Государство и общество: сдвиги во властном поле // Политические исследования. – 2013. – № 5.

14. *Макухин А.В., Глебов В.А.* Роль неправительственных организаций в реформе института местного самоуправления современной Республики Польша // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. – 2017. – № 3.

15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – Т. 3.

16. *Медведев Н.П.* Местное самоуправление в России: политико-правовые проблемы взаимодействия властных и общественных институтов // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2016. – № 2.

17. *Медведев Н.П.* Межпартийные конфликты как источник общественно-политического развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2016. – № 4.

18. *Мухаметшина Е., Чуракова О., Корня А.* Выборы в России прошли при рекордно низкой явке. Электронный ресурс. – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/09/10/733150-vibori-v-rossii-rekordno-nizkoi-yavke.

19. *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Публичная политика в регионах России: особенности развития в контексте оценки состоятельности институтов. В кн.: Идеи и ценности в политике. Политическая наука: Ежегодник 2015. Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. – М.: Политическая энциклопедия, 2015.

20. *Рязанов С.* Жажда конкуренции // Аргументы недели. – 2015. – № 5.

21. *Туровский Р.Ф.* Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Политические исследования. – 2015. – № 2.

22. *Фергюсон Н.* Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства / Пер. с англ. И. Кригера. – М.: АСТ; CORPUS, 2016.

23. Цифровая мобилизация. Что она может означать для России // Завтра. – 2017. – № 39.

24. Электронный ресурс. – URL: http://op-sg.ru.

V.A. GLEBOV
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Assistant Manager of the Department of Political Analysis
and Management at the Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia
V.N. DAVYDOV
Candidate of Political Science, Associate Professor,
Deputy Director of the Institute of Contemporary Politics
at the Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

LEGAL FRAMEWORK FOR THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

The authors explore problems, patterns and mechanisms of transformation of non-state institutions under the influence of the legislative activity of the government. As well as the factors that allowed informal community organizations citizens to emerge as one of the subjects of the modern political process.

Key words: *democracy, legislative process, civil initiative, civil society, the Constitution of the Russian Federation, local government, public political space, human rights, and effective government.*

УДК 32.328

В.В. БАКУШЕВ
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой парламентаризма и
межпарламентского сотрудничества
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ РАЗВИВАЕТ МНОГООБРАЗИЕ ДЕМОКРАТИИ

На 137 Ассамблее Межпарламентского Союза (МПС) в Санкт-Петербурге в России в середине октября проанализированы современные стандарты демократии и принята Резолюция «К 20-летию Всеобщей декларации о демократии: общность нашего разнообразия». Современный парламентаризм – двигатель демократии. Женщины – парламентарии требуют равных гендерных прав, чтобы активнее реализовать свой потенциал. В статье анализируется состояние парламентаризма в республиканских формах правлений. Раскрывается опыт российского парламента.

Ключевые слова: *Межпарламентский Союз (МПС), решения 137 Ассамблея МПС в Санкт-Петербурге, демократия и парламентаризм в мире, традиции и современный парламент России.*

Растущее влияние парламентаризма является неоспоримым фактом даже в тех условиях, когда все очевиднее ощущается кризис глобального управления. Скромны и результаты Вашингтонского проекта «Глобализации» (*в 2017 году исполнилось 20-лет*[1]), инициированного США для построения однополярного мира. Хотя в период 1994-1997 годов Межпарламентским Союзом[2] – старейшей международной организацией – было инициировано

[1] В 2017 г. исполнилось 20 лет ныне известному, а ранее ограниченного для анализа доклада, которым был дан старт концепции «глобализации» в интересах «золотого миллиарда».

[2] МПС создана первым в истории лауреатом Нобелевской премии мира Фредериком Пасси (Франция) и Уильямом Рэндом Кримером (Великобритания). В МПС входят национальные парламенты и международные региональные парламентские ассамблеи. Основными целями МПС провозглашены продвижение идей мира и мирного урегулирования споров, развитие сотрудничества между народами, укрепление положения парламентских институтов во всех странах. Наша страна, с учетом функционирования СССР, участвует в работе Межпарламентского союза с 1955 года. Высшим органом Межпарламентского союза является Межпарламентская Ассамблея, которая проводит заседания два раза в год. На 137-й Ас-

принятие другого характера международных документов. Это, как минимум, две главных для всего мира резолюции. Важно вспомнить, что 15 сентября 1997 года (*20 лет назад*) МПС была принята Всеобщая Декларация о демократии и к этой дате теперь приурочен *Международный день демократии*. Чуть ранее в 1994 году принята Декларация о критериях свободных и справедливых выборов. На 98-й Межпарламентской конференции в 1997 г. группой от Российской Федерации представлялся меморандум, как документ, направленный на «*обеспечение развития демократии посредством установления тесных связей между парламентом и народом*». То есть «коллективном праве народа». Этот меморандум был тогда поддержан другими делегациями[1]. В принятых резолюциях был заложен призыв избегать двойных стандартов в оценке деятельности парламентов и правительств, уважать и защищать права человека и базисные свободы. При этом, важно отметить, делегация Франции уже тогда открыто заявляла, что появление региональных организаций нового типа приведут «к созданию дефицита демократии», потому что политические структуры этих, преимущественно экономических организаций, оставляют «слишком мало места для национальных парламентов». Прошедшие годы свидетельствуют, что предостережение имело серьезные основания, в связи с нынешним усиливающимся хаосом в международном порядке из-за импровизаций США.

По словам и С. Чоудхури (*сменившийся председатель МПС*), и К.В. Баррон (*избранная председатель МПС*), – «процесс дипломатии законодателей» является «традиционной задачей» и она «остается по мере движения вперед». МПС привносит в работу ООН парламентскую составляющую, и она направлена на «укрепление парламентов и демократии, обеспечение того, что у людей есть право голоса, право быть услышанными»[2].

Современный тренд эволюционирования политических процессов в мире в последние полтора десятилетия – это усиление *парламентского измерения в международном сотрудничестве*. 137 Санкт-Петербургская

самблее Межпарламентского Союза в Санкт-Петербурге в рамках работы прошло заседание постоянных комитетов по вопросам мира и международной безопасности; по устойчивому развитию, финансам и торговле; по демократии и правам человека; по делам ООН; Ассоциации генеральных секретарей парламентов, а также Форум женщин-парламентариев и Форум молодых парламентариев. Состоялись выбора председателя межпарламентского Союза.

[1] Всеобщая декларация / Принята на 161-й сессии Межпарламентского Союза 16 сентября 1997 на Кипре // Материалы конференций Межпарламентского Союза. – 1996-1999. – М.: Издание Государственной Думы, 2011; Декларация о критериях свободных и справедливых выборов (принята на 154-й сессии Совета Межпарламентского Союза 26 марта 1994 г.) // Международные избирательные стандарты. Сборник документов. – М.: ВЕСЬ МИР, 2004; Документы конференции Межпарламентского Союза // Издание Государственной Думы. – М., 2011. – Раздел 9. – С. 845-855 (рус. перевод).

[2] Документы и материалы 137 Ассамблеи МПС в Санкт-Петербурге (Россия) 14-18 октября 2017 г.

Ассамблея МПС, где в трудных дискуссия все же была принята Резолюция «*К 20-летию Всеобщей декларации о демократии: общность нашего разнообразия*»[1]. Коллективное мнение профессионалов парламентаризма дополнительно обусловило смысл реальной демократии.

При этом парламентаризм не стоит на месте, он дрейфует и на континентальном, и государственном уровнях. В политическое сознание мировых лидеров и других политиков стала приходить больше ясности, что войны, это не лучшее средство для разрешения конфликтов. Приходит понимание, что нельзя репродуцировать колониальные системы. Авторитет парламентаризма стал расти и крепнуть.

Движение к современному парламентаризму – это освоение азимута системной организации политической жизни каждой страны, при которой парламент занимает весомое место в системе разделения властей. Он имеет реальные функции, играет существенную роль в политическом процессе. В соответствии с тем, какую роль занимает парламент в системе государственной власти, можно определить и *модель парламентаризма*, в той или иной стране: *развитая, незавершенная, дуалистическая, монистическая, рационализированная, министериальная, имитационная и другие*. О завершенности эволюционирования процесса парламентаризма может говорить определенная привилегированность положения парламента.

Уточним, что различными формами интеграции с ООН связаны более 200 стран. Есть зависимые территории, а ряд государств только частично признаны (*Абхазия, Азад Кашмир, Южная Осетия-Алания*) или не признаны (*Тайвань, находится в составе КНР, государство Палестина, Турецкая республика Северного Кипра и др.*). Есть и зависимые внешне управляемые территории, чаще от прежних метрополий (*см. таб. 1*).

Таблица 1

Количество стран и зависимых территорий на континентах земли

Континент	Всего государств	Зависимые территории	Государства с действующими парламентами
Азия	54	6	49
Африка	62	8	54
Америка	36	17	36
Европа	50	7	50
Австралия и Океания	15	11	14
Всего	217	49	193

Как показывает эмпирический анализ, функционирующие парламенты на государственном уровне существуют в 193 странах. Хотя есть страны,

[1] Там же.

где парламентаризм, что называется лишь «пробивается» в формируемых системах власти, как проросток. В таких государствах действуют жесткие режимы правлений или это внешне управляемые территории (*как правило, бывшими метрополиями или их транснациональными кампаниями*). И, все же в силу влияния мировых демократических процессов и определенных национальных традиций эта ветвь власти уже утвердила себя на жизнь.

Случается, и так, что парламентская деятельность нередко сводится к тому, чтобы утвердить уже принятые решения, например, в Объединенных Арабских Эмиратах, Катаре и др. Но это не исключает значимости парламентов и, соответственно, реализации парламентаризма как инструмента демократии, чтобы утверждать в общественном сознание жизненность принципов парламентаризма. Возможно здесь можно упомянуть и наднациональный Европейский парламент, который имеет ограниченные полномочия и урезанные функции.

Небывалая активность была на очередном форуме женщин-парламентариев (*248 участников в рамках 137 Ассамблеи МПС*). Обсуждались возможности дополнительного предоставления женщинам условий для реализации их потенциала. Подчеркивалась необходимость в международном масштабе унифицировать подходы в интересах гендерного равенства. В том числе это касается повышения их доли в составе парламентариев. Ныне их около 22%, но это в среднем. Страны-лидеры («топ-10») по этому показателю представлены в *таблице 2*.

Таблица 2

Страны-лидеры («топ-10»)

Страна	Нижняя палата или однопалатный парламент			Верхняя палата или Сенат		
	Общее количество мандатов	женщины-парламентарии		Общее количество мандатов	женщины-парламентарии	
		количество мандатов	%%		количество мандатов	%%
Руанда	80	49	61,3	26	10	38,5
Боливия	130	69	5361	36	17	47,2
Куба	612	299	48,9	-	-	-
Исландия	63	30	47,6	-	-	-
Никарагуа	92	42	45,7	-	-	-
Швеция	349	152	43,6	-	-	-
Мексика	500	213	42,6	128	47	36,7
Финляндия	200	84	42,0	-	-	-
ЮАР	395	166	42,0	54	19	35,2
Сенегал	165	69	41,8	-	-	

Источник: *https://www.ipu.org.*

Предварительный вывод здесь один, что идеальной модели парламента нет ни в одном государстве. Это относится и к США, позиционирующей себя как супердемократии. Но Конгресс США сторонится и сотрудничества, и членства в МПС.

Исходя из полномочий и статуса парламента, обеспечивается его участие в социально-экономическом развитии. Прежде всего, парламенты призваны обладать превентивным чутьем, чтобы готовить законодательное обеспечение развития любого государства. А также быть активными в сотрудничестве в формате межпарламентских международных региональных объединений и государств-соседей. Европейский формат, к сожалению, с 2014 года через санкции США, согласованные с Евросоюзом, тормозят эволюцию. На азиатском континенте (*где 2/3 территории России*) достаточно выражено интеграционное стремление государств. При этом сохраняются сложившиеся и оформившиеся в последние десятилетия модели развития экономик, где действует японская, китайская, индийская, турецкая и иранская цивилизации и модели экономик.

Многие другие страны зарубежной Азии используют модели развития экономики при становлении собственных государств. С точки зрения социально-экономического развития, «азиатские страны» представляют собой больше картину «*социально-ориентированных*» и «*государственно-регулируемых*», или только начинающих осваивать рыночные принципы. О какой-то единственной, в т.ч. «*азиатской социально-экономической модели*» говорить рано, хотя можно с уверенностью сказать, что корни находятся в «*азиатском способе производства*». В конструкциях стран «*азиатской социальной экономики*» государству всегда принадлежала особая роль вследствие специфики климата, природных факторов, национальных и культурных традиций, религиозных предпочтений. Своеобразный «*азиатский опыт*» представляет особый интерес для стран, с т.н. «*государственнических*» позиций в социально-экономическом устройстве. То есть представляется «социально-ориентированной» и «государственно-регулируемой» экономикой. При этом достижения в электронике осваиваются интенсивно.

В Африке идет в основном этап «встраивания» государств и их парламентов в общемировой процесс развития. Сформированность демократических институтов власти и управления еще не определяет полноценность их функционирования во многих из 54 государств (*без учета внешнеуправляемых территорий*). Но ко всем применяются общемировые оценочные индексы. Так, производимый продукт в расчете на одного жителя значительно колеблется: от 485 $ в Республике Конго, 520-1000 $ в Зимбабве, Сомали, Либерии, Нигер, ЦАР, Эритреи, Мадагаскара, Мьянма, обоих республиках Гвинеи, 1,4 тыс. $ в Эфиопии – до континентального максимума на Сейшелах в 27,5 тыс. $, в Габоне 20,5 тыс. $ и в Экваториальной Гвинее 20,3 тыс. $

при обеспечении среднего уровня ИРЧП[1]. У 42 государств Африки (*из 54*) определен низкий уровень развития человеческого потенциала (*по ИРЧП они замыкают рейтинговую таблицу из 188 государств*). У всех государств имеется государственный долг (*наибольший у Анголы и Ганы*). Большинство стран отнесены ко второй сотне по измеряемому уровню восприятия коррупции: – менее 35 баллов. Все страны, за исключением ЮАР, относятся к уровню *развивающихся*. Большинство из них беднейшие в мире (*70% населения живет за чертой бедности*). За Африкой достаточно прочно утвердилась репутация наиболее конфликтного места планеты[2]. Бывшие метрополии (*страны старой Европы, США, Япония*) оказывают свое влияние через формат написанных их экспертами конституций для молодых демократий, сохранение госязыка бывшей метрополии, избирательная (*по лояльности*) подготовка кадров для управления. Здесь, а также в государствах Океании многое продолжает трансформироваться от бывших метрополий. О неустойчивости парламентских демократий говорит тот факт, что в целом ряде стран за короткое время менялись и принимались несколько раз конституции (*5 раз в Буркина-Фасо и Нигерии, 4 – в Ганге, 3 – в Камеруне, Руанде и др.*).

Россия – страна на двух континентах (*Европа и Азия*). Эта особенность характерна и для традиций парламентаризма. Российский парламентаризм не возник в одночасье. Или, вдруг в конце 80-начале 90-х XX в. У России глубокие, более чем двух столетий традиции эволюционирования к парламентаризму. Хотя современный парламент (*название, статус, полномочия*) родился четверть века назад. Ранее функционировали протопарламентские формы, в т.ч. в формате сходов и вече, созывов соборов, наконец, иерархии советов. Нынешний парламент России в достаточно короткие исторические сроки перешел к эффективным формам своей деятельности. Он авторитетен в мире.

В политическом багаже сегодняшней России 5 конституций. Причем четыре в рамках интегральной конструкции, каким был СССР. В советский период времени велся поиск максимально эффективной модели развития, но в рамках сохранения однопартийности. Этот опыт нельзя не умалять, не забыть. Продолжительно существовавшая жесткая система управления не позволяла полноценно функционировать парламентам (*Верховный Совет, Президиум Верховного Совета и такие же субординированные структуры в республиках, краях, областях*). Но мобилизационный тип управления сумел противостоять объявлявшимся в разных вариантах санкциях Запада в 20 и 40, 50 и 70 годы XX века. Следует быть справедливым: жесткий принцип административной системы в принятии управленческих решений

[1] ИРЧП – Индекс развития человеческого потенциала.

[2] Современные парламенты мира и развитие: государства Азии и Африки. – Серия «Альманах Парламентаризма». Пособие / Авт. кол-в. – Т. 1. – М.: «Реал Принт», 2017. – С. 170.

(*«сверху вниз»*) не позволял развиться в полной мере парламентским формам. Оппозиция подавлялась через государственную защиту однопартийности. Это особенно очевидно ныне в 100-летнюю годовщину российских революций и *100-летие республиканского строя в России* (2018 г.), когда уже адаптирован в целом современный его формат, поддерживаются эволюционные традиции парламентаризма.

Современный российский парламент – эффективный орган в системе власти в стране. Палаты Федерального Собрания Российской Федерации полноценно реализуют свои полномочия и являются достойным механизмом системной координации парламентских образований в субъектах Российской Федерации. Нет вмешательства в региональную компетенцию, ведется эффективное межпарламентское взаимодействие. Парламент России выступает с инициативами по повышению эффективности форм парламентской дипломатии в международных делах[1]. Российский парламент представлен почти в двух десятках профильных международных региональных организациях, объединяющих интересы парламентариев. Объемная повестка 137 Сессии Межпарламентского Союза, подготовленная, в т.ч. и Федеральным Собранием в Санкт-Петербурге, стала подтверждением этого.

Современный дрейф российского парламентаризма во многом обусловливается действиями палат федерального парламента (*Госдумы и Совета Федерации*). Нельзя не замечать усилившуюся роль Федерального Собрания России как законодательного и представительного органа власти (*по общественным опросам разных социологических служб растущей частью общества признается его статус и его растущая значимость*). Завоевывается доверие и авторитет на международных парламентских площадках. Это не может не радовать. Удалось привлечь общественное внимание к необходимости перестройки парламентской деятельности. Взят курс на предметность и завершенность в парламентской деятельности.

На пути востребуемой активизации межпарламентского сотрудничества есть новации в рамках Содружества Независимых Государств (*СНГ*), которое отметило 25-летие работы Межпарламентская Ассамблея (*МПА СНГ*). За годы деятельности МПА СНГ подготовлено более пятисот модельных законов[2]. Речь идет о «стандарте» для национальных законодательств, обеспечивающих и общие подходы к решению возникающих проблем, и дающие всем государствам общий понятийный аппарат для парламентов СНГ и международных организаций. Безусловно, это важно для развития инте-

---

[1] Лихачев В.Н. Дипломатия России: традиции и новеллы // Международная жизнь. – 2017. – № 6. – С. 18-24.

[2] Межпарламентская ассамблея государств-участников СНГ учреждена 27 марта 1992 г. и сейчас входит 10 стран: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Россия, Украина (с 2014 г не участвует в работе).

грации, в т.ч. стран, входящих в другие партнерские объединения. Например, ШОС, куда входит Китай (*вторая держава мира*). Расчет делается на повышение эффективности нового инструмента парламентской дипломатии.

Таким образом, российский парламент сделал не мало, чтобы пробить русло цивилизованного движения к пониманию *демократии как общемировой*, а не только «западной» *идеи*. Смысл заключается в том, что демократия не является исключительно западного происхождения. А МПС – организация, где нет доминирования какой-либо одной страны или группы государств[1]. Поэтому, демократия должна реализоваться с учетом разнообразного опыта и культурных особенностей народов. Нельзя умалять общепризнанные принципы, нормы и стандарты, которые уже закреплены практикой. Оправдано дополнять его содержанием нового разнообразного смыслового демократического опыта.

В 137 Ассамблее Межпарламентского Союза участвовали 161 делегация национальных парламентов и 12 межпарламентских объединений; 2400 делегатов представляли 46 тысяч парламентариев и миллиарды жителей стран мира. В МПС приняты парламенты еще трех стран (Узбекистан, Туркмения и Вануату) и теперь их 176. Парламентская ассамблея Черноморского экономического сотрудничества (ПАЧЭС) получила статус ассоциированного члена[2]. Председателем МПС избрана молодая мексиканка Габриэла Куэвас Баррон, а первым заместителем стал К. Косачев – глава международного комитета Совета Федерации ФС РФ.

Основные выводы: Состоявшаяся 14-18 октября 2017 года в Санкт-Петербурге 137 Ассамблея Межпарламентского Союза (МПС) расширила понимание соотношения и дополнительно наполнила содержание ведущих современных дефиниций «парламентаризм» и «демократия». Характер дискуссий и итоги, закрепленные в решениях продуктивно продемонстрировали: во-первых, возрастание веса и роли парламентариев мира в цивилизационном обустройстве мира и процессах развития; во-вторых, укрепилось понимание парламентаризма и расширилось его влияние; в-третьих, произошли важнейшие содержательные уточнения в понимании современной демократии («разнообразие», а не западная модель «соподчинения в однополярном мире») а, значит, и взаимовлияния демократии и парламентаризма как современных форм поддержки функционирования обществ в государствах. В мире будет отмечаться Международный день парламентаризма

[1] Из выступления Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.М. Матвиенко на открытии 137 Ассамблеи МПС в Санкт-Петербурге (Россия) 14-18 октября 2017 г.

[2] По материалам открытия 137 Ассамблеи МПС в Санкт-Петербурге (Россия) 14 октября 2017 г.

(в России введен с 2012 г., в мире будет отмечаться ежегодно 30 июня). В-четвертых, современный парламентаризм призван способствовать преодолению споров и конфликтов, продуктивной работе в интересах мира и развития. В-пятых, международное признание парламентаризма состоялось 128 лет назад (образование МПС), при этом Россия более 100 лет как начала сотрудничать с МПС, адаптируя международный опыт парламентаризма, в том числе в 100-летней своей цивилизационной эволюции республиканского строя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Всеобщая декларация / Принята на 161-й сессии Межпарламентского Союза 16 сентября 1997 на Кипре // Материалы конференций Межпарламентского Союза. – 1996-1999. – М.: Издание Государственной Думы, 2011.

2. Декларация о критериях свободных и справедливых выборов (принята на 154-й сессии Совета Межпарламентского Союза 26 марта 1994 г.) // Международные избирательные стандарты. Сборник документов. – М.: ВЕСЬ МИР, 2004.

3. Документы конференции Межпарламентского Союза // Издание Государственной Думы. – М., 2011. – Раздел 9. (рус. перевод).

4. Документы и материалы 137 Ассамблеи МПС в Санкт-Петербурге (Россия) 14-18 октября 2017 г. (приняты три новых государства в члены МПС); Электронный ресурс. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/55838; Электронный ресурс. – URL: https://ipu137russia.org/ru; Электронный ресурс. – URL: https://www.ipu.org/about-us.

5. *Лихачев В.Н.* Дипломатия России: традиции и новеллы // Международная жизнь. – 2017. – № 6.

6. Современные парламенты мира и развитие: государства Азии и Африки. – Серия «Альманах Парламентаризма». Пособие / Авт. кол-в. – Т. 1. – М.: «Реал Принт», 2017.

7. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 1-1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» от 27.06.2012 г. № 95-ФЗ; Электронный ресурс. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102157744.

V.V. BAKUSHEV
Doctor of Political Science, Professor,
Head of the Department of Parliamentarism and Interparliamentary Cooperation of the Institute of Public Service and Management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

PARLIAMENTARISM DEVELOPS THE DIVERSITY OF DEMOCRACY

At the 137th Assembly of the Inter-Parliamentary Union (IPU) in Saint Petersburg in mid-October, modern standards of democracy were analyzed and the Resolution "Towards the 20th Anniversary of the Universal Declaration on Democracy: the Community of Our Diversity" was adopted. Modern parliamentarism is the force for democracy. Women parliamentarians demand equal gender rights in order to realize their potential more actively. The article analyzes the state of parliamentarism in the republican forms of government. The experience of the Russian parliament is revealed.

Key words: *Inter-Parliamentary Union (IPU), decisions of 137 Assembly of the IPU in St. Petersburg, democracy and parliamentarism in the world, traditions and the modern parliament of Russia.*

УДК 32.323

А.А. НИКОЛЕНКО
кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры управления
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток
А.А. ТУШКОВ
доктор исторических наук,
профессор кафедры теории и истории российского
и зарубежного права Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток

АНАЛИЗ КАУЗАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ И ЭЛЕМЕНТОВ КОНЦЕПТА «РУССКАЯ ВЛАСТЬ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕТАПАРАДИГМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УНИВЕРСАЛИЗМА

В данной статье авторы делают анализ каузальных связей и элементов концепта «русская власть» с точки зрения парадигмы политического универсализма и возможности применения данного подхода к исследованию современных политических процессов в России.

***Ключевые слова*:** *«русская власть», общественно-политическая мысль России, процессуальные свойства политической власти, консервативный лагерь, идея радикализма, идеи либерализма.*

Отправной точкой при исследовании становления и развития политической власти в России становятся множественные каузальные связи и элементы концепта «русская власть». Однако подобный подход приобретает смысл только при условии выделения русской политической власти как отдельного научного концепта, его структурного построения и выделения основных сущностных характеристик. При этом понимание власти в России не может быть сведена к сумме политологических научных категорий. Она присутствует во всех структурах русской истории и, более того, усиливается в каждой последующей, достигая кульминации в исторически чистой форме на различных этапах развития страны. Исходя из данного положения нам представляется, что концепт «русская власть» является основанием модельных структур, через которые выявляются основные характеристики политической жизни России и особенности социального сообщества внутри страны.

Анализируя генезис, особенности, подходы и школы в исследовании процесса формирования научного поля политической власти, как научной

категории и специфической области политической теории и практики, закономерно считать, что у русской власти нет аналогов ни на Западе, ни на Востоке, это исключительно русский феномен. Но это и одно из ее главных противоречий. Русская власть не смогла бы возникнуть на русской почве без общеевразийского развития и без взаимодействия с тенденциями и феноменами общемирового развития. В этом и парадоксальность этого явления. Русская власть сформировалась как русский ответ на евразийские и мировые воздействия. При этом важнейшим фактором ее понимания является исходная позиция, определяемая как принципы русской власти: надзаконность; автосубъектность; чрезвычайность действий; примат контроля над людьми, а не над пространством; опора на военно-служилое сословие, а не на собственников. Данные характеристики являются основными чертами феномена «русская власть» как модели политической практики и властных отношений в России. Данный взгляд не бесспорен, но он дает основание предположить о парадоксальности и своеобразии русской власти[1].

Основной же особенностью российской политической мысли, стало то, что политические идеи тесно переплетены с философскими и религиозными воззрениями, а также зачастую глубоко метафизичны по своей сути. В этом ключе важным становится вопрос о социально-философской идентичности России. Поэтому для изучения категорий власти так важен генезис сформировавшихся воззрений и их эволюция, как методологическая, так и теоретическая составляющая. Являясь междисциплинарной проблемой, концепт «русская власть», включает множество разнообразных элементов, охватывая политологические, политико-философские, теологические и др.

Исследуя концепции и теории русской социально-политической мысли, дающие возможность изучить процесс формирования и развития политической власти в России на современном этапе и в ее исторической ретроспективе, можно отметить, что уже более двух столетий в среде российских ученых историков, социологов, политологов обществоведов, ведутся дискуссии по поводу феномена русской власти, дискутируют относительно самого термина, выдвигаются разноречивые концепции и модели. Из-за противоречивого характера существующих моделей до настоящего времени в политическом поле не сформировано понимание коренного отличия русской системы от иных политических систем, не дано определение понятию «русская власть» и не дано его однозначного толкования.

Но для того, чтобы отойти от однозначной трактовки «русской власти», необходимо расширить исходные позиции, рассматривать данный концепт как парадигмальный феномен, введя в оборот такое понятие как «русский

[1] Николенко А.А. К вопросу о проблемах, поиске и истоках формирования в политическом пространстве научной категории «русская власть» // Национальная безопасность. – 2014. – № 4 (33). – С. 539.

мир». Под данным концептом понимается многообразная культурная общность, имеющая культурные и политические корни в «Древней Руси», и с обозначенным центром – современной Россией, и теми процессами, которые сейчас происходят как внутри, так и вне страны. Она основана на том, что существует международная трансграничная и трансконтинентальная общность, характеризующаяся причастностью к русской истории, культуре и русскому языку. То есть словосочетание «русский мир» обозначает социокультурное наднациональное пространство, которое включают в себя некие признаки близости к русской культуре и трактуется как цивилизационный феномен. Это служит доказательство метапарадигмальной природы данного политического явления.

Метапардигмальность же объясняет тот широкий разброс теоретических концептов, которые сформировались в научном поле феномена «русская власть». Основанием такого подхода являются базовые парадигмы политологии, политической философии, политической социологии, мифологии, теологии и гносеологии. В частности, управленческая, технократическая и инновационная (социально ориентированная) парадигмы и др. На данный момент четкого определения понятия «русская власть» не существует, точно так же, как и не существует парадигмальных рамок для данного понятия.

Так, введенную впервые отечественными учеными А.И. Фурсовым, Ю.С. Пивоваровым *и В.П. Макаренко* в широкий научный оборот концепцию «русской власти» наделили множеством разнородных характеристик, специфической чертой которой является то, что власть в России представляется как «власть-насилие», безо всяких ограничений, сдержек и противовесов. В своих работах *авторы* предложили подходы в трактовке концепта «русской власти» и «русского мира», прежде всего, как метафорического понимания русского пути[1]. Данная концепция фокусируется на действиях и принимаемых решениях представителей верховной государственной власти. Такой подход обосновывается так называемой метафизической «моносубъектностью власти», но с ним полностью согласиться нельзя, так как он не раскрывает всей многогранности концепта «русская власть». А.В. Лубский говорит о возможности рассмотрения данного концепта с точки зрения неоклассической модели познания. Один из таких подходов связан с идеей нелинейного времени, позволяющей по-новому интерпретировать отношения между старым и новым[2]. В соответствии с этой идеей, прошлое, настоящее и будущее, разворачиваясь в действиях людей, являются не последовательными, а одновременными состояниями.

---

[1] Лубский А. Концепт «Русская власть»: метафорические возможности интеллектуального дискурса // Политическая концептология. – 2010. – № 2. – С. 37-48

[2] Фурсов А.И. Россия на пороге нового мира. Холодный восточный ветер 2. – М.: Книжный мир, 2016. – С. 117.

Новейшие трактовки концепта «русская власть» отличаются зачастую тягой к метафизичности, метафоричности, ценностной окраске. Многочисленные концепции, теории, определения нуждаются в упорядочивании. С точки зрения идеи нелинейного времени и метапарадигм все те, казалось бы, противоречивые характеристики власти в России становятся более понятными и объяснимыми. Также исследователи не приходят к единому мнению относительно характеристик самой системы. «Архаики и патернализма в России слишком много, чтобы открытие политической системы прошло безоблачно. Но не открывать ее – значит загонять под спуд бюрократического прессинга все более сложные противоречия, подменять выработку доверия и согласование интересов трескучей риторикой о «стабильности», которую все большая часть общества воспринимает как застой и издевательство над здравым смыслом»[1]. Семантика толкования концепта «русская власть», по нашему мнению, может быть установлена только через исследование понятия «метапарадигма». При этом весь объем исследовательского опыта в методологическом плане служит выявлению более четкого определения этого ключевого концепта. Исходя из этого толкования подход к рассмотрению концепта «русская власть» с позиции «сверхобобщающей парадигмы» или «метапарадигмы» нам представляется наиболее верным.

Трактовки концепта «русская власть» многочисленны и нуждаются в некотором упорядочивании. Существующие в политической науке принципы, концепции, теории, взгляды, подходы и суждения, касающиеся данного концепта, не имеют общего парадигмального подхода, который бы дал понимание его в экстенсиональном или интенсиональном значении. А при отсутствии же общего и понятного парадигмального подхода повышена абстрактность суждений с точки зрения лестницы абстракций Джовани Сартори. Однако это дает возможность обратиться к рассмотрению процесса образования моделей, уделив преимущественное внимание «вертикальным элементам концептной структуры», т.е. обзервативным терминам данного конструкта и последовательного расположения их на лестнице абстракции. Обратной стороной является то, что при вертикальном восхождении это непосредственно связано с процедурой «концептной натяжки»[2]. Поэтому нам представляется, что, введя в научный оборот метапарадигму «политического универсализма», позволит ее избежать, а также объединить существующие парадигмальные подходы и концепции, выйти на новый уровень понимания русской политической власти и ее сущностных характеристик.

---

[1] Макаренко Б.И. Эволюционный путь к современности // Независимая газета. 2011. Электронный ресурс. – URL: http://www.ng.ru/ideas/2011-08-08/5_modernization.html?print=Y (дата обращения: 01.11.2017).

[2] Николенко А.А., Тушков А.А. К вопросу о методологическом подходе к исследованию метапарадигмы «русская власть» в современном научном дискурсе // Образование. Наука. Научные кадры. – 2015. – № 5. – С. 307-313.

Понимание метапарадигмы является широким теоретическим концептом, как базовые обобщающие мировоззренческие установки. Поэтому существующие принципы власти в России можно описать как надлегальность; авторитарность власти; экстремальные условия действий; приоритет управления сетевыми группами, а не ресурсами; ставка на элитократию – чиновнические, политические и военные элиты.

Формируясь через политический процесс, модель «русская власть» дает возможность отследить и обратную взаимосвязь. Основные политические отношения реализуются в поле взаимодействий «властный центр – социум», для реализации политических целей. При этом зачастую условный «центр» рассматривается как субъект, а социум как объект власти, хотя реальные процессы в таких взаимоотношениях оказываются гораздо сложнее, чем субъект-объектные отношения.

Кроме того, парадигмальные основы, а также концепции и теории русской социально-политической мысли, дают возможность изучить процесс формирования и развития политической власти в России на современном этапе и в ее исторической ретроспективе. Спектр работ, посвященных феномену политической власти в России, широк и разнообразен и варьируется от работ, посвященных обоснованию «особенного» пути России, до работ, которые обосновывают идею о том, что Россия является европейским государством. Большое количество работ посвящено истории формирования власти России и осмыслению отличительных особенностей властного процесса в стране.

Исследование концепции «русской системы» в политической теории позволили авторам выявить существенные характеристики концепта «русская власть». Основными составляющими компонентами такой системы являются: власть, подвластное, лояльное население (популяция), и часть общества, потерявшая характеристики субъекта и является изгнанной или оппозиционной. То есть словосочетание «русский мир» обозначает социокультурное наднациональное пространство, которое включает в себя некие признаки близости к русской культуре и трактуется как цивилизационный феномен. Следовательно, концепт «русская власть» носит междисциплинарный характер и содержит широкий спектр проблематики от узко теоретических подходов исторического и дескриптивного характера, до осмысления с помощью концептологического анализа парадигм социальных наук.

Подводя итого нашему рассуждению, можно сделать следующее заключение. Исследование теории концепта «русская власть», как модели организации политической власти и властных отношений в контексте современной отечественной политической традиции и практики, позволяет выделить основные принципы осуществления управления и контроля за политической системой, которые являются традиционными и отличают «русскую власть» от иных национальных систем.

Отсутствие общего подхода не дает возможность исследовать в целом процессы легитимации и функционирования политической власти в России, а также изучить механизм ее реализации, как важнейшего условия данного функционирования в исторической ретроспективе и современного состояния государства[1]. Анализ сущностных характеристик и принципов политической власти и политико-властных отношений в России в контексте государственно-организованного общества в отечественной политической традиции и практики дает представление о властной системе в целом и наиболее четко выявляет основные черты такой системы.

Для выделения содержательных сторон концепта «русская власть» как социально-политического феномена в современном научном дискурсе возможно применить метод предельно общих парадигм, охватывающих знания об исследовательских суждениях политической власти в России, как в исторической ретроспективе, так и ее составляющих в современной политической теории и практике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ирхин Ю.В.* Методология и принципы анализа классических, проектируемых и манипулятивных политических идеологий // Вопросы политологии. – 2013. – № 4.

2. *Карадже Т.В.* Проблема определения «политического» в политической науке // Вопросы политологии. – 2013. – № 2.

3. *Лубский А.* Концепт «Русская власть»: метафорические возможности интеллектуального дискурса // Политическая концептология. – 2010. – № 2.

4. *Макаренко Б.И.* Эволюционный путь к современности // Независимая газета. – 2011. Электронный ресурс. – URL: http://www.ng.ru/ideas/2011-08-08/5_modernization.html?print=Y.

5. *Медведев Н.П., Чернышов С.И.* К вопросу о сущности понятия «политическая деятельность» // Вопросы политологии. – 2015. – № 4.

6. *Николенко А.А., Тушков А.А.* К вопросу о методологическом подходе к исследованию метапарадигмы «русская власть» в современном научном дискурсе // Образование. Наука. Научные кадры. – 2015. – № 5.

7. *Николенко А.А.* К вопросу о проблемах, поиске и истоках формирования в политическом пространстве научной категории «русская власть» // «Национальная безопасность / Nota bene». – 2014. – № 4 (33).

8. *Николенко А.А.* Процесс и особенности легитимации государственной власти в России // Образование. Наука. Научные кадры. – 2014. – № 5.

9. *Фурсов А.И.* Россия на пороге нового мира. Холодный восточный ветер 2. – М.: Книжный мир, 2016.

[1] Николенко А.А Процесс и особенности легитимации государственной власти в России // Образование. Наука. Научные кадры. – 2014. – № 5. – С. 272-274.

A.A. NIKOLENKO
Candidate of Political Science, Senior Lecturer
at Department of Management, Vladivostok State University
of Economics and Service, Vladivostok, Russia
A.A. TUSHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Department of Theory and History of Russian and Foreign Law,
Vladivostok State University of Economics and Service,
Vladivostok, Russia

ANALYSIS OF THE CAUSAL RELATIONS AND ELEMENTS OF THE CONCEPT OF "RUSSIAN POWER" FROM THE POINT OF VIEW OF THE PARADIGM OF POLITICAL UNIVERSALISM

In this article, the authors makes analysis of the causal relations and elements of the concept of "Russian power" in terms of a paradigm of political universalism and the possibility of applying this approach to the study of contemporary political processes in Russia.

Key words: *"Russian power", social and political thought of Russia, procedural property political power, the conservative camp, the idea of radicalism, the ideas of liberalism.*

УДК 130.2

А.П. АЛЬБОВ
доктор юридических наук,
кандидат философских наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории права
и государства НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций»
Россия, г. Москва

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ИСКУССТВО КАК ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В настоящей статье рассмотрена цивилизация как особый тип социальной материи, проведен анализ оптимальных условий для гармоничного роста всех составляющих цивилизационного процесса, сделан вывод, что основой становления цивилизации является философия, религия искусство как способы самопознания, сохранения и придание устойчивого динамичного характера развития нации.

Ключевые слова: *цивилизация, философия, религия, искусство, социальная материя, диалектика развития, философия культуры.*

Цивилизация как социальная форма материи, представляет собой единство исторического процесса и совокупности реальных достижений человечества, обеспечивающих ее динамичную устойчивость, способность к самосовершенствованию. Важнейшими характеристиками цивилизации является функциональность, наличие устойчивых связей, организованность, эмерджентность, которые указывают на системность функционирования общества. Следовательно, накопление, сохранение и передача приобретаемого культурно-исторического опыта является основой цивилизации, и как мы уже знаем древнейшим способом накопления и передачи выступило именно теоретическое знание в виде философии[1]. Формы и способы научного познания мира, поиск и осмысление духа нации находят свое выражение в философии в форме свободного мышления.

Особый, специфический духовный тип отношения человека к миру, к самому себе, обусловленный представлениями о духовном бытии, о сверхъестественном существовании, как доминирующем, определяющем начале, о вечной и всеобщей необходимости (λόγος), закон и путь человека (道), путь поддержания космического порядка (धर्म) фиксируется в религиозных представлениях в форме представляющего сознания.

[1] Альбов А.П. Нормы культуры как источник и форма права // Современный юрист. – 2013. – № 4 (5). – С. 56.

Выход за пределы ограниченности личного, субъективного опыта, эмпирического мышления по его форме и содержанию, уход от индивидуальной формы чувственности получает свое выражение в искусстве, как в образном осмыслении и познании действительности, в форме и содержании объективного элемента.

Таким образом, философия постигает «бытие – как – сознание» причастного изначально к Божественному, а искусство нераздельно соединяет всеобщее и особенное в чувственном облике – конкретно-всеобщего в форме особенного, притом созданного духовной жизнью человека, «так как искусство занимается истинным как абсолютным предметом сознания, то оно также принадлежит к абсолютной сфере духа и стоит по своем содержанию на той же почве как с религией в специальном смысле слова, так и с философией»[1].

При тождественности содержания религия, философия, искусство отличается лишь формами познания, «действительно нет ни одной работы, которая показала, как конкретное общественное бытие (материальное производство, например) перевело себя в определенную форму общественного сознания, конечное не может переводить себя в другое конечное как в свою собственную противоположность»[2].

Действительно условия производства оказывают влияние на духовную жизнь общества, однако экономический фактор не является детерминантной[3].

«Вся мировая история показывает нам определяющее влияние религии и этики на всю сферу производства: вся мощная техника античного и средневекового строительства подчинена религии (храмы, гробницы, пирамиды), она совсем не «экономична» и не экономна, но аскетична, духовна и полна жертвенности. Тысячелетний уровень техники и хозяйства в древних цивилизациях Китая и Индии можно понять только из религиозно-этической установки этих культур. Когда радикальный буддизм распространился в Индии, в некоторых местностях совершенно прекратилось земледелие. Достаточно взглянуть на Средневековье, чтобы тотчас признать, что религия здесь вовсе не была «надстройкой», но, напротив, сама строила все и была архитектурой всего здания»[4].

Догматическое мышление современных ученых, по-прежнему стоящих на почве метафизики (или материализма) приводит к тому, что абсолютизируется одна теория, тогда как другие объявляются ложными; однако, развитие цивилизаций показало, что такой подход в корне ошибочен, и является тупиковым в науке, более того порочны и призывы отдельных специалистов «начинать творчески развивать материализм» – абсолютно бесперспек-

---

[1] Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. – Книга 1. – СПб.: «Наука», 1993. – С. 109.

[2] См.: Линьков Е.С. Лекции разных лет. – СПб., 2012. – С. 56.

[3] Альбов А.П. Нормы культуры как источник и форма права // Современный юрист. – 2013. – № 4 (5). – С. 60.

[4] Вышеславцев Б.П. Философская нищета марксизма. – М., 1995. – С. 112.

тивное занятие, уводящее от познания объективной картины мира. Вместе с тем, эти догмы остаются неприкосновенны, хотя они явно противоречат реальной картине мира, следовательно, никакая доктрина не может являться окончательной научной теорией объясняющий окружающий мир, так как в любой науке постулаты пересматриваются исходя из меняющегося мира; ведь, и цель движения и развития науки – поиск истины.

Древнейшим способом накопления и передачи знаний выступило именно теоретическое знание в виде философии, где формы и способы познания мира, поиск и осмысление духа нации находят свое выражение в философии в форме мышления. Действительно, если бы философия была лишь перечнем, галереей мнений о боге, о сущности природы, о духовных вещах, как ее представляют некоторые философы, то она была излишней и изрядно скучной наукой, философия есть объективная наука об истине, наука о ее необходимости, познание посредством понятий, а не «тканине паутины посредством мнений» (Гегель). У народа наступает время, когда он начинает философствовать, познавать себя, проявлять себя, это самоопределение выступает одновременно и с государственным устройством, и формой правления, и с нравственностью, и с науками, и формированием искусства как способом познания мира, и с религией, в которых дух народа находит свое развитие и воплощение. В философии как в фокусе отображается целое, единое, дух нации и цивилизации.

Особый духовный тип отношения человека к миру и самому себе, обусловленный представлениями о духовном, находит свое выражение в религиозных представлениях в форме представляющего сознания. Предметом религии является не земное, не вещное, не конечное, а бесконечное. Так как мифы народа, его религия появляются раньше философии, то соответственно религия выражает представления о сущности окружающего мира, о человеке, о космосе, о душе, о бесконечном в чувствующей, созерцающей, представляющей форме.

Следовательно, как и религия, так и философия имеет тот же предмет исследования всеобщее, истину.

Позиция религии состоит в том, что откровение истины, получаемое нами через религию, представляет собой откровение, данное человеку извне. Характер религии таков, что ее истины существуют, причем мы не знаем откуда они берутся, так что их содержание как данное стоит выше разума. Философия мыслит, постигает то, что религия представляет, как предмет сознания, и безразлично, будет ли этот предмет сознанием фантазии или чем-то историческим. Таким образом, религия имеет общее содержание с философией, различны лишь их формы.

Выход за пределы субъективного опыта, эмпирического мышления по форме и содержанию, получает свое выражение в искусстве, как первым способе духовной жизни народа, способе самопознания. Искусство есть тот

способ человеческого бытия, где впервые совершается выход за пределы особенности содержания. «Подлинное искусство выступает как реакция на опыт, не важно какой это опыт, искусство избавляется от односторонностей: то есть от многообразия эмпирического с одной стороны, и абстрактного единства с другой»[1].

Африканские, австралийские, племена (этническая группа) не знают особенного, их мир единичен, замкнут на опыте, их культура (творчество) попытка подражать природе, они не устанавливают всеобщей связи, не создают право, как наличное бытие свободы и т.д.

Искусство – есть соединение природы и духа. Отсюда можно сделать вывод: предметом искусства есть не подражание, не копирование, а красота, но красота как всеобщее, определяющее чувственную определенность народа, создающего свое искусство. Искусство впервые дает возможность выступить всеобщему содержанию духа нации. Таким образом: философия постигает истину в понятиях, религия в созерцании, а искусство нераздельно соединяет всеобщее и особенное, созданного духовной жизнью человека. Как неоднократно отмечал Г. Гегель, что если истину в науке и искусстве может постичь не каждый, то в религии вера она дана для всех.

Очевидно, что если философия, религия, искусство были бы всего лишь производными от производительных сил и производственных отношений, то поступательного развития не происходило бы, так как мысли, идеи, теории отрицают, преобразуют и создают новое существующее материальное производство, производство как раз и являются проявлением человеческого гения изобретателя.

Так труд рабов существовал в Греции, Риме, Египте, Иудее, орудия труда у всех были одинаковы, но из способа производства, потребления и распределения невозможно понять многообразие древних цивилизаций с их философией, религиозными нормами и национальным искусством, формой государства, нормами права.

Если бы способ производства определял религию, искусство и философию, то становление, развитие и функционирование цивилизаций достаточно было бы свести к способом производства, и описывая цивилизации важнейшая задача была описывать и систематизировать орудия производства, которые якобы и создают уникальный мир цивилизаций.

Сказать, что патриции Древнего мира развивали экономику, храмовую архитектуру, музыкальную культуру и таким образом выстраивали римскую цивилизацию за счет труда рабов, – значит сказать нечто то, что реально существовало и доказано, но это высказывание будет лишено хоть какого-то смысла и позитивного содержания, ведь и право, и государство, и зачатки гражданского общества в каждой цивилизации вырастает не из сохи мо-

[1] См.: Линьков Е.С. Лекции разных лет. – СПб., 2012. – С. 475.

тыги, бульдозера или сенокосилки, а из психологии, религии, философии народа, пониманием красоты, обычаев и мифов, в конце концов, и т.п. Эти и другие элементы составляют единое содержание и форму существования цивилизации.

Удивительно, что до сих пор идут дискуссии на эту тему и обсуждаются вполне очевидные вещи: «на самом же деле истина состоит в том, что не существует никакого фундамента и никакой надстройки, а существует взаимодействие и взаимозависимость различных функций труда и творчества, интегрально входящих в единую всеобъемлющую систему культуры. Одинаково верно сказать: наука, политика и духовная жизнь обусловлены уровнем техники и организации хозяйства; и обратно: техника и организация хозяйства обусловлены уровнем науки, действующим правом, направлением политики»[1].

Правила, выработанные обществом, нормы культуры, зафиксированные в различных источниках, способствуют росту и укреплению цивилизации, из взаимодействия различных социальных, климатических, географических начал вырастают такие явления духовная жизнь нации, ее культура, религия, философия, что и определяет лицо цивилизации.

В стадиях роста формируется оптимальное культурное пространство, что оказывается оптимальным и в целом благоприятным условием для гармоничного роста всех составляющих цивилизационного процесса.

В работе «Философия истории» Гегель убедительно демонстрирует тот факт, становление, развитие и уничтожение цивилизаций проходит несколько этапов, на которых воплощается духа народа и сознание им своей свободы.

В связи с таким подходом Гегель считает, что на Востоке свободы не было, поскольку эти народы были уверены, что свободен только один деспот: «Человек, живущий в страхе, и человек, властвующий над людьми посредством страха, находятся оба на одной и той же ступени; они разнятся между собой лишь тем, что один обладает большей энергией воли… Деспот исполняет свои капризы, и эти капризы бывают иногда и хорошие, но он их исполняет не как закон, а как свой произвол»[2].

У греков появляется в сознании понятие «свободы»: они знали, что свободны только некоторые: «В Греции мы видим расцвет действительной свободы, но свободы существующей вместе с тем в определенной форме… Свободу на Востоке, в Греции, в германском мире мы можем пока поверхностно определить в следующих абстракциях: на Востоке лишь один свободен, свободен лишь деспот; в Греции некоторые свободны; в германской жизни… человек свободен в качестве человека»[3].

---

[1] Вышеславцев Б.П. Философская нищета марксизма. – М., 1995. – С. 109.

[2] Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. – Книга 1. – СПб.: «Наука», 1993. – С. 145.

[3] Там же.

Следовательно, каждая цивилизация выражает конкретную идею: так, греческий мир является носителем идеи «прекрасной индивидуальности»; римский – «принесение в жертву индивидуальности, которая отдается государству»; германскому миру – идея личной свободы, причем форма и сущность реализации этой идеи проявляется в законах, в государстве, его учреждениях, которые защищают и выражают права граждан во всех сферах.

Самопознание народа – свойство духа, выраженное в философии, его история, религия, степень политической свободы взаимосвязаны, и понять их можно только в диалектической взаимосвязи.

Процесс становления и развития цивилизаций и есть всемирная история, и как показывает Гегель в основе которой – борьба, победа одного народа и упадок и разорение другого народа, поэтому всемирный прогресс осуществляется на каждой ступени исторического развития определенным народом, являющимся господствующим, и перед этим народом другие народы бессильны, «поскольку одни из них исчерпали богатство своего духа, а другие еще не доросли до такой стадии, чтобы они могли выполнить свою историческую миссию. Народ сам по себе не развивается дальше своего призвания, поскольку это было бы равносильно тому, что дух народа дошел до желания чего-либо нового, а «это было бы, более высокое, более общее представление о себе самом, это значило бы, что он пошел далее своего принципа...»[1]. Осуществляется не просто смена цивилизаций, осуществляется всемирно-историческое развитие.

Изучая философию И. Кант, известный философ Гулыга А.В., показал, что немецкий ученый делает различие в таких понятиях как «культура» и «цивилизация»[2]. Внешний, технический тип культуры он называл цивилизацией. Культура возникает, живет, функционирует, имеет все свойства, которые присуще органической системе: «При виде произведения искусства надо сознавать, что это искусство, а не природа, но тем не менее целесообразность в форме этого произведения должна казаться столь свободной от всякой принудительности произвольных правил, как если бы оно было продуктом одной только природы»[3].

Общий вывод: философия, религия и искусство – феномены духа народа-нации, создающие цивилизацию, ибо выражают программы и коды и способы процесса познания как единого, создают особый мир ценностей, которые регулируют человеческое поведение, сплачивает нацию и дают ее иммунитет. Не случайно искусство, как и философию, можно назвать самосохранением сознания: это как бы художественный взгляд «изнутри» в рамках какой-либо эпохи или типа культуры. Известный философ М.К.

---

[1] Гегель Г.В.Ф. Эстетика в 4-х томах. – Т. 1. – М., 1968. – С. 342.

[2] Гулыга А.В. Кант сегодня // Кант И. Трактаты и письма. – М., 1980. – С. 98.

[3] Кант И. Соч.: В 6 т. – Т. 5. – М., 1965. – С. 321.

Мамардашвили считал, что благодаря искусству, происходит накопление и передача человеческой чувственности, духовности, обретение народом своего стержня. Философ, художник, создавая свои произведения доносит до нас дух и народа, его мышление, его процесс познания себя и мира. Именно с этой позиции следует рассматривать соотношение философии и искусства. Как мы видели, при тождественности содержания религия, философия, искусство отличается лишь формами познания и определяет материальное и духовное содержание народа, народ же определяет свою государственность и право. Сущность «народного духа» проявляется в государстве, его законах и учреждениях, представляющих определенным образом права граждан, в религии, искусстве, философии. То общее, которое проявляется и познается в государстве, та форма, под которую подводится все существующее, является тем, что составляет сущность цивилизации.

Цивилизация и сознание ее народа выраженный в трех ипостасях являются предпосылкой образования государства, действующим началом в народе является его дух, который создает действительный мир, который существует в религии, в культе, в обычаях, в государственном устройстве, в политических законах, этот дух находит выражение в искусстве и философии.

Национальная идея народа вырастет из истории цивилизационных процессов, религии, искусства, национальная идея выражает степень свободы, автономии, независимости и силы. Их невозможно рассматривать независимо друг от друга. Цель исторической жизни народа, который создает свою государственность – сознание своей духовной индивидуальности, своей уникальной культуры и философии.

Утверждать, что философия и искусство являются обслуживающим институтом, не имеющей самостоятельной ценности не правомерно, и ошибочно, безусловно, экономические отношения, политические институты оказывают влияние на духовную жизнь, но это влияние может быть выраженно с одной стороны, как создание условий для свободного самовыражения духа нации и сохранения целостности цивилизационных процессов, а с другой стороны может оказывать деструктивное влияние, что в конечном итоге приведет к гибели цивилизации и самой культуры.

Человек, цивилизация, народ живет не производительных силах, и не производственные отношения определяют религию и духовность, наоборот, религия и дух народа создают определенные производственные отношения и потом уже производительные силы. Философия, право, искусство, религия означает само здание, ради которого и для которого воздвигается фундамент, фундамент, соответствующий архитектуре здания. Не сознание определяет бытие, не материальная жизнь общества существует независимо от воли людей, от правовых норм, как раз наоборот, экономика общества определяется волеизъявлением людей, основанном на обычаях, традициях, и исторически складывающихся нормах.

Государство сохраняет, приумножает культуру, философию, формирует правовые нормы, формирует направления правовой политики способной преодолеть разногласия в различных общественных группах; единство и симфония интересов невозможна ни в одной социальной системе, тем не менее, основанием сохранения целого является оптимизации взаимодействия всех элементов целого, ибо доведение противоречий до антагонистических неизбежно приведет к уничтожению самой системы.

Цивилизация распадается, если превращается в атомарный конгломерат индивидов, не спаянных традицией, обычаями, религией, не все, живущие в государстве, составляют и представляют нацию, порой и субъективно люди не чувствуют своей неотделимости от нации, они сосуществуют с ней или лишь по формальным признакам причислены, приписаны к ней. Еще Кант увидел, что нацию образуют те люди, которые связаны общностью происхождения, культурных традиций, объединены в гражданское целое. Вряд ли это определение нации удовлетворит дотошного исследователя, но нельзя не видеть, что Кант оставляет за пределами нации как целостности чернь, сброд. Глобализация и современная цивилизация, при кажущемся движении вперед, отбрасывает человечество далеко назад в главном, чем и могло оно возвыситься в мире – в культуре[1].

Шпенглер, обладая широкими историческими познаниями, показывает, что каждая культура, исчерпав творческий внутренний потенциал, «мертвеет» и переходит в фазу цивилизации, для которой свойственны материализм, отрицание бытия бога, агрессивная внешняя политика, преобладание радикальных идей, массовый исход народа из деревни в город, в котором «в мировом городе нет народа, а есть масса»: «Мировой город означает космополитизм вместо «отчизны», холодный практический смысл вместо благоговения перед преданием и старшинством, научную иррелигиозность… Деньги как неорганическая, абстрактная величина, оторванная от всех связей со смыслом плодородной почвы, с ценностями исходного жизненного уклада»[2].

Такое впечатление, что продолжить цитату мог бы современный русский писатель, мыслитель, гражданин, ответственно всматривающийся в гибельные процессы раскола поколений, ловко обоснованного социологами рассуждениями о «субкультурах», особенно молодежной субкультуре, которая с подобными научными подпорками укрепляется в своем превосходстве над культурой отцов и всех прошедших поколений, т.е. прощается с культурной традицией, провозглашая сезонных кумиров «субкультуры».

Цивилизация, лишенная национальной культуры, собственной философии и объединяющей национальной идеи, и религии перемалывает нацию

[1] Корольков А.А. Образование между культурой и цивилизацией // «Духовные основания русской школы». – Бийск. НИЦ БГПУ им. В.М. Шукшина, 2004. – С. 68.

[2] Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М., 1993. – С. 65.

в население, в статистическую исчисляемую массу, без традиций, без корней, она «мнит себя венцом человеческого прогресса, неосознанно прикрыв свое дикарство, варварство побрякушками цивилизации. Цивилизованный человек внешне подчас выглядит вполне культурным человеком, он носит галстук, модный костюм, он имеет кажимость развитого человека, но куда устремлена его душа, что сталось с его душой? Стремится он к совершенству, к осмысленной жизни, или к утробной? Раскол поколений в революциях не случайно тянул за собой все остальные производные революции, ибо культура всегда консервативна, она стремится к органической преемственности. Культура, столкнувшись с всесилием глобализации, повисает в пустоте, у нее нет опоры, она более никому не нужна. Наступает невменяемость культуры. Физическое насилие – самый примитивный способ уничтожения чего-либо. Есть более тонкий способ – уничтожение культуры: она – внутреннее качество народа и способна сохраниться даже в случаях расправы над народом»[1].

Неслучайно сегодня культура отнесена Презентом РФ к числу национальных приоритетов: соответствии с Основами Государственной культурной политики экономические, социальные преобразования, готовность государства и общества ответить на современные вызовы, не возможно без инвестиций в человека. К наиболее опасным для будущего России возможным проявлениям этого кризиса отнесены: «снижение интеллектуального и культурного уровня общества; девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров; рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения; деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России; атомизация общества – разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма, пренебрежения правами других. Для недопущения реализации подобного негативного прогноза необходимо преодолеть межведомственные, межуровневые и межрегиональные противоречия по вопросам культурного развития, а также существующие ограничения в вопросах ресурсного обеспечения»[2].

Сегодня речь стоит о сохранении Российской цивилизации, укреплении преемственности поколений и других субъектов общества, содружества народов и их взаимодействия. Россия имея свою специфику, свою традицию составляет часть и западноевропейской, и восточной цивилизаций.

---

[1] Корольков А.А. Образование между культурой и цивилизацией // «Духовные основания русской школы». – Бийск. НИЦ БГПУ им. В.М. Шукшина, 2004. – С. 55.

[2] Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года // Распоряжение правительства РФ от 29 февраля 2016 года N 326-р [Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года].

Новый этап в развитии российской цивилизации должен состоять в сохранении и укреплении традиций в искусстве, религии, сохранении национальной правовой системы, формирования и укрепления институтов гражданского общества, в обеспечении расцвета общенациональной культуры. Сегодня происходит поиск и формирование новых интегральных идей с целью максимально приобщения и различных культурологических течений к модели российской цивилизации. Для большинства людей возникла потребность переосмыслить свои ориентиры, по-новому взглянуть на достижения цивилизации западной и российской, и на этом основании попытаться смоделировать будущее развитие личности, общества, государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Альбов А.П.* Нормы культуры как источник и форма права // Современный юрист. – 2013. – № 4 (5).

2. *Вышеславцев Б.П.* Философская нищета марксизма. – М., 1995.

3. *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика в 4-х томах. – Т. 1. – М., 1968.

4. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. – Книга 1. – СПб.: «Наука», 1993.

5. *Гулыга А.В.* Кант сегодня // Кант И. Трактаты и письма. – М., 1980.

6. *Кант И.* Соч.: В 6 т. – Т. 5. – М., 1965.

7. *Корольков А.А.* Образование между культурой и цивилизацией // «Духовные основания русской школы». – Бийск. НИЦ БГПУ им. В.М. Шукшина, 2004.

8. *Линьков Е.С.* Лекции разных лет. – СПб., 2012.

9. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года // Распоряжение правительства РФ от 29 февраля 2016 года N 326-р [Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года].

10. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М., 1993.

A.P. ALBOV
Doctor of Law, Candidate of Philosophy,
Professor, Professor of the Department
of Theory and History of Law and the State of NANO VO
The Institute of World Civilizations,
Moscow, Russia

PHILOSOPHY, RELIGION, ART AS THE BASIS FOR THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF CIVILIZATION

In this article, we consider civilization as a special type of social matter, analyze the optimal conditions for the harmonious growth of all components of the civilizational process, conclude that the basis for the formation of civilization is the philosophy, the religion of art as a means of self-knowledge, preservation, and giving a sustainable dynamic character of the nation's development.

Key words: *civilization, philosophy, religion, art, social matter, dialectics of development, philosophy of culture.*

УДК. 323.396

О.Н. ГРИШАЕВА
кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры истории
и археологии Елецкого государственного
университета им. И.А. Бунина, Россия, г. Елец
О.Е. ГРИШИН
кандидат политических наук,
доцент кафедры политического анализа
и управления Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва
А.В. ТОЛОЧКО
кандидат политических наук,
доцент кафедры философии и социальных наук
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ РЕЙТИНГ В РОССИИ: ФАКТОРЫ СТАБИЛЬНОСТИ И РОСТА

Статья посвящена некоторым факторам стабильности и роста рейтингов Президента России. Приведены показатели различных социологических агентств. Показана динамика президентского рейтинга. Проанализированы причины постоянства и устойчивого умножения и спада, которые отображают президентскую деятельность. Дан прогноз, на то какова будет динамика президентского рейтинга, жестко привязанного к текущей политической и экономической конъюнктуре. Отмечены потенциальные риски при использовании манипулятивных эффектов при формировании рейтингов.

Ключевые слова: *Россия, Путин, президент, рейтинг, стабильность манипулирование, санкции.*

Востребованность данного исследования обусловлена тем, что рейтинг В.В. Путина является неким мерилом качества российской политики, равно, как и сигналом, различным политическим акторам, пытающимся утвердиться как в рамках российского политического пространства, так и за его пределами. Важно определить, насколько показатели российских рейтингов, фиксирующих такую высокую поддержку В.В. Путина, объективно отражают политическую реальность, в создании которой лично участвует российский президент. Анализ показал, что тема рейтинга российского президента

рассматривается достаточно часто. Его исследование – это одно из важных направлений, приобретающее насущный характер для современной политической науки. Для этого используем метод case-study, позволяющий максимально глубоко исследовать конкретную политическую действительность.

Акцентируем внимание на том, что высокие позиции в рейтингах не являются результатом каких-то разовых акций, а отражают долгий процесс формирования личного имиджа российского президента, находящегося у власти уже 17 лет. Высокие рейтинги представляют собой способность конкретной политической персоналии справляться с нарождающимися вызовами и адекватно реагировать на них.

Одним из первых вызовов, с которым пришлось столкнуться В.В. Путину, был вопрос собственного позиционирования. В сознании россиян он прочно ассоциировался с преемником Б.Н. Ельцина, хотя и резко контрастировал со своим предшественником. По мнению А. Рара, президент России не просто остановил свой выбор на Путине – он сам «возложил корону на его главу», а затем пожелал, чтобы народ в ходе демократических выборов «благословил его на царство»[1]. Придерживается данной точки зрения и В.А. Зорин, считающий, что выбор Б.Н. Ельцина был его сугубо личным решением[2]. В принципе, в начале 2000-х гг. подобные ассоциации не означали серьезных имиджевых потерь. В.В. Путин гарантировал Б.Н. Ельцину и его семье неприкосновенность, чем закрепил преемственность политического курса России. Периодически в российском политическом дискурсе появляются выгодные для В.В. Путина сравнения нынешней стабильности с «лихими девяностыми». По мнению А.К. Зудина, в недавнем прошлом трудно было себе представить, что на месте режима Б.Н. Ельцина будет создан новый политико-институциональный порядок[3]. Х.А. Гаджиев в свою очередь констатирует, что «С момента учреждения и по сегодняшний день институт президента в России претерпел серьезную эволюцию. Роль президента увеличивалась не только в системе органов государственной власти, но также, начиная с 2000 года, стала выстраиваться вертикаль власти, которая фактически поставила под контроль главы государства политический процесс в субъектах России»[4].

Как оказалось, это вовсе не означало, что постепенно ранний этап становления государственности в России будет предан забвению. Свидетельством этого является открытие в ноябре 2015 года в Екатеринбурге «Ельцин Цен-

---

[1] Рар А. Владимир Путин. «Немец» в Кремле. – М.: ОЛМА ПРЕСС, 2002. – С. 4.

[2] Зорин В.А. Модели политического лидерства российских президентов // Полис. – 2010. – № 4. – С. 84.

[3] Зудин А.К «сообществу элит»? Трансформация политического режима в России // Общественные науки и современность. – 2010. – № 6. – С. 77.

[4] Гаджиев Х.А. Становление и особенности института президентства в России // PolitBook. – 2016. – № 1. – С. 120.

тра». Показательно, что В.В. Путин сохраняет уважение к памяти бывшего первого российского президента, хотя и не вмешивается в споры вокруг содержания его концепции и экспозиций, в которые оказалась втянута часть патриотического и либерального крыла российского общества. Цена подключения В.В. Путина к обсуждению данной проблемы уже может быть достаточно высокой. Предпочтения со стороны Н.С. Михалкова или Н.И. Ельциной могут означать для него, потенциально новые риски для своего рейтинга.

Также одним из важных вызовов, стоявших перед В.В. Путиным в самом начале президентства, была относительная стабилизация отношений на Северном Кавказе. Именно при его непосредственном участии была разработана формула, позволяющая поддерживать стабильность в Чечне. Конфликт удалось разрешить, правда, при этом, положение Чеченской Республики стало значительно отличаться от возможностей других субъектов РФ. Более того, при помощи Р.А. Кадырова авторитет В.В. Путина значительно растет на Северном Кавказе, равно, как и среди российских мусульман других регионов.

Вместе с тем, в российском информационном дискурсе уже практически отсутствуют некогда популярные послания, типа «Россия – для русских», некогда эксплуатировавшиеся некоторыми политическими акторами и являвшимися, как правило, в свое время концептуальными фигурами в избирательных кампаниях. Внимательный наблюдатель не может не заметить, что в настоящий момент данная тема табуирована, и, во многом, благодаря полностью подконтрольному В.В. Путину информационному пространству. Российская власть прекрасно понимает, насколько взрывоопасной может стать эта тема, поэтому любые дискуссии по этому поводу сегодня выведены из формата официальной политики.

Другим важным вызовом для В.В. Путина был общероссийский гражданский протест, актуализировавшийся в России после некоторых зафиксированных фальсификаций на выборах в Госдуму ФС РФ 2011 года, когда речь шла о «безальтернативных выборах, об имитации партийного строительства, о принятии государственных решений из одного политического центра, об исчезновении независимых средств массовой информации»[1]. На следующий год предстояли президентские выборы, и В.В. Путин столкнулся с волной общественного недовольства, выражавшегося в протестных акциях. Проблема заключалась в том, что общероссийский протест охватил не только крупные города, но и российскую провинцию[2]. Возникла серьезная угроза делегитимации власти перед президентскими выборами. Российская власть смогла преодолеть данный вызов с помощью различных мер, в том

[1] Медведев Н.П. Российский политический процесс: теория и практика // Вопросы политологии. – 2013. – № 2 (10). – С. 40.

[2] Скиперских А.В. Вызовы провинциального протеста // Свободная мысль. – 2011. – № 12. – С. 45.

числе и за счет появления существенных ограничений на протестную активность в Законодательстве РФ.

Безусловно, одной из важнейших причин возросшего доверия к В.В. Путину стала тема возвращения Крыма. Это его решение поддерживается большинством россиян. Констатируем, что здесь удалось утешить самолюбие большей части российского общества, и патриотическая риторика здесь не выглядела искусственно.

Политика В.В. Путина учитывает патерналистские ориентации россиян, позволяющие расширить государственное присутствие в экономике, при котором огромное количество российских граждан соглашаются на статус «работников бюджетной сферы», со всеми вытекающими отсюда, как экономическими последствиями (стабильная выплата зарплаты в установленный срок), так и политическими (зависимость политического участия от установлений «сверху», безоговорочное присутствие на митингах в поддержку власти и т.д.). Все это происходят наряду с формированием четких нарративов про государственное служение и патриотизм. Сложно отрицать и тот факт, что особой поддержкой российский президент пользуется у представителей силовых структур, довольствие которых растет быстрее, нежели представителей других профессиональных групп.

Дадим ряд результатов опросов. Анализ показал, что введенные против России международные санкции, падение рубля и рецессия в экономике России не повлияли на популярность В.В. Путина: его рейтинг в июне 2016 года достиг рекордно высокого уровня в 89%[1]. Но, «Левада-Центр» отмечает, что в ноябре 2016 количество россиян, заявивших об ухудшении своего отношения к В.В. Путину, составило 29%[2]. Важно отметить, что данное агентство находится в списке НКО – иностранных агентов. Далее: «Левада-Центр» констатирует беспрецедентный уровень одобрения работы действующего Президента Российской Федерации В.В. Путина, который в течение 2017 года находится на стабильном уровне выше 80%. При этом уровень одобрения действий «команды Президента», а именно: Председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведева, Правительства Российской Федерации в целом, губернаторского корпуса, Государственной думы и Совета Федерации не поднимался выше 50% и это очень усредненное значение, так как в отдельные периоды уровень поддержки действий отдельных указанных политических акторов падал и до 38%[3]. Парламент в России обладает все-

[1] Forbes в третий раз назвал Путина самым влиятельным человеком мира. Электронный ресурс. – URL: http: //forbes.ru›news…v-tretii…nazval-putina…vliyatelnym (дата обращения: 04.09.2017).

[2] Владимир Путин. Электронный ресурс. – URL: http://www.levada.ru/2016/12/13/vladimir-putin-4/ (дата обращения: 04.09.2017).

[3] Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр). Электронный ресурс. – URL: https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/ (дата обращения: 04.09.2017).

ми необходимыми средствами для повышения эффективности деятельности представительных органов, однако практически не реализует эти принципы на практике, вследствие чего институт парламентаризма находится в состоянии некоторой стагнации. Отсутствует партийная система, способная отразить интересы всех групп населения, не хватает взаимодействия Парламента с Общественной палатой. На этом фоне, в целом, присутствуют тенденции усиления репутации Президента России и силовых структур. По данным ВЦИОМ одобрение деятельности В.В. Путина в течение апреля – июля 2017 года практически не изменилось, россияне по-прежнему хвалят своего президента, несмотря на сложное экономическое положение в стране (Таблица 1)[1].

Таблица 1

Динамика еженедельных оценок одобрения и неодобрения деятельности государственных институтов за последний месяц, в %

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность: (закрытый вопрос, один ответ)	30.04.2017	07.05.2017	14.05.2017	21.05.2017	28.05.2017	04.06.2017	11.06.2017	18.06.2017	25.06.2017	02.07.2017
Одобрение										
Президент России	81,6	82,1	82,6	81,3	80,8	81,1	82,1	84,6	82,1	81,4
Неодобрение										
Президент России	12,9	12,3	11,0	12,1	12,1	12,2	10,9	9,3	10,6	11,3
Индекс (Индекс=Одобрение-Неодобрение)										
Президент России	69	70	72	69	69	69	71	75	72	70

Исследователи называют самым сложным для страны 2018 год, поскольку придется столкнуться с последствиями введенных со стороны иностранных государств санкций[2]. Считается, что ожидаемые экономические проблемы неизбежно скажутся на финансовом состоянии рядовых граждан, которые и будут отдавать свои голоса, придя на выборы Президента России в 2018 году.

Как отмечает Л.Ф. Шевцова, «Путин осознал, что может править в современной России, где все проблемы выходят на первый план, экономика рассыпается и народ недоволен, только закрыв окна, зацементировав двери и мобилизовав российское население за счет военно-патриотической риторики»[3]. По мнению В.Л. Иноземцева «путинская Россия находится се-

[1] ВЦИОМ: Деятельность государственных институтов. Электронный ресурс. – URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_institutov/ (дата обращения: 04.09.2017).

[2] Выборы Президента России 2018 – кто будет следующим… Электронный ресурс. – URL: http://mosadvokat.org (дата обращения: 04.09.2017).

[3] Российский профессор: Цель Москвы – создать российскую прокремлевскую колонну в украинской Раде. Электронный ресурс. – URL: http://nv.ua/publications/proputinskiy-central-rossiyskiy-professor-politologii-shevcova-23743.html (дата обращения: 04.09.2017).

годня в состоянии, когда нанести ей серьезный удар могут два фактора: критически неадекватные действия самой бюрократии или резкое изменение глобальной хозяйственной конъюнктуры. Все это предполагает неизменность политического и экономического курса власти»[1]. По мере умножения внешнеполитических вызовов для России подобная риторика становится все более частой.

Упор на государственные интересы ставится выше других в пику европейской либеральной модели. Неслучайно, одним из самых цитируемых В.В. Путиным русских философов является И.А. Ильин. Видимо, именно этим обстоятельством и продиктован тот факт, что, несмотря на некоторое ухудшение социально-экономической ситуации в России в конце 2014-2016 гг. и международные санкции, углубляющие отдельные внутренние проблемы в России, рейтинг российского президента не претерпевает каких-то серьезных колебаний, оставаясь стабильно высоким.

Как уже отмечалось, высокий рейтинг В.В. Путина, фиксирующийся на протяжении всего 2016 года является справедливым следствием его реальных заслуг в формировании определенной модели взаимоотношений власти и общества. Но, реальные заслуги В.В. Путина еще и необходимо как-то доносить до общества. Поэтому, в настоящий момент чрезвычайно актуализируется вопрос подчинения российского информационного поля. Нужно признать, что едва ли не ключевое место в практиках российской власти занимает аппарат СМИ, как правило, формирующий для россиян необходимую российской власти картину мира.

Н. Луман отмечал, что лишь в крайнем варианте «принуждение сводится к применению физического насилия»[2]. Власть, которая умело контролирует политический дискурс, прибегает к прямому насилию, в крайнем случае, сосредотачиваясь на насилии опосредованном. Хотя, в случае России могут быть заметны примеры, когда репрессивный аппарат порой немилосерден в отношении тех представителей общественности, от которых исходит повышенная опасность.

Причина стабильности успешной политической конструкции, выстроенной В.В. Путиным, скрывается и в том, что у российских интеллектуалов, обладающих как оппозиционным мышлением, так и чувством пропорции и справедливости, постепенно отпадает желание состязаться за «правду» в их понимании. Протестные действия начинают концентрироваться в онлайн, но не в офлайн-режиме.

Непредсказуемость позиции В.В. Путина по некоторым вопросам становится отличительной чертой его третьего президентского срока. Показательно, что каким бы ни было его решение, оно демонстрируется обществу

[1] Иноземцев В.Л. Перспективы развития России в новом политическом цикле // Полис. – 2012. – № 3. – С. 17.

[2] Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001. – С. 250.

как оптимальное и просчитанное, что определенно сказывается на стабильном росте его рейтинга. Вспомним, как реагировало Интернет-пространство на ситуацию с обвалом котировок акций российских компаний. Наряду с панической реакцией некоторых пользователей, была и хладнокровная уверенность других в том, что В.В. Путин контролирует и этот процесс, что не замедлило сказаться на появлении такого интернет-мема как «многоходовка Путина».

Высокий рейтинг одобрения деятельности В.В. Путина на посту Президента РФ, на наш взгляд, является, с одной стороны, как отражением его реальных заслуг по стабилизации политической ситуации в современной России, равно, так и представляет собой следствие некоторых манипулятивных эффектов неотъемлемо присутствующих практически в каждом политическом процессе разных стран, а также зависит от использования «традиционных политических технологий, используемых для достижения результата в создании у населения определенных политических убеждений и ориентаций»[1]. Рост рейтингов В.В. Путина было бы верно объяснить еще и с точки зрения постоянного взаимодействия власти с оппозицией. Высокий рейтинг может означать слабые шансы на обретение *status quo* самой оппозицией. Правящая элита доминирует в политическом пространстве современной России, а электоральные циклы не приводят к изменению позиций некоторых политических акторов. Инициативы органов власти работают на сохранение самой власти, поэтому зачастую их решениями является «сужение пространства протестной активности»[2].

В России нет консолидированной оппозиции, но у нее остается определенный инструментарий заявлять о себе. Но, как правило, представители оппозиционных движений значительно проигрывают власти борьбу за присутствие в информационном поле. Подобная конъюнктура характеризует не только уровень федеральной политики, но и распространяется на региональный и местный уровень.

Рейтинги – вещь, подверженная постоянной динамике. На наш взгляд, высокие рейтинги таят в себе манипуляционную опасность. Слишком велико искушение недооценить появление новых вызовов, рассчитывая на спасительные возможности СМИ. Буквально на глазах вызовы могут умножаться, вызванные эффектами глобализации. Как верно отмечает А. Панищев, «процессы глобализации, как правило, не способствуют интеграции культур, а чаще наоборот – вносят раскол внутри культур»[3].

---

[1] Нестерчук О.А. Традиционные и инновационные политические технологии в информационно-психологическом противоборстве // PolitBook. – 2015. – № 2. – С. 84.

[2] Скиперских А.В. Право на сопротивление: политико-философская ретроспектива // Социум и власть. – 2015. – № 5. – С. 71.

[3] Панищев А.Л. Национальные культуры в условиях диктатуры глобализации // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. – 2013. – № 1-2 (1). – С. 38.

Таким образом, Президента России ожидают новые вызовы, и его рейтинг будет подвержен колебаниям в зависимости от политической и экономической конъюнктуры. Эти факторы изменят структуру его рейтинга, поставят перед необходимостью задуматься о трансформации политической системы в целом. Но, рейтинг В.В. Путина не только в России, но и в мире продолжает расти. По версиям нескольких зарубежных журналов и издательств российскому президенту несколько раз были присуждены премии – «Человек года». Его влияние в России и в мире продолжает увеличиваться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр). Электронный ресурс. – URL: https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/.

2. *Владимир Путин.* Электронный ресурс. – URL: http://www.levada.ru/2016/12/13/vladimir-putin-4/.

3. ВЦИОМ: Деятельность государственных институтов. Электронный ресурс. – URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_institutov/

4. Выборы Президента России 2018 – кто будет следующим… Электронный ресурс. – URL: http://mosadvokat.org.

5. *Гаджиев Х.А.* Становление и особенности института президентства в России // PolitBook. – 2016. – № 1.

6. *Зорин В.А.* Модели политического лидерства российских президентов // Полис. – 2010. – № 4.

7. *Зудин А.К* «сообществу элит»? Трансформация политического режима в России // Общественные науки и современность. – 2010. – № 6.

8. *Иноземцев В.Л.* Перспективы развития России в новом политическом цикле // Полис. – 2012. – № 3.

9. *Луман Н.* Власть. – М.: Праксис, 2001.

10. *Медведев Н.П.* Российский политический процесс: теория и практика // Вопросы политологии. – 2013. – № 2 (10).

11. *Нестерчук О.А.* Традиционные и инновационные политические технологии в информационно-психологическом противоборстве // PolitBook. – 2015. – № 2.

12. *Панищев А.Л.* Национальные культуры в условиях диктатуры глобализации // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. – 2013. – № 1-2 (1).

13. *Рар А.* Владимир Путин. «Немец» в Кремле. – М.: ОЛМА ПРЕСС, 2002.

14. Российский профессор: Цель Москвы – создать российскую прокремлевскую колонну в украинской Раде. Электронный ресурс. – URL: http://nv.ua/publications/proputinskiy-central-rossiyskiy-professor-politologii-shevcova-23743.html.

15. *Скиперских А.В.* Вызовы провинциального протеста // Свободная мысль. – 2011. – № 12.

16. *Скиперских А.В.* Право на сопротивление: политико-философская ретроспектива // Социум и власть. – 2015. – № 5.

17. Forbes в третий раз назвал Путина самым влиятельным человеком мира. Электронный ресурс. – URL: http://forbes.ru›news…v-tretii…nazval-putina…vliyatelnym.

O.N. GRISHAEVA
Ph.D. in Political Science,
Senior Lecturer of the Department of History
and Archeology, Yelets State University I.A. Bunin,
Elets, Russia
O.E. GRISHIN
Ph.D. in Political Science, Associate Professor,
Department of Policy Analysis and Management,
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
A.V. TOLOCHKO
Ph.D. in Political Science, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Social Sciences,
Yelets State University I.A. Bunin,
Elets, Russia

PRESIDENTIAL RATING IN RUSSIA: FACTORS OF STABILITY AND GROWTH

The article is devoted to some factors of stability and growth of ratings of the President of Russia. Indicators of various sociological agencies were given. The dynamics of the presidential rating was shown. The reasons of permanence and sustainable multiplication and decrease, which reflect presidential activity, were analyzed. The forecast of the dynamics of the presidential rating, tightly tied to the current political and economic conjuncture was given. Potential risks were noted in the case of using manipulative effects in the formation of ratings.

Key words: *Russia, Putin, president, rating, stability, manipulation, sanctions.*

УДК 32.328

А.А. АМИАНТОВ
кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
ассистент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ: ЦЕЛИ ИХ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы создания политических партий в современной России, их представительство в Государственной Думе с первого по седьмой созыв. На основе анализа целей деятельности партийных структур предлагаются некоторые корректировки действующих нормативных правовых актов.

Ключевые слова: *политические партии, выборы, парламент, представительство.*

Важной отличительной чертой современного Российского государства является многопартийность. Следует отметить, что процесс разрушения монополии одной партии на власть начался еще в конце 80-х годов XX века, на закате существования Советского Союза. Особо активно он начал проявляться во время проведения Съездов народных депутатов СССР и завершился принятием 14 марта 1990 года Закона о внесении изменений в Конституцию СССР. Этим Законом была принята новая редакция статьи 6 Конституции СССР следующего содержания: Коммунистическая партия Советского Союза, другие политические партии, а также профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения через своих представителей в Советах и в других формах участвуют в выработке политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами[1]. Съезд народных депутатов России пошел еще дальше. Из Конституции РСФСР было вообще исключено упоминание о коммунистической партии.

Такие конституционные преобразования стали своеобразным сигналом для создания новых партий. Этот исторический период следует характери-

[1] См.: Ведомости Съездов народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 123. – Ст. 189.

зовать как первый этап партийного строительства на принципах идеологического многообразия. В конце 80-х годов XX века появляются общественные объединения партийного типа, в том числе Демократический Союз (май 1988 года), Пролетарская коммунистическая партия СССР (октябрь 1988 года), Национально-демократическая партия (июль 1989 года). Всего к началу 90-х XX века в СССР насчитывалось более 60 тысяч различных общественных образований, объединений и движений[1]. Законодательной основой для деятельности этих общественных объединений стал Закон СССР «Об общественных объединениях». В нем был определен порядок создания и деятельности политических партий[2].

Этим законом устанавливалась минимальная численность членов партии в количестве не менее пяти тысяч человек, а также запрет на членство в партиях иностранных граждан, недопущение коллективного членства в партиях. В соответствии с требованиями Закона СССР «Об общественных объединениях» только в РСФСР на ноябрь 1991 года было создано 120 политических организаций и движений, включая 47, которые в своем наименовании имели слово «партия»[3].

В 1991 году была прекращена деятельность КПСС и Компартии РСФСР на территории Российской Федерации. По этому вопросу Президентом РСФСР были изданы указы от 23 августа 1991 года «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР[4] и от 6 ноября 1991 года «О деятельности КПСС и КП РСФСР»[5]. Этими указами были распущены организационные структуры КПСС и КП РСФСР на территории Российской Федерации. Однако Конституционный Суд признал их роспуск неконституционным[6]. Такое решение создало в стране определенную политическую напряженность. В то же время решение Конституционного Суда способствовало укреплению демократических начал в Российской Федерации, свидетельствовало о наличии реальных юридических гарантий для развития демократии, способствовало утверждению идей парламентаризма. Ведь принципиально значимым условием их воплощения в жизнь является создание гарантий для деятельности политических партий.

---

[1] См.: Развитие парламентаризма, совершенствование организации выборов и использования эффективных избирательных технологий. – М., 2014. – С. 32.

[2] См.: Ведомости Съездов Советов народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 42. – Ст. 839.

[3] См.: Автономов А.С. Основные проблемы системы в России // Формирование политической системы России / Под ред. А. Кортунова. – М., 1996. – С. 32.

[4] Ведомости Съездов Советов народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 35. – Ст. 1149.

[5] Ведомости Съездов народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 35. – Ст. 1164.

[6] Ведомости Съездов народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 11. – Ст. 400.

Изменение государственного строя повлекло за собой потребность существенной корректировки законодательства об общественных объединениях. В связи этим Министерством юстиции России 7 апреля 1993 года были приняты Временные правила регистрации уставов политических партий и иных общественных объединений в Министерстве юстиции Российской Федерации, а 16 сентября 1994 года был издан приказ «Об утверждении в новой редакции Временных правил регистрации уставов политических партий и иных общественных объединений в Министерстве юстиции Российской Федерации»[1].

Права политических партий как субъектов избирательного процесса по выборам первого российского парламента определялись и в Указе Президента Российской Федерации от 1 октября 1993 года №1557 «Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период»[2].

К выборам российского парламента в декабре 1993 года подошли 35 общественных объединений, которые считали себя готовыми для политической борьбы за депутатские мандаты. В Центральную избирательную комиссию поступили списки кандидатов в депутаты по общефедеральному списку от 21 избирательного объединения. Реально участвовали в выборах 13 избирательных объединений, набравших в свою поддержку 100 тысяч подписей избирателей. Но пятипроцентный барьер преодолели только 8 объединений – Аграрная партия России, Блок Явлинский-Болдырев-Лукин (партия «Яблоко»), Демократический выбор России, Демократическая партия России, Коммунистическая партия России, Партия российского единства и согласия, политическое движение «Женщины России», Либерально-демократическая партия России.

После данного важнейшего политического события продолжалось совершенствование правового регулирования деятельности политических партий с учетом принципов и норм международного права, касающихся принципа политического многообразия, а именно Всеобщей декларации прав человека 1948 года и Международного пакта о гражданских и политических правах[3].

В 1995 году был принят Федеральный закон «Об общественных объединениях». Важной особенностью данного Закона было то, что в нем было подтверждено действие нормы статьи 6 Закона СССР «Об общественных

---

[1] Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств Российской Федерации. – 1994. – № 12.

[2] Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 41. – Ст. 3907.

[3] См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.

объединениях» о минимально необходимой для регистрации численности политической партии в количестве пяти тысяч человек.

В избрании депутатов второго созыва Государственной Думы в 1995 году (сроком на 4 года, а не на 2 года, как это было в первом созыве) также принимали участие не только политические партии, но и избирательные объединения, состоящие из общественно-политических движений и общественных объединений. Всего в этих выборах участвовали 43 избирательных объединения. Но пятипроцентный барьер преодолели только четыре политических партии – КПРФ, ЛДПР, «Наш дом – Россия» и «Яблоко».

В период действия Государственной Думы второго созыва законодатель уточняет понятия «избирательное объединение», характеризуя его как политическое общественное объединение, охватывающее политические партии, иные политические организации и политические движения[1].

Федеральным законом от 19 июля 1998 года №112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общественных объединениях»[2] устанавливается, что политическим общественным объединением является общественное объединение, в уставе которого закреплена обязанность участвовать в политической жизни общества посредством участия в выборах представительных органов власти. При этом заужалось количество видов общественных объединений, которые могли признаваться политическими общественными объединениями. Кроме того, вводилась обязательная государственная регистрация политического общественного объединения, к которым стали относиться только политические партии и политические движения. По состоянию на 1 января 1999 года Министерством юстиции России были зарегистрированы 139 политических общественных объединений, в том числе 44 объединения, которые именовали себя партиями[3].

В избирательной кампании 1999 года по выборам Государственной Думы третьего созыва участвовали 26 избирательных блоков и объединений. Победителями стали шесть избирательных объединений – КПРФ, «Межрегиональное движение «Единство»», избирательный блок «Отечество – вся Россия», Союз Правых Сил, «Яблоко», Блок Жириновского.

Важной вехой в партийном строительстве стало принятие Федерального закона от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях»[4]. В преамбуле этого Закона отмечается, что в Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность. Исходя из этого

---

[1] См.: Федеральный закон от 19 сентября 1997 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 38. – Ст. 4339.

[2] Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 30. – Ст. 3608.

[3] См.: Общероссийские избирательные объединения. Справочник. / Под ред. О.К. Застрожной. – М., 1999.

[4] Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.

конституционного принципа, государством гарантируется равенство политических партий перед законом независимо от изложенных в их учредительных и программных документах идеологии, целей и задач. Хотя согласно Федеральному закону «О политических партиях» только политические партии становились участниками избирательных кампаний, в Федеральный закон № 67-ФЗ была внесена норма, согласно которой в течение двух лет со дня вступления в силу Федерального закона № 95-ФЗ «О политических партиях» избирательными объединениями наряду с политическими партиями признавались общероссийские объединения, созданные и зарегистрированные в соответствии с Федеральным законом «Об общественных объединениях», что позволяло им участвовать в выборах депутатов четвертого созыва Государственной Думы.

Эти выборы состоялись 7 декабря 2003 года. В них участвовали 39 политических партий и одно общественное объединение. Выборы проходили по смешанной избирательно системе. При этом избирательными комиссиями было зарегистрировано 2058 кандидатов в депутаты Государственной Думы, в том числе от политических партий было выдвинуто 1045 кандидатов (50,78%), избирательными блоками – 256 (12,44%) в порядке самовыдвижения – 757 (36,78%). Депутатами Государственной Думы стали 103 человека от политической партии «Политическая партия «Единая Россия»», 17 – от политической партии «Народная партия Российской Федерации», 12 – от КПРФ, 8 – от избирательного блока «Родина» (народно-патриотический Союз). Депутатами стали и 67 самовыдвиженцев[1].

По единому федеральному списку кандидатов в депутаты была избрана вторая половина депутатского корпуса четвертого созыва Государственной Думы, в том числе от Всероссийской политической партии «Единство и Отечество» – «Единая Россия» – 120 (53,33%), КПРФ – 40 (17,78%), от ЛДПР – 36 (16,00%), от Народно-патриотического Союза «Родина» – 29 (12,89%)[2].

В дальнейших – пятой и шестой избирательных кампаниях по выборам депутатов Государственной Думы принимали участие только политические партии. Согласно в Федеральному закону от 23 июня 2003 года № 85-ФЗ «О внесении изменения в статье 36 Федерального закона» «О политических партиях» и внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» избирательным блоком стал признаваться только создаваемый для совместного участия в выборах добровольный союз двух или трех политических партий[3].

---

[1] См.: Сборник. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – М., 2003. Электоральная статистика. – 2004.

[2] См.: Указанный Сборник.

[3] Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 26. – Ст. 2574.

Полная монополия политических партий на выборы депутатов Государственной Думы была закреплена Федеральным законом от 18 мая 2005 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»[1]. Этим Законом была введена пропорциональная избирательная система. В связи с этим только политические партии могли бороться за депутатские мандаты, что повышало их значимость и одновременно ответственность за развитие парламентаризма.

Несколько ранее – 20 декабря 2004 года Федеральным законом № 168[2] в Федеральный закон «О политических партиях» были внесены изменения, которыми законодатель установил минимальную численность политической партии в количестве пятидесяти тысяч человек. Кроме того, каждая партия должна была иметь в более чем половине субъектов Российской Федерации региональные отделения численностью не менее пятисот членов, а в остальных субъектах России – не менее двухсот пятидесяти членов. Такие правовые новеллы были «на руку» крупным партиям и сужали уровень конкурентности между ними, что нельзя оценивать позитивно для развития парламентаризма.

В результате таких новшеств на момент выборов депутатов Государственной Думы пятого созыва в 2007 году в нашей стране насчитывалось 15 политических партий, а в выборах участвовало 11 политических партий. В состав новой Государственной Думы вошли представители четырех политических партий – «Единой России», КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России». Большинство депутатских мандатов завоевали претенденты от политической партии «Единая Россия».

Федеральным законом от 28 апреля 2009 года № 75-ФЗ[3] несколько снизились требования к количественному составу политических партий. Минимальное число их членов уменьшилось до 40 тысяч, соответственно сокращались нормативы по численности региональных отделений политических партий.

Такие правовые меры не остановили процесс сокращения политических партий. Ко дню выборов депутатов Государственной Думы шестого созыва – 4 декабря 2011 года в России осталось 7 официально зарегистрированных политических партий. Все они приняли участие в избирательной кампании по выборам депутатского корпуса. Однако семипроцентный барьер удалось преодолеть только четырем политическим партиям – «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия».

В период деятельности Государственной Думы шестого созыва вновь существенно расширились возможности для создания политических партий. Федеральным законом от 2 апреля 2012 года № 28-ФЗ были внесены

[1] Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 21. – Ст. 1919.
[2] Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 52 (часть 1). – Ст. 5272.
[3] Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 18 (часть 1). – Ст. 2155.

весьма радикальные изменения в Федеральный закон о политических партиях. При этом было установлено, что в политической партии должно состоять не менее чем пятисот членов – граждан Российской Федерации, а минимальная численность ее региональных отделений должна определяться самой партией с последующей фиксацией в Уставе политической партии.

В условиях смешанной избирательной системы (как это уже было на выборах 1993, 1999 и 2003 гг.) и вновь вернувшейся в российское политическое пространство многопартийности[1], 18 сентября 2016 года прошли выборы в Государственною Думу седьмого созыва, в которых приняли участие четырнадцать политических партий. Пониженный, с семи до пяти процентов, избирательный барьер как всегда удалось преодолеть парламентским политическим партиям – «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». В результате, из 450 депутатских мандатов, 343 получили представители партии «Единая Россия», 42 – КПРФ, 40 – ЛДПР и 22 – «Справедливая Россия». По одному депутатскому мандату получили представители непарламентских политических партий – «Родина» и «Гражданская платформа». Также депутатом Государственной Думы седьмого созыва стал один единственный самовыдвиженец – Резник Владислав Матусович, который вскоре влился в ряды доминирующей в парламенте депутатской фракции партии власти.

Таким образом, можно констатировать, что политические партии стали связующим звеном между Государственной Думой и избирателями. Столь ответственной миссией политических партий, устойчиво занимающих все депутатские места в Государственной Думы и получивших в связи с этим неофициальное название «парламентских» партий, диктуется потребность в создании устойчивой конституционно-правовой основы для их деятельности. Такая основа в настоящее время сложилась, что является гарантией для достижения «Единой России», КПРФ, ЛДПР и «Справедливой Россией» своих уставных целей и выполнения своих программных документов через парламентские фракции и в период деятельности текущего, седьмого созыва Государственной Думы. Естественно, не закрыты «двери» в парламент и для других политических партий.

Конституционной основой для деятельности политических партий в Российской Федерации в настоящее время являются положения статьи 13 Конституции Российской Федерации о признании в нашей стране идеологического многообразия и многопартийности, а также ее статьи 30 о конституционном праве каждого гражданина на объединение. Наличие этих положений следует рассматривать и как конституционные гарантии функционирования политических партий.

[1] По состоянию на 17 июня 2016 года Министерством юстиции РФ было зарегистрировано 74 политические партии.

Законодательная основа создания и деятельности политических партий прежде всего находится в Федеральном законе от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях». Согласно статье 3 этого закона к политической партии как к общественному образованию, созданному в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества предъявляются следующие требования. Во-первых, политическая партия должна иметь региональные отделения не менее чем в половине субъектов России. При этом в субъекте Российской Федерации может быть создано только одно региональное отделение данной политической партии. Во-вторых, в политической партии должно состоять не менее пятисот членов политической партии. Однако следует иметь в виду, что ее членами могут быть граждане Российской Федерации, достигшие возраста 18 лет. Такое право не распространяется на граждан Российской Федерации, признанных судом недееспособным, а также иностранцев и лиц без гражданства. В-третьих, руководящие и иные органы политической партии, ее региональные отделения и иные структурные подразделения должны находиться на территории Российской Федерации.

В части 4 статьи 3 Федерального закона от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ определены цели политической партии. Таковых четыре, а именно формирование общественного мнения, политическое образование и воспитание граждан, выражение мнений граждан по любым вопросам общественной жизни, доведение этих мнений до сведения широкой общественности и органов государственной власти. Четвертая цель – это выдвижение кандидатов (списков кандидатов) на выборах Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы, высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, выборных должностных лиц местного самоуправления, в законодательные органы субъектов Российской Федерации и в представительные органы муниципальных образований, участие в указанных выборах, а также в работе избранных органов.

Представляется, что первые две цели скорее относятся к просветительским организациям типа общества «знания» и вряд ли достижимы имеющимися у политических партий возможностями. Ведь им в полной мере не принадлежат такие инструменты формирования общественного мнения как телевидение, радио, интернет, печатные издания. Так же, как правило, политические партии не имеют своих телевизионных каналов или радиопередач. В тоже время стоит отметить, что все парламентские партии имеют свои интернет-сайты и печатные издания, а у партии ЛДПР есть даже специальный телевизионный канал под названием «ЛДПР ТВ». Содержание подобных медиа ресурсов требует серьезных финансовых вливаний, такое обстоятельство ставит в неравное положение политические партии, представленные в Государственной Думе и имеющие государственное финан-

сирование, и непарламентские партии, существующих в основном за счет пожертвований и членских взносов.

Что касается третьей цели, то трудно представить целесообразность создания политической партии для «выражения мнений граждан по любым вопросам общественной жизни». Ведь общественная жизнь весьма многообразна и может проявляться в разнополярных взглядах. Поэтому, на наш взгляд, на законодательном уровне закреплять выше названную цель не корректно. Партия не должна выражать мнение граждан по любым вопросам общественной жизни. Ведь их взгляды могут не соответствовать идеологии соответствующей партии. Если партия будет стремиться к этому, она потеряет свои отличительные черты, «растворится в любых вопросах общественной жизни».

Не удачны и такие законодательные ориентиры для деятельности партий как доведение мнений по любым вопросам общественной жизни «до сведения широкой общественности и органов государственной власти». Во-первых, как известно, понятие «широкая общественность», не имеет политико-правового содержания, а, следовательно, нет политического смысла партии решать вопрос о том, кто же относится к широкой общественности. Что касается доведения этого мнения до органов государственной власти, то для этого вполне достаточно иных каналов связи между гражданами и этими органами. Для этого, например, широко используются обращения, заявления, жалобы граждан, социологические опросы, публичные слушания и т. д.

В целом, на наш взгляд, первые три цели не соответствуют предназначению политических партий, принижают их авторитет, заведомо ставят перед партиями абстрактные цели. В связи с этим желательно конкретизировать эти цели с учетом специфики политических партий и их отличия от иных общественных объединений.

Целесообразна корректировка и четвертой цели политической партии. Ведь выдвижение кандидатов на выборные государственные должности это не цель, а деятельность по достижению цели. Таковой целью является, как это записано в части 1 статьи 3 Федерального закона от 21 июля 2011 года № 95-ФЗ «представление интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления». Следует заметить, что определение этой цели в указанной норме не требует ее повторения в усеченном виде в части 4 этой статьи упоминанием о том, что к целям политической партии относится «участие в работе избранных органов». В данном случае очевидно нарушение правил юридической техники. Устранение этого нарушения видится в корректировке четвертой цели, имея в виду перенесение акцента на полное участие политической партии в избирательных кампаниях, а не только на ее часть в виде «выдвижения кандидатов (списков кандидатов)». Ведь выдвижением кандидатов в депутаты не ограничивается избирательная кампания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Авакьян С.А.* Конституционно-правовой статус политических партий в России. – М., 2011.

2. *Авакьян С.А.* Федеральное Собрание – Парламент России. – М., 1999.

3. *Автономов А.С.* Основные проблемы системы в России // Формирование политической системы России / Под ред. А. Кортунова. – М., 1996.

4. *Астафичев П.А.* Институт народного представительства в современной России. – Орел, 2003.

5. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации. – М., 1999.

6. *Варлен М.В.* Статус парламентария: теоретические проблемы. – М., 2011.

7. *Гайдук В.В.* Политические партии в условиях российского федерализма: послевыборная трансформация // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2011. – № 1.

8. *Глебов В.А., Амиантова И.С.* Европейский мультикультурализм: миф или реальность? // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2016. – № 4.

9. *Гончаров П.К.* Власть и оппозиция в контексте российской многопартийной системы // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. – 2014. – № 1.

10. *Гранкин И.В.* Конституционно-правовые основы российского парламентаризма. – М., 2005.

11. *Гранкин И.В.* Парламент России. – М., 1999.

12. *Гранкин И.В.* Правотворческий процесс: учебное пособие. – М.: Проспект, 2016.

13. *Дюверже М.* Политические партии. – М., 2002.

14. *Лукьянов А.И.* Парламентаризм в России. – М., 2010.

15. *Лукоянов И.В.* У истоков Российского парламентаризма. – СПб., 2003.

16. *Медведев Н.П., Николаев К.В.* Парламентско-правительственные кризисы в современной России. – М.: Издательский Дом МИСиС, 2014.

17. *Медведев Н.П.* Современные проблемы становления российской модели многопартийности // Вопросы политологии. – 2012. – № 3.

18. *Медведев Н.П.* Межпартийные конфликты как источник общественно-политического развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2016. – № 4.

19. *Медведев Н.П.* Государственная Дума и Совет Федерации 1993 года: история первых заседаний // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – № 1.

20. Парламентское право России // Под ред. Т.Я. Хабриевой. – М., 2013.

21. Сборник. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – М., 2003. Электоральная статистика. – 2004.

22. *Шеховцов В.А.* Становление отечественного парламентаризма // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт. – М., 2003.

23. *Явчуновская Р.А.* Стратегия модернизации современного политического курса России // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2013. – № 3-4.

A.A. AMIANTOV
Ph.D. (political sciences), Associated Professor
of the Department of Political Sience
and Political Management of the Russian Presidental
Academy of National Economy and Public Administration
in the direction of political institutions, processes
and technologies, Assistant Professor at the Chair
of Political Analysis and Management,
Russian Peoples' Friendship University, Moscow, Russia

MODERN POLITICAL PARTIES IN RUSSIA: THE PURPOSE OF THEIR CREATION AND ACTIVITIES

The article deals with the creation of political parties in modern Russia, their representation in the State Duma from the first to the seventh convocation. The author analyzes the objectives of parties activities. On the basis of this analyse some adjustments to the existing normative legal acts are made.

Key words: *political parties, elections, parliament, representation.*

УДК 323.2

Д.В. МЫШЬЯКОВА
аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

РЕКРУТИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Взаимодействие государства и гражданского общества представляет собой многогранный процесс с большим числом акторов. На современном этапе развития российской политической действительности по-прежнему актуальны поиски способов оптимизации взаимодействия государства и общественных организаций. Цель данной статьи – обоснование рекрутизации политической активности как значимой тенденцией эволюции гражданского общества в Российской Федерации. В работе рассмотрены конкретные примеры гражданского участия и общественного активизма, проанализированы тенденции, как во внутриполитическом, так и во внешнеполитическом контексте.

Ключевые слова: *гражданское общество, политическая активность, общественные организации.*

Достижения современного российского политологического знания, выразились в создании стройных и убедительных теорий гражданского участия и общественного активизма[1]. Вместе с тем исследования гражданского общества не теряют своей актуальности, так как постоянно складываются новые обстоятельства его функционирования[2]. Происходит, придание политической деятельности более открытого общественного характера в ходе упрочения публичной политики, субъектами которой становятся именно институты гражданского общества[3].

---

[1] Кравченко И.И. Концепция гражданского общества в философском развитии // ПОЛИС. – 1991. – № 5. – С. 128-138; Доманов В.Г. Концепт гражданского общества: российские реалии. – Ростов/нД: Изд-во СКАГС, 2009. – С. 256.

[2] См.: Третий сектор в России: текущее состояние и возможные модели развития. Доклад о развитии институтов гражданского общества в России. Фонд развития гражданского общества. Электронный ресурс. – URL: http://civilfuNd.ru/mat/view/20/ (дата обращения: 01.11.2017).

[3] Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России: исчерпание государствоцентричной матрицы развития // ПОЛИС. – 2002. – № 4. – С. 60-65.

Значимой тенденцией эволюции гражданского общества в современной РФ становится ***рекрутизация политической активности гражданских общественных объединений и движений.*** Рассмотрим эту тенденцию подробнее, выделяя внутриполитический и внешнеполитический аспекты ее содержания.

Внутриполитический аспект. Типичным проявлением *рекрутизации к политическому и государственному участию гражданских активистов в современной РФ* становится позиционирование гражданского общества (его субъектов и институтов) в решении насущных социальных проблем населения. Современная действительность отличается политизацией жизни общества и *новым политическим вовлечением*, множество российских граждан испытывают интерес, прежде всего, к проблемам внутренней политики, которая воспринимается гражданами через призму жизненных интересов[1].

Выделим, на наш взгляд, основную причину разрастания участия граждан и общественных организаций во внутренней политике РФ. Оно происходит в связи с их стремлением к решению жизненно важных проблем. Сегодня множество граждан (прежде всего, население больших городов России) совместно с органами МСУ осуществляют программы ЖКХ, малые проекты, инициативы ТСЖ, садовых товариществ и иных корпораций по созданию эффективного жизненного и общественного пространства.

Гражданские активисты все в большей мере интересуются осуществлением мероприятий административной реформы и реформы местного самоуправления (прежде всего), которые в разных регионах РФ проходят с разным успехом и с использованием разных технологий. Общественные организации и движения вникают в суть управленческих решений, прежде всего, тех, которые касаются местных налогов, переподчинения производственных объектов и объектов инфраструктуры, ведомственной принадлежности территорий, природно-рекреационных и эколого-курортных объектов. Также общественные активисты проявляют высокий интерес к сохранению историко-культурного наследия и трактовок исторических сюжетов в отношениях между разными этническими сообществами, а также между ними и государством, что особенно ярко проявляется в отдельных регионах[2].

На первый взгляд, эти направления деятельности имеют социально-хозяйственный, социально-экономический характер и не относятся к сфере политики в ее классическом понимании – как борьбы за власть и за удер-

---

[1] Мерсиянова И.В. Повседневные практики гражданского общества в образе жизни россиян // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. – 2012. – В 4-х т. – Т. 1. – С. 207-216.

[2] Аствацатурова М.А. Этноконфликтология и этнополитология: новые реакции на старые и новые запросы северокавказского регионального ландшафта // Этнические проблемы современности. – Вып. 20 / Научн. ред. В.А. Авксентьев. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 40-52.

жание власти. Однако в случае нарастания указанных проблем и игнорирования властями и политиками их остроты, население переключает свое внимание на качество деятельности региональных или местных управленцев и политиков и обвиняет их в профессиональной политико-управленческой, политико-организационной непригодности. Организации гражданского общества все активнее принимают участие или стимулируют борьбу с коррупцией во власти, разоблачение недобросовестных чиновников и политиков. В этой связи все большее и именно политическое значение приобретают прямые телевизионные диалоги граждан с Президентом РФ В.В. Путиным, традиционные интервью Президента РФ ведущим телевизионным каналам[1]. Также важны встречи граждан с лидерами политических партий, выезды глав субъектов РФ на места и непосредственное общение с гражданами (особенно в связи с чрезвычайными, неординарными ситуациями – природные и стихийные бедствия, террористические акты, техногенные и иные катастрофы).

Отметим, что все эти процессы мы рассматриваем, как показатели укрепления демократии согласия – консенсусной демократии и расширения публичной политики и рекрутизации политической активности граждан.

Внешнеполитический аспект. Закономерным проявлением *рекрутизации политической активности гражданских активистов, общественных организаций* становится позиционирование гражданского общества (его субъектов и институтов) в отношении событий, процессов и факторов международных отношений.

Содержание второго аспекта рекрутизации политической активности российского гражданского общества обусловлено многими неблагоприятными процессами и явлениями. Так, российские граждане приобщаются к политике не только в связи со стремлением решить жизненно важные проблемы, но и в связи с необходимостью вникать в качество внешнеполитических процессов. В настоящее время налицо ухудшение состояния международных отношений из-за рисков и угроз национальной и общечеловеческой безопасности – экономической, экологической, правовой, культурной, этнокультурной. Терроризм, экстремизм, радикализм в последние десятилетия приобрели хронические, сетевые формы и систематически повторяются в разных странах, приводя к массовым жертвам (взрывы, наезды на людей, расстрелы людей в общественных местах).

Перед гражданами РФ, которые ранее не интересовались политикой, возникает насущная необходимость – не только быть в курсе возможных угроз, но и требовать от политиков, государственных лидеров и региональной и местной властей проявить политическую волю и принять меры для

[1] Путин В. «Если сохраним доверие граждан, то они тогда будут поддерживать все, что мы делаем». Политика. От первого лица // Российская Федерация сегодня. – 2015. – № 8.

защиты населения. Достижение безопасности и профилактика терроризма, агрессии, вандализма возможны лишь при взаимодействии государства и гражданского общества, так как у каждой стороны есть собственные ресурсы в этом направлении. Если у государства есть силовые структуры, полиция, служба безопасности и иные институты охраны правопорядка и обеспечения безопасности, то у гражданского общества есть свои возможности по информационно-воспитательной, разъяснительной работе среди населения, по урегулированию конфликтов и практическому миротворчеству[1].

Одной из значимых функций гражданских активистов является вхождение в состав комиссий и организаций – антивоенных, примирения, адаптации, антидискриминационных, женских, молодежных, экологических, национально-культурных. Все эти действия институтов гражданского общества имеют непосредственные и опосредованные проекции в политические процессы, в политику и формируют политическое доверие со стороны гражданского общества к государству, которое крайне важно[2].

Для понимания второго аспекта рекрутизации политической активности гражданских активистов, общественных организаций отметим существенную повсеместную геополитизацию внутренних процессов и отношений, что проявляется практически во всех странах. Это вызвано длящимися локальными, региональными, внтури- и межгосударственными конфликтами и военно-политическими столкновениями, и действиями, а также угрозами использования оружия массового поражения (Ирак, Сирия, Украина, Грузия, Северная Корея и др.). Также это обусловлено новациями международной архитектуры (выход Британии из ЕС, вхождение Крыма в состав РФ, попытки суверенизации Каталонии, Шотландии и др.), а также новыми (или обновленными) методами давления стран друг на друга. Сегодня в международных отношениях очевидны реплики «холодной войны». Страны используют друг против друга вмешательство во внутренние дела, происходят попытки свержения законных режимов и правительств, вмешательства выбор, а также и в процесс развития гражданского общества.

Указанные явления актуализируют геополитическую компетентность граждан РФ и их гражданский патриотизм. Современные международные угрозы вынуждают российских граждан следить за международной конъюнктурой, за высказываниями глав государств, руководителей партий и иных

---

[1] Арефьев А.М. Участие гражданского общества в противодействии вербовки в террористические организации: опыт Российской Федерации // Конфликтология. – 2015. – № 4. – С. 141-149.

[2] См.: Канюков А.Н. Политическое доверие и социальный капитал в перспективе правдоподобия // Философские науки. – 2015. – № 2. – С. 71-76; Лукин В.Н. Политическое доверие в современном гражданском обществе: культурологические и институциональные модели // CREDO. – 2005. – № 3. Электронный ресурс. – URL: http://credonew.ru/content/view/500/57/ (дата обращения: 01.11.2017).

персоналий политического процесса. Россияне все более активно интересуются такими геополитическими прецедентами, как выборы, референдумы, международные форумы, заключение договоров и соглашений, проведение военных учений и маневров и др. Современные российские общественные объединения внимательно относятся к позиционированию РФ и к роли Президента РФ в международных диалогах (с США, Германией, Турцией, Украиной, Сирией, Китаем, Саудовской Аравией и др.).

Интерес российского гражданского общества к указанным событиям спровоцирован именно политикой и связан, во-первых, с проблемой человеческой безопасности и сохранности жизни, здоровья, собственности, а во-вторых, с национальной безопасностью, суверенитетом РФ. Таким образом, повышается политическая культура российских граждан, расширяются сферы интересов и сферы функционирования общественных организаций. В то же время принятие и проведение в жизнь масштабных решений политической элиты РФ в сфере международных отношений, выработка внешнеполитического курса (в отношениях с США, Германией, Украиной, Сирией, Турцией, Китаем и др.) невозможно без поддержки граждан и гражданского общества.

Как видно, функционирование гражданского общества в решении практически всех значимых проблем в социальной сфере, в сфере экономики и занятости, экологии и сохранения природного и ресурсного комплекса, поддержания культурной самобытности сообществ, а также и в сфере обеспечения безопасности, сохранения гражданского мира и профилактики социальных конфликтов, защиты от угроз – имеет политическую составляющую.

Институты гражданского общества все чаще апеллируют к политическим партиям, к политическому классу, к депутатскому корпусу для получения поддержки и достижения результата. Действия институтов гражданского общества по решению значимых проблем часто имеют политическую составляющую (неявную) и политические интерпретации (явные).

Во-первых, осуществление инициатив гражданского общества во многих направлениях невозможно без участия управленцев и политиков, зачастую, высокого уровня (глава субъекта РФ, полномочный представитель Президента РФ в федеральном округе, Президент РФ).

Во-вторых, успешность или неуспешность осуществления инициатив гражданского общества по решению проблем населения влияет на общественно-политическую ситуацию и политическую стабильность, в целом.

Таким образом, рекрутизация политической активности современного российского гражданского общества является новацией диалектичного соотнесения ролей государства и гражданского общества, которые дополняют друг друга в принятии и реализации общественно-значимых, политико-властных и геополитических решений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Арефьев А.М.* Участие гражданского общества в противодействии вербовки в террористические организации: опыт Российской Федерации // Конфликтология. – 2015. – № 4.

2. *Аствацатурова М.А.* Этноконфликтология и этнополитология: новые реакции на старые и новые запросы северокавказского регионального ландшафта // Этнические проблемы современности. – Вып. 20 / Научн. ред. В.А. Авксентьев. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015.

3. *Ворожейкина Т.Е.* Государство и общество в России: исчерпание государствоцентричной матрицы развития // ПОЛИС. – 2002. – № 4.

4. *Доманов В.Г.* Концепт гражданского общества: российские реалии. – Ростов/нД: Изд-во СКАГС, 2009.

5. *Канюков А.Н.* Политическое доверие и социальный капитал в перспективе правдоподобия // Философские науки. – 2015. – № 2.

6. *Кравченко И.И.* Концепция гражданского общества в философском развитии // ПОЛИС. – 1991. – № 5.

7. *Крутько А.А.* Гражданское общество России в реализации евразийского интеграционного проекта // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2017. – № 2.

8. *Лукин В.Н.* Политическое доверие в современном гражданском обществе: культурологические и институциональные модели // CREDO. – 2005. – № 3. Электронный ресурс. – URL: http://credonew.ru/content/view/500/57/.

9. *Медведев Н.П.* Межпартийные конфликты как источник общественно-политического развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2016. – № 4.

10. *Медведев Н.П., Чернышов С.И.* К вопросу о сущности понятия «политическая деятельность» // Вопросы политологии. – 2015. – № 4.

11. *Мерсиянова И.В.* Повседневные практики гражданского общества в образе жизни россиян // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. – 2012. – В 4-х т. – Т. 1.

12. *Путин В.* «Если сохраним доверие граждан, то они тогда будут поддерживать все, что мы делаем». Политика. От первого лица // Российская Федерация сегодня. – 2015. – № 8.

13. Третий сектор в России: текущее состояние и возможные модели развития. Доклад о развитии институтов гражданского общества в России. Фонд развития гражданского общества. Электронный ресурс. – URL: http://civilfuNd.ru/mat/view/20/.

D.V. MYSHIAKOVA
*Ph.D. candidate at The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

CIVIL SOCIETY ACTIVISM RECRUITMENT IN RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

The interaction of the state and civil society is a comprehensive process with a great number of actors. Searching for ways to optimize the interaction of the state and public organizations at the present stage of Russian political reality development is still relevant. The purpose of the article is to prove that the recruitment of political activity is a significant trend in the process of the evolution of civil society in Russian Federation. The author considers specific examples of civic participation and social activism; the trends are analyzed both in the domestic politicy and in the foreign policy context.

Key words: *civil society, political activity, public organizations.*

УДК 32.019.51

В.Б. СТРОГАНОВ
аспирант кафедры политических наук
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург

КОНСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ

Статья посвящена рассмотрению роли политической манипуляции в интернете. Автор выделяет три подхода к определению манипуляции: деструктивный, нейтральный, конструктивный. Автор дает собственное определение понятию политическая манипуляция. Значительно внимание уделяется роли субъекта политической манипуляции. Рассматриваются задачи и технологии конструктивной политической манипуляции в интернете для нейтрализации современных информационных угроз.

Ключевые слова: *политическая манипуляция, технологии манипуляции, интернет, сетевой русский мир.*

В современную эпоху медиакратии и повсеместного распространения средств доступа в интернет неизбежно возникает вопрос о роли политики в этих процессах. Не вызывает сомнений тот факт, что политика прочно укрепилась в социальных сетях, интернет-СМИ, различных блогах и др. Растет количество политических сайтов конкретных партий или политиков, а также сайтов, посвященных аналитике современного политического процесса как в отдельно взятой стране, так и во всем мире. Создаются интернет-сообщества в социальных сетях, которые посвящены обсуждению политических событий или продвижению отдельного политического деятеля и многое другое.

В результате возникает проблема влияния политики на сознание простых пользователей глобальной паутины. Ключевую роль здесь играет тот фактор, что политика лишена возможности авторитарно-директивного воздействия в интернете. Следовательно, появляется необходимость найти иные пути влияния на мнения, взгляды и установки пользователей сети. На наш взгляд, инструментом политического влияния в интернете является политическая манипуляция.

В научной среде можно выделить три подхода к рассмотрению феномена манипуляции: деструктивный, нейтральный, конструктивный.

К примеру, Эверет Шостром, один из основоположников деструктивного подхода, определяет манипуляцию как управление и контроль, эксплуатацию другого, использование другого в качестве объекта или вещи»[1].

В рамках нейтрального подхода манипуляция рассматривается как социально-коммуникационный акт, влияние на решения, мнения и социальное поведение общества. С этой точки зрения, манипуляция может выступать стимулом к коммуникации между социальными акторами[2]. Создатель данной концепции – Эрик Бэк, автор книги “Logic of Manipulation”.

В противовес деструктивной концепции можно выделить теорию позитивной манипуляции за авторством Александра Зиволевича, новозеландского доктора философских наук. Согласно его концепции, манипуляция применяется путем скрытого мотивирования в различных производственных организациях, и ее целью является повышение функциональности и производительности сотрудника организации[3].

Важно отметить, что такие манипуляции могут использоваться для обеспечения качественного проведения работ (выгода организации) и обеспечения работой сотрудников посредством применения системы вознаграждения (выгода работника)[4].

Многие исследователи считают, что политическая манипуляция – это необходимый инструмент, без которого невозможно существование государства или общества. Х. Ортега-и-Гассет утверждал, что психологическое воздействие в виде духовной диктатуры имело место во все исторические эпохи. «Большинство людей, – пишет он, – не имеют собственного мнения и не умеют мыслить»[5]. Это обусловлено тем, что народ как однородная масса не способен мыслить в рамках одного направления, вследствие чего у него возникают трудности с адекватным восприятием реальности. В данном случае обществу необходим лидер, который будет мягко направлять это общество путем манипулирования.

Другой ученый, Александр Мейер, отождествляет процесс манипуляции с процессом социализации[6]. Он объясняет необходимость манипу-

---

[1] Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. – Минск: «Полифак», 1992. – С. 26.

[2] Beck E. The Logic of Manipulation: 33 Techniques of Romanian Political Manipulation / Editura C.H. Beck. – Bucuresti, 2010. – P. 12.

[3] Zivaljevic A. Positive Manipulation Theory A Base for Continuous Motivation // Positive Manipulation. Theory a base for continuous motivation. – URL: http://www.mixprize.org/sites/default/files/media/posts/documents/Positive%20%20Manipulation%20Theory.pdf (дата обращения: 28.10.2017).

[4] Там же.

[5] Отега-и-Гассет Хосе. Восстание масс / Ппер. с исп. А. Гелескула. – М.: Издательство АСТ, 2016. – С. 9.

[6] Владимирова М.Б. Скрытое воздействие на массовое сознание (манипулирование) как современная проблема социальной философии // Журналист. Социальные коммуникации. – 2011. – № 4. – С. 23.

лирования тем, что люди не способны добиваться определенных успехов, следуя исключительно своим врожденным инстинктам и побуждениям. Более того, следуя своим инстинктам, люди рискуют подорвать общественную и политическую систему. В данном случае процесс социализации позволяет превратить человека в полезного и преуспевающего члена общества путем его воспитания и направления в ту сферу, которая необходима «направляющему»[1].

С нашей точки зрения, манипуляция – это нейтральный феномен. Его деструктивное или конструктивное воздействие зависит исключительно от целей субъекта. Манипуляция оказывает ключевое влияние на процесс формирования установки человека. Автором теории установки является психолог Д.Н. Узнадзе, который понимал под установкой готовность организма или субъекта к совершению определенного действия или реагирования в определенном направлении[2].

Под политической манипуляцией мы понимаем инструмент скрытого формирования, ограничения, структурирования политических установок в сознании человека.

На наш взгляд, основной задачей субъекта политической манипуляции является формирование политической установки, которая может быть представлена готовностью объекта участвовать в выборах, изучать определенные политические взгляды и программы, поддерживать тех или иных кандидатов и др. Однако субъект должен оставаться неизвестным объекту манипуляции. Это необходимо для того, чтобы объект считал, что он самостоятельно принял то или иное решение.

Возникает вопрос, кто может выступать субъектом политической манипуляции в интернете?

На наш взгляд, ключевым субъектом политической манипуляции в интернете являются интернет-сообщества. Это обусловлено рядом причин: во-первых, интернет-сообщество способно генерировать контент, т.е. создавать информационные потоки в социальных сетях, а также на форумах и в чатах. Во-вторых, интернет-сообщество является, по сути, неидентифицируемым субъектом в силу своей коллективности. В-третьих, эффективность деятельности интернет-сообществ может быть вызвана природной потребностью человека быть частью социальной группы, для упрощения своей самоидентификации.

Сформулировав определение манипуляции и определив ее основного субъекта в интернете, мы задались вопросом: возможно ли использование политической манипуляции в интернете в конструктивных целях?

На наш взгляд, это может быть осуществлено в рамках воплощения идеи сетевого русского мира. Одним из ее сторонников является известный рос-

---

[1] Там же.

[2] Узнадзе Д.Н. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001.

сийский историк Андрей Ильич Фурсов. В своей работе «Русский Интерес» он пишет, что «у новой исторической России должно быть не только физическое измерение, но и метафизическое – виртуальное. Речь идет о сетевом русском мире как реализации русского проекта глобализации – единства материального и виртуального»[1].

Интересно отметить, что в России уже была предпринята попытка осуществления защиты русских культурных ценностей в интернете. 24 декабря 2014 г. вступил в силу Указ Президента РФ № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»[2].

В данном указе были выделены следующие проблемы в сфере культуры:

- снижение интеллектуального и культурного уровня общества;
- девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров;
- рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения;
- деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России.

Документ предлагает набор действий и средств для преодоления существующих проблем. В сфере интернета в законе предлагается[3]:

- расширение присутствия русского языка в сети «Интернет», существенное увеличение в сети «Интернет» количества качественных ресурсов, позволяющих гражданам разных стран изучать русский язык, получать информацию о русской культуре и русском языке;
- распространение научных знаний, в том числе через интернет;
- повышение качества материалов и информации, размещаемых в средствах массовой информации и сети «Интернет»;
- создание национальной российской системы сохранения электронной информации.

Григорий Почепцов в своей книге «Информационные войны. Новый инструмент политики» охарактеризовал данный указ как косвенную попытку создать заслон западному влиянию в культуре, мягкий аналог известной борьбы с космополитизмом сталинского времени, когда правильными текстами считались только «свои»[4].

---

[1] Фурсов А.И. Русский интерес. Издание второе, исправленное. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. – С. 321.

[2] Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». Электронный ресурс. – URL: http://base.garant.ru/70828330/ (дата обращения: 07.11.2017).

[3] Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». Электронный ресурс. – URL: http://base.garant.ru/70828330/ (дата обращения: 07.11.2017).

[4] Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. – М.: Алгоритм, 2015. – С. 256.

Также Почепцов уделяет внимание факту защиты информационного пространства и необходимости принятия подобного закона вызвано загрязнением информационного пространства, воздействие которого на нас еще пока плохо осознается[1].

На наш взгляд, средством преодоление проблем, перечисленных выше, является конструктивная политическая манипуляция. Перед ней стоят следующие задачи: во-первых, устранение негативно окрашенных политических мифов (о «грязной и немытой России», «стране рабов», «отставание от прогрессивного запада» и т.д.). Во-вторых, продвижение и популяризация произведений русской культуры. В-третьих, формирование сетевого гражданского общества, в деятельность которого может входить привлечение внимание к той или иной проблеме, как представителей власти, так и простых граждан. Формировать его можно за счет тех же интернет-сообществ, посредством направление их действий в конструктивное русло.

В осуществлении данных задач могут быть использованы следующие технологии политической манипуляции:

1. *Технология введения в тоннельное сознание/технология введения полярности*. Суть «тоннельного сознания» состоит в том, что сознание человека зациклено на какой-то одной навязчивой идее, в результате человек абсолютно не замечает ничего, что происходит за периметром этого мысленного коридора[2]. Достигается этот эффект путем перманентного суживания мировоззрения объекта.

2. *Ссылка на авторитеты*. Эта технология манипулирования основана на цитировании высказываний или фраз известных личностей. Ее целью служит подкрепление высказывания словами «авторитета» для увеличения «веса» высказанной позиции. Например, с помощью данной технологии можно привлечь внимание к великим писателям нашей страны, используя в интернет-коммуникации их цитаты.

3. «*Многократные повторы*». Этот метод манипуляции массовым сознанием основан на повторении информации в таком количестве, чтобы она привлекала внимание, а в конечном итоге усвоилась объектом манипуляции.

4. *Сияющее обобщение*. Одна из самых распространенных и эффективных технологий. Эта технология направлена на подачу информации объекту в ярких эмоциональных тонах при одновременном приглушении фактологической части информации. В интернете данный эффект достигается при помощи слов, мемов, картинок и комиксов, несущих в основном эмоциональную, а не информационную нагрузку.

5. *Навешивание ярлыков.* Суть данной технологии заключается в том, что какому-либо событию, информации или персоне приписываются опре-

---

[1] Там же.

[2] Зиновьева Н.А. Роль интернет-мемов в воспроизводстве интернет-культуры // Электронный научный архив УрФУ. Электронный ресурс. – URL: http://elar.urfu.ru (дата обращения: 19.10.2017).

деленные оценочные характеристики, шаблоны негативного или позитивного характера.

6. *Использование меметических средств.* Интернет-мемы можно рассматривать как особый жанр интернет-фольклора. Интернет-мемы – это картинки или идиомы, имеющие фиксированный смысл и изменяющуюся, «мутирующую» форму[1]. Родоначальник теории мемов, Ричард Докинз, определял мем как единицу передачи культурного наследия[2]. В политическом контексте мем можно трактовать как единицу передачи политической информации. Мемы отражают различные новости, события, персоналии текущих социально-политических реалий. Важно отметить, что мем должен обладать психологической привлекательностью. Другими словами, мем должен быть близок по своему смысловому и эмоциональному содержанию к человеку или группе, на которую он направлен.

7. *Окно Овертона.* Идея технологии принадлежит американскому политологу Джозефу Овертону. Он выдвинул гипотезу, согласно которой для каждой проблемы или идеи в социуме существуют границы или так называемое «окно возможностей»[3]. У этого окна существуют особые рамки, которые способствуют или препятствуют поддержке, обсуждению, пропаганде, а также юридическому закреплению политических идей[4]. Эти рамки мы можем сравнить с фреймами, которые могут расширяться либо, наоборот, сужаться. Очень часто эту технологию связывают с информационной войной, психоисторической войной и рядом других негативных явлений

В заключение важно отметить, что, несмотря на негативные ассоциации, возникающие при упоминании политических манипуляций, необходимо понимать, что манипуляция носит амбивалентный характер. Цели использования манипуляции обозначает субъект, он же определяет окрашенность (деструктивную/конструктивную) манипуляций. Именно от субъекта зависит, какой эффект будет достигнут в результате применения тех или иных манипулятивных технологий. Конструктивное использование манипуляций позволяет ограничивать установки пользователей, направлять их в конструктивное русло и таким образом создавать заслон перед деструктивной информацией о собственной стране, зачастую не имеющей под собой реальных оснований.

---

[1] Зиновьева Н.А. Роль интернет-мемов в воспроизводстве интернет-культуры // Электронный научный архив УрФУ. Электронный ресурс. – URL: http://elar.urfu.ru (дата обращения: 19.10.2017).

[2] Докинз Р. Эгоистичный ген / Пер. с англ. Н. Фоминой. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2017. – С. 295.

[3] Баева Л.В., Алексеева И.Ю. E-HOMO SAPIENS: виртуальный микрокосм и глобальная среда обитания // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2014. – № 1. – С. 87.

[4] Володенков С.В. Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Научно-Аналитический Журнал «Обозреватель – Observer». – 2015. – № 4. – С. 84.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Баева Л.В., Алексеева И.Ю.* E-HOMO SAPIENS: виртуальный микрокосм и глобальная среда обитания // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2014. – № 1.

2. *Владимирова М.Б.* Скрытое воздействие на массовое сознание (манипулирование) как современная проблема социальной философии // Журналист. Социальные коммуникации. – 2011. – № 4.

3. *Володенков С.В.* Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Научно-Аналитический Журнал «Обозреватель – Observer». – 2015. – № 4.

4. *Давыдов В.Н.* Безопасность информационного пространства: современные политические проблемы взросления // Вопросы политологии. – 2017. – № 3.

5. *Докинз Р.* Эгоистичный ген / Пер. с англ. Н. Фоминой. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2017.

6. *Зиновьева Н.А.* Роль интернет-мемов в воспроизводстве интернет-культуры // Электронный научный архив УрФУ. Электронный ресурс. – URL: http://elar.urfu.ru

7. *Ирхин Ю.В.* Методология и принципы анализа классических, проектируемых и манипулятивных политических идеологий // Вопросы политологии. – 2013. – № 4.

8. *Отега-и-Гассет Хосе* Восстание масс. – М.: Издательство АСТ, 2016.

9. *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. Новый инструмент политики. – М.: Алгоритм, 2015.

10. Тоннели сознания / Психологический форум. Электронный ресурс. – URL: https://psycheforum.ru/topic2479.html

11. *Узнадзе Д.Н.* Психология установки. – СПб.: Питер, 2001.

12. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». Электронный ресурс. – URL: http://base.garant.ru/70828330/

13. *Фурсов А.И.* Русский интерес. Издание второе, исправленное. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015.

14. *Шостром Э.* Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. – Минск: «Полифак», 1992.

15. *Beck E.* The Logic of Manipulation: 33 Techniques of Romanian Political Manipulation / Editura C.H. Beck. – Bucuresti, 2010.

16. *Zivaljevic A.* Positive Manipulation Theory A Base for Continuous Motivation // Positive Manipulation. Theory a base for continuous motivation – URL: http://www.mixprize.org/sites/default/files/media/posts/documents/Positive%20%20Manipulation%20Theory.pdf

V.B. STROGANOV
Graduate student of the Department
of Political Science of the Ural Federal University
the name of the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

THE CONSTRUCTIVE POTENTIAL OF APPLYING POLITICAL MANIPULATION ON THE INTERNET

The article is devoted to the role of political manipulation on the Internet. The author identifies three approaches to the definition of manipulation: destructive, neutral, constructive. The author gives his own definition of political manipulation. The main purpose of the article is to analyze the potential for the constructive use of political manipulation on the Internet. The tasks and technologies of political manipulation on the Internet for neutralization of modern information threats are considered.

Key words: *political manipulation, manipulation technologies, Internet, networked Russian world.*

УДК 32.327

С.В. БИРЮКОВ
доктор политических наук,
приглашенный исследователь Восточно-Китайского педагогического университета (East China Normal University), КНР, г. Шанхай
А.М. БАРСУКОВ
кандидат политических наук,
заместитель декана факультета политики и международных отношений Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Новосибирск

«НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: РОЛЬ КАЗАХСТАНА

Статья посвящена рассмотрению роли Казахстана в конвергенции китайского проекта «Новый шелковый путь» и евразийской интеграции. Процессы глобализации и регионализации привели к изменению повестки дня в мировой политике.

Ключевые слова: *Новый шелковый путь, евразийская интеграция, Казахстан, Евразийский экономический союз.*

Сегодня во многих научных трудах, посвященных проблемам глобализации, их авторы анализируют происходящее на глазах возрастание динамики социальных отношений вне связи с их локально-территориальными основаниями. Обосновывая этот тезис, исследователи, в частности, указывают на замещение «пространства мест» так называемым «пространством потоков»[1]. Среди других результатов глобализации авторы называют то, что границы стали проницаемы, а сформировавшиеся в рамках национальных государств политические и культурные идентичности приобретают глобальное измерение[2].

Современный анализ глобализационных процессов отвергает традиционные формы неподвижной территориальной организации, и делает акцент на ускоряющейся циркуляции людей, товаров, капиталов, денег, идентич-

[1] Castells M. The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban Regional Process / M. Castells. – Oxford: Basil Blackwell, 1989. – P. 402.

[2] Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – P. 229.

ностей и образов в рамках глобального пространства. Современная стадия глобализации предполагает глубокую трансформацию сложившихся форм территориальной организации на различных субглобальных уровнях. В итоге на место традиционных форм регулирования и управления (governance) приходит политика, неразрывно связанная с особенностями тех или иных уровней пространственно-территориальной организации (politics of scale)[1].

Происходящие изменения настоятельно требуют изменения традиционных ролей государства, что в корне изменяет само содержание актуального политического порядка, а также с изменением территориальной и организационной основы государств. Современному государству приходится выстраивать многообразные функциональные сети (политические, экономические, культурно-информационные и др.) с целью осуществления эффективного влияния на «пространство потоков». За счет своего «универсализма» и гибкости формирующиеся коммунитарные сети преодолевают недостатки отдельных видов сетей, задавая качественно иную логику евразийской интеграции, являющуюся альтернативой простому расширению полномочий, формирующихся общеевразийских институтов (bottom-up вместо top-down).

На перечисленные перемены соответствующим образом реагируют ведущие мировые «игроки», к числу которых, безусловно, относятся Китайская народная республика, реализующая сегодня масштабный проект «Нового Шелкового пути», и Российская Федерация, которая вместе с партнерами по ЕАЭС продвигает проект евразийской интеграции. Рассмотрим подробнее содержание, характер и направленность этих проектов, попутно рассмотрев вопрос о возможности их конвергенции.

«Новый шелковый путь» – перспективный китайский проект

Масштабные амбиции и перспективное видение, очевидно, присутствуют в его современной политике. Прошло несколько лет с тех пор, когда во время своего визита в Казахстан в сентябре 2013 года председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул стратегическую концепцию «Экономического пояса Шелкового пути». На встрече экономических лидеров (APEC) в октябре 2013 г. он подчеркнул китайскую заинтересованность в «Морском шелковом пути XXI столетия». Что позволило затем многочисленным китайским экспертам заявить об объединяющем обе концепции стратегическом проекте «One belt, one road» (OBOR).

Во внешнеполитической сфере Китай следует провозглашенной линии «Диалог и сила», а также «Завоевание всемирно-исторического признания». Частью «Китайской мечты» в версии председателя Си Цзиньпина сегодня

[1] Smith N. Remaking Scale: Competition and Cooperation in Pre-National and Post-National Europe // Competitive European peripheries. – Berlin: Springer, 1995. – P. 59-74.

являются «мирное развитие» и «гармоничное общество». Для осуществления планов «новой открытости» Китай в рамках его политики соседства особое значение имеют проекты «Экономического пояса Шелкового пути» (Silk Road Economic Belt) и «Морского шелкового пути» (Maritime Silk Road). Проект «Новый Шелковый путь» «Belt and Road» – Initiative представляет собой комплексное видение, содержащее в себе перспективную модель международного порядка в рамах международной системы, опирающегося на существующие нормы, правила и структуры. Оба «Шелковых пути» предполагают создание в масштабах «Большой Евразии» мощной и разветвленной транспортной сети, включающей в себя железные дороги, автотрассы, воздушные и морские пути, нефте- и газопроводы, линии электропередач и коммуникационные узлы. На протяжении транспортных путей будет создана инфраструктура, необходимая для обслуживания этих сетей и индустриальных кластеров. Промышленные производства, строительная индустрия, металлургия, энергетика, финансы, коммуникация, логистика и туризм, сосредоточенные в участвующих в проекте регионах будут, таким образом, формировать интегрированный экономический коридор.

Эта транспортная сеть будет связывать Тихоокеанский регион, один из моторов мировой экономики, с ЕС, всемирно значимым экономическим пространством, создавая тем самым качественно новые экономические возможности для участвующих в проекте сторон.

Целью проекта является облегчение условий для ведения торговли и осуществления инвестиций, содействие углублению экономической и технической кооперации и созданию зон свободной торговли, из которых в конечном итоге может сложиться единый евразийский рынок. Создание евразийской континентальной области свободной торговли, как предполагается, окажет значительное влияние на экономическую карту мира и будет способствовать формированию нового политического и экономического порядка.

В рамках реализации инициативы «One belt, one road» (OBOR) предполагается создание пяти транспортных коридоров[1]: 1) Северная линия А (北线A): Северная Америка (США, Канада) – Северная часть Тихого океана (Япония, Южная Корея, Японское море, Владивосток (Зарубино, Славянка)) – китайские города Хуньчунь, Яньцзи, Чанчунь – Монголия – Россия – Европа (Северная, Центральная, Восточная, Западная, Южная); 2) Северная линия Б (北线B): Пекин – Россия – Германия – Европа; 3) Центральная линия (中线): Пекин, Чжэнчжоу, Сиань, Урумчи – Афганистан – Казахстан – Венгрия – Париж; 4) Южная линия (南线): Цюаньчжоу, Фучжоу, Гуанчжоу, Хайкоу – Южно-китайскоеморе – Ханой – Куала – Лумпур – Джакарта –

[1] One belt, one road. – URL: http://www.360doc.com/content/15/1018/11/27185038_506454947.shtml (accessed 22.09.2017).

Коломбо – Калькутта – Найроби – Афины – Венеция; 5) Медианная линия (中心线): Ляньюньган, Чжэнчжоу, Сиань, Ланчжоу, Синьцзянь – Центральная Азия – Европа. При этом китайские авторы отмечают, что наиболее важным и наиболее реалистичным является транспортный коридор Северной линии А, функционирующий на основе высокоскоростных железных и шоссейных дорог.

Принципиально важно, что китайское видение проекта «Belt and Road» – Initiative является, во-первых, инклюзивным – предполагая его открытость для других государств, которые согласны участвовать в создании необходимой инфраструктуры (энергетика, коммуникации, транспорт), торговле и ускоренную интеграцию финансовых рынков. Во-вторых, естественным образом складывается область, которая определяет кооперационный формат, включающий в себя различные экономические коридоры, в которые Китай осуществляет массированные инвестиции, выстраивая на долгосрочной основе новые торговые пути. В-третьих, «Belt and Road» – Initiative имеет выраженное внутри- и внешнеполитическое измерение, принимая во внимание интересы различных участвующих в нем стран и пограничные проблемы[1].

OBOR – маршрут, охватывающий 32 государства с 4,4 млрд. населения и совокупной экономической способностью около 21 млрд. долларов США, что составляет 63% мирового ВВП. Объемы торговли Китая с этими странами превысили в 2013 году 1 млрд. долларов, то есть четверть совокупного объема внешней торговли. В то же время в течение последних 10 лет объем торговли Китая с этими странами ежегодно возрастал на 19%, что составляло 4% общего объема роста китайской торговли. Однако сегодня существует еще большее пространство для экономического роста. Действующий сегодня 13-й по счету пятилетний план развития экономики КНР предусматривает, что Китай импортирует товаров на общую сумму в 500 млрд. долларов.

Предполагаются поездки за рубеж около 500 млн. китайских туристов. В данном случае имеются в виду, прежде всего, соседние с Китаем страны, входящие в проект «Нового Шелкового пути».

В региональном отношении проект направлен до Москвы на Севере, на Юге – до южно-тихоокеанских стран, на Востоке – до Латинской Америки, на Западе – до Германии, благодаря чему масштабы прежнего «Шелкового пути» будут превзойдены. В содержательном плане, речь более не идет о создании торговых путей для шелка, чая, пряностей и фарфора, но о развитии инфраструктуры, политической координации и поддержке торговли и экономики. В это же время именно с помощью реализуемого проекта «Нового Шелкового пути» Китай рассчитывает внести значимый вклад в создание новой модели глобализации, которая будет реализовываться через фор-

[1] Godehart N. Chinas «Belt and Road» – Initiative – eine deutsche Perspektive // WeltTrends. – № 116. – Juni 2016. – P. 36.

мирование торгового канала «Восток-Запад» и одноименного «культурного коридора».

Задачи, которые китайская сторона рассчитывает решить с помощью OBOR, могут быть сведены к следующему:

1. Создание новых рынков для китайской продукции.
2. Стимулирование развития и модернизации собственной экономики.
3. Изменение структуры экспорта.
4. Индустриализация внутренних провинций Китая.
5. Снижение внутренней миграции.
6. Повышение доли юаня в мировой торговле.
7. Повышение эффективности китайской экономики.
8. Уменьшение потенциальных конфликтных угроз[1].

Для чего же именно сегодня возрождается OBOR, когда существуют уже созданные и устоявшиеся торговые пути? Является ли OBOR китайским вариантом «плана Маршалла»? Как полагают эксперты, проект OBOR выполняет, по меньшей мере, три значимых миссии:

а) нащупывает путь к глобальному экономическому росту в после кризисное время, создавая новый «мотор» экономического роста;

б) предлагает глобальное выравнивание – коррекцию традиционной (западно-центристской) модели глобализации, осуществлявшейся по преимуществу морскими путями (китайский проект интегрирует в себя западные области Китая, внутренней Евразии и центрально-азиатские государства, содействуя их развитию: это призвано способствовать преодолению разрыва в благосостоянии между Востоком и Западом, равно как и межрегиональных дисбалансов);

в) предлагает новую модель региональной кооперации в XXI веке (реформы и политика открытости Китая являются ключевым фактором обновления современного мира; OBOR создает инновационную модель регионального сотрудничества, что отличает ее от существующих экономических зон и союзов, гибко и достаточно просто расширяя свое влияние на масштабные географические области)[2].

ЕАЭС: надежный стратегический партнер?

Очевидно, что реализация проекта OBOR неизбежно столкнется с целым спектром проблем и рисков: организационных, геополитических, военных, технологических, а также связанных с возможностью возникновения военных и межэтнических конфликтов в регионах, участвующих в его реа-

[1] Grinberg R.S. Einiges Eurasien oder Seidenstrasse? Eine scheinbares Dilemma / R.S. Grinberg, I.W. Starikov // WeltTrends. – № 116. – Juni 2016. – P. 48.

[2] Wang Y. «One belt, one road». Die neuen Seidenstrasse. Eine chinesische sicht // WeltTrends. – № 116. – Juni 2016. – P. 33.

лизации. Поэтому участие в проекте «Нового Шелкового пути» потребует от России и ее партнеров по евразийской интеграции известным образом разделить эти риски (например, связанные с участием в урегулировании существующих и потенциальных конфликтов в Центральной Азии) и взять на себя ответственность за продвижение инноваций в рамках своего экономического пространства, создав благоприятный для хозяйственной деятельности режим в предполагаемых к участию в проекте регионах. Каким же образом соотносятся планы и расчеты Китая с общей логикой, особенностями и проблемами продвигаемого сегодняшними участниками ЕАЭС процесса евразийской интеграции.

ЕАЭС уже сегодня стремится выйти за свои привычные и устоявшиеся рамки, продвигая международную экономическую кооперацию. Первая годовщина существования Евразийского экономического союза уже ознаменовалась рядом знаменательных событий, кульминацией которых стало подписание соглашения о зоне свободной торговли с Вьетнамом во время проведения в казахстанском поселке Бурабай заседания глав правительств стран СНГ и ЕАЭС 29 мая 2015 года. Несмотря на целый ряд сложностей и вызовов, Евразийский союз накануне второй годовщины своего существования сумел доказать свою жизнеспособность в ситуации нарастания как внешнего давления, так и периодически проявляющихся внутренних противоречий. К объединению уже проявили интерес около 40 различных стран, заявивших о своей готовности заключить с ЕАЭС соглашения о свободной торговле.

Оценивая перспективы расширения ЕАЭС, можно констатировать, что ЕАЭС уже состоялся. На постсоветском пространстве на сегодняшний день отсутствуют работоспособные и имеющие перспективу роста межгосударственные объединения со сходным потенциалом развития. В частности, СНГ так и не смог состояться в качестве полноценного инструмента постсоветской интеграции. Объединения постсоветских государств в отдельные региональные блоки (например, в Центральноазиатский союз) также не принесли первоначально ожидавшегося эффекта. Перспектива же интеграции в структуры ЕС для большинства постсоветских государств остается чисто умозрительной и не гарантирует каких-либо существенных экономических и социальных выигрышей – по крайней мере, на начальном этапе. В этой связи актуальным представляется более пристальное рассмотрение как общего интеграционного потенциала ЕАЭС, так и возможных конкретных направлений евразийской интеграции.

ЕАЭС принципиально состоялся и выступает сегодня как многофункциональная площадка стратегического, долговременного характера. Между тем, очевидно, что ЕАЭС в условиях организационных сложностей и дефицита ресурсов ЕАЭС нуждается в новых стратегических партнерах. И, учитывая смещение глобальной экономической динамики, эти партнеры

могут прийти именно с Востока. Именно поэтому обновленный Евразийский союз не должен быть «реинкарнацией» традиционного имперского порядка, но представлять собой властно-сетевую структуру и механизм, гибко согласующий интересы входящих в него «подпространств». Стратегическая миссия задуманного лидерами трех государств Евразийского союза – стать «стратегическим мостом» между «большим пространством» Европейского Союза и «поднимающимся» «большим пространством» Юго-Восточной Азии, которое формируется сегодня вокруг Китайской Народной Республики. Подобная масштабная задача требует более четко определиться с теми задачами, которые должны взять на себя участники этого проекта. И каждый из них – исходя из своих актуальных геополитических возможностей. И, прежде всего, это касается России, сталкивающейся сегодня с целым спектром внутри- и внешнеполитических вызовов.

Стратегическая роль и современные достижения Казахстана

Казахстан – один из ключевых участников обоих упомянутых выше проектов. Следует помнить, что проект «Экономический пояс Шелкового пути» в его сухопутной части завязан на две страны – Россию и Казахстан, через которые проходят железнодорожные и автомобильные маршруты на Запад[1]. Надо отметить, что активное и плодотворное участие Казахстана в трансевразийских интеграционных проектах было отмечено и китайской стороной. Так, в ответ на выступление Нурсултана Назарбаева на сессии «Объединенное взаимодействие для взаимосвязанного сотрудничества» форума, председатель КНР Си Цзиньпин назвал Казахстан «чемпионом» по транзиту трансконтинентальных перевозок. Для подобных утверждений существуют вполне серьезные основания – поскольку примеры эффективного и взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и Казахстаном на сегодняшний день многочисленны и весьма примечательны[2].

Вне всякого сомнения, роль Казахстана в трансконтинентальной логистике возросла в последние годы весьма существенно. Своевременно осознав современные тренды, Казахстан сделал ставку на привлечение транзитных потоков и активно развивает логистическую инфраструктуру.

Так, еще в 2012 году была введена в эксплуатацию 293-километровая железнодорожная линия, соединяющая города Хоргос (на границе с Китаем) и Жетыген. Таким образом, был создан второй железнодорожный пограничный переход с Китаем, помимо Достык – Алашанькоу. Кроме того,

---

[1] Daly J. C.K. Why Kazakhstan is Key to China's Central Asia Strategy // Silk Road Reporters. – 2015. – July 14. – URL: http:// www.silkroadreporters.com/2015/07/14/why-kazakhstan-is-key-to-chinas-central-asia-strategy (accessed 22.09.2017).

[2] Putz C. What's Next for the Belt and Road in Central Asia? – URL: http://thediplomat.com/2017/05/whats-next-for-the-belt-and-road-in-central-asia/ (accessed 22.09.2017).

Казахстан заключил соглашение о создании в китайском порту Ляньюньган совместного казахстанско-китайского логистического центра. В начале 2015 года было официально объявлено о запуске регулярного контейнерного поезда Ляньюньган – Алматы, проходящего маршрут за 12 дней. Казахстан намерен также увеличить объемы грузопотоков по железной дороге Достык – Алашанькоу (СУАР КНР) с 23 до 50 млн. тонн[1].

Позиция казахстанской страны основана на точных и обоснованных расчетах. Принимая во внимание, что срок перевозки из Китая в Европу через Казахстан в 2 раза короче, чем по морю (не принимая во внимание факт дешевизны морских перевозок), после модернизации транспортно-логистического системы Казахстан вполне обоснованно полагает, что его доля в транзитном обслуживании этого товарооборота может возрасти до 8%.

Согласно существующим экспертным оценкам, объем транзита из Азии в Европу через Казахстан уже превышает совокупный объем транзита через Восточную Сибирь и Дальний Восток[2]. С 2012 по 2014 год объем транзитных перевозок из стран Восточной Азии (прежде всего Китая) в Европу через Казахстан увеличился более чем в два раза: с 39,1 до 91,5 тыс. тонн. С начала 2017 года по всем маршрутам железнодорожных грузовых перевозок между Китаем и Европой отправлялось ровно 1000 поездов. Как свидетельствуют последние данные Китайской железнодорожной корпорации, с начала этого года по маршрутам Китай – Европа отправлялось на 612 грузовых составов больше, чем за аналогичный период 2016 года.

Сегодня между Китаем и Европой курсируют международные грузовые экспрессы, эксплуатирующиеся Китайской железнодорожной корпорацией под единым логотипом «Express CR». На данный момент для экспрессов CR был открыт 51 маршрут, связывающий 28 китайских городов с 29 городами 11 европейских стран. Поезда следуют в основном по трем направлениям: восточному – через пограничные переходы Маньчжоули и Суйфэньхэ на границе с Россией, центральному – через Эрэн-Хото на границе с Монголией и западному – через Алашанькоу и Хоргос на границе с Казахстаном. Представляется, что потенциал развития трансевразийских транспортных коммуникаций на сегодняшний день далеко не исчерпан.

Подтверждением тому – значимые решения последнего времени. В декабре 2015 года главы Казахстана и Китая достигли соглашения о сопряжении ЭПШП и новой экономической политики Казахстана «Нурлы Жол» («Светлый путь»). Определены четыре приоритетных направления стра-

[1] Цатурян С. Армения или Азербайджан? Кого Китай запишет себе в друзья? Электронный ресурс. – URL: https://regnum.ru/news/polit/2155810.html (дата обращения: 22.09.2017).

[2] Аналитическая записка Исполнительного комитета СНГ «Торгово-экономические отношения Китайской Народной Республики с государствами Центральной Азии – участниками СНГ». Электронный ресурс. – URL: http://www.e-cis.info/index.php?id=731 (дата обращения: 22.09.2017).

тегической стыковки ЭПШП и «Нурлы жол»: развитие двусторонней торговли, ускоренное расширение и модернизация инфраструктуры, развитие сотрудничества в сфере производственной деятельности и углубление взаимодействия в финансовой сфере[1].

План реализации «Нурлы жол» является детальнопроработанной и сложной инфраструктурной программой, реализация которой требует долгосрочных и концентрированных усилий сторон.

Важнейшая роль в транспортно-логистическом сотрудничестве Казахстана и Китая сегодня отводится упомянутому Международному центру приграничного сотрудничества «Хоргос» у пограничного перехода Алтынколь – Хоргос, через который проходят железная и автомобильная дороги, связывающие два государства. В Хоргосе создается крупный перевалочный центр, где товары будут разгружаться и формироваться для отгрузки в новом направлении, а гигантские краны всего за 47 минут смогут разместить товар по вагонам.

В рамках этого проекта, АО НК «Қазақстан Темір Жолы» заключила в Пекине договор купли-продажи 49% доли участия в ТОО «KTZE – Khorgos Gateway». С китайской стороны документ подписали China COSCO Shipping Corporation Limited и ООО «ГК «Порт Ляньюнган». Привлечение якорных стратегических инвесторов обеспечит рост объемов транзитных грузов через Сухой порт СЭЗ «Хоргос – Восточные ворота».

В контексте рассматриваемой темы следует упомянуть и железнодорожный маршрут Китай – Казахстан – Туркменистан – Иран, который впервые связал эти четыре страны. Его строительство было завершено в конце 2015 года, а первый, тестовый поезд, стартовавший из китайского города Иу, прошел маршрут зимой 2016 года. Иу считается крупнейшим в мире оптовым рынком. Ожидается, что новый транспортный коридор может значительно повысить товарооборот между четырьмя странами.

На сегодняшний день подписаны ряд соглашений, согласно которым логистическая платформа Иу обеспечит пропуск через территорию Казахстана более 60 поездов в направлении Европы, а также регулярное еженедельное сообщение в страны Центральной Азии. К 2020 году по этому маршруту может быть ежегодно перевезено до 700 тыс. контейнеров.

В свою очередь, 6 апреля 2016 года состоялась закладка первого звена второго пути «Алматы-1 – Шу», которую планируют сдать к концу 2016 года. На участке будет уложено 110 км железнодорожного полотна, а также 10 км станционных путей; построят 16 мостов и 80 водопропускных труб, а так-

[1] Кушкумбаев С.К. Перспективы реализации проекта «Экономический пояс шелкового пути» и государственной программы «Нурлы Жол». Электронный ресурс. – URL: http://kisi.kz/ru/categories/geopolitika-i-mezhdunarodnye-otnosheniya/posts/perspektivy-realizacii-proekta-ekonomicheskij-poyas-shelkov (дата обращения: 22.09.2017).

же систему СЦБ (устройства сигнализации, централизации и блокировки) и связи. В 2016 году планируется ввести в эксплуатацию более 66 км пути.

Благодаря второй линии пропускная способность участка «Алматы-1 – Шу» увеличится в 3 раза. Это увеличит возможности транзита рынка между Китаем и странами Персидского залива. Проект позволит запустить до 7 дополнительных контейнерных поездов в день, а также увеличить количество пассажирских поездов.

Между тем, сотрудничество Китая и Казахстана в деле развития транспортной инфраструктуры, очевидно, не сводится к развитию одного только железнодорожного транспорта. Так, недавно был полностью завершен проект Магистрального газового коридора Казахстан – Китай. Благодаря этому газ из Туркмении, Узбекистана и Казахстана обеспечивает как южные районы Казахстана, так и западные районы Китая. Это важно не только с экономической точки зрения, но и с политической – 20 лет назад, в 1997 году китайская компания «Петрочайна» успешно выиграла тендер на строительство объекта по разработке нефтяных месторождений в Актобе, и именно с этого началось сотрудничество между Китаем и Казахстаном в нефтегазовой сфере.

Вклад Казахстана в дело сопряжения двух проектов, безусловно, не исчерпывается перечисленным выше. Сотрудничество двух стран имеет масштабные перспективы. Казахстан уже проявил себя в его рамках как ответственный, взвешенный и конструктивный партнер, способный наполнить конкретным содержанием уже одобренные и действующие кооперационные проекты и инициативы. И одновременно – готовый принимать предложения другой стороны и генерировать собственные инициативы. Все сказанное выше позволяет прогнозировать повышение стратегической значимости в процессе сопряжения двух масштабных интеграционных проектов – евразийской интеграции и «Нового Шелкового пути».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрамова О.Д.* Экономика России в условиях санкций: современное состояние и прогнозы развития // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2015. – № 1-2.

2. Аналитическая записка Исполнительного комитета СНГ «Торгово-экономические отношения Китайской Народной Республики с государствами Центральной Азии – участниками СНГ». Электронный ресурс. – URL: http://www.e-cis.info/index.php?id=731.

3. *Кушкумбаев С.К.* Перспективы реализации проекта «Экономический пояс шелкового пути» и государственной программы «Нурлы Жол». Электронный ресурс. – URL: http://kisi.kz/ru/categories/geopolitika-i-mezhdunarodnye-otnosheniya/posts/perspektivy-realizacii-proekta-ekonomicheskij-poyas-shelkov.

4. *Медведев Н.П.* Современные казахстанцы живут в ритме XXI века и отличаются повышенной мобильностью. Интервью ежедневной обще-

ственно-политической газете Республики Казахстан «ЛИТЕР» // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2012. – № 1.

5. *Перская В.В.* Формирование устойчивых конкурентных преимуществ государств-членов ЕАЭС на основе реализации Экономического пояса Шелкового пути // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – № 3.

6. *Пряхин В.Ф.* Евразия: реанимация «шахматной доски» // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2012. – № 1.

7. *Цатурян С.* Армения или Азербайджан? Кого Китай запишет себе в друзья? Электронный ресурс. – URL: https://regnum.ru/news/polit/2155810.html.

8. *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

9. *Castells M.* The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban Regional Process. – Oxford: Basil Blackwell, 1989.

10. *Daly J.C.K.* Why Kazakhstan is Key to China's Central Asia Strategy / C.K. Daly // Silk Road Reporters. – 2015. – July 14. – URL: http:// www.silkroadreporters.com/2015/07/14/why-kazakhstan-is-key-to-chinas-central-asia-strategy.

11. *Godehart N.* Chinas «Belt and Road» – Initiative – eine deutsche Perspektive // WeltTrends. – № 116. – Juni 2016.

12. *Grinberg R.S.* Einiges Eurasien oder Seidenstrasse? Eine scheinbares Dilemma / R.S. Grinberg, I.W. Starikov // WeltTrends. – № 116. – Juni 2016.

13. One belt, one road. – URL: http://www.360doc.com/content/15/1018/11/27185038_506454947.shtml.

14. *Putz C.* What's Next for the Belt and Road in Central Asia? // http://thediplomat.com/2017/05/whats-next-for-the-belt-and-road-in-central-asia/.

15. *Smith N.* Remaking Scale: Competition and Cooperation in Pre-National and Post-National Europe // Competitive European peripheries. – Berlin: Springer, 1995.

16. *Wang Y.* «One belt, one road». Die neuen Seidenstrasse. Eine chinesische sicht // WeltTrends. – № 116. – Juni 2016.

S.V. BIRYUKOV
Doctor of Political Science, Visiting Researcher
at the East China Normal University, Shanghai, PRC
A.M. BARSUKOV
Candidate of Political Science,
Deputy Dean of the Department of Politics
and International Relations at the Siberian Institute
of Management – a branch of The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Novosibirsk, Russia

"NEW SILK ROAD" AND EURASIAN INTEGRATION: THE ROLE OF KAZAKHSTAN

The article is devoted to the role of Kazakhstan in the convergence of the Chinese project «The New Silk Road» and the Eurasian integration. Processes of globalization and regionalization lead to change of the agenda in the world politics.

Key words: *The New Silk Road, Eurasian integration, Kazakhstan, The Eurasian economic union.*

УДК 32.327

Д.Е. ПАЛИЛОВ
аспирант Финансового университета
при Правительстве РФ, Россия, г. Москва

СОПРЯЖЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Статья посвящена проблемам и перспективам сопряжения таких проектов на евразийском пространстве, как Евразийский экономический союз и Экономический пояс Шелкового пути.

В статье рассматриваются различные варианты и возможные проблемы сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.

Ключевые слова: *Россия, Китай, Евразия, внешняя политика, Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути, региональная интеграция.*

Экономический проект Шелкового пути (ЭПШП) и Морского пути впервые был выдвинут председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. во время визита в Казахстан. В основе этой инициативы – инновационная модель взаимодействия, позволяющая укрепить экономические связи, углубить сотрудничество и расширить пространство для развития стран Евразии.

Главной задачей ЭПШП является создание моста Китай-Европа, который объединит в себя многие страны и создаст единую экономическую зону.

Кроме ЭПШП также был выдвинут проект Морского Шелкового пути XXI века, который может стать главной морской транспортной артерией между Европой и Азией, а вместе они составляют инициативу «один пояс, один путь». Принципы, структура, а также приоритетные направления и механизмы сотрудничества были четко сформулированы в марте 2015 года в ходе Боаоского азиатского форума.

После этого проект стал активно развиваться и продвигаться, было подписано множество соглашений между Китаем и странами Центрально- Азиатского региона, РФ, Белоруссией, Турцией, Азербайджаном, Грузией и др. Однако, в 2015 году между РФ, Белоруссией и Казахстаном был подписан международный договор о создании Евразийского Экономического союза (ЕЭАС)[1].

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе. Правовой портал – Евразийский экономический союз. Электронный ресурс. – URL: https://docs.eaeunion.org/ru-ru (дата обращения: 12.11.2017).

И на пути ЭПШП встал ЕАЭС, так как он менял формат и структуру экономических и торговых отношений внутри региона. Сначала Пекин отнесся к идее ЕАЭС очень настороженно, но позже оценил, какие реальные выгоды дает ему сотрудничество с этим объединением.

Ведь единая экономическая зона подразумевает собой единые стандарты и законы, отсутствие необходимости подстраиваться под особенности той или иной страны[1].

Кульминацией действий со стороны Китая стало подписание 8 мая 2015 года «Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути»[2]. Все эти события вызвали большой резонанс в мировом сообществе.

По нашему мнению, Экономический пояс Шелкового пути – это, прежде всего, инвестиционный проект, нацеленный на развитие и модернизацию транспортно-логистической сети в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китаю необходимо диверсифицировать торговые пути, которые в настоящее время проходят в основном по морю.

Большинство из морских транспортных путей, ввиду геополитических мотивов, находятся под контролем США. Осознавая данный факт, китайское руководство старается решить собственные внешнеполитические и внешнеэкономические задачи, традиционно исходя из собственных национальных интересов. Среди них развитие транспортной системы в Центральной Азии для бесперебойных поставок углеводородов в КНР, для ускорения транспортировки китайских товаров на европейский рынок и др.

К тому же, в настоящее время большинство грузов между государствами Азиатско-Тихоокеанского региона проходят по морским путям через Суэцкий канал. Наиболее короткий сухопутный путь из Китая через Центральную Азию и Россию в Европу поможет сократить около половины этого расстояния. Китай, реализуя концепцию «Один пояс, один путь», увеличивает объем инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры стран, через которые проходит Экономический пояс Шелкового пути (инвестиционным наполнением проекта занимается «Фонд Шелкового пути» с капиталом 40 млрд. долл. США и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций)[3].

---

[1] Ван Г., Журавлева Е.В. Политика «мягкой силы» России и КНР в отношении стран Центральной Азии (на примере Казахстана) // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 60-69.

[2] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Сайт Президента России. Электронный ресурс. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/4971 (дата обращения: 12.11.2017).

[3] Кузьмина Е. Можно ли совместить ЕАЭС и Шелковый путь? Сайт Российского совета по международным делам. Электронный ресурс. – URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mozhno-li-sovmestit-eaes-i-shelkovyy-put/ (дата обращения: 12.11.2017).

Стоит отметить, Экономический пояс Шелкового пути не является ни международной организацией, ни региональной экономической интеграцией, ЭПШП не имеет организованной структуры или международной правосубъектности.

В настоящее время Китай в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь» развивает следующие железнодорожные маршруты в Европу: Чунчинь – Синьцзян – Казахстан – Россия – Беларусь – Польша – Европа (основной транспортный маршрут); Чжэнчжоу – Синьцзян – Европа; Сиань – Синьцзян – Европа; Ухань – Синьцзян – Европа. Также китайскими деловыми кругами рассматривается вариант о маршруте через территории Грузии и Украины, что, однако, осложняется внутриполитической ситуацией и кризисом на Украине, вызывающем опасения у китайской стороны.

Реальные очертания идея сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути обрела еще в мае 2015 г., когда во время визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву было подписано «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути».

Несомненно, данный документ содержит весьма интересные положения, которые определяют основные задачи, цели сопряжения, шаги для его реализации. Например, в «Совместном заявлении» говорится, что «… стороны будут налаживать совместную работу в двусторонних и многосторонних форматах, прежде всего на площадке Шанхайской организации сотрудничества…».

В документе обозначены основные шаги России и Китая по углублению сотрудничества в данной области (в числе практических шагов – создание российско-китайской рабочей группы с координирующей ролью внешнеполитических ведомств двух стран), а в качестве одной из целей на долгосрочную перспективу названо рассмотрение вопроса о создании зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и КНР[1].

В настоящее время в экспертных кругах активно обсуждаются потенциальные варианты реализации сопряжения этих двух проектов. Премьер-министр Казахстана К. Масимов в ноябре 2015 г. предложил три возможных варианта сопряжения ЕАЭС и ЭПШП на евразийском пространстве:

– двустороннее сопряжение – страны Евразийского экономического союза самостоятельно ведут с официальным Пекином переговоры об участии в ЭПШП (например, переговоры между Си Цзиньпином и Президентом Казахстана Н. Назарбаевым по вопросу стыковки новой экономической по-

[1] Ван Г., Журавлева Е.В. Политика «мягкой силы» России и КНР в отношении стран Центральной Азии (на примере Казахстана) // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 60-69.

литики «Светлый путь» и ЭПШП, аналогичные переговоры с Президентом Белоруссии А. Лукашенко и др.);

– сопряжение по линии ЕАЭС-КНР – согласование единой позиции между странами-членами ЕАЭС относительно сопряжения Евразийского экономического союза и ЭПШП;

– сопряжение в рамках Шанхайской организации сотрудничества – данный тезис упоминается в «Совместном заявлении» и допускает участие в сопряжении также государств-членов ШОС, не участвующих в ЕАЭС.

Вместе с тем в процессе сопряжения ЕАЭС и ЭПШП могут возникать определенные трудности:

– из-за отсутствия единого подхода и плана действий стран-членов Евразийского экономического союза в отношении Экономического пояса Шелкового пути «стыковка» может сводиться к ряду двусторонних договоренностей между государствами, входящими в ЕАЭС, и Китаем;

– слабость институтов и нормативно-правовой базы ЕАЭС, ограничивающая компетенцию основного регулирующего наднационального органа – Евразийской экономической комиссии;

– опасения экспертов из стран Центральной Азии относительно идеи создания ЗСТ между ЕАЭС и КНР и неспособности экономик стран ЕАЭС конкурировать с китайской экономикой, возможная экономическая экспансия Китая в Центральной Азии[1].

По нашему мнению, проекты Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути будут дополнять друг друга, а не соперничать между собой, т.к. представляют собой совершенно разные форматы взаимодействия, которые преследуют разные цели в их реализации.

Основными аргументами в пользу сопряжения ЕАЭС и ЭПШП являются:

1. Экономическая взаимодополняемость. Страны ЕАЭС, за исключением Белоруссии, обладают огромным запасом топливно-энергетических ресурсов и полезных ископаемых, а также имеют богатые земельные ресурсы. Однако для их разработки не хватает иностранных инвестиций.

У Китая имеются в значительном количестве финансовые ресурсы. Из этого следует, что в результате сотрудничества страны могут создать и реализовать многоуровневые и многопрофильные проекты, которые будут выгодны как КНР, так и странам ЕАЭС.

2. Инфраструктура. Китай предлагает помощь в глобальном развитии инфраструктуры – странам, членам проекта ЭПШП. Почему это нужно КНР?

Рынок Китая переполнен компаниями, которые профессионально могут строить дороги, мосты и пр., однако в самой стране уже строить почти не-

[1] Дегтерев Д.А. Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. – 2015. – № 41. – Т. 13. – С. 35-54.

чего и перед китайскими компаниями может стать проблема в том, что они окажутся не в состоянии обеспечивать своих сотрудников рабочими местами.

Новый проект позволяет КНР вывести своих предпринимателей на рынки зарубежных стран. Страны ЕАЭС же для развития экономики, необходима хорошая инфраструктура, ибо «дороги – вены государства», именно благодаря им осуществляется экономическое взаимодействие. Перспективы. Страны, которые хотят войти в ЕАЭС являются партнерами КНР, либо же КНР хочет видеть их в качестве своих партнеров. Так что сотрудничество с Евразийским экономическим союзом дает Китаю хорошие условия для выхода на рынок всех стран участниц.

3. Развитие взаимосвязей. ЭПШП и Морской Шелковый путь XXI века нуждаются в построение диалога сотрудничества со странами ЕАЭС.

«Взаимосвязь – это не только один автомобильный мост, это подключение всей инфраструктуры в глобальную сеть»[1].

4. Трансконтинентальный транспортный коридор. Рынок стран ЕАЭС достаточно ограничен, поэтому, для КНР в первую очередь эти страны рассматриваются как транзитные, чтобы с их помощью выйти на рынок Европы. Странам ЕЭАС, то же выгодно иметь свободный выход на европейский рынок для реализации своей внутренней продукции.

5. Стратегическое партнерство. В связи с тем, что США начало реализовывать свой проект Транстихоокеанского партнерства (ТТП), без участия КНР и стран ЕАЭС, экономическая ситуация в мире может кардинально измениться. Поэтому сотрудничество ЕАЭС и ЭПШП – это стратегический ход, для противостояния гегемонизму США.

6. Конкуренция. ЕАЭС столкнулся с проблемой «Восточного расширения» Евросоюза (ЕС) и НАТО.

Это напрямую угрожает экономическому сотрудничеству в регионе, к тому же ЕС хочет привлечь на свою сторону страны, что выразили желание вступить в ЕАЭС.

Так же политика «Восточного расширения» угрожает геополитическим интересам РФ, именно она, привела к столкновению интересов и кризису на Украине в 2014 году[2]. Уравновесить баланс сил поможет сотрудничество с КНР и осуществления проекта ЭПШП, который сделает условия ЕАЭС более привлекательными.

7. Вместе мы сильнее. Именно сопряжение ЕАЭС и ЭПШП приведет к укреплению экономической мощи государств, усилению безопасности

---

[1] Козьменко В.М., Сагиндиков Р.Е. Таможенный союз России, Казахстана и Беларуси – основа их экономической безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 87-94.

[2] Ганьшина Г.И. Украинский кризис 2014 г. глазами стран АТР // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 47-58.

и увеличению их влияния на мировую политику. Таким образом, прослеживается целесообразность такого сотрудничества.

Отношение России и Запада вряд ли в ближайшее время улучшится, поэтому выгодно развивать тесные связи ЕАЭС и КНР, к тому же страны участницы ЕАЭС также получат ощутимую выгоду от реализации проекта ЭПШП. Многие ранее утверждали, что проекты на самом деле будут соперничать между собой. Мы полагаем, что они друг друга взаимно дополняют и вместе образуют новый организм. И может даже в ближайшем будущем они составят серьезную конкуренцию Транстихоокеанскому партнерству (ТТП) и Трансатлантическому партнерству (ТАП), а также будут сдерживать американский гегемонизм в регионе.

Ситуация на международной политической арене вследствие симбиоза этих проектов резко изменится и ТТП уже не будет представлять такой большой угрозы. И к тому же, реализация этих проектов, шанс для стран ЕАЭС улучшить национальную экономику и повысить ВВП на душу населения, а это означает скачок в экономическом развитии стран Евразии.

Путин по итогам переговоров справедливо отметил, что «проекты евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути могут гармонично дополнять друг друга... По сути, речь идет о выходе в перспективе на новый уровень партнерства, подразумевающий общее экономическое пространство на всем Евразийском континенте»[1].

Похожего мнения придерживаются и российские эксперты: Т. Бородачев, директор Центра комплексных и международных исследований НИУ ВШЭ, считает, что «Россия и Китай предлагают разные продукты: Москва – формат, Пекин – инвестиции».

Идея сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, исходя из национальных интересов нашего государства, может принести пользу и развитию транспортной инфраструктуры на российской территории (проекты железнодорожной магистрали Москва-Казань, модернизация Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей), придать импульс наращиванию инвестиций в развитие Восточной Сибири и Дальнего Востока, что позитивно скажется на развитии данного региона в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрамов В.Л., Абрамова О.Д.* Развитие инновационной экономики в КНР // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2013. – № 1.

2. *Абрамов В.Л., Марусич Н.Н.* Перспективы качественного совершенствования внешнеэкономической деятельности государств – членов Тамо-

[1] Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. – 8 мая 2015 г. Сайт Президента России. Электронный ресурс. – URL: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/49433 (дата обращения: 12.12.2016).

женного союза и формирующегося Евразийского экономического союза // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2013. – № 3-4.

3. *Ван Г., Журавлева Е.В.* Политика «мягкой силы» России и КНР в отношении стран Центральной Азии (на примере Казахстана) // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Международные отношения. – 2015. – № 1.

4. *Ганьшина Г.И.* Украинский кризис 2014 г. глазами стран АТР // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Международные отношения. – 2014. – № 4.

5. *Дегтерев Д.А.* Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. – 2015. – № 41. – Т. 13.

6. Договор о Евразийском экономическом союзе. Правовой портал – Евразийский экономический союз. Электронный ресурс. – URL: https://docs.eaeunion.org/ru-ru.

7. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. – 8 мая 2015 г. Сайт Президента России. Электронный ресурс. – URL: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/49433.

8. *Козьменко В.М., Сагиндиков Р.Е.* Таможенный союз России, Казахстана и Беларуси – основа их экономической безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Международные отношения. – 2014. – № 4.

9. *Кузьмина Е.* Можно ли совместить ЕАЭС и Шелковый путь? Сайт Российского совета по международным делам. Электронный ресурс. – URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mozhno-li-sovmestit-eaes-i-shelkovyy-put/.

10. *Медведев Н.П.* СНГ: проблемы постсоветской реинтеграции // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2015. – № 1-2.

11. *Михайленко А.Н.* Отношения России и Европейского союза в контексте евразийской интеграции // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2014. – № 1-2.

12. *Михайленко А.Н.* Перспективные внешние направления развития Евразийского Экономического Союза // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – № 1.

13. *Перская В.В.* Формирование устойчивых конкурентных преимуществ государств-членов ЕАЭС на основе реализации Экономического пояса Шелкового пути // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – № 3.

14. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. – Сайт Президента России. Электронный ресурс. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/4971.

15. *Хоперская Л.Л., Харченко В.А.* Станет ли Таджикистан членом Евразийского экономического союза? // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2017. – № 1.

D.E. PALILOV
Ph.D. candidate at The Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

THE CONJUGATION OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND THE SILK ROAD ECONOMIC BELT

The article is devoted to the problems and prospects of conjugation of such projects in the Eurasian space, such as the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic belt. The article considers various options and possible problems of conjugation of the EAEU and SREb.

Key words: *Russia, China, Eurasia, foreign policy, the Eurasian Economic Union, the Silk Road Economic belt, regional integration.*

УДК 32.327

ЦИНЬ ТИНТИН
аспирант Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального государственного университета, Россия, г. Владивосток

КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ ГАЗОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ КНР

Предметом исследования автора является политика КНР в области проблем, связанных с решением проблемы снижения объемов использования угля в экономике для предотвращения процессов загрязнения воздуха. Рассматриваются такие аспекты темы как политические и экономические взаимоотношения РФ и КНР в контексте газового сотрудничества. Особое внимание уделяется перспективам этого сотрудничества, которые будут иметь комплексный политико-экономический и экологический характер.

В статье применен метод интерпретационного анализа, с помощью которого выясняется специфика китайского подхода к решению проблем, связанных с Китайско-Российским газовым сотрудничеством и улучшением экологического состояния природной среды.

Основными выводами проведенного исследования является утверждение о том, что Китайско-Российское газовое сотрудничество не только изменит структуру двусторонней торговли между Китаем и Россией, а также изменит структуру мировой торговли в области энергоресурсов, что, в свою очередь, позволит добиться политической и экономической стабильности в Евразии.

Ключевые слова: *загрязнение воздуха в результате сжигания угля, эффективность замены угля газом, трудности и проблемы Китайско-Российского газового сотрудничества.*

Индустриализация, урбанизация и быстрое развитие Китая привели к загрязнению окружающей среды и серьезному экологическому ущербу, что стало ключевым фактором сдерживания стабильного развития региональной экономики. Тенденция производства экологически чистой энергии становится все более и более очевидной, поэтому особое значение здесь имеет возможность использования природного газа вместо угля.

Уголь как важный источник производства энергии и основной источник загрязнения атмосферы в Китае

В настоящее время Китай сталкивается с очень серьезной проблемой предотвращения загрязнения воздуха, население страны с каждым днем все больше требует улучшения качества окружающей среды, поэтому государство ведет поиск способов предотвращения загрязнения воздуха. Основной причиной загрязнения воздуха в Китае является нерациональное потребление угля. Поэтому в ближайшей перспективе осуществление общественного контроля над расходами угля может быть эффективным способом решения противоречия между энергетической и экологической сферами жизни общества. А в будущем Китай планирует решать это противоречие с помощью изменения основной модели экономического развития страны.

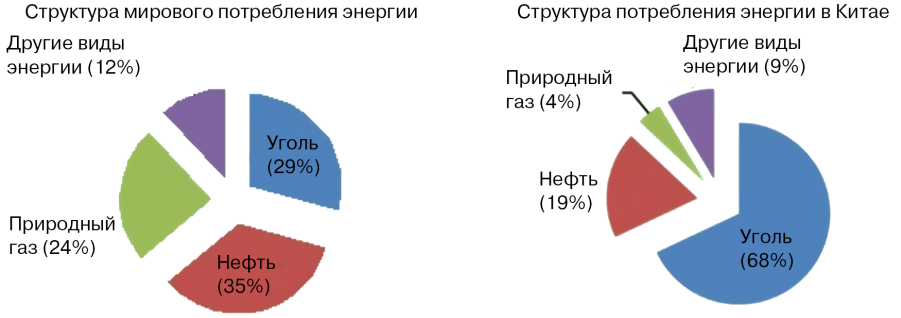


Рисунок 1. Сравнение структуры потребления энергии в Китае со структурой мирового потребления энергии за 2016 год.

Уголь играет важную роль в энергетической структуре Китая. С 1980 года в стране на долю угля приходится около 70% удельного веса первичного производства энергии и объема потребления, что превосходит этот же показатель в странах Евросоюза в среднем на величину около 20%. В нынешнем столетии вслед за быстрым ростом экономики Китая последовал резкий скачок использования угля. В 2000 году было потреблено 1,4 млрд. тонн угля, а в 2012 году его потребление выросло до 3,5 млрд. тонн, т.е. за 12 лет этот показатель вырос в 2,5 раза[1]; к 2013 году потребление угля в Китае составило 50,3% от общего мирового потребления угля, разница с США и Европой соответственно составила в 4,2 и 6,7 раза. Вследствие этого в Китае возник дисбаланс между потреблением угля с одной стороны и нефти, природного газа и других ископаемые энергетические ресурсов, с другой сто-

[1] Министерство охраны окружающей среды КНР. «2012 год правительственный вестник Китая по окружающей среде». 中华人民共和国环境保护部. «2012 年中国环境状况公报».

роны. В то же время объем использования нефти и газа на душу населения в мире в среднем составляет всего 7,7% и 7,1% соответственно. Использование таких источников энергии как ветровая и солнечная энергия, хотя и имеет огромный потенциал для развития, однако, их крупномасштабное применение еще требует решения многих комплексных технологических препятствий. Поэтому в ближайшем будущем в Китае роль угля в структуре энергетики еще долгое время не изменится.

Таким образом, уголь в Китае занимает первое место в структуре энергетики, а также наносит ежедневно серьезный урон загрязнению окружающей среды, создает парниковые газы и ухудшает здоровье населения. По статистическим данным «Китайского климатического официального бюллетеня» загрязнение воздуха приводит к появлению по всей стране ежегодного смога (выброса вредных частиц, загрязняющих атмосферу), количество которого прямо взаимосвязано с количеством дней в году, в которые происходило потребление угля. До 2003 года в Китае ежегодно количество дней, в которые появлялся смог, не превышало девяти за год, однако, с 2004 года этот показатель стремительно вырос, и среднегодовая величина его достигает от 12 до 20 дней. В 2013 году в КНР этот показатель вырос до 36 дней. В стране насчитывается более 20 провинций (автономных районов и городов), где наблюдается смог в течение длительного времени. В дополнение к этому существуют и другие факторы, приводящие к загрязнению воздуха, что еще более усугубляет ситуацию[1].

Уголь – это твердый источник энергоресурсов, по сравнению с нефтью, природным газом и другими источниками энергоресурсов, он производит ту же энергию, что и нетвердые виды энергоресурсов, в то время как создает выбросы диоксида серы (SO2), окиси азота (NOx), твердых частиц (пыли, сажи или PM 2,5), ртути (Hg) и других тяжелых металлов, углекислого газа (CO2) и других многочисленных атмосферных загрязнителей. В 2012 году непосредственное сжигание угля вызвало объем выброса SO_2, NO_x, пыли и сажи соответственно на 79%, 57% и 44% от общего объема выброса загрязняющих веществ в Китае. Уголь, используемый ведущей производственной отраслью, вызвал объем выброса SO_2, NO_x, пыли и сажи соответственно на 15%, 13% и 23% от общего объема выбросов загрязняющих веществ в Китае. В процессе использования всего угля объем выброса SO_2, NO_x, пыли и сажи пришелся соответственно на 93%, 70% и 67% от общего объема выбросов загрязняющих веществ в Китае[2].

---

[1] Сюэ Вэньбо, Фу Фэй, Ван Цзиньнанден. Моделирование, основанное на атмосферной экологической устойчивости, связанной со стандартами PM 2.5 всех город страны // Наука об окружающей среде Китая. – 2014. – № 10. – С. 46-50. 薛文博，付飞，王金南等 ．基于全国城市ＰＭ2.5达标约束的大气环境容量模 拟 // 中 国 环 境 科 学. – 2014. – № 10. – С. 46-50.

[2] Там же.

В настоящее время уголь является в качестве основным энергоресурсом Китая, и огромное количество промышленного производства сопряжено с его использованием, поэтому резко изменить ситуацию в сторону уменьшения объемов его сжигания не получиться. Но что же можно сделать в этой ситуации?

Замена угля на природный газ уменьшит загрязнения воздуха

Использование природного газа вместо угля имеет определенные преимущества: с одной стороны, эффективность использования природного газа превосходит по энергетическим показателям уголь, с другой стороны, природный газ – это сравнительно чистый источник энергоресурсов, и загрязнения, образуемые за счет его горения, сравнительно ниже тех, которые образуются от сжигания угля. В течение последних лет ученые ведут оценки экологической эффективности использования природного газа, и они пришли к выводу о том, что использование природного газа вместо угля в качестве промышленного топлива способствует снижению общей концентрации твердых частиц в воздухе, что несет с собой значительную пользу для здоровья городского населения. Исследования показали, что в 15 ключевых городах КНР с централизованным отоплением, используя природный газ вместо угля, можно за один отопительный сезон уменьшить выброс CO_2 на 21907100t, твердых частиц (PM) на 7342400t, SO_2 на 402100t, NO_x на 225600t, и CO_2 на 34900t[1]. Из 15 городов эффект сокращения выброса обнаружен в пяти городах, прежде всего, в Пекине, Шэньяне, Тяньцзине, Харбине и Чаньчуне. Наиболее значительный эффект сокращения выброса был зафиксирован в Пекине.

Вице-председатель энергетической ассоциации Китая Чжоу Дади в своем интервью отметил, что природный газ – один из оптимальных энергоресурсов в настоящих условиях. Ветровая и солнечная энергетика, а также другие альтернативные возобновляемые источники энергии могут также заменить уголь, но процесс замены будет слишком долгим и, более того, не дешевым. Таким образом, в настоящее время природный газ является оптимальной альтернативой углю. Будучи сравнительно чистым ископаемым энергоносителем, природный газ является низкоуглеродистым[2]. В то же время, природный газ прост в использовании и имеет высокий коэффициент эффективности, что само по себе в условиях современной экономики имеет определенное значение[3].

---

[1] Там же.

[2] Лю Шидзинь. Новая норма направлена на необходимость формирования развития качества // «Жэньминь жибао» 2014-12-9. 刘世锦．新常态下应树立提高发展质量导向［N］．人民日报，2014-12-9.

[3] Джао Лицюнь, Ву Гуоци. Влияние использования природного газа на атмосферу // Угарный газ и тепловая энергия. – 1998. – № 9. – С. 45-48. 赵立军, 吴国奇.天然气应用对大气环境的影响 // 煤气与热力. – 1998. – № 9. – С. 45-48.

Перспективы Китайско-Российского сотрудничества в газовой сфере

Для улучшения условия экологической среды Китаю следует широко использовать такой экологически чистый источник энергии как газ. В прошлом году объем потребления природного газа в стране составил 180 млрд. кубических метров, при этом КНР стала третьей в мире по величине страной-потребителем природного газа, уступая по этому показателю только США и России. Еще более важно отметить, что за последнее десятилетие Китай является страной, в которой наиболее быстро растет потребление природного газа. В течение следующего десятилетия Китай будет самой большой страной-потребителем природного газа. В соответствии с национальным планом развития к 2020 году потребление природного газа в Китае достигнет 400 млрд. кубических метров, а в 2040 году достигнет 600 млрд. кубометров, больший показатель планируется только США[1].

Требуемое количество природного газа для Китая может обеспечить только его импорт. Для осуществления диверсификации импорта энергоресурсов и расширения объема импорта природного газа Китай должен найти различные пути. В Австралии и Катаре цена на сжиженный природный газ значительно выше, чем во Владивостоке, поэтому изменения в Китайско-Российском газовом сотрудничестве не выгодно Китаю.

Россия занимает первое место по поставкам природного газа в Европу, что составляет около 30% европейского потребления, что оценивается приблизительно в 150 млрд. кубических метров в год. За последние годы с увеличением норвежского экспорта природного газа и активности рынка LNG спрос на российский газ в Европе заметно сократился. За четвертый квартал 2015 г. и первый квартал 2016 г. общий объем экспорта норвежского природного газа в Европейский союз (ЕС) составил 58,7 млрд. кубометров. За тот же период Россия экспортировала в ЕС всего 40,1 млрд. кубических метров. Кроме ценовых причин здесь еще имеет значение тот фактор, что ЕС в течение многих лет занимается развитием диверсификации источников производства энергии, также внес свой вклад в этот процесс и Украинский кризис, добавив конкурентные преимущества норвежскому природному газу[2].

После того, как будут выполнены две ветки газопровода «Сила Сибири» и «Алтай», китайский импорт российского природного трубопроводного

---

[1] Лю Шидзинь. Новая норма направлена на необходимость формирования развития качества // «Жэньминь жибао». 2014-12-9. 刘世锦 . 新常态下应树立提高 发 展 质 量 导 向 [N]. 人民日报, 2014-12-9.

[2] Джан Джунсю. Эффективность защиты окружающей среды в расширенном использовании природного газа в мегаполисах // Технология и экономика природного газа. – 2012. – № 6. – С. 7-9. 张中秀.特大城市天然气规模化利用的环境保护效益 // . 天然气技术与经济. – 2012. – № 6. – С. 7-9.

газа составит 68 млрд. кубических метров в год. К тому же в будущем возможен импорт LNG из Ямала, общий объем которого составит около 80 млрд. кубических метров в год. После 2025 года, если импорт российского природного газа будет работать на полную мощность, как и планировалось, то российский экспорт в Китай может достигнуть 80 млрд. кубических метров в год. Предположим, что экспорт российского газа в ЕС сохранится на уровне 20 млрд. кубических метров ежеквартально, тогда российский экспорт в Китай и ЕС составит примерно около 80 млрд. кубических метров в год.

Таким образом, Китайско-Российское газовое сотрудничество является взаимовыгодным: Россия получит большой рынок Китая, Китай получит стабильные диверсифицированные источники газа.

Трудности Китайско-Российского сотрудничества в газовой сфере и проблемы, требующие внимания

Заглядывая в будущее, можно сказать, что Россия еще больше откроет свои энергетические ресурсы для Азиатско-Тихоокеанского региона, поэтому перспективы Китайско-Российского газового сотрудничества оптимистичны. Экспорт природного газа из России в Китай через восточный газопровод, является огромным проектом мирового уровня, который находятся в стадии строительства. Проект по западному газопроводу находится в стадии подготовки подписания договора.

Восточный трубопровод, также известный как проект «Сила Сибири», может обеспечить объем поставляемого газа до 38 млрд. кубических метров в год. Западный трубопровод, также известный как проект «Алтай», планирует поставки газа до 30 млрд. кубометров в год. Эти два крупных проекта могут изменить структуру потребления природного газа в мире.

Китай должен серьезно изучить внутреннюю энергетическую политику российского рынка для того, чтобы сделать правильный выбор в сфере сотрудничества по поставкам газа, а также понять законы и политику развития производства в России[1]. Вследствие того, что в России усилен государственный контроль в энергетическом секторе, компании с участием китайского капитала для начала должны укрепить сотрудничество с государственными монопольными компаниями, а затем принимать участие в российских энергетических проектах. Согласно российскому законодательству только государственные компании имеют право на разработку российского континентального шельфа, а это значит, что китайские компании, заинтересованные в нефтегазовых месторождениях на континентальном шельфе России, должны сотрудничать с ОАО «Газпромом», ПАО НК «Роснефть». ПАО НК

[1] Лю Хаою. Китайско-Российское газовое сотрудничество: структура взаимовыгодного использования // Народное еженедельное издание. – 2015. – № 5. – С. 30-36. 刘昊宇. 中俄天然气合作：优势互补的共赢格局. //人民周刊. – 2015. – № 5. – С. 30-36.

«Роснефть» в настоящие время имеет огромные разведанные запасы нефти и газа в Черном, Карском и Баренцевых морях. После того, как постепенно ОАО «Газпромом» станет контролировать все крупные газовые проекты в России, Китай сможет начать импорт российского газа.

Всестороннее стратегическое сотрудничество Китая и России – это объективная закономерность развития международных отношений, которая диктуется целесообразной необходимостью. Политические факторы играют особую роль в китайско-российском экономическом сотрудничестве. Поэтому достигнутая политически общая стратегия китайско-российского сотрудничества способствует сокращению экономических издержек на основе взаимного доверия и гарантий, а это, в свою очередь, стремительного развивает торгово-экономические отношения. Китайско-российское сотрудничество в области энергетики закреплено в межправительственных отношениях.

Кроме того, некоторые субъекты Российской Федерации планируют развивать региональное строительство линий электропередач, расширять жилищные и общественные транспортные предприятия в тесном сотрудничестве с китайскими и российскими предприятиями и местными органами власти. Все это еще больше расширяет возможности развития рынка энергоресурсов. Восточная Сибирь и Дальний Восток, богатые энергетическими ресурсами, запасами нефти и газа в этих составляют лишь 14% от разведанных запасов, а 20% оставшихся неосвоенных запасов России в основном сосредоточенны на севере Печоры и в прибрежных районах континентального шельфа России. Исходя из этой ситуации, китайские компании должны активно участвовать в развитии полуострова Ямал и северных морских месторождений, таких как полярное месторождение Штокман и другие, а также в частичном освоении ресурсов Каспийского моря.

В настоящее время добыча в области энергоресурсов в России проходит в соответствии с международными стандартами и ресурс оборудования не превышает 10%-15%, а у большой части трубопроводов для транспортировки энергоресурсов скоро истечет срок службы или уже истек. Ради того, чтобы привлечь иностранных инвесторов, Россия внесла изменения в законодательство и разработала целый ряд мер по привлечению иностранных инвестиций, в том числе в будущем предполагается выдача лицензий на право добычи полезных ископаемых. Также предполагается освобождение от налогообложения иностранного капитала на добычу полезных ископаемых, особенно для иностранных компаний, которые могут работать в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России. Китай также может принять участие в данных проектах.

Китай является самым быстрорастущим рынком в мире по потреблению природного газа, так как его потребление в стране быстро растет, то в будущем он изменит мировой рынок природного газа. Китайско-Российское газовое сотрудничество не только изменит структуру двусторонней торгов-

ли между Китаем и Россией, а также изменит структуру мировой торговли в области энергоресурсов, что, в свою очередь, позволит добиться политической и экономической стабильности в Евразии[1].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрамов В.Л., Абрамова О.Д.* Развитие инновационной экономики в КНР // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2013. – № 1.

2. *Буянов В.С.* БРИКС как стратегический проект // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2017. – № 1.

3. *Джан Джунсю.* Эффективность защиты окружающей среды в расширенном использовании природного газа в мегаполисах // Технология и экономика природного газа. – 2012. – № 6. 张中秀.特大城市天然气规模化利用的环境保护效益 // . 天然气技术与经济. – 2012. – № 6.

4. Джао Лицюнь, Ву Гуоци. Влияние использования природного газа на атмосферу // Угарный газ и тепловая энергия. – 1998. – № 9. 赵立军, 吴国奇.天然气应用对大气环境的影响 // 煤气与热力. – 1998. – № 9.

5. Лю Хаою. Китайско-Российское газовое сотрудничество: структура взаимовыгодного использования // Народное еженедельное издание. – 2015. – № 5. 刘昊宇. 中俄天然气合作：优势互补的共赢格局. //人民周刊. – 2015. – № 5.

6. Лю Шидзинь. Новая норма направлена на необходимость формирования развития качества // «Жэньминь жибао». 2014-12-9. 刘世锦．新常态下应树立提高发展质量导向［N］．人民日报，２０１４－１２－９.

7. Министерство охраны окружающей среды КНР. «2012 год правительственный вестник Китая по окружающей среде». 中华人民共和国环境保护部. «2012 年中国环境状况公报».

8. *Сулейманова Ш.С.* Мировая политика и геополитические процессы // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. – № 4.

9. *Сюэ Вэньбо, Фу Фэй, Ван Цзиньнанден.* Моделирование, основанное на атмосферной экологической устойчивости, связанной со стандартами PM 2.5 всех город страны // Наука об окружающей среде Китая. – 2014. – № 10.薛文博，付飞，王金南等．基于全国城市ＰＭ2.5达标约束的大气环境容量模拟· // 中国环境科学. – 2014. – № 10.

10. *Ху Аолинь, Бай Лань Цюнь.* Начальное исследование использования и экологической эффективности природного газа // Нефтяная экономика Сычуаня. – 2000. – № 1. 胡奥林,白兰君.天然气利用之环境效益初探. // 四川石油经济. – 2000. – № 1.

11. *Ян Лен.* Курсы и перспективы Китайско-Российского сотрудничества в газовой сфере // Экономика Евразии. – 2015. – № 4. 杨雷. 中俄天然气合作的历程与前景. // 欧亚经济. – 2015. – № 4.

[1] Ян Лен. Курсы и перспективы Китайско-Российского сотрудничества в газовой сфере // Экономика Евразии. – 2015. – № 4. – С. 41-46. 杨雷. 中俄天然气合作的历程与前景. // 欧亚经济. – 2015. – № 4. – С. 41-46.

TSIN TINTIN
Ph.D. candidate at School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

SINO-RUSSIAN GAS COOPERATION AND ENVIRONMENTAL PRESSURES ON THE ENVIRONMENT OF P. R. CHINA

The subject of the author's study is the PRC policy in the field of issues related to solving the problem of the volume of coal use reducing to prevent air pollution. The author analyzes several aspects such as political and economic relations between the Russian Federation and the PRC in the context of gas cooperation. Particular attention is paid to the prospects of this cooperation, which will have an integrated political, economic and environmental character.

The author uses hermeneutic analysis, which helps to clarify the specificity of the Chinese approach to solving problems related to the Sino-Russian gas cooperation and improving the ecological state of the natural environment.

The main conclusion of the study is the statement that the Sino-Russian gas cooperation will not only change the structure of bilateral trade between China and Russia, but also change the structure of world trade in energy resources, which in turn will help to achieve political and economic stability in Eurasia .

Key words: *air pollution from coal combustion, coal gas replacement efficiency, difficulties and problems of the Sino-Russian gas cooperation.*

УДК 32.327

НАБИЕВ БАХТИЯР ЭЙВАЗ ОГЛЫ
Бакинский Государственный Университет,
Республика Азербайджан, г. Баку

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВ ВО ВЗАИМОТНОШЕНИЯХ АЗЕРБАЙДЖАНА И РОССИИ

В статье рассматриваются геостратегические аспекты отношений между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой. Особое место отводится роли президентов двух стран. В статье также подчеркивается существующее экономическое, политическое, военное, правовое и региональное сотрудничество между двумя странами. Подчеркивается важность различных форумов, дней культуры в развитии и укреплении отношений между странами.

Ключевые слова: *геостратегия, аспекты, региональный, экономический, политический, военный, правовой.*

Россию и Азербайджан связывают многовековые традиции взаимопонимания общей истории и культурные связи. За 25 лет независимости двух стран удалось сохранить и приумножить достигнутое наследие и достичь стратегического партнерства. С момента установления дипломатических отношений между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией было подписано более 200 двусторонних документов о сотрудничестве в области экономики, политики, безопасности. В течение истекшего периода две страны создали модель плодотворного сотрудничества и взаимоотношения отвечающая национальным интересам обоих стран, которая является собою гарантом международной и региональной безопасности.

Отметим, что дипломатические отношения между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией были установлены 4 апреля 1992 года. С этого периода начали функционировать посольства Азербайджана в России и России в Азербайджане.

Основным документом, регулирующим правовую основу двусторонних отношений, является Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности, подписанный между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой 3 июля 1997 года.

Следует отметить, что первый официальный визит национального лидера Гейдар Алиева по приглашению Президента Российской Федерации Бориса Ельцина с 2 июля по 4 июля 1997 года стал важным историческим

событием в развитии двусторонних отношений. Все те положительные моменты в отношениях между двумя странами, которые наметились в результате как эффективных действий руководства Азербайджана и России[1].

С тех пор, когда в 2000 году, когда В.В. Путин был избран Президентом Российской Федерации, руководство страны начало пропагандировать прагматические задачи и приоритеты в отношениях с Азербайджаном. В отличие от предыдущего периода, это была не только цель интеграции в СНГ, но и национальные интересы обеих стран, такие как безопасность и экономическое развитие. В последующий период была создана важная политическая база для установления тесных дружеских отношений между Азербайджаном и Россией.

Официальные и деловые поездки национального лидера Гейдара Алиева и президента Ильхама Алиева в Россию, президентов Российской Федерации Владимира Путина и Дмитрия Медведева в Азербайджан способствовали дальнейшему развитию двусторонних отношений. Мы хотели бы обратить внимание на взаимные визиты в течение последних трех лет, как четкое выражение динамичного развития отношений на высоком уровне. Так, 13 августа 2013 года В.В. Путин посетил Азербайджан[2] и обсудил со своим азербайджанским коллегой политические проблемы и ситуацию в Нагорном Карабахе. По итогам визита были подписаны соглашения о сотрудничестве в области добычи нефти и газа и т.д. 6-8 февраля 2014 года президент Азербайджана Ильхам Алиев принял участие в церемонии открытия XXII зимних Олимпийских игр в Сочи[3]. 8-10 августа Президент Ильхам Алиев посетил с рабочим визитом Россию. В ходе визита президенты обсудили ряд двусторонних и региональных вопросов. 29-30 сентября 2014 года глава государства принял участие в IV саммите прикаспийских государств в Астрахани и в мероприятиях, посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной войне в Москве 8-9 мая 2015 года. 12-13 июня 2015 года президент России Владимир Путин совершил рабочий визит в Баку. В ходе визита обсуждались двусторонние отношения и международные вопросы. Владимир Путин также присутствовал на церемонии открытия первых европейских игр. 20 июня 2016 года президент Ильхам Алиев посетил Санкт-Петербург[4]. В ходе встречи с президентом России обсужда-

---

[1] Пивовар Е.И. Российско-азербайджанские отношения. Конец XX – начало XXI века. – М.: Kremlin Multimedia, 2012. – С. 14.

[2] Электронный ресурс. – URL: https://ria.ru/spravka/20170721/1498936906.html (дата обращения: 12.10.2017).

[3] Электронный ресурс. – URL: https://ria.ru/spravka/20170721/1498936906.html (дата обращения: 12.10.2017).

[4] Электронный ресурс. – URL: https://azertag.az/ru/xeber/Vstrecha_Prezidenta_Azerbaidzhana_Ilhama_Alieva_i_Prezidenta_Rossii_Vladimira_Putina__VIDEO-963149 (дата обращения: 12.10.2017).

лась текущая ситуация в двусторонних отношениях, гуманитарное сотрудничество и решение карабахской проблемы. 8 августа 2016 года президент России Владимир Путин посетил нашу республику с рабочим визитом. Во время визита состоялась трехсторонняя встреча президентов Азербайджана, России и Ирана.

Отношения между нашими странами основаны на взаимном уважении, признании территориальной целостности. Особые усилия общенационального лидера Гейдара Алиева, президента Ильхама Алиева и президента Владимира Путина неоспоримы в развитии этих связей. Напомним, что за 25 лет Азербайджан стал стратегическим партнером России. В настоящее время между президентом Ильхамом Алиевым и президентом Владимиром Путиным сложились прочные дружеские отношения. Они оказывают положительное влияние на развитие отношений между нашими странами. За последние двадцать пять лет мы традиционно поддерживали дружбу и взаимное уважение между российским и азербайджанским народами, разрабатывали новые, межгосударственной основе. Был налажен активный политический диалог, активное межпарламентское и межрегиональное сотрудничество. Расширяются контакты между коммерческими и экономическими, инвестиционными, научно-техническими и гуманитарными организациями, а также институтами гражданского общества. Москва и Баку координируют свои усилия по решению актуальных вопросов региональной и глобальной повестки дня и эффективно взаимодействуют в рамках различных международных структур.

В марте 2011 года между Российским институтом стратегических исследований и Центром стратегических исследований при Президенте Азербайджанской Республики был подписан Меморандум о сотрудничестве. И уже летом 2011 года мы получили первый результат совместной работы – издание по истории и перспективам новейших российско-азербайджанских отношений в области политики, экономики, энергетики и в гуманитарной сфере[1].

В течение последних нескольких лет были предприняты совместные усилия для решения ряда вопросов, имеющих решающее значение для обеих сторон. Подписано Государственное пограничное соглашение, разрешен вопрос охраны и рационального использования реки Самур, и была решена ситуация с российскими гражданами, проживающими в двух селах Хачмазского района. Закончен процесс приближения позиций Москвы, Баку и Астаны по статусу Каспийского моря.

Урегулирование армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта играет важную роль в развитии азербайджано-российских отноше-

[1] Эльманоглы С. Экономические отношения между Азербайджаном и Россией расширяются // Азербайджан. Май 2011. – С. 3; Российско-Азербайджанские отношения за 20 лет. История и перспективы. – Баку, 2011.

ний. Азербайджанская сторона высоко оценивает посреднические усилия России и лично президента В. Путина в качестве сопредседателя Минской группы ОБСЕ.

Сегодня политические круги России положительно оценивают геостратегическую роль Азербайджана и понимают, что успешное развитие сотрудничества между двумя странами является важным фактором стабильности и безопасности в Кавказско-Каспийском регионе.

Азербайджан является основным торговым партнером России в СНГ. Сотрудничество между Правительством Азербайджанской Республики и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области свободной торговли, воздушного сообщения и воздушного транспорта, принципах сотрудничества в области электроэнергетики, ликвидации двойного налогообложения доходов и налогов на имущество, а также указания по организации перевозок пассажиров и грузов железнодорожным транспортом.

Среди продуктов, экспортируемых Россией в Азербайджан, основное место занимают машины, транспортные средства и оборудование, продукты питания, черные и цветные металлы, изделия из древесины, бумажной массы и химические продукты. Россия является основным рынком поставок азербайджанской плодоовощной продукции, на нее приходится 90% экспорта фруктов и овощей[1].

Важнейшая роль в товарообороте между Азербайджаном и Россией играет доля сельского хозяйства и продовольственных товаров. Также существует научно-техническое сотрудничество между Азербайджанским научно-исследовательским институтом агромеханики в области аграрной науки и Российским научно-исследовательским институтом механизации, а также Азербайджанским ветеринарным научно-исследовательским институтом и Московской государственной ветеринарной академией им. К. Скрябина. Осуществляется сотрудничество между соответствующими агентствами двух стран по внедрению различных видов сельскохозяйственных культур и обмену генетическим материалом.

Расширяются также межрегиональные отношения с предприятиями, представляющими более 70 субъектов Российской Федерации. Между 17 регионами России и Азербайджана подписаны соглашения об экономическом, культурном и научно-техническом сотрудничестве. За последние пять лет было проведено более 30 экономических мероприятий с участием более 5000 деловых людей.

Расширение взаимовыгодного сотрудничества с Российской Федерацией и развитие многогранных отношений со времен бывшего Советского Союза в соответствии с нынешними геополитическими реалиями является важной частью внешней политики Баку. За последние 10 лет эти связи были постро-

[1] Электронный ресурс. – URL: http://interfax.az/view/685315 (дата обращения: 12.10.2017).

ены на принципе равноправного партнерства во всех сферах и превратились в новую линию взаимных интересов. Позитивные аспекты отношений стратегического партнерства также отражены в расширении экономических и торговых отношений между регионами России и Азербайджана.

Российско-азербайджанские межрегиональные форумы «Россия и Азербайджан: новые горизонты межрегионального сотрудничества», организованные с 2010 по 2017 гг., являются ярким примером нашего сотрудничества. Представители центральных и региональных властей обеих стран, а также крупные, средние и малые предприятия, неправительственные организации приняли участие в этих форумах, организованных Научно-исследовательским институтом Евразии при поддержке администраций президентов России и Азербайджана. Форумы был посвящены динамичному развитию отношений между двумя странами во всех сферах, а также расширению экономических, культурных и гуманитарных отношений Азербайджана с отдельными регионами России. В то же время сообщалось, что одним из важных факторов, требующих всестороннего сотрудничества между Россией и Азербайджаном, были исторически сложившиеся экономические отношения между нашими странами.

С 2001 года российско-азербайджанские отношения вышли на совершенно новый уровень и созданы реальные возможности для сотрудничества в экономической, политической, гуманитарной и энергетической безопасности.

Было подчеркнуто, что Форум объединяет государственные, правительственные и бизнес структуры, институты гражданского общества, играет важную роль в стратегическом партнерстве между Россией и Азербайджаном и эффективно содействует двустороннему сотрудничеству. Было указано, что форум будет посвящен сотрудничеству в сельском хозяйстве, промышленности, фармацевтике и других сферах.

Следует отметить, что VIII Российско-Азербайджанский форум еще раз доказал, что отношения между нашими странами находятся на высоком уровне. Большая делегация из 120 человек из Азербайджана во главе с Шахином Мустафаевым присутствовала на форуме, организованном министерствами экономики Азербайджана и России. Форум был организован «круглыми столами», обмен деловыми отношениями, сотрудничество в области промышленного и гуманитарного сотрудничества, развитие туризма, инновации в здравоохранении и другие вопросы, а также документы двустороннего сотрудничества. В поздравительном письме президента Азербайджана Ильхама Алиева участникам форума отметили, что встречи официальных лиц, бизнесменов и экспертов двух стран стали хорошей традицией. Такие события стали авторитетной темой, где обсуждаются важные вопросы. Примечательно, что приоритетные направления сотрудничества торгово-экономических отношений с гуманитарными отношениями находятся в центре

внимания участников форума. Он подчеркнул, что на форуме обсуждались ключевые аспекты взаимной деятельности, подписаны соглашения и соглашения, созданы бизнес-проекты и созданы благоприятные условия для будущих инициатив, сказал президент Ильхам Алиев, способствуя углублению конструктивного диалога между двумя странами, придаст импульс азербайджано-российским отношениям. Глава государства выразил уверенность, что новые идеи и совместные проекты, которые возникнут в ходе предстоящей встречи, станут важным шагом на пути к укреплению взаимопонимания и доверия между Азербайджаном и Россией. В свою очередь, президент России Владимир Путин отметил, что Форум играет важную роль в развитии стратегического сотрудничества между Москвой и Баку и помогает реализовать потенциал двустороннего сотрудничества. Президент России сказал, что он убежден, что открытые и конструктивные дискуссии будут претворены в жизнь. Ставропольский губернатор Владимир Владимиров сказал, что в форуме принимают участие более 400 делегатов, представляющих обе стороны. Оборот между Ставрополем и Азербайджаном составляет 130 миллионов долларов в год. Губернатор призвал азербайджанские компании активно сотрудничать с курортными городами на курорте. Министр экономического развития России Максим Орешкин отметил высокий уровень экономических отношений между двумя странами». 8 регионов России активно сотрудничают с Азербайджаном, где действуют 650 совместных предприятий. Мы развиваем сотрудничество с Азербайджаном во многих областях, включая аптеку и туризм. В наши совместные проекты было инвестировано 500 миллионов долларов. Эти проекты также реализуются в третьих странах ». Говоря о динамике двустороннего сотрудничества, министр экономики Азербайджана Шахин Мустафаев отметил, что между двумя странами в экономической сфере подписано более 200 соглашений. 70 российских компаний, работающих в Азербайджане, вложили в нашу страну 3 миллиарда долларов. В то же время азербайджанские компании инвестировали 1 млрд. долларов в российскую экономику. В конце форума были подписаны документы об экономическом сотрудничестве между Азербайджаном и Россией. Участники убеждены, что форум будет способствовать укреплению российско-азербайджанских отношений.

Конференция «Чтение Баку-Москва: к новой кавказской геополитике» состоявщяяся в сентябре 2017 г. в «Президентском дворце» в Москве[1], еще раз подтверждает важность отношений. Главная цель конференции, организованной Центром геополитических экспертиз и клубом «Избор», бало обсуждение текущего состояния и перспектив российско-азербайджанских отношений. Александр Дукин, руководитель Центра геополитических экс-

[1] Электронный ресурс. – URL: https://www.geopolitica.ru/studio/os-moskva-baku-k-novoy-geopolitike-kavkaza (дата обращения: 12.10.2017).

пертиз, один из организаторов мероприятия, заявил, что создание геополитической оси Россия – Азербайджан это особенно актуально: «Сегодня Азербайджан – это сильное государство с его целями, тигр Южного Кавказа, который является движущей силой в региональной и международной политике, у него мудрая голова».

У президента Азербайджана Ильхама Алиева и президента России Владимира Путина хорошие отношения, эта близость может еще больше укрепить отношения между странами и народами. Глава клуба «Избор», писатель, журналист и политолог Александр Проханов сказал, что, находясь в Баку, он осознает цели Азербайджана и «желание Азербайджана»: «Мы желаем, чтобы русские построили справедливый и красивый мир, как братские азербайджанцы. люди двух наций, мы должны согласиться с этим желанием ». Али Гусейнли, председатель Комитета по правовой политике и государственному строительству Милли Меджлиса Азербайджана, сказал, что в последние годы наши страны доказали свою тесную связь друг с другом в самой сложной ситуации: «Это, кроме того, является признаком нашей политической культуры ». Председатель Комитета подчеркнул, что российско-азербайджанские военные отношения, которые были консолидированы в последние годы, играют важную роль в поддержании региональной безопасности. Али Хусейнли сказал, что он убежден, что новый формат будет играть решающую роль в сближении стран. Выступая на конференции, глава русской общины Азербайджана, депутат Михаил Забелин сказал, что народ Азербайджана очень доволен улучшением своих отношений с Россией. «В наших отношениях были трудности, но мы преодолели волей обеих стран. Сегодня две страны довольно близки, интерес к России растет в Азербайджане. Русские, живущие в Азербайджане, чувствуют себя полноправными гражданами страны».

Подводя итоги можно сказать что, сохранение мира – органическая потребность мирового сообщества, особенно насущная в современных условиях[1]. В современном мире идет процесс, радикально меняющий концептуальные основы международных отношений[2]. Поэтому очень важно для Азербайджана и Росси сотрудничать в этой области. Также Азербайджан и Россия имеют потенциал развит отношения глубже. По этой причине особенна важна прагматическая позиция обеих стран в перспективе, в условиях интенсивных изменений в мире.

---

[1] Аббасбейли А., Гасаналиев З. Южный Кавказ в современной геостратегии // Материалы научно-практической конференции, посвященной 95-летию Бакинского государственного университета, 27-28 ноября 2014 года. – Баку, 2014. – С. 39-47, 39.

[2] Аббасбейли А. Методологические и теоретические основы глобализации // Новости Университета Баку. Серия гуманитарных наук. – 2010. – № 2. – С. 74-77.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аббасбейли А.* Методологические и теоретические основы глобализации // Новости Университета Баку. Серия гуманитарных наук. – 2010. – № 2.

2. *Аббасбейли А., Гасаналиев З.* Южный Кавказ в современной геостратегии // Материалы научно-практической конференции, посвященной 95-летию Бакинского государственного университета, 27-28 ноября 2014 года. – Баку, 2014.

3. *Гаджиев К.С.* К вопросу о цивилизационной идентичности Кавказа // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2016. – № 3.

4. *Медведев Н.П.* СНГ: проблемы постсоветской реинтеграции // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2015. – № 1-2.

5. *Мещерякова О.М.* К вопросу о механизмах интеграции в рамках СНГ и ЕС // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2013. – № 1.

6. *Михайленко А.Н.* Перспективные внешние направления развития Евразийского Экономического Союза // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – № 1.

7. *Пивовар Е.И.* Российско-азербайджанские отношения. Конец XX – начало XXI века. – М.: Kremlin Multimedia, 2012.

8. Российско-Азербайджанские отношения за 20 лет. История и перспективы. – Баку, 2011.

9. *Эльманоглы С.* Экономические отношения между Азербайджаном и Россией расширяются // Азербайджан. Май 2011.

BAKHTIYAR NABIYEV
Baku State University,
Baku, Azerbaijan

GEOPOLITICAL ASPECTS OF STRATEGIC PERSPECTIVES IN RELATIONS OF AZERBAIJAN AND RUSSIA

The article deals with geostrategic aspects of relations between Russia and Azerbaijan. The role of presidents in the positive development of relations between the two countries is mentioned here. It also provides information on existing economic, political, military, legal and regional cooperation between the two countries. The importance of the forum and other events is emphasized in the development of relations between the countries. Finally, certain results are achieved.

Key words: *geostrategic aspects, the role of presidents, Russia, Azerbaijan.*

УДК 321

А.А. КАСЫМОВ
аспирант кафедры политологии и социологии
РЭУ им. Г.В. Плеханова,
Республика Таджикистан, г. Душанбе

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

В статье рассматривается регулирующая деятельность ведущей партии Республики Таджикистан в сфере интеграционных процессов со странами СНГ. Целью работы явилось получение аналитических зависимостей, подтверждающих позитивное воздействие законодательно-регулирующих документов на характеристики социума и конкурентоспособность страны. Работа базируется на политологическом анализе законодательно-регулирующей деятельности ведущей партии Республики Таджикистана. В качестве прикладного метода исследования применяется регрессионно-корреляционный анализ, который позволил получить аналитические уравнения между законодательно-регулирующими партийными воздействиями и другими важными характеристиками социума и государства. Получена система регрессионных уравнений, подтверждающих эффективность регулирующей деятельности ведущей политической партии Таджикистана – народно-демократической партии Таджикистана в направлении интеграционных процессов в рамках СНГ. В заключении говорится, что грамотно выстроенные интеграционные процессы со странами СНГ приводит к увеличению уровня устойчивого развития Республики Таджикистан, повышается индекс развития человеческого потенциала, улучшаются и укрепляются межэтнические отношения в республике и соответственно повышается международная конкурентоспособность.

Ключевые слова: *политическое регулирование, интеграция, человеческий потенциал, межэтнические отношения, законодательная база, Республика Таджикистан, мультикультурализм, конкурентоспособность.*

Эффективность деятельности политических партий, прошедших в парламент, в контексте интеграционных процессов, определяется не только по количеству принятых в этой сфере законов, но и по их конечной результативности для избирателей и страны в целом. Всегда есть конфликт интересов между декларацией о намерениях и результативностью от их реализа-

ции, и только поиск и анализ соответствующей статистической информации позволяет дать оценку регулирующим политическим воздействиям в этой сфере деятельности. Любая правящая партия свою «модель будущего» всегда начинает осуществлять с формирования соответствующей нормативно-законодательной системы, этот постулат относится и к интеграционным процессам Республики Таджикистан.

Анализ и опыт сотрудничества между государствами Содружества, проведенной С.У. Ахиевой[1] показывает, что сегодня оно осуществляется в следующих сферах:

– в социально-политической;

– в военно-технической;

– сотрудничества в области экологии и экономической безопасности;

– сотрудничества в области гидроэнергетики;

– сотрудничества в области образования, культуры, медицины и охраны здоровья населения;

– сотрудничества в региональном и межгосударственном уровнях;

– сотрудничества в области миграции;

– торгово-экономическое сотрудничество;

– сотрудничество по вопросу внутренней и внешней безопасности.

На рисунке 1 представлена зависимость взаимосвязь между ростом числа интеграционных нормативно-законодательных документов, принятых в Таджикистане и ростом экспорта из Таджикистана в страны СНГ.

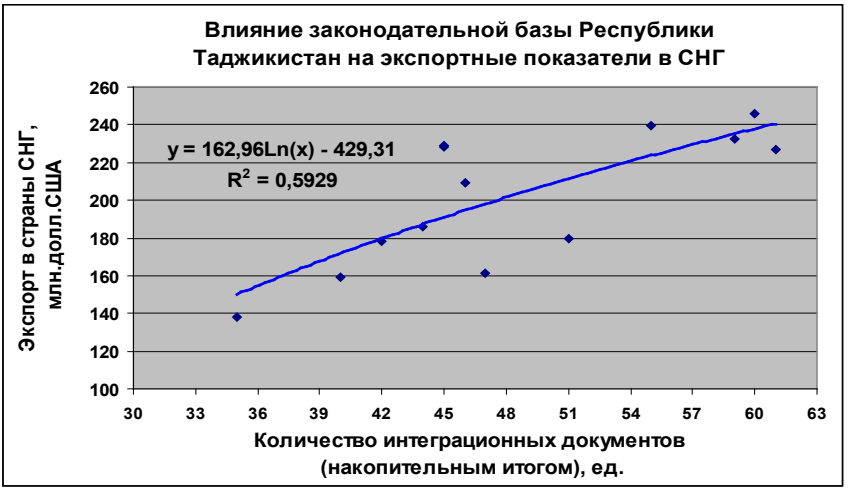


Рисунок 1. Влияние законодательной базы на экспорт в страны СНГ

[1] Ахиева С.У. Двухсторонние отношения Республики Таджикистан с Российской Федерацией и странами СНГ // Вестник ТГПУ им. С. Айни. – Душанбе, 2012. – № 1 (44). – С. 43-45.

В заявлении Минэкономразвития и торговли Таджикистана говорится, что он намерен интегрироваться в Таможенный союз (ТС) Беларуси, Казахстана и России. Заявление было распространено в среду в ходе «круглого стола» «Таможенный союз (ТС) и Таджикистан: новые перспективы интеграции», проходящего в Душанбе. Членство в ТС даст гарантию беспошлинного доступа таджикской продукции на рынки стран ТС и предоставит возможность упрощенного импорта нефтепродуктов, древесины, зерна и других основных товаров, важных для экономики Таджикистана, считает Минэкономразвития Таджикистана.

Данные расчетов на модели GLOBE, которая представляет собой вычислительную модель общего равновесия, опирающуюся на базу данных GTAP – самую полную на сегодняшний момент коллекцию данных об экономике различных стран мира и о мировой торговле, также подтвердила наличие экономического эффекта для экономики Таджикистана от его вхождения в Единое Экономическое пространство. В модели GLOBE содержатся данные о торговых потоках между регионами, об экономике стран: матрицы социальных счетов, данные о налогах, пошлинах, субсидиях, тарифах и т.п. Данные по Таджикистану содержатся в этой базе не в самостоятельном виде, а в составе композитного региона XSU, включающего, помимо Таджикистана, еще Туркменистан и Узбекистан.

В данной работе была поставлена цель: провести анализ и оценить реальную результативность деятельности, правящей народно-демократической партии Таджикистана (НДПТ), в контексте принятых в парламенте документов и выявление влияния интеграционной и политической составляющих, как факторов, усиливающих развитие гражданского общества, развитие человеческого потенциала, повышения уровня межэтнических отношений и конкурентных преимуществ страны. В качестве влияющих факторов были выбраны:

1) объем импорта и экспорта между Таджикистаном и странами СНГ;
2) динамика развития индекса человеческого потенциала (ИРЧП);
3) динамика развития гражданского обществ;
4) уровень политической стабильности и отсутствие насилия/терроризма;
5) уровень действенности принятых законов;
6) показатели конкурентоспособности страны.

Данные были рассмотрены на интервале с 2001 г. по 2015 г., информационной базой служил Всемирный Банк[1] и Агентство по статистике Таджикистана[2].

---

[1] Ахиева С.У. Основаны стратегического партнерства стран СНГ с Российской Федерацией // Сборник научных статей молодых ученых, посвященный 15-ой годовщине Национального примирения в Таджикистане и 20-летию XVI-ой сессии Верховного Совета Республики Таджикистан. – Душанбе, 2012. – С. 21-34.

[2] Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Электронный ресурс. – URL: http:// http://www.stat.tj/ru/ (дата обращения: 15.10.2017).

Была сформулирована гипотеза исследования: интеграционные процессы, как фактор политического регулирования, должны способствовать развитию человеческого потенциала, укреплению законодательной и политической системы[1], и в итоге, улучшить межэтнические отношения и повысить уровень конкурентоспособности страны.

В соответствии с целями исследования были получены аналитические результаты, представленные на рисунках 2-6. Как видно из рисунка 2, между значениями импорта продукции из стран СНГ и уровнем ИРЧП имеется устойчивая зависимость (коэффициент корреляции = 0,98). Таким образом, можно сделать однозначный вывод о том, что интеграционные процессы со странами СНГ способствуют росту уровня ИРЧП.

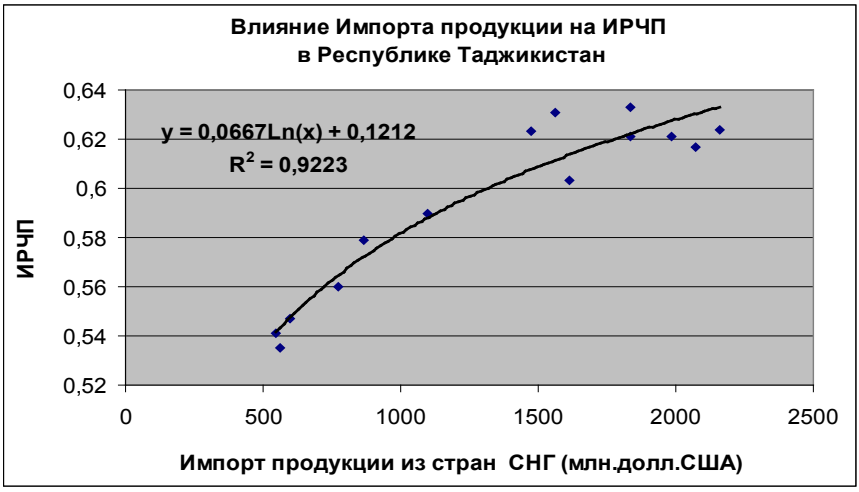


Рисунок 2. Влияние импорта продукции на ИРЧП

Увеличение уровня ИРЧП, а это увеличение продолжительности жизни, увеличение уровня образования, увеличение ВВП на душу населения, а это развитие экономики, – невозможны в нестабильном политическом обществе[2]. Зависимость, представленная на рисунке 3, подтверждает аксиому, что устойчивое развитие ИРЧП приводит к формированию и развитию устойчивой политической системе, к политической стабильности (коэффициент корреляции = 0,85).

[1] Кошкин А.П. Политология: Учебник / А.П. Кошкин, В.О. Евсеев, Д.Н. Нечаев, А.Н. Бучкова, О.Н. Глазунов, В.Е. Журавлев, А.Н. Перенджиев, Е.Е. Прокопенко, Н.А. Хаустова, В.В. Черданцев / Под общ. ред. А.П. Кошкина; отв. Ред. В.В. Черданцев. – М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2016. – С. 272.

[2] Евсеев В.О. Экономические компетенции политических деятелей // Электронный научный журнал «ЦИТИСЭ». – 2015. – № 4. Электронный ресурс. – URL: http://ma123.ru (дата обращения: 15.10.2017); Евсеев В.О. Определение уровня профессиональной дееспособности правительства. – М.: Изд-во ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2016.

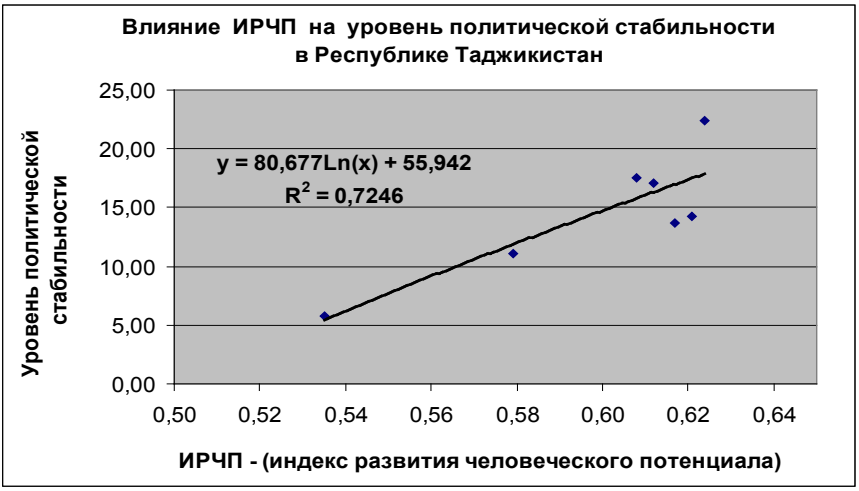


Рисунок 3. Влияние ИРЧП на политическую стабильность

Безусловно, без экономического развития[1], невозможно добиться политической стабильности, но закрепляется политическая стабильность только посредством принятия соответствующих адекватных нормативно- законодательных актов (коэффициент корреляции = 0,62). На рисунке 4 приведена взаимосвязь между политической стабильностью и уровнем объективности и действенности законов, которые принимаются и утверждаются меджлисами соответствующих уровней.

На рисунке 5 приведена очень важная для Таджикистана взаимосвязь между уровнем политической стабильностью и уровнем межэтнических отношений (коэффициент корреляции = 0,96).

Чем более объективна и действенна нормативно-законодательная база, тем лучше выстроен государственный механизм общественно-политического и социально-экономического развития, тем сильнее организовано гражданское общество, тем государство становится более конкурентоспособным. В первоначальном, расчетном понимании показатель уровня конкурентоспособности является интегральным показателем, который включает данные национальных статистик (около 70% информации) и системные экспертные оценки ведущих специалистов (30% информации). На рисун-

[1] Гришин В.И. Обеспечение экономической и социальной стабильности – новая модель экономического роста региона // Вестник алтайской науки. – 2012. – № 3-1. – С. 16-19; Кошкин А.П. Поддается ли регулированию взаимопонимание власти с народом? // В сборнике: Инновационные направления развития науки и образования. Сборник научных трудов, в 2-х томах. – 2010. – С. 19-23; Касымов А.А. Оценка влияния политического регулирования на социально-экономические процессы в Республике Таджикистан. – М.: Изд-во ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2016.

ке 6 получена зависимость между показателями конкурентоспособности (1 – это максимальное значение) и показателями объективности законов (коэффициент корреляции = 0,62).

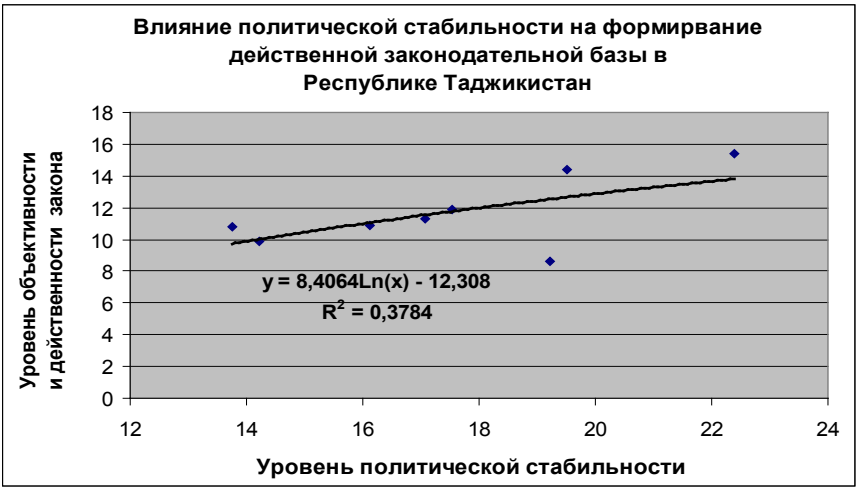


Рисунок 4. Взаимосвязь между политической стабильностью и уровнем объективности и действенности законов

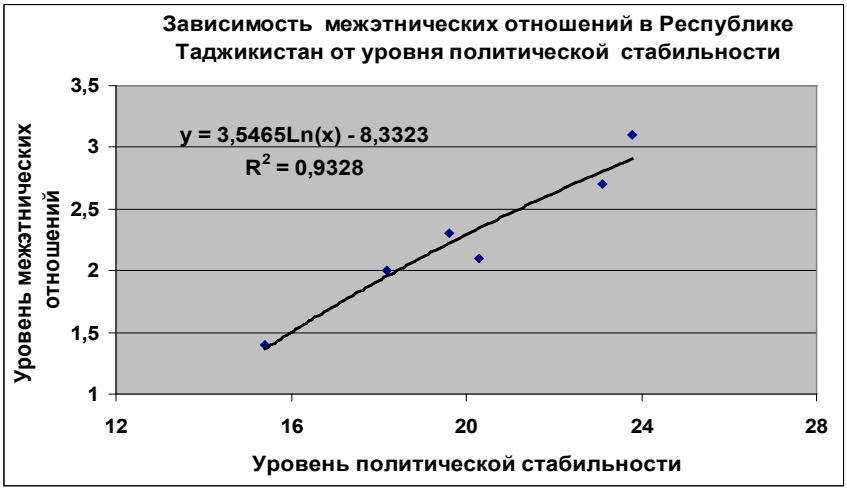


Рисунок 5. Взаимосвязь между политической стабильностью и уровнем межэтнических отношений

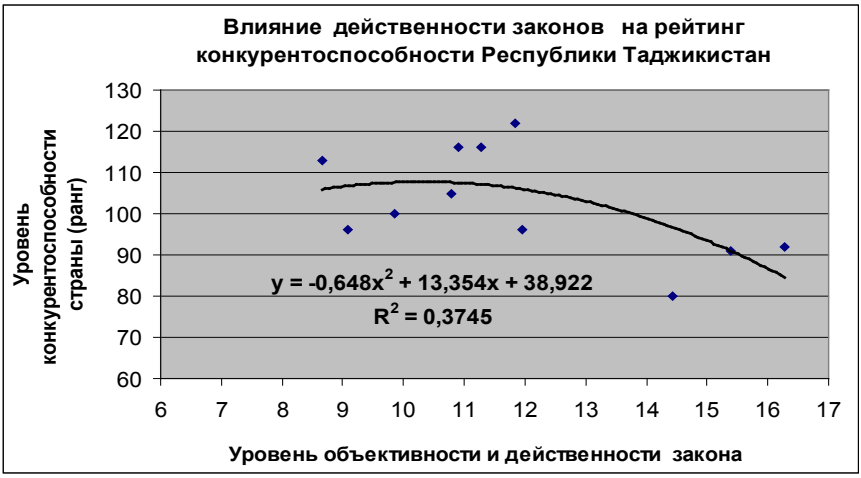


Рисунок 6. Взаимосвязь между уровнем конкурентоспособности и уровнем объективности и действенности законов

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Западные страны и некоторые азиатские страны ведут экспансионистскую политику в отношении Таджикистана. Цель этой политики, – создание предпосылок внешнего управления республикой с целью контроля ее природных ресурсов. Попытки внедрения политики управляемого хаоса[1] в республике осуществляются через технологии насаждения мультикультурализма, который нами подразделяется на политический, идеологический, социокультурный и религиозный.

2. Безусловно, интеграционные процессы со странами СНГ, также связаны с политикой определенного внешнего государственного влияния, но здесь присутствует принципиальная разность: взаимоотношения строятся на балансе взаимных государственных интересов и здесь отсутствуют подходы к захвату ресурсной базы страны.

3. Полученные результаты исследования подтвердили гипотезу, что грамотно выстроенные интеграционные процессы со странами СНГ приводит к увеличению уровня устойчивого развития Республики Таджикистан, повышают индекс развития человеческого потенциала, улучшают и укрепляют межэтнические отношения и соответственно повышают международную конкурентоспособность.

[1] Евсеев В.О. Имитационная модель управляемого хаоса // Электронный научный журнал «ЦИТИСЭ». – 2016. – № 4 (8). Электронный ресурс. – URL: http://ma123.ru (дата обращения: 15.10.2017).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Электронный ресурс. – URL: http://www.stat.tj/ru/.

2. *Ахиева С.У.* Двухсторонние отношения Республики Таджикистан с Российской Федерацией и странами СНГ // Вестник ТГПУ им. С. Айни. – Душанбе, 2012. – № 1 (44).

3. *Ахиева С.У.* Основаны стратегического партнерства стран СНГ с Российской Федерацией // Сборник научных статей молодых ученых, посвященный 15-ой годовщине Национального примирения в Таджикистане и 20-летию XVI-ой сессии Верховного Совета Республики Таджикистан. – Душанбе, 2012.

4. Всемирный Банк «The Worldwide Governance Indicators 1996-2015». Электронный ресурс. – URL: http://info.worldbank.org/governance/wgi/.

5. *Гришин В.И.* Обеспечение экономической и социальной стабильности – новая модель экономического роста региона // Вестник алтайской науки. – 2012. – № 3-1.

6. *Евсеев В.О.* Имитационная модель управляемого хаоса // Электронный научный журнал «ЦИТИСЭ». – 2016. – № 4 (8). Электронный ресурс. – URL: http://ma123.ru.

7. *Евсеев В.О., Касымов А.А.* Политическое регулирование выборных процессов в Республике Таджикистан // Электронный научный журнал «ЦИТИСЭ». – 2016. – № 1 (5). ЭЛ № ФС 77-59069/ISSN 2409-7616.

8. *Евсеев В.О.* Экономические компетенции политических деятелей // Электронный научный журнал «ЦИТИСЭ». – 2015. – № 4. Электронный ресурс. – URL: http://ma123.ru.

9. *Евсеев В.О.* Определение уровня профессиональной дееспособности правительства. – М.: Изд-во ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2016.

10. *Касымов А.А.* Оценка влияния политического регулирования на социально-экономические процессы в Республике Таджикистан. – М.: Изд-во ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2016.

11. *Кошкин А.П.* Политология: Учебник / А.П. Кошкин, В.О. Евсеев, Д.Н. Нечаев, А.Н. Бучкова, О.Н. Глазунов, В.Е. Журавлев, А.Н. Перенджиев, Е.Е. Прокопенко, Н.А. Хаустова, В.В. Черданцев / Под общ. ред. А.П. Кошкина; отв. Ред. В.В. Черданцев. – М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2016.

12. *Кошкин А.П.* Поддается ли регулированию взаимопонимание власти с народом? // В сборнике: Инновационные направления развития науки и образования. Сборник научных трудов, 2-х томах. – 2010.

13. *Кошкин А.П.* Политика и практика противодействия экстремизму: Монография / Кошкин А.П., Горин Д.Г., Евсеев В.О., Бучкова А.Н., Глазунов О.Н., Давыдова Ю.А., Денисенкова Н.Н., Каверина Н.А., Ковригин В.В., Перенджиев А.Н., Прокопенко Е.Е., Тихомиров Д.А., Тучков С.М., Хаустова

Н.А., Черданцев В.В., Кахриманов Д.М. / Под общ. ред. А.П. Кошкина; отв. Ред. В.В. Черданцев. – М.: ООО «Белый Ветер», 2017.

14. *Медведев Н.П.* СНГ: проблемы постсоветской реинтеграции // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2015. – № 1-2.

15. *Хопёрская Л.Л., Махмадов А.Н., Бакушев В.В.* Путь евразийской интеграции для Республики Таджикистан: факторы влияния // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2015. – № 4.

16. *Хопёрская Л.Л., Харченко В.А.* Станет ли Таджикистан членом Евразийского экономического союза? // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2017. – № 1.

A.A. KASIMOV
Aspirant Faculties politics and sociology
REU by him G.V.Plekhanova,
Dushanbe , Republic of Tadjikistan

PRODUCTIVITY OF POLITICAL REGULATION INTEGRATION PROCESSES IN REPUBLIC TADJIKISTAN

The article deals with the regulating activity of the leading party of the Republic of Tajikistan in the sphere of integration processes with the CIS countries. The aim of the work was to obtain analytical dependencies that confirm the positive impact of legislative and regulatory documents on the characteristics of society and the competitiveness of the country. The work is based on the political analysis of the legislative and regulatory activities of the leading party of the Republic of Tajikistan. As a research method, regression-correlation analysis is applied, which allowed to obtain analytical equations between the legislative-regulating party influences and other important characteristics of the society and the state. The system of regression equations that confirm the effectiveness of the regulatory activities of the leading political party of Tajikistan, the People's Democratic Party of Tajikistan, in the direction of integration processes within the CIS, has been obtained. In conclusion the author argues that competently built integration processes with the CIS countries lead to an increase in the level of sustainable development of the Republic of Tajikistan, the index of human potential development is improving, interethnic relations are improving and strengthening in the country and, accordingly, international competitiveness is increasing.

Key words: *political regulation, integration, human potential, interethnic attitudes (relations), legislative base, Republic of Tadjikistan, of various cultures, competitiveness.*

УДК 32.327

МЭН СЯНЮНЬ
аспирант кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва

АНАЛИЗ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ «ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ПОЯСУ ШЕЛКОВОГО ПУТИ» И НЕОБХОДИМОСТИ СОВМЕСТНОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ КНР С РФ

«Экономический пояс Шелкового пути» будучи самым перспективным экономическим коридором в мире, как ожидается, будет реализовываться десятилетиями. В связи с этим, региональная безопасность и стабильность являются долговременными необходимыми факторами. Внутренние и внешние угрозы странам по всей протяженности ЭПШП будут прямо или косвенно влиять на успешную реализацию инициативы. В данной статье проводится анализ угроз безопасности, с которыми сталкивается инициатива «экономического пояса Шелкового пути» с точки зрения глобализма. Автор считает, что в настоящее время, внутри региона, принимая во внимание политические и стратегические основы взаимодоверия, потенциала военной мощи и сотрудничества, текущее решение региональных беспорядков, снижение угрозы терроризма и вмешательства со стороны США являются тем, что Китай сотрудничает с Россией и другими странами особенно в Центральной Азии в разных сферах.

Ключевые слова: *глобализация, «экономический пояс Шелкового пути», угрозы безопасности, китайско-российское сотрудничество.*

Участвовать в инициативе «Экономическом поясе Шелкового пути» (далее, как ЭПШП) Китай приглашает страны на основе общего соглашения, чтобы создать систему евразийских экономических коридоров для обеспечения взаимосвязанности между Азией и Европой. Его строительство – важная практика для реализации концепции Китая «мирового сообщества с единой судьбой». Благодаря политике реформ и открытости, Китай имеет богатый опыт строительства и инвестирования, верит в свои силы и организационные возможности. Однако, международная обстановка более сложна, чем внутренняя, в процессе строительства ЭПШП будут чаще возникать трудности. Из-за того, что противоречия и негативные последствия, вызванные глобализацией становятся все более заметными, строительство ЭПШП сталкивается с множеством угроз безопасности.

1. Современное понимание интересов и безопасности с точки зрения глобализма.

Теория глобализма развивается на фоне углубления глобализации мировой экономики и уровня интеграции в разных областях. «Глобализм понимается как антитеза неореализма с точки зрения национализма и *power politics* при понимании системы международных отношений. Подход глобализма основанный на методах исследования культуры, транснациональной и международной политической экономики»[1]. Глобалисты признают целостность мира и важность транснациональных корпораций, неправительственных организаций в дополнение к государствам, но утверждают, что сегодня, в решении глобальных проблем, государства, в особенности державы, попрежнему являются самыми влиятельными международными акторами. Эти проблемы не могут быть решены негосударственными субъектами.

Глобалисты оценивают глобальные интересы с точки зрения целостности мира. В теории глобализма человечество является предметом исследования. Человечество – высшие акторы, т.е. глобальные интересы имеют в виду общие интересы всего человечества. С этой точки зрения, глобальное управление еще более важно. В настоящее время «если некоторые глобальные проблемы принципиально не будут решены, все человечество столкнется с угрозой», и без участия большинства стран, эти проблемы не могут быть решены. В некоторой степени, в эпоху глобализации «защита глобальных интересов может гарантировать государственные интересы; доброжелательные государственные интересы отвечают интересам глобальным». С другой стороны, «глобальные интересы не могут быть достигнуты вне рамок государственных интересов (в том числе интересы негосударственных субъектов), реализация глобальных интересов проистекает из вклада государственных интересов»[2]. Таким образом, государственные интересы и глобальные интересы являются диалектическим единством.

Китай не отрицает, что инициатива «Пояса и пути» является важным шагом в поддержании государственных интересов Китая. Однако в сильно глобализированном мире эта инициатива в равной степени касается интересов мирового сообщества (граждан мира), т.е интересов самого высшего актора – человечества. Это показывает, что Китай осознает «единство государственных и глобальных интересов»[3], начинает активно участвовать в глобальном управлении.

---

[1] [英]巴里·布赞、[丹]奥利·维夫合著：《地区安全复合体与国际安全结构》，潘忠岐、孙霞、胡勇、郑力译，上海人民出版社2010年1月版. (Барри Бузан, Оливер Уоф. Региональный комплекс безопасности и структура международной безопасности. Перев. Пан Чжунцы, Сунь Ся, Ху Юн, Чжэн Ли. Шанхайское народное издательство. – 2010 Янв. – P. 7).

[2] 蔡拓 等，全球学导论，-北京：北京大学出版社. – 2015. (Цай Туо и др. Введение в глобальные исследования. – Пекин: издательство Пекинского университета, kindle edition, 2015).

[3] Там же.

С точки зрения глобализма, эта статья определяет широкий спектр понятия безопасности, в том числе ряд вопросов традиционной и нетрадиционной безопасности. Понятие «безопасности» характеризуется неопределенностью. С развитием общества и эволюцией глобализации, ее коннотация и содержание также обогащаются. По сравнению с понятием традиционной безопасности с точки зрения этатизма, нетрадиционные проблемы безопасности относятся к угрозам интересам государства, выживанию и развитию отдельных лиц, групп и всех людей от негосударственных субъектов, невоенным угрозам, не способствующим стабильности, упорядоченности и развитию в международном сообществе, в том числе: терроризм, экстремизм, транснациональная преступность, торговля людьми, торговля наркотиками, преступления против окружающей среды, нелегальная иммиграция, пиратство, кризис самоопределения, контрабанда оружия включая оружие массового уничтожения и их частей.

2. Угрозы безопасности, с которыми ЭПШП сталкивается.

После сегодняшнего дня, в рамках инициативы ЭПШП Китай будет работать со всеми прилежащими странами, чтобы строить все более крупные проекты. Проекты в соответствующих регионах будут сталкиваться с различными угрозами безопасности.

(А) Более осложняющаяся геополитическая игра и этнические, религиозные противоречия в континенте Евразии.

Совместная антитеррористическая операция против ИГИЛ подходит к концу, долгосрочная игра мировых держав на Ближнем Востоке в очередной раз перечеркнута. Обстановка Ближнего Востока резко изменилась: вынужденные изменения в силах Соединенных Штатов и России на Ближнем Востоке; шиитский Иран успешно усилил свое влияние; Египет лишился влияния; главный статус Саудовской Аравии уточнили, но сила спускается; курды сделали новый шаг на пути к независимости; отношения Турции с союзниками особенно Соединенными Штатами, с Россией и Ираном претерпели сложного изменения и т.п. Старый порядок расформирован, новый порядок все еще находится в стадии формирования. Следующие несколько лет, ситуация на Ближнем Востоке будет сложнее, чем когда-либо.

Помимо Ближнего Востока, в регионах Кавказа, Восточной Европы, Балтийского моря, Центральной Азии, Южной Азии и т.д. существуют угрозы территориальных споров или конкуренции за ресурсы, этнические и религиозные противоречия. ЭПШП рассматривается США как средство соединения КНР с Центральной Азией, Россией, в попытках переманивать Европу. Чтобы ограничить рост Китая, Соединенные Штаты используют региональные проблемы КНР. Новая стратегия Трампа по Афганистану, направленная на то, чтобы удерживать Соединенные Штаты во власти Афганистана при сдерживании Ирака, проводится для того, чтобы сдержать Ки-

тай и Иран, и вызвать взаимные подозрения в противоречия сторон региона. Эта стратегия может делать ситуацию в Афганистане более хаотичной.

(Б) Распространение экстремистских религиозных сил и террористических сил.

Исламский мир после «арабской весны» больше подходит для создания лиц как Бен Ладена, Багдади. В настоящее время идеология исламского экстремизма переходит от крайнего антилиберализма, антизападничества, антиглобализации до оппозиции ко всем неисламским, светским вещам. Во все большем количестве регионов быстро распространяется религиозная экстремальная идеология. После того, как «Исламское государство» разгромят, его наемники из Средней Азии, Юго-Восточной Азии, Африки, Европы, Соединенных Штатов и других частей Ближнего Востока, скорее всего, вернутся домой. Число рассеянных по всему миру экстремистов, вероятно, будет возрастать экспоненциально.

В эпоху глобализации каждый регион имеет тенденцию к интеграции. Расширяется обмен между различными акторами. Не только разные экстремистские организации тесно связаны, но и террористические организации, трансграничные преступные группировки и пираты смешиваются друг с другом. Террористические организации контролируют множественные сайты для преступников, для обеспечения преступных каналов; преступники могут предоставлять средства террористическим организациям. Торговцы наркотиками, пиратство, террористы расширили сферу деятельности террора и транснациональных преступников[1], поэтому степень трудности борьбы с ними будет увеличиваться.

В эпоху Интернета применение сети в различных сферах сделало многие традиционные проблемы более разнообразными и сложными. Сегодня применение сетевого оружия вызывает озабоченность, при террористических организациях, есть риск развития и роста хакерских групп. Не только, «It-таланты», террористическая идеология большой опасности заключается в том, что теперь в экстремистов и в террористические организации набираются, вступают уже не в основном бедные жители из военных, отсталых регионов, а все более «элитные таланты», поэтому риск улучшения технологий экстремистских организаций велик.

В последние годы международное сообщество, как правило, больше обеспокоено тем, что оружие массового уничтожения, такое как химическое оружие и даже ядерное оружие, попадет в руки террористических организаций, что станет самой большой катастрофой во всем мире. У тер-

[1] 胡铭，徐莹：《海盗行为恐怖主义化：三种模式与双重规制 – 以国际法与国内法关系为视角》，《中国高校社会科学》2016年第1期. (Ху Мин, Сюй Ин. Пиратские террористические акты: три модели и двойное регулирование – с точки зрения отношений международного права и внутреннего права // Социальные науки Китайского вуза. – 2016. – (1)).

рористов-экстремистов нет присущей государственным правительствам рациональности и чувства ответственности. «Даже если у них нет передового ядерного оружия, только «грязные бомбы» или ядерные материалы, риск радиоактивного заражения для нас невыносим»[1].

Инициатива ЭПШП касается стран, находящихся в плохих экономических условиях, конфликтных зонах и регионах Центральной и Западной Азии. В дополнение к Ближнему Востоку, Афганистану, Ферганский бассейн как зона под самым влиянием ислама, где на протяжении многих лет царят хаос и конфликты, Центральная Азия приходит к периоду, когда определенные экстремальные организации начинают пускать свои корни. Действия по предотвращению и борьбе с «тремя силами зла (терроризм, экстремизм, сепаратизм)» в Китае все еще находятся в пределах суверенитета Китая, и является категорией внутренних дел Китая. Тем не менее, за пределами Китая, он сталкивается с более серьезной проблемой для борьбы с экстремальным террором и ликвидации почвы экстремизма. Силы Китая недостаточно мощны и недостаточно сильны на далеких расстояниях. ЭПШП в рамках крупномасштабной инфраструктуры, строительства транспортной сети в дополнение к управлению экономикой, имеет еще одно влияние, что «развитие евразийских транспортных коридоров в рамках межгосударственного сотрудничества может подорвать традиционные схемы криминального транзита, в том числе наркотрафика»[2]. Это станет их основной причиной угрозы строительству ЭПШП. Кроме того, многие экстремистские организации в мире заявили о приверженности «Исламскому государству», связь среди разных экстремистских групп становится все теснее. Необходимо остерегаться того факта, что, если экстремистские террористы в «ИГИЛ» или «аль-Каида», являющиеся выходцами из Китая, вернутся на Родину, те, из них которые не могут въехать в страну, могут обратиться к местным «сподвижникам». При их поддержке, нападения будут направлены на инфраструктуры, в инвестировании и строительстве которых Китай участвует, в качестве возмездия. Соединенные Штаты в течение многих лет, были прямо или косвенно связаны и оказывали поддержку «трех сил зла» Китая. В разные времена Соединенные Штаты поддерживали многие экстремистские террористические группы по миру. Чтобы сдержать Китай, независимо от того, какие силы стоят за этим, только выгодны для интересов Соединенных Штатов они смогут поддержать любые силы.

---

[1] 冯玉军：《俄罗斯在世界经济中会被进一步边缘化》. URL: http://www.weibo.com/ttarticle/p/show?id=2309404132995182264746 (accessed 02.08.2017). (Фэн Юйцзюнь. Россия в мировой экономике будет еще более маргинализирована.)

[2] Николаев А. Абрис угрозы «Новому шелковому пути»: «лоскутное одеяло» и «ИГИЛ». – URL: http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/117737/ (accessed 03.06.2017).

(В) Коррупция и другие проблемы.

После быстрого экономического развития политики реформ и открытости, Китай начал сталкиваться с другими вопросами, такими как коррупция, загрязнение окружающей среды.

Коррупция. Использовать служебное положение в корыстных целях во многих странах является общей проблемой. В последние годы усилия по борьбе с коррупцией внутри Китая увеличились. Выйдя за пределы КНР, в сотрудничестве с другими правительствами и представителями разных областей, Китай также должен положить конец коррупции. Именно так, бывший заместитель Генерального секретаря Организации Объединенных Наций Ша Цзукан выразил обеспокоенность в отношении ЭПШП: «Если вышеуказанные проблемы (коррупция, торговля деньгами и т.д.) будут доведены до ЭПШП, возможно, через десять, двадцать лет, мы увидим общие способы коррупции на всем «ЭПШП»[1]. Но большая проблема заключается в том, что ситуация коррупции во многих странах более серьезна, чем в Китае. От правительственных чиновников, вплоть до обычных людей, находится немало не подчиняющихся общим правилам и законам. Интересы меньшинства похитили государственные интересы, до сих пор широко распространено явление интересов элиты или олигархов, похищающих государственные интересы. Распространено то, что «небольшое число чиновников, представители элиты, круги лиц с общими интересами или олигополии манипулируют государственными интересами во имя личных интересов»[2].

В то же время, принимая во внимание интересы людей, с самого начала планирования проекта основное внимание должно уделяться экологическим проблемам. В странах, с которыми будут вестись работы, Китай должен отказаться от загрязнения окружающей среды. Хорошо, что Китай уже простился с идеей, что «ВВП является единственной целью развития», за пределами, как внутри КНР, завершение целей строительства и экономических показателей не должно стать единственной целью. В случае уничтожения местной экологической среды, имидж и авторитет Китая значительно упадет. Это повлияет не только на строительство ЭПШП, но и на будущее сотрудничество Китая и других стран.

3. Устранение вышеупомянутых угроз безопасности, необходимость объединения усилий Китая с Россией.

Все вышеперечисленные проблемы и противоречия можно рассматривать как угрозы безопасности инициативе ЭПШП в процессе реализации.

---

[1]沙祖康：《一带一路研究，看得把我急死了》. – URL: http://news.ifeng.com/dacankao/shazukang/1.shtml (accessed 25.07.2017). (Ша Цзукан. Я сильно волнуюсь из-за теперешнего исследования о «Поясе и Пути»).

[2] 蔡拓 等，全球学导论，-北京：北京大学出版社. – 2015. (Цай Туо и др. Введение в глобальные исследования. – Пекин: издательство Пекинского университета, kindle edition, 2015).

В эпоху растущей глобализации границы нетрадиционной безопасности и традиционной безопасности будут все более размыты, при определенных условиях они могут проникнуть друг в друга и даже измениться. Поэтому в процессе строительства ЭПШП любая проблема, наносящая ущерб интересам стран можно классифицировать как угрозу безопасности. Проблемы и потенциальные риски должны приниматься во внимание независимо от их размера.

В регионе ЭПШП первая стадия процесса, относительно стабильна и в целом одобрена Казахстаном, Россией и Беларусью для связи с Европой. В 2015 году Китай и Россия подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути»; В 2016 году Китай и Казахстан подписали «Совместное заявление стратегического сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и новой экономической политики «Светлый путь»». Принимая во внимание политическое и стратегическое взаимное доверие с Китаем, существующие основы сотрудничества, международное влияние, военные силы и другие факторы, то, что Китай и Россия укрепляют сотрудничество и совместную работу с помощью стран Центральной Азии, является наилучшим решением проблем ЭПШП и устранения угроз безопасности.

Во-первых, реализация строительства ЭПШП выгодна региональной интеграции и глобализации. Эта инициатива связана с трансграничным сотрудничеством, поэтому Китаю необходимо больше всего сотрудничать со странами с потенциалом интеграции. «Интеграционный потенциал» страны включает в себя следующие факторы: «1) характеризующие прочность режимов государств, участвующих в региональной интеграции, прямо влияющих на внутреннюю безопасность и интеграцию общества, а опосредованно – на безопасность в региональной интеграции (индекс государственности, индекс внутренних и внешних угроз); 2) характеризующие способность государств прямо влиять на участие в интеграции и вовлечение в нее другие государства, на привлекательность и безопасность международной интеграции (отнесение государств к великим державам, потенциал международного влияния, взаимодополнение экономики и политики, предложение выгодных территориально-логистических схем, институциональная барьерность и др.)»[1]. С одной стороны, Россия имеет возможность интегрировать всю страну, мобилизовать общие действия, реагировать на чрезвычайные ситуации (в том числе политические мятежи, террористические атаки), бороться с незаконным оборотом наркотиков, собирать информацию и др. С другой стороны, Россия, как и Китай, является одним из постоянных членов Совета Безопасности и второй по величине военной державой в мире. И Россия

[1] Капицын В.М. Безопасность и интеграция: потенциал государств шелкового пути // Социологические науки.

сыграла важную роль в решении многих международных горячих вопросов. В будущем, глобальное управление неотделимо от активного участия России в борьбе с экстремальным терроризмом, кибербезопасностью, ядерной безопасностью, включая ядерное разоружение и предотвращение распространения ядерного оружия. В странах Центральной Азии, которые находятся в составе стран СНГ, процесс «де-русификации» продолжается все эти годы, а связи ЦА в различных областях по-прежнему близки к России. В проекте ЭПШП Россия не только может помочь ознакомить страны СНГ с опытом Китая по многим сферам, но и может помочь Китаю улучшить понимание стран Центральной Азии.

Во-вторых, в дополнение к факторам общей силы, нужно рассматривать способность иметь дело с деталями стран в процессе строительства ЭПШП. В качестве членов бывшего Советского Союза, страны СНГ подобны России в административных и технических аспектах, в технических стандартах, приграничных торговых процедурах, таможенных вопросах, пограничном контроле и других аспектах и легко достигают соглашения между собой. Кроме вышеуказанных ресурсов важным показателем является качество населения и его образование, особенно важна роль граждан, имеющих высшее образование. Россия уделяет особое внимание гражданскому образованию со времен Екатерины II[1]. До сих пор уровень образования всех российских граждан остается высоким. Таким образом, чем выше индекс «Интеграционного потенциала» страны, тем больше она способствует интеграции и сможет улучшить возможности совместной безопасности.

Наконец, на сегодняшний день, Россия по-прежнему придает большое значение геополитическим вопросам. В нынешнем большом количестве региональных конфликтов-игр, Россия может быть описана как единственная страна, которая может быть соперником по географической протяженности и геополитической ситуации для США. Китай и Россия разделяют общие интересы в регионах окружающих Китай с значительными интересами, особенно в Центральной Азии и Афганистане. Китай и Россия нуждаются в взаимной поддержке и сотрудничестве во имя предотвращения усугубления ситуации в регионе и попыток предпринимаемых со стороны США, дабы помешать и сдержать развитие Китая и России и их борьбу с терроризмом.

Поэтому, по сравнению со всеми странами на Евразийском континенте, Россия является идеальным партнером, который Китай может выбрать в настоящее время. С точки зрения России, у нее есть сильная воля сотрудничать с Китаем, чтобы построить общее Евразийское экономическое пространство.

---

[1] Кузнецов А.Р. Гражданское образование в России: история и современность // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 3 (58).

После событий на Украине, экономика России пострадала от воздействия экономических санкций из западных стран и снижаемых международных цен на энергоресурсов. Россия стремится «посодействовать экономическому росту Восточной Сибири и Дальнего Востока, обладая географическим преимуществом растягиваться через континент Евразию, используя быстрое экономическое развитие в Азиатско-Тихоокеанском регионе»[1]. В последнем тексте «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» ясно утверждено, «формирование единого транспортного пространства на базе сбалансированного опережающего развития эффективной транспортной инфраструктуры и роста уровня транспортной связности Российской Федерации, создание транспортных коридоров и мультимодальных транспортно-логистических узлов, увеличение объема и повышение качества дорожного строительства»[2]. Безопасность транспорта в сфере национальной безопасности мы можем увидеть в составе объединенной транспортной инфраструктуре, которая создается, чтобы улучшить сложную логистическую и транспортную сеть в рамках разработки новых моделей сотрудничества, содействия экономическому развитию и достижения взаимной выгоды и беспроигрышной ситуации, в чем взгляды и цели, как китайской, так и российской стороны совпадают.

Кроме того, у Китая и России существует хорошая основа для более глубокого сотрудничества, поэтому опыт взаимного сотрудничества может быть расширен, и может охватить больше сфер. В дополнение к правительственным, провинциальным и муниципалитетным и другим местным экономическим кооперациям, может быть дан хороший импульс для сотрудничества и обмена партиями, развития туризма и культурного сотрудничества. В Евразийском регионе Китай, Россия и Казахстан являются членами Шанхайской организации сотрудничества, а Беларусь является наблюдателем. С учетом цели создание ШОС – совместной борьбы с терроризмом, роль и статус ШОС в борьбе с экстремизмом и террористическими силами и в области обеспечения безопасности ЭПШП становится более заметным. Сегодняшний ШОС не ограничивается сотрудничеством в области безопасности, ее сотрудничества в экономической, торговой, финансовой, гуманитарной сферах также продвигают ЭПШП. К тому же, Россия и Казахстан являются членами Организации Договора о коллективной безопасности СНГ, которая подразумевает сотрудничество в области военного оборудования, подготовки кадров, борьбы с экстремистскими силами в Центральной Азии

[1] 亚历山大·加布耶夫：《“一带一路”的实施建议：俄罗斯视角》，《开发研究》2017年第1期. (Александр Габуев. Предложение реализации «Пояса и Пути»: российская перспектива // Исследования развития. – 2017. – № 1).

[2] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.

и развитие сил быстрого реагирования, что с ШОС предоставляет обеспечение двойной защиты ЭПШП.

Таким образом, инициатива «Один пояс – Один путь» КНР, цель совместного строительства «мирового сообщества с единой судьбой» показывают, что Китай действительно отказался от мышления «игра с нулевой суммой» и обратился к «симбиотической игре»[1], учитывая интересы всего мира и всего человечества. Построенные «Пояс и путь» будут крупнейшими общественными благами Китая миру, является важной мерой Китая в рамках активного участия в глобальном управлении, преобразования модели глобализации и коррекции глобализационных процессов, а также содействования «изменения глобального управления от «западной политики» к «общей политике Востока и Запада»»[2]. Но, так или иначе, стремление к государственным интересам по-прежнему является самой высокой целью внутренних и внешних дел государств. Теперь конфликты интересов между странами и этническими группами заставляют континент Евразию стать более нестабильным. В современном мире, такие понятия как антиглобализм, популизм, правое консервативное мышление начали оживать. Китай должен проявлять бдительность, с одной стороны, сотрудничать с заинтересованными государствами во избежание любых угроз безопасности, с другой стороны, учиться у западных стран на уроках глобального сотрудничества и у себя в процессе внутреннего развития, чтобы предотвратить противостояние определенных стран с Западом, снизить распространение настроений глобализации на всем протяжении «Одного пояса – Одного пути». Чтобы преодолеть эти трудности, для достижения инициативы, не хватит усилий одного лишь КНР. Китаю необходимо активное сотрудничество других стран, особенно России. Последнее, но тем не менее важное, сотрудничество Китая, России и заинтересованных стран в области обеспечения безопасности ЭПШП предоставит доброжелательные ресурсы для проведения внутренних соответствующих реформ этих стран, что будет способствовать государственному экономическому развитию, реформированию в различных областях, политической и социальной стабильности. Развитие и прогресс каждой страны, в свою очередь, будут способствовать дальнейшему развитию региональной интеграции и улучшению процесса глобализации. Таким образом, региональная интеграция, направляемая ЭПШП и сопровождающее здоровое развитие каждой страны будут способствовать друг другу, и, в конце концов, как добродетельный цикл, поможет достичь взаимной выгоды и обоюдного выигрыша.

---

[1] 蔡拓 等，全球学导论，-北京：北京大学出版社. – 2015. (Цай Туо и др. Введение в глобальные исследования. – Пекин: издательство Пекинского университета, kindle edition, 2015).

[2] 何亚非: 《“一带一路”创新全球治理和国际合作模式》. URL: http://www.rmzxb.com.cn/c/2017-06-27/1619553.shtml (accessed 27.06.2017). (Хэ Яфэй. «Один пояс, Один путь» прокладывают новые пути модели глобального управления и международного сотрудничества).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрамова О.Д.* Концептуальные основы внешней политики России в условиях глобальных перемен // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2014. – № 1-2.

2. *Буянов В.С.* БРИКС как стратегический проект // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2017. – № 1.

3. *Капицын В.М.* Безопасность и интеграция: потенциал государств шелкового пути // Социологические науки.

4. *Кузнецов А.Р.* Гражданское образование в России: история и современность // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 3 (58).

5. *Муравых А.И.* Угрозы глобальной безопасности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – № 2.

6. *Николаев А.* Абрис угрозы «Новому шелковому пути»: «лоскутное одеяло» и «ИГИЛ». Электронный ресурс. – URL: http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/117737/, visited.

7. *Перская В.В.* Формирование устойчивых конкурентных преимуществ государств-членов ЕАЭС на основе реализации Экономического пояса Шелкового пути // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – № 3.

8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.

9. *Явчуновская Р.А.* Влияние регионального развития на конфликтогенность современных международных отношений // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2015. – № 1-2.

10. 蔡拓 等，全球学导论，– 北京：北京大学出版社. – 2015. (Цай Туо и др. Введение в глобальные исследования. – Пекин: издательство Пекинского университета, kindle edition, 2015.)

11. 冯玉军：《俄罗斯在世界经济中会被进一步边缘化》. URL: http://www.weibo.com/ttarticle/p/show?id=2309404132995182264746. (Фэн Юйцзюнь. Россия в мировой экономике будет еще более маргинализирована.)

12. 何亚非: 《“一带一路” 创新全球治理和国际合作模式》. URL: http://www.rmzxb.com.cn/c/2017-06-27/1619553.shtml. (Хэ Яфэй. «Один пояс, Один путь» прокладывают новые пути модели глобального управления и международного сотрудничества.)

13. 胡铭，徐莹：《海盗行为恐怖主义化：三种模式与双重规制 – 以国际法与国内法关系为视角》，《中国高校社会科学》2016年第1期. (Ху Мин, Сюй Ин. Пиратские террористические акты: три модели и двойное регулирование – с точки зрения отношений международного права и внутреннего права // Социальные науки Китайского вуза. – 2016. – (1)).

14. 沙祖康：《一带一路研究，看得把我急死了》. – URL: http://news.ifeng.com/dacankao/shazukang/1.shtml. (Ша Цзукан. Я сильно волнуюсь из-за теперешнего исследования о «Поясе и Пути».)

15. 亚历山大·加布耶夫：《“一带一路”的实施建议：俄罗斯视角》，《开发研究》2017年第1期. (Александр Габуев. Предложение реализации «Пояса и Пути»: российская перспектива // Исследования развития. – 2017. – № 1).

16. [英]巴里·布赞、 [丹]奥利·维夫合著：《地区安全复合体与国际安全结构》，潘忠岐、孙霞、胡勇、郑力译，上海人民出版社2010年1月版. (Барри Бузан, Оливер Уоф. Региональный комплекс безопасности и структура международной безопасности. Перев. Пан Чжунцы, Сунь Ся, Ху Юн, Чжэн Ли. Шанхайское народное издательство. – 2010 Янв.).

MENG XIANGYUN
The Department of Comparative Politics
People's Friendship University of Russia

AN ANALYSIS OF THE SECURITY THREATS FACING THE "SILK ROAD ECONOMIC BELT" AND THE NECESSITY OF JOINT SOLUTION OF PROBLEMS BETWEEN CHINA AND RUSSIA

The "Silk Road Economic Belt" as "the world's longest and most promising economic corridor", its full realization is expected to cost decades or even hundreds of years. In this regard, regional security and stability is undoubtedly a long-term necessary factor. The internal and external threats to the countries along "Silk Road Economic Belt" will directly or indirectly affect its smooth realization. This paper analyzes the problems that will be met in the process of the construction of "Silk Road Economic Belt" by expounding the turbulence and instability of the relevant countries on the Eurasian continent because of the Great Power Game, extreme terrorism and regional tribal, ethnic contradictions and religious and sectarian conflicts. At present, within the scope of the "Silk Road Economic Belt", taking into account the political and strategic mutual trust, military strength and potential of cooperation, Central Asia and other related countries with China-Russia multi-field cross-border cooperation is the best way to settle internal riots, reduce the threat of terrorism and the US interference.

Key words: *globalization, "Economic belt of the Silk Road", security threats, Sino-Russian cooperation.*

УДК 32.323.1

М.Х. ЭКЗЕКОВ
докторант кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

ОБ ОСОБЫХ ПРАВАХ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ

В статье предпринята попытка проанализировать так называемые «особые права» или «специальные права» коренных малочисленных народов, представляющие собой разновидность коллективных прав, предусматривающие определенные отступления от единой системы прав и свобод человека. Показано, что речь идет о предоставлении некоторым категориям таких народов разного рода привилегий и иммунитетов в тех случаях, когда они не в состоянии реализовать свои интересы в рамках действующего общего правопорядка в силу ограниченности или дефицита тех или иных ресурсов. Такие привилегии и иммунитеты призваны обеспечить необходимые условия и средства для сохранения и дальнейшего развития этнокультурной идентичности, языка, особенностей быта, традиций и т.д. В этом контексте главное внимание концентрируется на так называемой «позитивной дискриминации», в соответствии с которой данной категории народов могут быть предоставлены, например, права на замену военной службы альтернативной гражданской службой, на квоты на выборах в местные и региональные органы власти, пропорционально превышающую их процентное соотношение к общей численности населения и даже других более крупных национальных меньшинств. К этому же кругу привилегий отнесены права в области найма на работу, профессиональной подготовки мастеров народных ремесел, образования, социального обеспечения и здравоохранения и т.д. Показано, что в России законодательством к ним отнесены права на культурное наследие в виде, например, традиционных знаний, методов урегулирования споров и управления, национальных символов, музыки, искусства, ритуалов и т.д., рассматриваемых как разновидность интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: *национальные меньшинства, коренные малочисленные народы, законы, конституция, права человека, коллективные права, особые права, культура, язык, идентичность.*

В многонациональном государстве по определению не может не стоять вопрос о правах и интересах этнонациональных, культурных и иных меньшинств. Особо важное значение для правильного понимания данной проблемы имеет выяснение соотношения индивидуальных прав и свобод человека, с одной стороны, и прав и свобод конкретно взятых социальных коллективов, этнонациональных, этнокультурных, конфессиональных, языковых и иных меньшинств, с другой стороны.

Разумеется, права и свободы человека независимо от национальной, страновой, конфессиональной, расовой, языковой принадлежности представляют собой высшую ценность. Однако, из духа и буквы международно-правовых документов вытекает, что такой же высшей ценностью являются также права отдельно взятого коллектива, национальной, конфессиональной, культурной, языковой и иной общности. Не является секретом тот факт, что люди зачастую подвергаются дискриминации не только в качестве отдельно взятых индивидуальных членов общества, но и как представителей таких меньшинств. Поэтому нельзя не отметить значимость их коллективных прав. Действительно, если тот или иной народ, тем более малочисленный, подвергается дискриминации как с юридически-правовой, так и социально-экономической точек зрения, то не всегда можно говорить о гарантии прав и свобод отдельно взятых его представителей.

При этом возникает вопрос о том, не являются ли коллективные права для представителей национальных меньшинств, в том числе для малочисленных народов, дискриминацией других народов данного государства. Особенно противоречивыми могут выглядеть так называемые «особые права» или «специальные права» для малочисленных народов. Это те права, которыми наделяются определенные категории населения соответствующего государства. Как отмечает А. Осипов, они «выступают как производные определенных социальных ролей и относятся к таким категориям, как женщины, дети, беженцы, инвалиды, заключенные или находящиеся под арестом, иностранные рабочие-мигранты, военнопленные и пр… Формулирование особых прав женщин, детей, инвалидов не приводит к появлению сословия соответственно женщин, детей или инвалидов. Другими словами, при рассмотрении «специальных прав» в контексте прав человека речь идет либо о формулировании универсальных прав применительно к определенной ситуации, либо к детализации универсальных прав, либо к провозглашению особых гарантий и механизмов их защиты»[1].

Разумеется, в нашем случае имеются в виду особые права национальных, культурных, языковых и иных меньшинств, в том числе коренных мало-

[1] Осипов А. Являются ли групповые права необходимым условием не дискриминации и защиты меньшинств? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под редакцией В.С. Малахова и В.А. Тишкова. – М., 2002. – С. 80-100.

численных народов. Речь идет не о правах, признающих за теми или иными сообществами некоторые преимущества или привилегии по сравнению с остальной частью населения страны, а о предоставлении им необходимых условий и средств для сохранения и дальнейшего развития их этнокультурной идентичности, языка, особенностей быта, традиции и т.д. Как отмечает В.А. Кряжков, особые права предоставляются коренным малочисленным народам «не потому, что они какие-то привилегированные этносы, а прежде всего в силу сложившихся для них неблагоприятных социально-экономических и демографических обстоятельств»[1].

В наши дни правовой статус коренных малочисленных народов закрепляется привилегиями и иммунитетами. Под привилегиями понимаются особые права, которыми государство наделяет коренные малочисленные народы, а под иммунитетами – изъятия из законодательства, благодаря которым коренные малочисленные народы перестают быть субъектами отдельных правоотношений.

Примерами привилегий для коренных малочисленных народов можно считать: расширенный список животных, которых можно отнести к охотничьим ресурсам; право приоритетного пользования животным миром на территориях традиционного расселения и хозяйственной деятельности. Представители коренных малочисленных народов вправе требовать замену военной службы альтернативной гражданской службой.

В международно-правовых документах особые права меньшинств рассматриваются не как привилегия, а как средство обеспечения представительства малочисленных народов во властных структурах. К их числу можно отнести: специальные нормы и процедуры регулирования участия малочисленных народов в политической жизни; разработка и реализация определенных социальных программ, включающих, например, создание специальных школ с преподаванием на родном языке; предоставление преимуществ для участия в выборах, например, путем квотирования мест меньшинствам, которые не могут попасть на общих основаниях в законодательные органы регионального и местного уровней; введение института уполномоченных по защите прав национальных меньшинств, в том числе малочисленных народов; принятие решений органами государственной власти с учетом позиций и интересов малочисленных народов и др. К их числу можно отнести часть прав, которые декларированы в вышеупомянутой Конвенции МОТ «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 г.[2].

---

[1] Кряжков В.А. Права коренных малочисленных народов России. Электронный ресурс. – URL: http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=139783 (дата обращения: 02.11.2017).

[2] Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 года // Международные акты о правах человека. Сборник документов. Издание второе, дополненное / Сост. Карташкин В.А., Лукашева Е.А. – М.: НОРМА, 2002. – С. 242.

Права такого рода призваны расширить роль национальных меньшинств, прежде всего малочисленных народов в политических процессах и во властной системе, пропорционально превышающую их процентное соотношение к общей численности населения или даже других более крупных национальных меньшинств.

Речь идет, по сути дела, о так называемой «позитивной дискриминации», которая предусматривает создание более благоприятных условий для тех или иных слоев населения, в том числе коренным малочисленным народам, призванных обеспечить выравнивание их положения с другими этническими группами. Как отмечает А.В. Кряжков, такие права могут быть предоставлены при наличии целого комплекса условий, таких, например, как неспособность того или иного малочисленного народа реализовать свои интересы в рамках действующего общего правопорядка; ограниченность или дефицит тех или иных ресурсов; наличие федерального закона, предусматривающий специальные права этой категории народов[1].

В качестве одной из мер реализации таких прав в избирательной системе некоторых автономных образований, в частности, в Ямало-Ненецком округе, Ненецком автономном округе (в 2000-х годах, прекративших свое существование), а также Республике Саха (Якутия) и Республике Дагестан в местах проживания коренных малочисленных народов были введены те ли иные формы квотирования мест для коренных малочисленных народов. Однако с 1 января 2005 года это положение было исключено из Федерального закона «О гарантиях прав коренных народов Российской Федерации»[2]. При этом важно учесть, что согласно Федеральному закону № 67-ФЗ от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» сохраняется норма, призванная гарантировать права коренных малочисленных народов на представительство в законодательных органах субъектов Федерации. Так, согласно п. «б» п. 4 ст. 18 данного Закона, «при образовании избирательных округов на определенных законом субъекта Российской Федерации территориях контактного проживания коренных малочисленных народов допустимое отклонение от средней нормы представительства избирателей в соответствии с законом субъекта Российской Федерации может превышать указанный предел, но не должно составлять более 40 процентов»[3].

---

[1] Кряжков В.А. Права коренных малочисленных народов России. Электронный ресурс. – URL: http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=139783 (дата обращения: 02.11.2017).

[2] О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: ФЗ от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.).

[3] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 24.

В этом кругу можно назвать также специальные меры властей, направленные на защиту прав и интересов коренных малочисленных народов в области найма на роботу, профессиональной подготовки мастеров народных ремесел, образования, социального обеспечения и здравоохранения и т.д. Довольно эффективную систему защиты прав национальных и иных меньшинств разработана и осуществляется в западных странах. Например, в США «проблема реальной несправедливости в доступе к высшему образованию для этнических меньшинств была решена путем введения квоты на поступление в высшие учебные заведения. Эта квота на практике значила, что при прочих равных условиях в университет поступает не тот, у кого лучше знания, а принадлежащий к группе, которая позитивно дискриминируема»[1].

Хотя формально такие права могут считаться противоречащими основополагающим принципам и нормам политической демократии, в действительности многие из таких прав подразумевают не приоритет общины перед отдельно взятым индивидом. Они основываются на идее, согласно которой обеспечение справедливых отношений между различными группами требует, чтобы их членам предоставлялись различные дополнительные права.

Конституция и законодательство Российской Федерации предусматривают определенные отступления от единых правил прав и свобод человека, такие, например, как возможность предоставления малоимущим гражданам бесплатно или за доступную плату жилища, замена в силу тех или иных причин, например, вероисповедания, военной службы на альтернативную гражданскую и др. При рассмотрении в судах дел, в которых лица, относящиеся к малочисленным народам, выступают в качестве истцов, ответчиков, потерпевших или обвиняемых, могут приниматься во внимание традиции и обычаи этих народов, не противоречащие федеральным законам и законам субъектов Российской Федерации. В целях эффективной судебной защиты прав малочисленных народов допускается участие в указанной судебной защите уполномоченных представителей малочисленных народов.

К особым или специфическим правам коренных малочисленных народов можно отнести также права на культурное наследие, в виде, например, традиционных знаний (traditional knowledge), которые можно рассматривать как разновидность интеллектуальной собственности. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) рассматривает «традиционные знания» как «знания, ноу-хау, навыки и практики, которые развиваются, сохраняются и передаются из поколения в поколение в рамках общины и которые часто входят в состав ее культурной и духовной идентичности»[2]. На

[1] Дубровский Д. Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики. В кн.: Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. – СПб., 2005. – С. 20-31.

[2] Traditional knowledge, WIPO. – URL: http://www.wipo.int/tk/en/tk/ (accessed 02.11.2017).

основе ее документов «к традиционным знаниям могут относиться: 1) традиционные методы урегулирования споров и управления; 2) традиционное обычное право; 3) традиционная архитектура и технологии строительства; 4) традиционные образы, графические изображения, символы, музыка, искусство, выступления, ритуалы, костюмы, аксессуары; 5) украшения, ювелирные изделия; 6) методы хранения, обработки и консервации пищевых продуктов; 7) традиционная медицина; 8) традиционная косметика; 9) традиционные модели охраны природы, и связанные с ними методы рыболовства, охоты и т.д.»[1].

В Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г., говорится о «традиционных знаниях» как о «знаниях, нововведениях и практике коренных и местных общин, отражающих традиционный образ жизни, которые имеют значение для сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия»[2].

Особые права имеют как позитивные, так и теневые стороны. Как справедливо отмечает В.А. Кряжков, негативная сторона особых прав состоит в том, что создаваемая ими так называемая «комфортная среда» «рождает иждивенчество, снижает потенциал конкурентоспособности, не стимулирует появление предпринимателей из числа коренных народов, может, в конечном счете, отрицательно сказаться на иных сторонах их жизни». Поэтому, по его мнению, «правильнее было бы позитивные меры в отношении коренных малочисленных народов осуществлять соразмерно, умеренно, гибко, дифференцированно»[3].

При оценке этих и подобных им рассуждений важно учесть, что меньшинства сталкиваются с проблемами как обеспечения внутреннего единства, так и с внешними угрозами их самосохранению. В первом случае у них могут возникать претензии в отношении тех или иных собственных представителей, которые нарушают традиции, обычаи, ценности, считающиеся жизненно важными для соответствующего сообщества, а во втором случае – к обществу и государству в целом, если они рассматриваются как нарушители их прав и интересов. В первом случае речь идет о защите группы от внутренних распрей, которые могут быть вызваны нежеланием тех

[1] Список и краткое техническое пояснение различных форм, в которых можно найти традиционные знания. Приведено по: Молчанов Б.А., Мамедов С.Н., Задорин М.Ю. Об отдельных вопросах охраны «этнических» и «культурных» прав коренных малочисленных народов Российской Федерации. Электронный ресурс. – URL: https://cyberleninka.ru/article/ (дата обращения: 02.11.2017).

[2] Конвенция о биологическом разнообразии – международное соглашение, принятое в Рио-де-Жанейро 5 июня, 1992. Электронный ресурс. – URL: http://www.un.org/ru/ocuments0/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 02.11.2017).

[3] Кряжков В.А. Права коренных малочисленных народов России. Электронный ресурс. – URL: http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=139783 (дата обращения: 02.11.2017).

или иных членов группы соблюдать ее традиции, принципы, ценности, во втором случае – о противодействии внешним влияниям, способствующим ее дестабилизации. В первом случае мы можем говорить о «внутренних ограничениях», а во втором – о «защите от внешнего давления» со стороны общества и государства. В обоих случаях речь идет о защите прав коллектива. Но они поднимают разные вопросы.

В случае, когда мы имеем дело с внутренними ограничениями, этническая или национальная группа может попытаться использовать государственную власть для ограничения свободы собственных членов именем групповой солидарности. Иммигрантские группы и религиозные меньшинства в принципе могут добиваться законных полномочий навязать традиционные культурные стереотипы своим членам. В более широком смысле политика мультикультурности, доведенная до логического конца, может оправдать возможности этнической группы навязать собственные традиции, стереотипы поведения своим членам, даже тогда, когда эти традиции и стереотипы противоречат основным правам человека.

В этом плане значение имеет тот факт, что нередко часть членов самих иммигрантских групп и национальных меньшинств выступают против внутренних ограничений. При этом одновременно они выступают в защиту прав меньшинств от возможных поползновений на эти права со стороны остального общества и государства[1].

Конечно, все формы правления и реализации политической власти связаны с ограничением свободы тех, на которые распространяется эта власть. Во всех странах, независимо от формы правления, граждане должны платить налоги для обеспечения функционирования государства и общества. В большинстве демократических государств граждане призваны также служить в армии, выполнять те или иные общественные функции, а в некоторых странах (например, в Австралии) они в законодательном порядке обязаны участвовать в голосовании на выборах и т.д.

Но некоторые коллективы, общины, сообщества склонны налагать на своих членов слишком широкие ограничения. Одно дело требовать от них участвовать в голосовании, и совершенно другое дело – заставлять людей посещать конкретные церкви или следовать традиционным нормам при выборе профессии. В первом случае мы имеем дело с требованием поддержать либеральные права и демократические институты, а во втором – с ограничением этих прав именем национально-культурной традиции или религиозной приверженности.

Очевидно, что признание прав меньшинств имеет и свои теневые стороны, и опасности. Доводы в пользу прав меньшинств использовали и им злоупотребляли нацисты, а также защитники расовой сегрегации и апартеида.

[1] Poulter S. Ethnic minority customs, English law, and human rights // International and comparative law quarterly. – Vol. 36. – № 3. – P. 589-615.

Он использовался также нетерпимыми и воинственными националистами и фундаменталистами по всему миру для оправдания господства над национальными меньшинствами, подавления недовольных и т.д. Поэтому нуждается в объяснении, как защита прав меньшинств соотносится с защитой прав человека и каким образом права меньшинств ограничиваются принципами индивидуальной свободы, демократии и социальной справедливости.

В случае с защитой от внешнего давления речь идет о том, что национальная или этническая община может предпринять меры, призванные ограничить последствия решений общества и государства, угрожающих самому ее существованию и идентичности. Это также порождает определенные проблемы, поскольку могут дать преимущества одной группе за счет других групп. Однако предоставление той или иной группе особых прав представительства, прав на землю или на сохранение и развитие языка и культуры не ставит ее в положение, которое бы нарушало права других групп и коллективов.

Как правило, выделяют национализм основного государство образующего народа и национализм этнонациональных меньшинств. Национализм как большой нации, так и национального меньшинства внутри государства может быть использован для завоевания для себя определенных национальных или этнических привилегий.

При оценке статуса и значимости коллективных прав необходимо учесть также тот факт, что в настоящее время в международном праве отсутствуют какие-либо основания защиты государством происхождения той или иной диаспоры или национального меньшинства на территории других государств. Как пишет С.М. Лужин, «ни один действующий многосторонний международно-правовой или международный акт, касающийся защиты меньшинств, не содержит упоминания о правах государства происхождения, устанавливая соответствующие юридические или политические обязательства государства проживания по отношению ко всем остальным участникам без деления на различные категории»[1].

Тем не менее, государства, имеющие диаспоры в других странах, претендуют на защиту интересов своих соотечественников, публично декларируя о своих намерениях. Так, правительство Венгрии объявило себя защитником этнических венгров в Словакии, Румынии и на Украине. Руководители России и Сербии сделали аналогичные декларации о защите этнических русских в прибалтийских республиках и этнических сербов в Боснии и Хорватии.

Такая политика может стать предлогом для территориальных претензий и свидетельствует о необходимости совершенствования или разработки международно-правовых норм и правил, механизмов защиты национальных меньшинств, исключающих произвольное вмешательство государств во внутренние дела друг друга.

---

[1] Лужин С.М. Проблемы международно-правовой защиты прав меньшинств // Права Человека и межнациональные отношения. – М.: ИГПАН, 1994. – С. 112.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Дробижева Л.М.* К вопросу о Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. – № 2.

2. *Дубровский Д.* Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики. В кн.: Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. – СПб., 2005.

3. *Калинина К.В.* Теоретико-методологические аспекты сохранения и развития языков народов России // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2015. – № 1.

4. Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 года // Международные акты о правах человека. Сборник документов. Издание второе, дополненное. – М., 2002.

5. Конвенция о биологическом разнообразии – международное соглашение, принятое в Рио-де-Жанейро 5 июня, 1992. Электронный ресурс. – URL: http://www.un.org/ru/ocuments0/decl_conv/conventions/biodiv.shtml.

6. *Кряжков В.А.* Права коренных малочисленных народов России. Электронный ресурс. – URL: http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=139783.

7. *Лужин С.М.* Проблемы международно-правовой защиты прав меньшинств // Права Человека и межнациональные отношения. – М., 1994.

8. *Медведев Н.П.* Межнациональные отношения и национальная политика // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – № 3.

9. *Медведев Н.П.* Права человека и этничность // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2017. – № 1.

10. *Медведев Н.П., Бекбосынов М.Б., Гайдук В.В. и др.* Этнополитическая регионалистика: российское и мировое измерение: Коллективная монография. Труды научной школы проф. Н.П. Медведева / Отв. ред. Н.П. Медведев. Выпуск № 10. – М., 2016.

11. *Михайлов В.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: вопросы теории и практических действий // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. – № 2.

12. *Молчанов Б.А., Мамедов С.Н., Задорин М.Ю.* Об отдельных вопросах охраны «этнических» и «культурных» прав коренных малочисленных народов Российской Федерации. Электронный ресурс. – URL: https://cyberleninka.ru/article/.

13. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: ФЗ от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.).

14. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002 г. – № 24.

15. *Осипов А.* Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М., 2002.

16. *Савельев В.В.* К культурному разнообразию в Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2014. – № 4.

17. *Сулейманова Ш.С.* Проблемы этнической адаптации в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. – № 3.

18. *Poulter S.* Ethnic minority customs, English law, and human rights // International and comparative law quarterly. – Vol. 36. – № 3.

19. Traditional knowledge, WIPO. – URL: http://www.wipo.int/tk/en/tk/.

M.Kh. EKZEKOV
doctoral student in the Department of The National and federal relations of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

ON THE SPECIAL RIGHTS OF INDIGENOUS PEOPLES

The article attempts to analyze the so-called "special rights" of indigenous small peoples, which are a kind of collective rights that provide for certain deviations from a single system of human rights and freedoms. It is shown that it is a question of granting to some categories of such peoples various kinds of privileges and immunities in cases when they are not able to realize their interests within the framework of the current general legal order due to the limited or shortage of certain resources. Such privileges and immunities are called upon to provide the necessary conditions and means for preserving and further developing the ethnocultural identity, language, customs, traditions, etc. In this context, the main focus is on the so-called "positive discrimination", according to which this category of people can be granted, for example, the right to replace military service with an alternative civil service, to quotas for elections to local and regional authorities that proportionally exceed them the percentage of the total population and even other larger national minorities. The same range of privileges includes rights in the field of hiring for a job, professional training of masters of folk crafts, education, social security and health protection, etc. It is shown that in Russia legislation includes the rights to cultural heritage in the form, for example, of traditional knowledge, dispute resolution and management methods, national symbols, music, art, rituals, etc., considered as a kind of intellectual property.

Key words: *national minorities, indigenous small peoples, laws, the constitution, human rights, collective rights, special rights, culture, language, identity.*

УДК 281.93

В.В. ДЗЮБАН
доктор исторических наук,
кандидат педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и
коммуникационных технологий
НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций»
Россия, г. Москва
М.В. КОЧЕРГИНА
кандидат исторических наук, заведующая кафе-
дрой общегуманитарных и социальных дисциплин
АНО ВО «Институт экономики управления в промышленности»
Россия, г. Москва

ЭВОЛЮЦИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩИН ПОГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛАРУСИ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

В статье рассматриваются проблемы эволюции старообрядческих общин пограничных территорий России, Украины и Беларуси. Авторы подчеркивают стойкость, мужество и патриотизм старообрядцев в период Великой Отечественной войны, несмотря на репрессии органов советской власти против них в 1920-1930 гг.; необходимость сохранения богатого культурного наследия старообрядческих общин, проживающих на территории России, Украины и Беларуси, укрепления добрососедских отношений между гражданами этих государств после распада СССР. В настоящее время процесс эволюции старообрядчества в советский период практически еще не осмыслен исследователями, он требует историко-философского обоснования. Но проблемы эволюции старообрядческих общин в советский и постсоветский периоды развития в различных регионах России привлекают внимание российских исследователей. На основе изучения архивных документов из государственных и личных собраний, мемуаров старообрядцев, данных экспедиций авторов, в том числе фото- и видеосъемки, опросов местного населения, собран материал, позволяющий проследить процесс приспособления старообрядцев к новым социально-экономическим реалиям в советский и постсоветский периоды, сохранение традиционализма и появление новаций в материальной и духовной культуре представителей этой религиозной конфессии.

Ключевые слова: *русские старообрядцы, Стародубье и Ветка, пограничная территория – последствия аварии на Чернобыльской АЭС, эволюция, сообщества.*

Процесс эволюции старообрядчества в советский период практически еще не осмыслен исследователями, он требует историко-философского обоснования. Но проблемы эволюции старообрядческих общин в советский и постсоветский периоды развития в различных регионах России привлекают внимание российских исследователей. Этой теме посвящена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук российского исследователя Кострова А.В. «Эволюция старообрядчества Байкальской Сибири в 1905-1941 гг.»[1]. Процесс эволюции рассматривается автором в «переходный» период отечественной истории, находящийся на стыке больших исторических эпох. В качестве объекта исследования привлекается старообрядчество Байкальской Сибири, которое рассматривается в рамках компаративного соотношения со старообрядчеством других регионов. Диссертация Абакумова С.Н. «Эволюция старообрядчества в Орловской губернии в конце XVIII-начале XX вв.» на соискание ученой степени кандидата исторических наук касается событий досоветского периода. Автор делает анализ исторического развития старообрядчества и распространения старообрядческих общин в Орловской губернии в конце XVIII-начале XX века, а также рассматривает динамику изменений религиозных доктрин и вероучений староверов различных согласий и толков[2].

Предметом исследования авторов в данной статье является эволюция старообрядческих общин пограничных территорий России, Украины и Беларуси, расположенных на территории древних духовных центров старообрядчества – Стародубья и Ветки. Эти территории в настоящее время не утратили живых традиций русского староверия. Однако, эволюция старообрядческих общин этого региона в 1760-1920 гг. была прослежена только в монографии Кочергиной М.В. Поэтому авторы ставят задачу проследить этот процесс в советский и постсоветский периоды развития.

На основе изучения архивных документов из государственных и личных собраний, мемуаров старообрядцев, данных экспедиций авторов, в том числе фото- и видеосъемки, опросов местного населения, собран материал,

---

[1] Костров А.В. Эволюция старообрядчества Байкальской Сибири в 1905-1941 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Иркутск, 2010. Электронный ресурс. – URL: http://cheloveknauka.com/evolyutsiya-staroobryadchestva-baykalskoy-sibiri-v-1905-1941-gg (дата обращения: 27.09.2017).

[2] Абакумов С.Н. Эволюция старообрядчества в Орловской губернии в конце XVIII-начале XX вв. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Орел, 2010. Электронный ресурс. – URL: http: //www.dissercat.com/content/evolyutsiya-staroobryadchestva-v-orlovskoi-gubernii-v-kontse-xviii-nachale-xx-vv (дата обращения: 27.09.2017).

позволяющий проследить процесс приспособления старообрядцев к новым социально-экономическим реалиям в советский и постсоветский периоды, сохранение традиционализма и появление новаций в материальной и духовной культуре представителей этой религиозной конфессии. Попытаемся на конкретных примерах доказать это.

XX век – период бурных социальных потрясений для населения в России. Не стало исключением и старообрядчество. На протяжении XVII-XIX вв. оно было гонимой религиозной конфессией. Впервые старообрядцы были уравнены в правах с остальным населением России в начале XX в., в период первой русской революции (1905-1907). В предреволюционные годы (1905-1917) они заняли видное место в общественной жизни России, регистрируя общины, строя храмы, распространяя собственную литературу, проводили соборы, епархиальные и общероссийские съезды, открыто занимались начетничеством, организовывали бесплатные сельскохозяйственные курсы для крестьян-старообрядцев. К 1913 г. старообрядцы составляли 10% населения России, то есть 15 млн. 900 тыс. человек[1]. Из 26 крупных торгово-промышленных династий Москвы – половина приходилась на старообрядцев или выходцев из старообрядческой среды[2]. Старообрядцы составляли в этот период свыше 60% торгово-промышленного класса России, в их руках были сосредоточены 64% всего российского капитала, они насчитывали более 2/3 всех предпринимателей-миллионеров[3]. Из их среды выходили выдающиеся общественные и политические деятели, просветители, деятельность которых была направлена на благо России – Д.В. Сироткин, К.Т. Солдатенков, братья Рябушинские, А.И. Гучков, А.И. Коновалов. Период 1905-1917 гг. вошел в историю старообрядчества как его «золотой век».

Старообрядцы приветствовали Февральскую революцию, но не приняли событий Октября 1917 г. Значительное число старообрядцев выступило против большевистской диктатуры, активно участвовало в Белом движении. Осенью 1917-зимой 1918 гг. тяжелое положение дел сложилось на территории Ветки, особенно это касалось г. Гомеля. Положение города усугубилось в октябре 1917-феврале 1918 гг. Из Могилевской губернии начался массовый отток жителей. Беженцы хлынули в центральные губернии России. Советская власть в Стародубье (северные уезды Черниговской губернии) и Ветке (Могилевская губерния) была установлена в декабре 1917 г., однако в апреле-декабре 1918 г. эти территории были заняты австро-венгерскими и германскими войсками. Из северных уездов Черниговской и Могилевской

[1] Иваненко С.И. Религиозные объединения Российской Федерации: справочник / Под общей редакцией М.М. Прусака, В.В. Борщева. – М.: Изд-во Республика, 1996. – С. 270.

[2] Козлов В.Ф. Московское старообрядчество в первой трети XX века (храмы, молельни, общественные организации и учреждения) // Старообрядчество в России (XVII-XX вв.): Сб. научных трудов / Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. – М.: «Языки культуры», 1999. – С. 193.

[3] Старообрядчество. Иллюстрированная энциклопедия. – М: «ФАС – медиа», 2005. – С. 67.

губерний в Германию вывозилось сырье и продовольствие. Полицейские обязанности были возложены на войска украинских гайдамаков. К 1919 г. территории Черниговской, Могилевской губерний были освобождены от австро-венгерских войск и украинских гайдамаков[1].

Смена общественно-политического строя, мощное идеологическое воздействие органов советской власти на старообрядческое население, закрытие старообрядческих духовных центров в Стародубье в 1920-х гг. повлияли на численность старообрядческого населения, изменили традиционный уклад жизни и способствовали распаду сплоченного единства старообрядческих общин. После гражданской войны старообрядческие поселения Стародубья и Ветки вошли в состав Гомельской (1923 г.) и Брянской губерний (1926-1928 гг.). Были воссозданы органы советской власти, начались изменения в социальной структуре общества. Однако характерной чертой старообрядческих этноконфессиональных общин являлись медленные темпы изменения традиционного уклада.

К сожалению, точного учета старообрядческого населения в первые годы Советской власти практически не существовало. Это затрудняет исследование количественного состава старообрядчества Стародубья и Ветки в 1917-1920 гг. Первая перепись населения на территории старообрядческих поселений Стародубья и Ветки была проведена только в 1920 г. В этой переписи не содержалось сведений о религиозной принадлежности населения – в связи с тем, что церковь уже была отделена от государства. Наибольшая численность населения Гомельской губернии была зафиксирована в Гомельском уезде – 398045. Наименьшая численность – в Стародубском – 174411. Наиболее высокая плотность населения наблюдалась в Новозыбковском – 67,55%, Гомельском – 60,81%, Стародубском – 60,75%, Клинцовском – 58,98%. Густонаселенные уезды Гомельской губернии приходились на места компактного проживания старообрядческого населения. За послевоенный (1918-1920 гг.) период произошли изменения в соотношении городского и сельского населения. Возросла доля населения, включающего население городов и поселений городского типа, живущего на средства от полевого сельского хозяйства. По нашему мнению, это было объективным явлением. В условиях послевоенной разрухи, угрозы голода, вспышке эпидемий тифа, холеры население пыталось прокормить себя самостоятельно, понимая, что со стороны государства помощи не могло быть.

В период НЭПа, основанные старообрядцами клинцовские предприятия и национализированные органами советской власти, были переведены на хозрасчет, и был образован Клинцовский сукно-трест. В 1922-1923 гг. рабо-

[1] Кочергина М.В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760-1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. Монография. – Брянск, 2011. – С. 352.

тало 4 фабрики, одна из которых сгорела. Ассортимент товаров, по сравнению с довоенным, сильно сократился из-за нерегулярного получения шерсти. Предприятия треста имели значительную изношенность паросилового хозяйства и машин. На ремонт оборудования было затрачено свыше 1 миллиона рублей. Только к 1924-1925 гг. удалось восстановить производство, была принята пятилетняя программа деятельности треста. Национализированные большевиками спичечные фабрики – «Волна революции» (бывшая фабрика старообрядца Волкова – «М. Волков и сыновья») и «Революционный путь» (бывшая фабрика старообрядца А.Ф. Родионова), а также «Везувий» в Новобелице, «Днепр» в Речице были объединены в 1921 г. в «Полесский спичечный трест», который обслуживал Гомельскую, Воронежскую, Курскую губернии России и часть губерний Украины. Эти предприятия были созданы ранее на средства самих старообрядцев, без финансовой помощи со стороны государства. Конфискация предприятий у владельцев не предполагала возмещения им средств. Более того, большинство из владельцев предприятий становились лишенцами[1].

Становление советской государственности проходило на протяжении 1920-1930-гг. Старообрядцы приспосабливались к новым историческим и социально-экономическим условиям. Они подвергались репрессиям, лишались избирательных прав, но на местах в российской провинции происходило молитвенное общение (молились по домам), крестили младенцев, записывали дедушек, бабушек вместо «партийных» родителей отцами и матерями. То есть сохранялась вера и духовная традиция предков.

Советская власть довольно широко и активно применяла различные способы изменения социальной среды. Среди них – прямые политические репрессии, ссылки, заключение в тюрьмы и лагеря, расстрелы. В июле 1918 г. лишение права голоса за принадлежность к определенному классу или социальной группе было зафиксировано в первой Конституции РСФСР. Эта норма сохранялась до середины 1930-х гг. В Конституции 1936 г. все граждане страны, за исключением умалишенных и находящихся под стражей, получили равные избирательные права. Лишение избирательных прав стало действенным средством изменения социальной структуры общества. Люди, лишенные избирательных прав (лишенцы), автоматически становились гражданами «второго сорта», лишенцами. Нередко лишение избирательных прав становилось основанием для дальнейших репрессивных действий против данного лица[2]. Но не только этим исчерпывалась негативное воздействие органов советской власти на старообрядцев. Широкая кампания по конфискации зданий и сооружений, ранее принадлежавшим богатым и за-

[1] Там же. – С. 366.

[2] Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918-1936 гг.) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Брянск, 2003.

житочным старообрядцам, развернулась на территории Стародубья в начале 1930-х гг. В первые годы советской власти сельское население испытало на себе тяжести продразверстки. Это вызвало протесты со стороны сельского населения. В 1920-х гг. началось обложение сельхозналогом, причем обложение сельхозналогом предполагало его постепенное увеличение. Партийные и советские органы должны были усилить разъяснительную работу среди сельского населения, агитацию и пропаганду для предотвращения волнений в связи с увеличением налога за счет «благополучных районов, не пострадавших от недорода». В состав благополучных районов была отнесена Гомельская губерния с уездами, в которых традиционно проживало старообрядческое население.

Старообрядцы стремились сохранить сложившуюся традиционную систему хозяйственной деятельности, однако именно в этот период начались репрессии против старообрядцев – крестьян, не желавших вступать в колхозы. Насильственным образом в старообрядческих поселениях происходило создание коллективных хозяйств; несогласных, как вредных элементов, отправляли за колючую проволоку. К 1932 г. как на территории Стародубья, так и на территории Ветки произошло создание колхозов. Однако процесс их создания был достаточно сложным. Наблюдались случаи распада отдельных коллективных хозяйств. В резолюции пленума Климовского районного комитета ВКП (б), опубликованной в газете «Колхозный путь» от 1 июля 1932 г., отмечался «недостаточный рост коллективизации (45,5%), наличие распада отдельных колхозов, низкий уровень укрепления колхозов, работы с беднотой и очищения колхозов от классово-чуждых элементов… В 1932-1936 гг. для раскулаченных крестьян под Клинцами был создан лагерь. Под него приспособили бывший старообрядческий девичий Успенский монастырь»[1]. Приведенные примеры показывают, какое жестокое давление старообрядцы испытывали на себе в 1920-начале 1930-х гг., следовательно, старообрядцы подверглись мощному давлению и идеологическому воздействию органов советской власти на местах.

Можно ли говорить о количественном и качественном упадке старообрядчества в 1920-1930 гг.? Но как тогда расценивать процесс возрождения старообрядческих общин в период Великой Отечественной войны и особенно на оккупированной врагом территории?

Хотя в 1930-1940-х гг. старообрядческое население подвергалось гонениям, оно сохранило конфессиональное единство. Фотографии из личных собраний подтверждают наличие больших общин, совместное участие их членов и священства в похоронах прихожан. Это фотографии старообряд-

[1] Кочергина М.В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760-1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. Монография. – Брянск, 2011. – С. 370-371.

ческой общины из Стародубья – с. Воронок 1928, 1936 гг., где старообрядцы вместе со своим священником о. Михаилом Масляевым участвуют в погребении своих сторонников по вере. В 1937 г. он будет лишен имущества, выслан из родного села и репрессирован. Тяжелые испытания в годы Великой Отечественной войны сплотили население. Вскоре после начала Великой Отечественной войны Первосвятитель Русской Православной старообрядческой церкви Иринарх обратился к пастве с архипастырским посланием. В нем говорилось: «Старообрядцы никогда не были изменниками Родины. Они до последней капли крови защищали свое родное отечество. Мы уверены, что в годину тяжелых испытаний, которые нам в настоящее время приходится переживать, старообрядчество, также верное своим вековым традициям, дружно даст отпор коварному врагу, посягнувшему на наши священные границы»[1]. В августе 1941 г. старообрядческие поселения: Клинцы, Новозыбков, Злынка, Ветка, Гомель подверглись вражеской оккупации. Новозыбков был оккупирован 16 августа 1941 г. В новозыбковских лесах началось формирование партизанского соединения А.Ф. Федорова. За время немецко-фашистской оккупации все предприятия города были уничтожены. Злынка была оккупирована немецко-фашистскими войсками 25 августа 1941 г. Клинцы стали значительной тыловой базой немецко-фашистских войск, где находились госпитали, ремонтные части. Среди оккупантов были также итальянцы и венгры. 19 августа 1941 г. после массированного штурма войска вермахта захватили г. Гомель. 50-дневная борьба на Гомельском направлении, 12-дневная оборона Гомеля имели большое значение в начальный период войны. Оккупация г. Гомеля продолжалась с августа 1941 г. по ноябрь 1943 г. Гомель был включен захватчиками в «зону армейского тыла» также как г. Клинцы и г. Новозыбков группы армий «Центр». «Сражения на белорусской земле, характеризовавшиеся большим размахом, ожесточенностью, стали важной частью Великой Отечественной войны, яркой страницей ее героической и трагической истории»[2]. Власть в Гомеле оказалась в руках командования 221-й дивизии, военно-полевых комендатур. Террор стал обыденным явлением на территории Западного региона. В Гомеле, также как в Новозыбкове, Клинцах, Злынке происходил массовый угон молодежи в Германию. В 1941 г. оккупанты разрешили верующим восстановить свои храмы и свободно исповедовать религию. Таким отношением к религии оккупанты пытались противопоставить себя советской власти.

---

[1] Дзюбан В.В., Кочергина М.В. Старообрядческие общины Стародубья и Ветки в 1940-х гг.: Трудный путь возрождения // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 28.

[2] Костров А.В. «Эволюция старообрядчества Байкальской Сибири в 1905-1941 гг.» Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Иркутск, 2010. – С. 29. Электронный ресурс. – URL: http://cheloveknauka.com/evolyutsiya-staroobryadchestva-baykalskoy-sibiri-v-1905-1941-gg (дата обращения: 27.09.2017).

Но за годы войны органы советской власти изменили свое отношение к религии. Храмы, открытые в годы оккупации не были закрыты. Происходила регистрация религиозных общин, в том числе и старообрядческих. Старообрядческие общины Стародубья были зарегистрированы в Клинцах, Новозыбкове, Злынке сразу же после освобождения этих городов от немецко-фашистской оккупации, которая продолжалась с октября 1941 г. по сентябрь 1943 г. Община беспоповцев в Злынке насчитывала свыше 150 человек. Старообрядческие общины занимались реставрацией храмов, созданием новых иконостасов, поддерживали материально и духовно своих сторонников по вере, потерявших родственников в годы Великой Отечественной войны. С особым вниманием относились к вдовам, престарелым, тем самым возрождая традиции «социального призрения» неимущих, обездоленных. Старообрядческие общины в послевоенный период были многочисленны. Это относилось как к старообрядцам-поповцам, так и беспоповцам.

После распада СССР Стародубье и Ветка не утратили своей роли в сохранении живых традиций русского старообрядчества. В этом регионе старообрядчество представлено Русской древлеправославной церковью, Русской православной старообрядческой церковью, беспоповскими общинами федосеевского согласия. Наиболее активная деятельность осуществляется Русской православной старообрядческой церковью и Русской древлеправославной церковью. В постсоветский период в 1990-2010 гг. активизировалась духовно-религиозная деятельность старообрядческих общин, поддерживающих тесные духовные контакты между двумя крупными центрами старообрядчества – Стародубьем (Новозыбков, Клинцы, Злынка) Брянской области (Российская Федерация) и Веткой (Ветка и Гомель) Гомельской области Республики Беларусь. В 2007 г. зарегистрирована в Брянской области старообрядческая община Русской православной старообрядческой церкви в г. Злынке, Русской древлеправославной церкви в г. Брянске. В 2016 г. завершился процесс оформления старообрядческого общества Древлеправославной старопоморской церкви федосеевского согласия (ДСЦФС) в г. Брянске. Во второй половине XX-начале XXI вв. Архиепископия Русской древлеправославной церкви находилась в г. Новозыбкове Брянской области. В настоящее время главой Русской древлеправославной церкви является Патриарх Московский и всея Руси Александр (Калинин). Его резиденция размещается в г. Москве. Древлеправославное духовное училище размещается в г. Новозыбкове. С 1983 г. Патриархия осуществляет издательскую деятельность. Древлеправославная церковь имеет на территории Брянской области свои храмы: Спасо-Преображенский собор в г. Новозыбкове, церковь Святого Дмитрия Солунского в районном центре Климово, церковь Вознесения Господня в районном центре Злынка, церковь Знамения Пресвятой Богородицы в селе Чуровичи Климовского района, церковь Святого Георгия Победоносца в селе Елионка Стародубского района, а также Свято-Троиц-

кий мужской монастырь в поселке Каменка и женский монастырь иконы Богородицы Одигитрии в г. Новозыбкове. В связи с регистрацией новой старообрядческой общины РДЦ в г. Брянске идет сбор денежных средств на строительство храма в этом городе. К Санкт-Петербургской и Тверской епархии Русской православной старообрядческой церкви относятся храмы: Рождественско-Никольская церковь в г. Новозыбкове (построена в XVIII в.), Спасо-Преображенская – в г. Клинцы (освящена в 1823 г.). Успенская церковь в селе Святск была построена в начале XX в. и действовала до 1987 г. Старообрядцы-беспоповцы представлены небольшой общиной федосеевского согласия в районном центре Злынка (Православное Старообрядческое общество). Здесь они имеют моленную (Покровскую), действующую на протяжении XIX-XXI вв. непрерывно. В с. Радуль Черниговской области (Республика Украина) также проживают старообрядцы.

В 1986 г. свыше 30 традиционных старообрядческих поселений Стародубья и Ветки попали в зону последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Впервые за весь период своего существования эти процветающие старообрядческие поселения стали зоной радиоактивного загрязнения, высокий уровень которого разделил эти территории на зоны отчуждения, отселения и льготного социально-экономического статуса. Многие исконные центры старообрядческой культуры перестали существовать, а население было переселено в чистую зону. Так после аварии на Чернобыльской АЭС село Свяцк Новозыбковского района Брянской области оказалось в зоне отчуждения, и старообрядческое население было частично переселено в село Усох Трубчевского района Брянской области. Храм Успения Пресвятой Богородицы этой старообрядческой общины сгорел в 2000 г. Ежегодно, 28 августа – в праздник Успения Пресвятой Богородицы – члены общины посещают территорию бывшего села и проводят поминальные богослужения на кладбищах во главе с настоятелем Рождественско-Никольского храма Новозыбкова отцом Сергием (Бедным). К ним присоединяются выходцы из этого села, проживающие на территории Беларуси (Гомель), Москвы, Санкт-Петербурга, Херсона (Республика Украина). Все старообрядческие общины сохраняют уникальное культурное наследие Древней Руси: книги кириллической печати и рукописи, иконы, написанные в традициях древнерусского искусства, произведения медной художественной пластики, религиозного шитья и вышивки, резьбы по дереву. Территории старообрядческих поселений представляют собой архитектурно-художественные комплексы.

Итак, проведенное авторами исследование представляет: возможность проследить эволюцию старообрядческих общин пограничных территорий России, Украины и Беларуси на протяжении XX-XXI вв. в советский и постсоветский периоды; показать их стойкость, мужество и патриотизм в годы Великой Отечественной войны; понять причины длительного периода сохранения старообрядческих духовных центров и их общин даже

в условиях последствий аварии на Чернобыльской АЭС; доказать необходимость сохранения богатого культурного наследия старообрядческих общин, проживающих на территории России, Украины и Беларуси как возможность укрепления добрососедских отношений между гражданами этих государств после распада СССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абакумов С.Н.* Эволюция старообрядчества в Орловской губернии в конце XVIII-начале XX вв. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Орел, 2010. Электронный ресурс. – URL: http://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-staroobryadchestva-v-orlovskoi-gubernii-v-kontse-xviii-nachale-xx-vv.

2. *Башмакова М.* Двумя перстами // Огонек. – 2014. – № 44 (5348).

3. *Валуев Д.В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918-1936 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Брянск, 2003.

4. *Дзюбан В.В., Кочергина М.В.* Старообрядческие общины Стародубья и Ветки в 1940-х гг.: Трудный путь возрождения // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 6.

5. *Иваненко С.И.* Религиозные объединения Российской Федерации: справочник / Под общей редакцией М.М. Прусака, В.В. Борщева. – М.: Изд-во Республика, 1996.

6. *Козлов В.Ф.* Московское старообрядчество в первой трети XX века (храмы, молельни, общественные организации и учреждения) // Старообрядчество в России (XVII-XX вв.): Сб. научных трудов / Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. – М.: «Языки культуры», 1999.

7. *Костров А.В.* Эволюция старообрядчества Байкальской Сибири в 1905-1941 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Иркутск, 2010. Электронный ресурс. – URL: http://cheloveknauka.com/evolyutsiya-staroobryadchestva-baykalskoy-sibiri-v-1905-1941-gg.

8. *Кочергина М.В.* Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760-1920гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. Монография. – Брянск, 2011.

9. Старообрядчество. Иллюстрированная энциклопедия. – М: «ФАС-медиа», 2005.

10. Старообрядчество в современной России // Электронный ресурс. – URL: http://ruvera.ru/articles/staroobryadchestvo_rossii.

V.V. DZUBAN
doctor of historical Sciences,
candidate of pedagogical Sciences, Professor,
head of "Humanitarian disciplines and communication technology"
NANO IN "Institute of world civilizations"
Moscow, Russia
M.V. KOCHERGINA
candidate of historical Sciences, head of Department
of Humanities and social Sciences, ANO "Institute ekonomiki
management in industry"
Moscow, Russia

EVOLUTION OF OLD BELIEVERS COMMUNITIES OF THE BORDER TERRITORIES OF RUSSIA, UKRAINE AND BELARUS IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS OF DEVELOPMENT: PROBLEMS OF PRESERVING ETHNOCONFESSIONAL UNITY

The article discusses problems of the evolution of the old believer communities of the border areas of Russia, Ukraine and Belarus. The authors emphasize the resilience, courage and patriotism of believers during the great Patriotic war, despite the repressions of the Soviet authorities against them in the 1920s and 1930s; the need to preserve the rich cultural heritage of the old believer communities living on the territory of Russia, Ukraine and Belarus to strengthen friendly relations between the citizens of these States after the collapse of the Soviet Union. The process of the evolution of the Old Believers in the Soviet period is practically not yet understood by the researchers, it requires a historical and philosophical justification. But the problems of the evolution of Old Believer communities in the Soviet and post-Soviet periods of development in various regions of Russia attract the attention of Russian researchers. Based on the study of archival documents from public and private collections, the memoirs of the Old Believers, these expeditions of the authors, including photo and video footage, surveys of the local population, a material has been collected that allows us to trace the process of adapting the Old Believers to new social and economic realities during the Soviet and post-Soviet periods, preservation of traditionalism and the emergence of innovations in the material and spiritual culture of representatives of this religious faith.

Key words: *Russian old believers, the Starodubye and Vetka, the border territory the consequences of the accident at the Chernobyl nuclear power plant, evolution, communities.*

УДК 32.323.1

Е.А. ЕФРЕМОВА
доцент кафедры Международного права и политологии Института права Самарского Экономического Университета, аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Самара

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

В статье обобщаются результаты этносоциологических исследований, проведенных под руководством автора в России. Обсуждаются характерные особенности этносоциальных интеграционных процессов регионов, вопросы этничности в условиях глобализации, тенденции этносоциального развития народов, проблемы современной государственной национальной политики в России.

Ключевые слова: *этносоциальные процессы, этнонациональная политика, национальный вопрос, этничность, этноконфессиональный фактор.*

В современной России этносоциальные процессы становятся вектором определения степени стабильности и развития страны и ее регионов. Исследование этносоциальных процессов и факторов, влияющих на их состояние и динамику, становится актуальным в условиях растущего расслоения населения и увеличения миграционных потоков. Сфера этнических отношений, оказывающая значительное влияние на развитие страны, требует обстоятельного изучения происходящих в данной области процессов и своевременного реагирования со стороны органов власти.

Об этом говорилось на заседании Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации РФ 22 апреля 2016 г. на тему «Совершенствование механизмов реализации государственной национальной политики на период до 2025 года»[1].

Председатель Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера

[1] Решение Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Совершенствование механизмов реализации государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Электронный ресурс. – URL: http://council.gov.ru/media/files/qOJcYAwEvMleApfBdjhTT1fVWKn4fUxG.pdf (дата обращения: 15.09.2017).

Д.И. Азаров указал на необходимость повышения качества научного и экспертно-аналитического обеспечения выработки государственных решений в сфере национальной политики.

По его словам, «необходимо более активно задействовать научные и экспертные организации, расширить круг привлекаемых экспертов, привлечь дополнительные меры и средства по проведению фундаментальных исследований по проблематике межнациональных отношений и вопросов государственной национальной политики»[1].

Рассуждая об этносоциальных процессах, ученые справедливо подчеркивают, что «многофакторность этносоциальных процессов, историчность, сильное взаимодействие между элементами этносоциальной системы и сложный характер связей, целенаправленность процессов и наличие в них субъективного фактора, трудности квантификации и другие особенности этносоциальных процессов должны учитываться в любом серьезном исследовании»[2].

Закон о российской нации и управлении межэтническими отношениями позволит на высшем уровне закрепить понятие российской нации как «политического согражданства» и определить цель развития государства. Такое мнение высказал в беседе с ТАСС автор инициативы, завкафедрой Российской академии народного хозяйства и госслужбы Вячеслав Михайлов.

Накануне на заседании Совета по межнациональным отношениям, которое проводил президент России Владимир Путин в Астрахани, Михайлов предложил создать закон о российской нации и управлении межэтническими отношениями, который должен вобрать в себя все новации, связанные с межнациональными отношениями.

Как отметил Михайлов, в Конституции РФ понятие многонациональный народ Российской Федерации не расшифровано, каждый трактует его посвоему. «Одни считают, что это гражданская нация, другие – что это нация наций, многоэтнический народ», – пояснил он. При этом в утвержденной в 2012 году Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года уже есть такое понятие.

Однако по его мнению, стратегия ограничена временными рамками, в этом ее недостаток. «Я считаю, что от стратегии надо идти к закону о российской нации», – сказал Михайлов. По его словам, в законодательстве разных стран есть понятие о нации, например, британской, американской, французской.

---

[1] В Совете Федерации рассмотрели механизмы реализации государственной национальной политики. Сайт Совета Федерации РФ. Электронный ресурс. – URL: http://council.gov.ru/press-center/news/67019/ (дата обращения: 15.09.2017).

[2] Кузьменко Г.Н., Назаров А.Д. Теория моделирования этносоциальных процессов // Ученые записки РГСУ. – 2011. – № 1. – С. 41-50, 245.

При этом ученый отмечает, что в понятии «российская нация» «не присутствует никакого этнического начала, это чисто политическое согражданство». «Российская нация в данном случае – это объединение всех граждан. Мы соединяем гражданскую, политическую нацию с этническими сообществами», – добавил собеседник агентства.

Говоря о необходимости принятия такого закона, Михайлов заметил, что «закон выше указа и выше стратегии, это целевая установка, это уровень большего единства, это цель».

«Этот закон в сфере межнациональных отношений – это целевая установка: российская нация и межэтнические отношения, укрепление и развитие этих отношений, этнокультурное разнообразие», – сказал он.

Ученый не исключил и возможных изменений, которые могут коснуться преамбулы Конституции. «Если этот закон будет принят, то может быть даже изменена соответствующая трактовка преамбулы Конституции: Мы – многонациональный народ (российская нация)», – сказал он.

Михайлов напомнил, что обычно по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям президент дает поручения по разработке тех или иных нормативных актов. «В первую очередь, надо дождаться, когда президент даст соответствующие поручения, он заинтересовался этим вопросом, но пока поручения нет»[1].

Основываясь на этом утверждении, проанализируем соотношение этносоциальных интеграционных процессов и межэтнической напряженности в регионах России, который всегда отличался разнообразием и благополучным взаимодействием проживающих здесь представителей национальностей, культур и верований. Однако в последние годы межэтнические контакты подвергаются изменениям в связи с миграционными процессами, которые меняют этническую структуру региона и обостряют проблемы межэтнического общения, усиливают конкуренцию на рынке труда, усложняют процессы адаптации к новым условиям.

Эксперты убеждены в том, что уровень межэтнической напряженности может успешно контролироваться. В то же время в ответах экспертов фиксируется противоречие: принимая с одобрением тезис о прямой зависимости уровня межэтнической напряженности от менталитета конкретных этносов в регионе, большинство экспертов связывает межэтническую напряженность в России с экономическими, политическими и иными не прямо связанными с этносом процессами.

Важно обратить внимание еще на одну важную тенденцию.

Эксперты рассматривают Ростовскую область, Краснодарский край, республику Крым, Калмыкию, Северную Осетию-Аланию и Адыгею

[1] Тасс / Информационное агентство России. – 2016. Электронный ресурс. – URL: http://tass.ru (дата обращения: 17.09.2017).

в качестве регионов с низким потенциалом перерастания межэтнической напряженности в конфликтную ситуацию; Карачаево-Черкесию, Кабардино-Балкарию, Ингушетию, Чеченскую республику, Ставропольский край – относят к регионам с умеренной этноконфликтогенностью, а Дагестан – к регионам с повышенным потенциалом межэтнической конфликтности.

Исторический опыт взаимоотношений народов России имеет важное значение, но на современном этапе его значимость снизилась по сравнению с 1990-ми годами. То же самое можно сказать и о национальной политике СССР, формировании национальных республик. Это было очень значимо после распада СССР в условиях «парада суверенитетов», гораздо менее – сейчас. В настоящее время определяющими являются те факторы, которые начали действовать уже в последние годы.

Рассматривая особенности межэтнической напряженности, стоит отметить важные факторы:

– экономические (производство, занятость, доходы, коррупция и т.д.);

– социальные (здравоохранение, образование, социальная защита и т.д.);

– внутренние политические (эффективность органов управления, проявления экстремизма и терроризма); внешние политические (санкции, глобальная нестабильность и т.д.);

– духовно-культурные (традиции культуры, религии, этнические стереотипы и т.д.) и другие.

Анализируя взаимообусловленность экономики/экономического благосостояния и уровня этнизации населения России, можно считать этническую культуру/этническую идентичность/этноконфессиональный фактор причиной межэтнической напряженности. Оценивая актуализацию этнической идентичности – прямым следствием распада СССР, национальной политики в постсоветской России, разрыва сложившихся межнациональных связей, распада интернациональных трудовых коллективов. В России очевиден рост этнической идентичности народов, возрастание их самосознания, что воспринимается некоторыми СМИ, политиками, государственными деятелями как негативный фактор. И он останется таким, если в стране, в республиках Северного Кавказа не будут создаваться условия для улучшения благосостояния жителей, повышения уровня жизни. Этнизация населения углубится, если лишить его активной социально-экономической мобильности.

Стоит так же остановиться на особенности этноконфессионального фактора в этносоциальных интеграционных процессах.

Конфессиональный фактор оказывает высокую степень влияния на межэтническую напряженность в России; он является основой экзистенции любого этноса; конфессиональный фактор играет консолидирующую роль; этноконфессиональный фактор оказывает позитивное влияние на ослабле-

ние межэтнической напряженности на Северном Кавказе как многоконфессиональном регионе, где обеспечено межконфессиональное согласие.

Отмечая негативное влияние конфессионального фактора, некоторые эксперты считают, что фобии по отношению к радикальному исламу, исламистскому терроризму существуют у представителей любых традиционных религий.

В этих вопросах заслуживает внимания мнение известного российского эксперта: «Конфессиональный фактор социально-политических процессов на юге существенно вырос в последние годы. С учетом того, что ислам на Северном Кавказе в значительной мере разделен по «этническим квартирам», произошло сращение конфессионального и этнического факторов. Религиозный фактор стал одним из наиболее важных в глобальных процессах, религиозный дискурс постоянно присутствует в обсуждении проблем терроризма в мире. Все это существенно повлияло на роль религии как фактора в социально-политических процессах и мало зависит от соотношения верующих и неверующих»[1].

Дополнением к этим рассуждениям являются мнения известных ученых-конфликтологов:

1. Этноконфессиональный фактор на сегодняшний день обладает как консолидирующим, так и сегрегационным потенциалом. Традиционные конфессии регионов России и их официальное духовенство выступают носителями общегражданской идентичности и способствуют развитию межкультурного диалога. Однако маргинальные и альтернативные культуры (в том числе экстремистского толка) на сегодняшний день являются основным источником роста социальной напряженности в регионах России.

2. Этнические культуры, конфессиональный фактор меньше всего оказывают влияние на понижение градуса межнациональной напряженности.

Эти факторы – основа экзистенции любого этноса, укоренены в его жизни. Всякие попытки лишить этнос указанных факторов контрпродуктивны, равно как и использовать их в политических, антигосударственных целях. Важно добиваться бытования этих факторов в государстве в рамках конституционных норм, противодействуя проявлениям различных форм экстремизма и радикализма.

Проблемным с точки зрения социальной/межэтнической напряженности и конфликтности, по мнению экспертов, выступают национальная политика СССР, в том числе – формирование национальных республик; память о депортациях целых народов периода Великой Отечественной войны; социально-экономические диспропорции территориальных образований

[1] Жаде З.А. Экспертное сообщество об этносоциальных процессах и причинах межэтнической напряженности на юге России // Теория и практика общественного развития. – Краснодар: Издательский дом «ХОРС», 2016.

в регионах; актуализация этнического самосознания и рост негативных этнических стереотипов людей.

Замыкает список фактор деструктивного воздействия СМИ на сознание людей. Все каналы распространения информации об этническом разнообразии и межэтнических отношениях являются важными. Они создают определенный образ любого российского этноса, этим и могут способствовать стабилизации ситуации в сфере межэтнических отношений или усиливать напряженность. Поэтому в этой сфере важно осознавать степень ответственности за состояние межэтнических отношений в стране. Уверены, что нет опасных народов, а есть опасные ситуации, создаваемые политиками или вытекающие из их решений.

Современный этносоциальный вид России является во многом результатом миграционных процессов, под влиянием которых наблюдаются новые тенденции в этнической структуре населения региона.

Среди основных причин напряженности в отношениях между людьми разных национальностей эксперты называют увеличение доли мигрантов в регионах. К числу наиболее заметных изменений в этносоциальной обстановке в последнее время респонденты отнесли также концентрацию людей по этническому принципу в отдельных районах.

Некоторые эксперты полагают, что миграционные процессы оказывают влияние на состояние межэтнической напряженности, в том числе и в качестве «раздражителя». Для регулирования необходим комплекс мер – правовых, экономических, образовательных, культурных и т.д.

На сегодняшний день миграционный фактор – основной источник межэтнической напряженности в регионах «русскоязычного пояса» России. Среди основных причин следует отметить культурную дистанцию между мигрантами и принимающим старожильческим населением, их конкуренцию на региональном рынке труда, а также отсутствие государственной политики адаптации мигрантов.

При этом институт диаспоры зачастую выступает эффективным инструментом, снижающим остроту противоречий между мигрантами и местным населением, но к его потенциалу власти прибегают чаще всего в условиях уже обострившегося конфликта.

Рассматриваемую проблему можно вписать и в более широкий контекст. Эксперты говорят о вероятных последствиях миграции для этносоциальной структуры населения. По их мнению, этнополитическая ситуация может ухудшиться в связи с массовым перемещением граждан, огромными потоками беженцев и переселенцев в многонациональные регионы. Такие притоки населения повышают межгрупповую конкуренцию в распределении ресурсов и социальных благ, создают дополнительные культурно-психологические барьеры, резко меняя общественно-политическую ситуацию и провоцируя межнациональную напряженность и конфликты.

Каждый из регионов нашей страны имеет свое неповторимое лицо и по-своему отвечает на вызовы современности.

Россия – страна с большой территорией, состоящей из локальных образований, полиэтничное государство с множеством различающихся регионов. Соответственно, этносоциальные процессы, протекающие в одном конкретном регионе, будут содержательно отличаться от этносоциальных процессов в другом. Отметим, что регион есть системная целостность, в рамках которой большое значение имеют не только территория с ее ресурсами, экономика, управление, но и этнокультурная составляющая. Эти компоненты в комплексе формируют его специфику, которая оказывается востребованной в современных условиях.

При этом социокультурные процессы неотделимы от процессов этнических, поскольку в полиэтничных регионах на современном этапе повышается роль именно этнокультур. Ю.В. Попков и Е.А. Тюгашев отмечают: «…обычно говорят об этносоциальных процессах в отдельных регионах страны или мира. Такой подход позволяет зафиксировать целостность локального межэтнического сообщества, его развитие во взаимодействии конкретных этнических групп. Описание этносоциального процесса, следовательно, должно включать описание взаимозависимого развития ряда этносов (этнических групп), составляющих локальное (региональное) межэтническое сообщество»[1].

Справедливо замечание А.Н. Белокопыта о том, что «особенностью исследований этносоциальных процессов является то, что эти исследования предполагают, как рассмотрение различных аспектов проявлений этничности в современных социальных и политических процессах, так и изучение социальной структуры общества, факторов ее динамики»[2].

Перед исследователями в этом смысле лежит непростая задача комплексного учета социальных, культурных, экономических, демографических и политических процессов, существующих в конкретном регионе. Кроме того, следует учитывать внутреннюю (этническую) дифференцированность этноса и роль субэтнических групп в формировании конкретных этносоциальных ситуаций и протекании этносоциальных процессов в регионе, что обусловило необходимость выделения представителей коренных малочисленных народов Севера в отдельную группу при анализе эмпирического материала в рамках данного исследования.

Вместе с тем этносоциальные и этнокультурные процессы не автономны в своей социальной практике, а взаимосвязаны и служат основой для форми-

---

[1] Мадюкова С.А. Установки в межэтнических отношениях как индикатор этносоциальной ситуации (на материале массового опроса в Республике Алтай) // Знание. Понимание. Умение. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2016.

[2] Белокопыт А.Н. Этносоциальные процессы в условиях социальной трансформации: на примере Ставропольского края: Автореф. дис. … канд. соц. н. – М., 2004.

рования единого российского культурного поля, которое оказывает влияние на интегративные процессы всего современного российского социума.

В 1990-е годы в сознании большинства жителей России на первый план вышли региональная и этническая составляющие идентичности, потеснив на второй план значимость консолидирующей страну российской государственно-гражданской самоидентификации. Более того, Россия столкнулась с серьезными проблемами при формировании такой идентичности, соответствующей современному пониманию самоидентификации гражданина демократического правового государства. В результате в ситуации обострения политического и социально-экономического кризиса конца 1990-х годов целостность России как единого государства оказалась под вопросом.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что одной из важных особенностей Российской Федерации является тесное переплетение и нелинейное взаимодействие региональной, этнической, религиозной и государственно-гражданской (российской) самоидентификации ее граждан[1].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А.* Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос // Международный издательский центр «Этносоциум», 2016.

2. *Аминов И.Р.* Государственная национальная политика как способ поддержания этнополитической стабильности в современной России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4 (38).

3. *Арутюнян Ю.В.* Трансформация постсоветских наций: По материалам этносоциологических исследований. – М., 2003.

4. *Дробижева Л.М.* К вопросу о Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. – № 2.

5. *Жаде З.А.* Экспертное сообщество об этносоциальных процессах и причинах межэтнической напряженности на Юге России // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 7.

6. *Калинина К.В.* Время определяет характер национального вопроса // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2012. – № 2.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ). Электронный ресурс. – URL: http://www.pravo.gov.ru.

[1] Жаде З.А. Состояние этносоциальных процессов и уровень межэтнической напряженности на юге России: экспертное мнение. – 2016.

8. *Кузнецов И.М.* Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. – 2017.

9. *Медведев Н.П.* Этнополитическая регионалистика России // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2016. – № 3.

10. *Медведев Н.П.* Права человека и этничность // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2017. – № 1.

11. *Михайлов В.А.* Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос // Международный издательский центр «Этносоциум», 2016.

12. *Михайлов В.А.* Законодательные механизмы реализации Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года: меньше политики больше прав. – 2015.

13. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. Электронный ресурс. – URL: http://fadn.gov.ru/dokumenty/osnovopolagayuschie/programs.

14. *Паин Э.А.* Вопросы реализации Стратегии государственной национальной политики РФ в системе государственного управления // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. – № 2.

15. *Платонов Ю.П.* Основы этнической психологии: Учеб. пособие. – СПб., 2003.

16. *Понеделков А.В., Старостин А.М., Старостин А.А.* Межнациональные отношения и национальная идентичность в современной России: проблемы и перспективы развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2015. – № 3.

17. Путин В.В. 3.0: Общество и власть в новейшей истории России. Монография / Под ред. Шестопал Е.Б. – М.: Аргамак Медиа, 2015.

18. *Савельев В.В.* К национально-культурному вектору во внутренней политике России // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2012. – № 1.

19. Федеральный закон Российской Федерации от 22 октября 2013 г. № 284-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений» // Российская газета. Электронный ресурс. – URL: http://rg.ru/2013/10/23/mezhnacionalnye-site-dok.html.

E.A. EFREMOVA
Associate Professor, Department of International Law
and Political Science, Institute of Law,
Samara University of Economics,
Ph.D. Candidate at The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Samara, Russia

PECULIARITIES OF ETHNOSOCIAL INTEGRATION PROCESSES IN RUSSIA

The article summarizes the results of ethnosociological research conducted under the author's guidance in Russia. The characteristic features of the ethnosocial integration processes of the regions, the issues of ethnicity in the context of globalization, the trends in the ethno-social development of peoples, the problems of modern state national policy in Russia are discussed.

Key words: *ethnosocial processes, ethnonational policy, nationality, ethnicity, ethno-confessional factor.*

УДК 32.323

Ш.С. СУЛЕЙМАНОВА
доктор политических наук,
профессор кафедры общественных связей
и медиаполитики факультета журналистики
ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ,
Россия, г. Москва

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

На рубеже XX-XXI вв. мир вступил в полосу региональных вооруженных конфликтов и политической нестабильности. Число крупномасштабных военных акций глобального, регионального и национального характера резко увеличилось. Оценка военно-стратегической обстановки показывает, что начавшаяся более двадцати лет назад трансформация форм и способов ведения боевых действий под влиянием концепции информационной войны в последние годы приобретает все более актуальный характер.

При этом все чаще для достижения геополитических или экономических целей используется скрытое или «латентное» противоборство, а также интенсифицируется применение невоенных форм борьбы.

Ключевые слова: *информационные войны, СМИ, общественное мнение, информация, политические конфликты, информационное противоборство.*

Современная информационная война является важнейшей угрозой безопасности Российской Федерации, она позволяет иностранным государствам вмешиваться во внешнюю и внутреннюю политику Российской Федерации без применения вооруженных сил. Разработка концепций информационных войн иностранными военными и иными ведомствами, и апробация их отдельных элементов в локальных вооруженных конфликтах является угрозой безопасности Российской Федерации. Пример информационной войны в современном мире наблюдается в ситуации Украины и России, когда люди с одинаковым менталитетом видят одну и ту же ситуацию совершенно противоположно.

Согласно Е. Деннингу, автору работы «InformationWarfareandSecurity»: «Информационная война – это совокупность операций, имеющих целью или эксплуатирующих информационные ресурсы». Таким образом, вся концепция информационной войны, зародившаяся в конце 1980-х годов как войны четвертого поколения, строится на оперировании информацией как средством манипуляции людей. С другой стороны, американский теоретик

М. Либицки в своей работе «What Is Information Warfare?» выделяет семь подтипов информационной войны[1]: военное противостояние за овладение командно-контрольными функциями; противоборство разведок и контрразведок; психологические операции; хакерские атаки; информационно-торговые войны за контроль над информационными продуктами; противоборство в электронной сфере; кибернетические войны в виртуальном пространстве.

В древности противоборствующие стороны пытались использовать средства духовного воздействия, чтобы ослабить моральный дух и боевую мощь противника, а также поднять боевой дух своих войск. Это была исторически первая форма информационного противоборства – информационно-психологическое обеспечение боевых и повстанческих действий.

Важными субъектами информационного противоборства того времени являлись священнослужители как наиболее образованные лица, обладавшие значительным влиянием на все социальные слои населения. Последующее появление первых печатных средств не сыграло заметной роли в осуществлении информационного противоборства, так как на тот период основная масса гражданского населения была неграмотна.

Одним из лучших специалистов античного мира по дезинформации военного противника считался Ганнибал (III-II в. до н.э.). Свидетельства о его успешных операциях по дезинформации противника оставил древнегреческий историк Полибий: «Он уже довольно длительное время распускал слухи о том, что в его войске появилась некая болезнь, чтобы римляне не удивлялись, услышав, что он давно стоит со своим войском на одном месте. На самом деле он находился уже всего в трех днях пути от Тарента...»[2].

Первые научные обоснования информационного противоборства связывают с именами древнекитайских философов – Конфуция и Сунь-Цзы (VI-V в. до н.э.). Их взгляды легли в основу современных теоретических и практических подходов китайских и американских специалистов по информационному воздействию[3].

Информационная война тесно связана с термином «пропаганда». В 1622 году этот термин впервые был введен Папой Римским в связи с тем, что в ходе 30-летней войны между католиками и протестантами, католики несли огромные потери. Для того чтобы возбудить у католиков боевой дух, было создано специальное подразделение – Конгрегация пропаганды веры. Длительное время термин «пропаганда» использовался как религиозный. Но в ходе Первой мировой войны впервые появились специальные подраз-

[1] См.: Мухин О.В. К вопросу об использовании средств информационной войны в экономике // Вестник ВГУ. – Серия: Филология. Журналистика. – 2016. – № 2. – С. 123-125.

[2] См.: Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. – М.: «Эксмо», 2015. – С. 60.

[3] См.: Политология: учебник / Коллектив авторов; под ред. В.И. Буренко. – 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2016. – С. 215.

деления сил и средств для ведения пропаганды среди войск и сил противника. После Первой мировой войны известный теоретик пропаганды и информационных войн Гарольд Лассуэл, изучив опыт стратегических ошибок, написал книгу «Техника пропаганды в мировой войне», которая вышла в свет в 1927 году. В ней он говорит, что пропаганда является особым видом оружия, воздействующим на ход боевых действий[1].

Предшественниками СМИ как инструмента воздействия можно назвать пропагандистские листовки, распространяемые в армейской среде противником, а во время революций и бунтов – среди населения. Таким образом, во времена Ливонской войны противники России распространяли среди европейских политиков листовки, описывающих зверства русских по отношению к пленным.

Еще до начала эпохи доминирования Интернета в жизни людей, что произошло в середине 2000-х годов с появлением смартфонов, пропаганда западного образа жизни активно проводилась на территориях стран бывшего Варшавского блока, стран-сателлитов распавшегося СССР, что дало определенный результат, воплотившийся, например, во вступлении ряда республик бывшего Союза ССР в Евросоюз и блок НАТО, полном отторжении советской культуры и неприятии образа России большей частью населения, что доказывают результаты выборов середины 2000-х годов.

Уже в 20-х годах XX века США начинают трансляцию своих радиопередач на территории, традиционно рассматриваемые как «сфера влияния» – страны Латинской Америки. В то же время Великобритания ведет радиотрансляции на свои колонии, Германия (после Первой Мировой войны) – на немцев Померании и Верхней Силезии в Польше, Судет – в Чехии (попытка пересмотра условий Версальского мира). Примечательна и информационная агрессия Германии в отношении Австрии (по поводу аншлюса), нацеленная на изменение мнения по поводу присоединения самих австрийцев и всего мира. Широкое применение полученный опыт получил во Второй Мировой войне[2].

Информация или дезинформация, в зависимости от того для каких целей они применялись, перевоплотились в жестокое оружие и показали всю свою мощь во время Второй мировой войны. Используя информационное оружие на высоком уровне, немецким войскам удалось добиться победы без единого выстрела, при оккупации Австрии и Чехословакии, где население встречало их вполне благосклонно, а в некоторых случаях – сопротивление противника ломалось за короткое время.

---

[1] См.: Государственное и муниципальное управление: учебное пособие / Под ред. Е.Г. Коваленко. – М.: ИНФРА-М, 2016. – С. 303.

[2] См.: Ирхин Ю.В. Политология. В 2 ч. – Часть 1. – История политической мысли: учебник для академического бакалавриата. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – С. 124.

Советские специалисты также активно участвовали в информационной войне. Был разработан, так называемый, метод «синхронное вещание», который давал возможность прослушивать нацистские радиопередачи. Так же лидирующее место в сфере информационной войны занимают США. Именно американские стратеги первыми разработали и испытали в настоящих войнах всю сущность концепции современной информационной войны. В 1956 году они применили разработанные методы эмоционального воздействия: неутихающее вещание с вертолетов, трансляция женского и детского плача, воплей, буддийской погребальной музыки и другие подобные звуковые эффекты, которые привели к моральному подавлению людей.

Первой войной за все время существования человечества, в которой была достигнута победа без применения сухопутных войск, была война США и НАТО против Союзной Республики Югославия (1999 г.). Примерами такой войны служат мирные революции на Украине, Грузии, Киргизии и в других государствах мира[1].

Для XXI века информационная война не является чем-то новым. На политической арене, в межгосударственной борьбе, информационное оружие является исключительно важным. События, которые получили резонанс со стороны общественности, являются полем битвы за информационное господство. Это проявляется в том, что большинство СМИ опирается на политические отношения, сложившиеся между странами-участницами.

К примеру, страны Запада в большинстве своем настроены негативно по отношению к России, а это, в свою очередь, влияет на мировое информационное пространство и массовое сознание общественности[2].

С момента захвата власти в Украине националистами, в отношении России стала развиваться целенаправленная информационная война, как со стороны Украины, так и со стороны ЕС. СМИ стали пестрить негативной информацией. Особенно следует отметить американские СМИ, которые не принимали никакой альтернативной информации, считая единственно верной свою. Как отметил независимый международный корреспондент Asia Times Пепе Эскобар: «На самом деле, это информационная война. США напуганы, потому что сейчас событии в мире освещает не только CNN, как было во время войны в Боснии или во время первой войны в Ираке. Теперь есть RT, Al Jazeera, France24, Deutsche Welle, CCTV. Однажды появится и бразильский телеканал, вещающий для всего мира, а не только португальский. Американцы боятся иранского Press TV, который также вещает

[1] См.: Буторин М.В. Основы государственного и муниципального управления: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2016. – С. 99.

[2] См.: Селиванов Ю.Б. Выстрел в голову как способ убеждения: антироссийская пропаганда Запада активно ведется с площадок на территории самой России // Русский Дом. – 2015. – № 11. – С. 10-11.

на английском, поэтому его, повсюду запретили. Если у вас, как у RT, есть альтернативное мнение, вас запретят. Они с вами даже разговаривать не будут, потому что боятся»[1].

Что касается Российской Федерации, то, преодолев глубокий системный кризис 1990-х годов, она не могла тратить ресурсы на какую-либо активную внешнюю пропаганду. Тем не менее, в конце первого десятилетия XXI века односторонняя информационная интервенция стран Запада в культурное пространство России переросла в открытую фазу информационной войны. Это выражается, прежде всего, в поддержке западным общественным мнением, западными СМИ Грузии в ходе конфликта в Южной Осетии в августе 2008. Тот факт, что точка зрения России не встретила отклика и поддержки, в том числе, среди некоторого числа граждан РФ, по всей видимости, натолкнуло правительство на идею продвижения России на мировой арене, как в реальной политике, так и в сети Интернет с целью противодействия информационной интервенции.

Конфликтная ситуация в Украине 2014 года, приведшая к территориальному вопросу по воссоединению Крыма к России и падению правительства Виктора Януковича, и продолжающаяся до сих пор, явила новые возможности по манипулированию отдельными частями общества. Так, различные группировки, сформировавшиеся в ходе Майдана, кооперировались, в том числе, и иноязычными кураторами через социальные сети, а общественное сознание других жителей Украины зондировалось через них же уже участниками Майдана[2].

Немаловажную роль в этом «зондировании» сыграл психологический фактор. Любые сведения, получаемые через СМИ, человек может подвергнуть критическому анализу, не поверить им, или же не принять во внимание. Социальные сети подразумевают, что собеседники «на том конце провода» – такие же, обычные, люди, и градус доверия к ним инстинктивно растет. Особенно такому влиянию оказались подвержены молодые люди и подростки: упоминания заслуживает ставший знаменитым инцидент в одной из украинских школ, когда толпа школьников-подростков скандировала ксенофобские, разжигающие национальную вражду, лозунги.

Информационная война XXI столетия характеризуется планомерным информационным воздействием на информационно-коммуникационную систему государства с целью ее дестабилизации и формирования благоприятной информационной среды для проведения политических и геополитических операций.

---

[1] Американские СМИ с радостью используют любую негативную информацию о России. Электронный ресурс. – URL: https://russian.rt.com/article/29575 (дата обращения: 15.10.2017).

[2] См.: Фурсов А.И. Русофобия – психоисторическое оружие Запада // Наш современник. – 2016. – № 1. – С. 141-148.

Современные информационные войны направлены на[1]:

– создание политической напряженности в государстве путем манипулирования общественным сознанием;

– создание конфликтных ситуаций в определенных регионах государства, провокаций на государственной границе;

– снижение уровня информационного обеспечения правоохранительных органов и государственных учреждений;

– дезинформацию населения и т. п.

Таким образом, средства информационной войны использовались с древнейших времен, но стали одним из решающих факторов противоборства именно с появлением массовой аудитории и возможности воздействовать на нее посредством СМИ. С этого момента также начинается развитие технического аспекта информационных войн.

Следует отметить, что ведение информационной войны подчиняется определенным закономерностям[2]:

1. Информационная война является самостоятельной формой конфликта и не может рассматриваться как разновидность его вооруженной составляющей.

2. Информационная война всегда бескомпромиссна.

3. Роль информационной войны повышается по мере углубления информатизации общества. Расширение сферы применения новейших информационных технологий повышает их уязвимость и снижает их устойчивость. В ходе информационной войны происходит постоянное увеличение числа косвенных участников конфликта, вовлекаемых в него по мере углубления информатизации общества.

4. Информационная война ведется непрерывно на протяжении всего конфликта.

5. Следствия ведения информационной войны не всегда очевидны для тех, против кого она ведется.

6. Информационная война носит упреждающий характер. Только после завоевания информационного превосходства над противником возможно принятие адекватных решений и эффективное разрешение конфликта.

7. Развитие и исход информационной войны происходят в пользу стороны, обладающей более высоким информационным и технологическим потенциалом.

---

[1] См.: Социология: учебник для академического бакалавриата / А.Е. Хренов и др.; под общ. ред. А.С. Тургаева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – С. 241.

[2] См.: Сулейманова Ш.С., Назарова Е.А. Информационные войны: история и современность: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017. – С. 59.

Психологическое воздействие на группы людей и индивидов всегда носит социальный аспект.

В информационном противоборстве любое социальное напряжение может быть использовано для создания локального или масштабного социального конфликта. Оба эти вида конфликта могут использоваться как тактический элемент общей межгосударственной информационной войны. К примеру, в локальные социальные конфликты в условиях приграничного военного конфликта могут перерасти вопросы обеспечения населения прилегающих территорий электрической и тепловой энергией, продовольствием, вопросы выплаты довоенных социальных пособий, гарантии прав и свобод граждан и т.п. Эти проблемы, как правило, без излишнего постороннего вмешательства присутствуют на сопредельных территориях во время вооруженных конфликтов, но также их можно создавать, или обострять путем диверсионных операций. Такие отдельные социальные конфликты будут служить глобальной цели – к примеру, усилению недовольства населения противника существующим режимом. Так называемые новые глобальные социальные конфликты могут создаваться, к примеру, за счет искусственного критического обострения (информационными или диверсионными методами) довоенных проблем всего государства – излишний авторитаризм, чиновничий произвол, тотальное невыполнение социальных обязательств, чрезмерное расслоение населения по уровню доходов и т.п.

Социологические инструменты позволяют выявить проблемы, из которых затем возможно создать социальный конфликт, а также отследить эффект от ведения информационной войны и скорректировать тактику противоборства. Проведение различных видов социологических исследований позволяет определить наиболее уязвимые места в общественном сознании, реальные и потенциальные источники социального напряжения, очаги протестных настроений и т.п[1].

Для проведения таких исследований в стране-противнике в вооруженном конфликте необходимо присутствие в ней подконтрольных (в худшем случае – сторонних) международных социологических организаций, так как очевидно, что результаты национальных исследований не только не отражают действительности, но и являются инструментом информационного противоборства: они могут быть использоваться как для влияния на свое и внешнее население, так и для провоцирования информационного противника на разжигание социального конфликта в заведомо провальных сферах для последующего разоблачения (к примеру, попытка значительной поддержки мифа о не боеспособности Российской армии с 2014 года стала

[1] См.: Пугачев В.П. Введение в политологию: учебник / В.П. Пугачев, А.И. Соловьев. – 5-е изд, перераб. – М.: КНОРУС, 2017. – С. 250.

бы губительной для информационных противников России из-за его краха в сознании населения)[1].

Социологические инструменты сами по себе могут быть использованы как метод информационной войны. Результаты опросов могут корректироваться для создания у жителей «правильного» представления о положении дел в стране и об общественном мнении относительно той или иной проблемы. Но воздействовать можно не только по результатам социологических исследований, но и в процессе их проведения. К примеру, возможно заведомо неграмотное проведение опроса респондента: например, можно с первых слов информировать об имеющемся общественном мнении по проблеме (на деле ложным или истинным, но скорректированным), и в силу преобладания конформистских установок респондент, скорее всего, будет вынужден с ним согласиться. В этом случае искажение фактов сложнее будет проверить и опровергнуть новыми опросами со стороны противника. Кроме того, возможен целенаправленный отбор нерепрезентативной выборки, особая форма подачи вопроса и другие приемы, влияющие на мнение респондента.

Внутри страны социологические инструменты информационных войн активнее всего применяются в политической сфере. Речь идет о манипулировании общественным мнением также через опросы, анкетирование и прочие методы, использующиеся как в процессе информационного противостояния в период агитации, так и непосредственно на выборах и вне выборного процесса. Специфическим инструментом на выборах являются экзит-поллы: в случае своевременного информирования населения об их результатах до завершения голосования они могут значительно повлиять на настроения людей, спровоцировать резкий приток или отток избирателей на участках и в конечном итоге повлиять на результаты голосования.

Понятие «информационно-психологическая война» стало известно благодаря военной терминологии, используемой в США. В зависимости от контекста и направленности материала (официальный документ или научная публикация), значение этого термина при переводе на русский язык, может означать или «информационное противоборство», или, непосредственно – «информационная, психологическая война»[2].

Психологический аспект является неотъемлемой составляющей информационной войны, что отражается в самом определении информационного противоборства как информационно-психологического. На наш взгляд, глобальное информационное противоборство происходит на нескольких уровнях – воздействие на индивида; на социальные (в том числе малые) груп-

[1] См.: Тонконогов А.В. Война сознаний в условиях современного геосоциального соперничества // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 1. – С. 7-21.

[2] См.: Военная сила в международных отношениях: учебное пособие / Коллектив авторов; под общ. ред. В.И. Анненкова. – М.: КНОРУС, 2017. – С. 188.

пы; на нацию, группы наций и наднациональные объединения. Но с точки зрения психологии эти уровни можно объединить в два – индивидуальный и социальный психологический уровни; при этом СМИ обеспечивают индивидуальное влияние по общесоциальным каналам.

Любая психологическая война имеет цель – воздействовать на сознание масс. Реализация данной цели предполагает использование огромного арсенала методик манипулятивного характера. Грамотное владение и использование самых современных психологических приемов, способно формировать общественное мнение, проводить идеологическую обработку граждан, понизить уровень доверия граждан к власти и обеспечить пропаганду практически любой идеи[1].

При этом важно закрепить результат – убедиться в достижении стабильных установок и образцов поведения, закрепленных в массах на подсознательном уровне. Только в этом случае является возможным управление массами и корректирование установок по мере необходимости.

Важными для информационной войны психологическими феноменами являются феномены межличностного влияния – внушение, заражение, убеждение.

Применение информационного оружия предполагает следующие основные схемы: контроль и управление над происходящими в обществе событиями; контроль над средствами накопления, хранения, распространения, искажения, хищения и уничтожения информации; владение способами охраны и защиты информации, а также, имеющимися в наличии способами и приемами воздействия; контроль над допуском ограниченного числа пользователей; разработка и внедрение новых средств, направленных на дезорганизацию работы «противника», его технических средств, компьютерных систем и людских ресурсов.

Основой для психологического воздействия выступает скрупулезно отобранная и дозированная информация, повторенная необходимое количество раз по нужным информационным каналам. Информацию мы, в данном случае, можем классифицировать как оружие. Если имеется оружие, значит, существует противник, который его создает, активирует и направляет, а также – объект, на который это оружие направлено.

Можно выделить три основных объекта информационного и психологического воздействия[2]: жизненная сила (человеческие ресурсы; массы); элита (по сути, властная и управляющая сила государства); материальные объекты и инфраструктура.

---

[1] См.: Кравченко А.И. Методология и методы социологических исследований: учебник. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – С. 317.

[2] См.: Волков Ю.Г. Социология: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2017. – С. 228.

Информационное и психологическое влияние – оружие массового поражения, так как нацелено на все составляющие государства и общества. Ставка делается как на сиюминутное убеждение в достоверности того или иного факта, так и на долговременную социальную, вплоть до ментальной, мутации.

Последствия от информационных и психологических войн могут быть: нарушение позитивной преемственности; появление «потерянного» поколения, которое испытало крушение надежд и идеологии; перерождение элиты; изменение сознания населения, которое становится пассивным и подверженным к еще большей внушаемости.

Психологическая и информационная войны, в отличие от действий с применением военной техники, проводятся мирными способами, без открытого применения оружия. И это, чаще всего, представляется наиболее эффективным, так как охватывает большое количество аудитории и не причиняет разрушений материальным средствам, которые после успешной операции достаются победителю, который будет использовать их в своих целях. Таким образом, в условиях информационных войн информация, является оружием, направленным на людей. Такая война не убивает и не калечит, но она влияет на сознание человека, меняет его мировоззрение и взгляды.

Проблема информационных войн, имея богатую историю, не только не утратила своего значение и в современном мире, но стала более актуальной. Практически во всех странах мира тратятся огромные моральные и физические силы и средства на создание новых технологий и методик противодействия различного рода информационным и психологическим способам воздействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Буторин М.В.* Основы государственного и муниципального управления: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2016.

2. *Волков Ю.Г.* Социология: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2017.

3. Военная сила в международных отношениях: учебное пособие / коллектив авторов; под общ. ред. В.И. Анненкова. – М.: КНОРУС, 2017.

4. Государственное и муниципальное управление: учебное пособие / Под ред. Е.Г. Коваленко. – М.: ИНФРА-М, 2016.

5. *Давыдов В.Н.* Безопасность информационного пространства: современные политические проблемы взросления // Вопросы политологии. – 2017. – № 3.

6. *Ирхин Ю.В.* Политология. В 2-х ч. – Часть 1. – История политической мысли: учебник для академического бакалавриата. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

7. *Кравченко А.И.* Методология и методы социологических исследований: учебник. – М.: Издательство Юрайт, 2016.

8. *Муравых А.И.* Угрозы глобальной безопасности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – № 2.

9. *Мухин О.В.* К вопросу об использовании средств информационной войны в экономике // Вестник ВГУ. – Серия: Филология. Журналистика. – 2016. – № 2.

10. *Ожиганов Э.Н.* Информационные операции и стабильность политических режимов // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2012. – № 4.

11. *Пугачев В.П.* Введение в политологию: учебник / В.П. Пугачев, А.И. Соловьев. – 5-е изд, перераб. – М.: КНОРУС, 2017.

12. Политология: учебник / коллектив авторов; под ред. В.И. Буренко. – 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2016.

13. *Пряхин В.Ф.* Евразия: реанимация «шахматной доски» // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2012. – № 1.

14. *Селиванов Ю.Б.* Выстрел в голову как способ убеждения: антироссийская пропаганда Запада активно ведется с площадок на территории самой России // Русский Дом. – 2015. – № 11.

15. *Соловей В.Д.* Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. – М.: «Эксмо», 2015.

16. Социология: учебник для академического бакалавриата / А.Е. Хренов и др.; под общ. ред. А.С. Тургаева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

17. *Сулейманова Ш.С., Назарова Е.А.* Информационные войны: история и современность: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017.

18. *Тонконогов А.В.* Война сознаний в условиях современного геосоциального соперничества // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 1.

19. *Фурсов А.И.* Русофобия – психоисторическое оружие Запада // Наш современник. – 2016. – № 1.

Sh. S. SULEYMANOVA
doctor of political Sciences,
Professor, Department of public relations
and media policy Department of the faculty of journalism
IIPAM of Ranepa under the RF President,
Moscow, Russia

INFORMATSIONNOYE WAR: HISTORY AND MODERN TRENDS

At the turn of XX-XXI centuries, the world entered a period of regional armed conflicts and political instability. The number of large-scale military actions of global, regional and national character increased dramatically. Assessment of the military-strategic situation shows that began more than twenty years ago, the transformation of forms and methods of warfare under the influence of concepts of information warfare in recent years is becoming increasingly relevant. Increasingly to achieve geopolitical or economic purpose, hidden or latent confrontation and intensifitsiruetsa the use of nonmilitary forms of struggle.

Keywords: *information war, media, public opinion, information, political conflicts, information warfare.*

УДК 32.327; 323

С.В. БИРЮКОВ
доктор политических наук,
приглашенный исследователь Восточно-Китайского
педагогического университета (East China Normal University),
Шанхай, КНР
А.В. АНДРЕЕВ
кандидат политических наук,
директор государственной
телерадиокомпании «Кузбасс»,
Россия, г. Кемерово

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ. К РЕВИЗИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье говорится об опыте применения российских политических стратегий и технологий в отношении Украины начиная с 1991 года, а также в контексте политического кризиса 2013-2014 годов и установившегося в результате его политического порядка. Авторы обосновывают необходимость осуществления комплексной ревизии суммы российских технологий в контексте современных политических вызовов и кризисов.

Ключевые слова: *политические стратегии, политические технологии, кризис политический, Украина, ревизия стратегий и технологий.*

Вопрос о необходимости ревизии «суммы российских политтехнологий»[1], сложившихся в течение 1990-2000-х годов, не впервые ставится в повестку дня. Почему же именно сегодня мы ставим вопрос о «сумме российских политтехнологий» и о необходимости их ревизии? Чем эта самая необходимость определяется?

Россия испытывает сегодня масштабный прессинг – политический, экономический, военный, и в значительной степени – информационно-пропагандистский, справится с которым, откровенно говоря, представляется весьма непростой задачей. Цель данного прессинга – разрушить консенсус, сложившийся вокруг российской власти начиная с весны 2014 года[2], и глубже – разрушить политико-идеологические дискурсы патриотического толка,

[1] Матвейчев О.А. Уши машут ослом. Сумма политтехнологий. – М.: Эксмо, 2008.

[2] Шатилов А.Б. «Крымский консенсус» российской элиты: причины и последствия // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2015. – № 2. – С. 7-12.

которые сложились в массовом сознании и в публичной сфере, обеспечивая легитимность действующей российской власти, государства, политики.

Способна ли Россия противостоять этой комплексной атаке, и прежде всего – в политико-идеологической сфере? Позволяют ли ей решить эту задачу реализовавшиеся с начала 2000-х годов и реализуемые сегодня политические стратегии, а также обслуживающие их политические технологии?

Узловым событием, протестировавшим состоятельность российских политических стратегий и технологий, стал современный украинский кризис. Его хронология хорошо известна и многократно описана, и поэтому нет смысла останавливаться на нем подробно.

Россия была заинтересована в сохранении Украины как нейтральной и доброжелательной к себе страны с развитием сотрудничества в социально-экономической и культурно-образовательной сферах. Однако отсутствие системного подхода к выстраиванию политики на украинском направлении не позволило России успешно решить эти задачи. В то же время сама Украина вследствие специфики взятой ею на вооружение социально-экономической модели и многолетнего кризисного развития не могла оставаться обособленным экономическим субъектом и сохранить существовавшее социальное государство[1] – но должна была интегрироваться в один из экономических союзов на Западе или на Востоке, уступив часть своего суверенитета. Неприятие украинским политическим классом любых форм качественной и глубокой интеграции с Россией предопределило неизбежный «слом» украинской многовекторности и уход страны из российской сферы влияния.

По мнению историка и политолога Андрея Фурсова. Произошедшее в результате «украинского кризиса» выпадение из православно-славянского мира такого его значимого сегмента, как Украина, является не только геополитической, но и цивилизационной катастрофой[2]. Масштабный социально-инженерный проект, связанный с созданием псевдоевропейского «цивилизационного» симулякра на территории, изначально относившейся к православной «ойкумене», рассматривается значительной частью представителей современной европейской элиты как успех[3].

В числе последствий «украинской ситуации» после 2014 года для России уже сегодня с полной уверенностью можно назвать:

1) потеря (на неопределенно долгий период времени) Украины как части своей сферы влияния;

---

[1] Кризис на Украине. Электронный ресурс. – URL: http://expert.ru/dossier/story/krizis-na-ukraine (дата обращения: 15.10.2017).

[2] Фурсов А. «Русская весна» закончилась. Электронный ресурс. – URL: https://svpressa.ru/online/sptv/164674 (дата обращения: 16.10.2017).

[3] Попов А. Миссия Порошенко. Электронный ресурс. – URL: http://www.apn.ru/index.php?newsid=36345 (дата обращения: 16.10.2017).

2) возникновение в отношениях России и Украины ситуации, напоминающей взаимоотношения Индии и Пакистана с момента провозглашения независимости Британской Империи в 1948 году (в итоге влияние России в рамках постсоветского пространства блокировано по многим направлениям);

3) глубокий кризис проекта «Русский мир» в результате украинских событий и мощной антироссийской контр-пропаганды;

4) возросшая возможность реализации дестабилизирующих сценариев уже в самой России (ибо Россия и Украина остаются «сообщающимися сосудами» в политическом смысле);

5) долгосрочная цель России – нейтральная (внеблоковая), стабильная и доброжелательная Украина, стратегический партнер в рамках постсоветского пространства. Однако добиться этого в современных условиях весьма проблематично.

Неслучайно, что именно сегодня, когда после двух лет «украинского кризиса» на наших глазах происходит жесткое «переформатирование» отношений России и Украины, впору задаться вопросом: как сложилась ситуация, породившая столь высокий градус напряжения в отношениях двух стран, связанных многовековыми узами? Как стало возможным развитие событий внутри и вокруг Украины после 21 февраля 2014 года, которое означали неудачу всех прежних и устоявшихся российских стратегий в отношении Украины?

На взгляд автора, в случае Украины имело место использование новых политических технологий, которые в известном смысле означают отход от принципов «мягкой силы» и «ненасильственного сопротивления» Джина Шарпа[1]. Как представляется, суть украинского «революционного алгоритма» – возникший на первой стадии массовый социальный протест, осуществляемый на базе технологий *soft power*, в решающей фазе переходит в режим *hard power* с выходом на «ударные» позиции радикалов, которые довершают процесс сокрушения действующей власти; как это, собственно, и произошло после 21 февраля 2014 года на улице Грушевского (раскол в украинской элите, актуализировавшийся после отказа Януковича подписать в ноябре 2013 года соглашение об ассоциации Украины с ЕС – последующая попытка дворцового переворота 30 ноября 2013 года – возникновение массового «мирного недовольства» среди киевской политизированной общественности и их единомышленников в масштабах всей страны – игра на обострение с выводом на ударные позиции «радикалов», специально подготовленных до этого заранее – падение власти, заигравшейся в «рукопожатость» и полумеры, и поверившей в итоговый «компромисс с оппозицией под внешние гарантии»).

[1] Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. – М.: Новое издательство, 2012.

В итоге «ливийско-сирийский сценарий» оказывается спрятан в одежды «мирной революции» (реализуется т.н. «принцип матрешки»). Подобная «гибридная стратегия революции» оказалась абсолютной неожиданностью не только для украинской власти в лице В. Януковича, но и для российского экспертного и политтехнологического сообщества, для представителей политического истеблишмента, условно ответственных за «украинское направление».

Главная же политтехнологическая проблема в контексте описываемой нами ситуации заключалась в том, что Россия проиграла борьбу за публичное и сетевое пространство Украины, борьбу за сознание «среднего украинца» и молодое поколение страны гораздо раньше 2014 года. Поэтому – следует определиться, почему же это произошло.

Главное – в своих действиях в отношении Украины за 24 года ее независимости Россия не преуспела с точки зрения использования различных вариантов политической стратегии. В теоретическом плане, можно выделить три основных возможных варианта комплексной и долгосрочной политической стратегии:

1. **Проактивное конструирование** – т.е. долгосрочная социальная и политическая инженерия с одновременным формированием благоприятного для себя политико-идеологического дискурса и социально-политической ситуации в стране, представляющий интерес (которой для России, безусловно, является Украина).

2. **Управление по тенденциям** – что предполагает выявление перспективных социальных и политических трендов, приспособление к ним с целью использовать связанные с ними позитивные возможности и по возможности минимизировать негативные эффекты.

3. **Действия в режиме adhoc**, когда сломаны либо не действуют все прежние правила, а ситуация связана как с масштабными угрозами, так и с масштабными возможностями (режим «пожарной команды» или экстренный антикризисный менеджмент). Об эффективном использовании Россией перечисленных стратегий в случае Украины. Остановимся на трех этих возможных вариантах более подробно.

О **(про)активном конструировании** Россией политических процессов на Украине на основе комбинации имевшихся политических, экономических и информационных ресурсов начиная с 1991 года говорить достаточно сложно. России практически никогда не удавалось (и тем более не удалось накануне последних событий) методами *soft power* создать благоприятную для себя ситуацию на Украине на долгосрочной основе.

Единственный российский проект, соответствующий логике проактивного конструирования – «Русский мир», который мог быть столь эффективным в первой половине 1990-х годов, в итоге оказался запоздалым проектом в культурно-информационном поле Украины 2000-х года, где успели утвер-

диться ряд достаточно устойчивых антироссийских стереотипов и феноменов в рамках набиравшего популярность дискурса «Украина – не Россия», а также сложившиеся на Украине политико-идеологические реалии, не благоприятствующее восприятию идеи «Русского мира» (феномен русскоязычной русофобии на Юго-Востоке Украины, и феномен русскоязычного украинского патриотизма, описанные во многих публикациях).

Управление по тенденциям (с возможностью упреждения неблагоприятных процессов и ситуаций) также не просматривается – Майдан 2004 года, а также Евромайдан 2013-2014 и особенно его жесткая развязка стали неожиданностью для значительной части российского экспертного сообщества.

Реагирование в режиме ad hoc (в «пожарном порядке») на разворачивающиеся и заранее не прогнозировавшиеся события на Украине также не принесло России сколько-нибудь ощутимых политических дивидендов. В ситуации разворачивавшегося с конца ноября 2013 года наша страна не смогла воспрепятствовать падению относительно договороспособной и устраивавшей ее (хотя при этом вовсе не «пророссийской») украинской власти и прихода к власти сил, политическое выживание которых отныне напрямую зависело от проведения ими антироссийского курса.

Информационно-пропагандистские технологии в отношении Украины использовались Россией достаточно активно, но без все той же «привязки» к специфике украинской политической культуры, массового сознания и свойственным для этой страны традициям мировоззренческого и политического плюрализма. Ставка в пропаганде была сделана массированное информационное воздействие по официальным каналам, без дифференциации информации с учетом интересов и особенностей восприятия различных внутриукраинских целевых групп и регионов, без адаптации ее к особенностями мировоззрения «среднего» украинца. В итоге де-факто не получилось никакого варианта «молекулярной агрессии» (А. Грамши), способного размыть «культурное ядро» враждебной для России идеологии, а антироссийские стереотипы продолжали успешно воспроизводиться на уровне не только элитарного, но и массового сознания.

Наконец, использовавшиеся Россией и ее политтехнологами электоральные технологии, очевидно, не соответствовали специфике украинского политикума. Традиционный набор технологий (административный ресурс плюс активная пропаганда по официальным каналам), успешно использовавшихся внутри самой России, не принес ожидаемого результата в 2004 году, когда большая группа российских политтехнологов обслуживала президентскую кампанию Виктора Януковича. Не принесла ожидаемого эффекта и ведшаяся российской стороной в течение нескольких лет по традиционным «лекалам» пропаганда в пользу Таможенного и Евразийского союзов, в целесообразности которого так и не удалось убедить значитель-

ную часть украинского общества и (прежде всего) политического «класса», связавших свои будущее и перспективы с «европейским выбором».

С пониманием основных тенденций украинской политики российским экспертным сообществом также существовали проблемы. Подход России к защите своих интересов на Украине был преимущественно статическим, без понимания ситуации комплексно и в динамике. Россия традиционно делала ставку на корпоративные соглашения (что предполагало своеобразное ангажирование доминирующего на тот момент сегмента украинской политической элиты – без понимания объективно усиливающегося прозападного тренда в его настроениях). При этом не принимались во внимание ни подвижный баланс сил внутри украинского политического класса, ни высокого уровня политизации и самоорганизации украинского общества. Все это снижало эффективность влияния России на внутриукраинские процессы, вынуждая фактически участвовать в реализации чужих политических стратегий.

Отдельного рассмотрения заслуживают закономерности, обнаруживаемые в результате анализа эффективности российских стратегий и технологий, примененных в отношении Украины:

1. Обилие ресурсов и многообразие контактов и связей не всегда обеспечивают успешное и эффективное влияние на любое из числа соседних государств, некогда входивших в единый СССР. Без наличия долгосрочного и привлекательного проекта «совместного будущего» подобные контакты и связи оказываются малоэффективными.

2. Эффективное влияние достигается, когда инфраструктура влияния является консолидированной – то есть когда все ресурсы собраны воедино и работают на единую задачу (политическую, экономическую, культурную).

3. Основа мягкой силы – привлекательный и непротиворечивый образ страны, последовательно закрепляемый в сознании жителей других государств. У России такого образа в сознании украинцев в полной мере не сложилось – поскольку в российском общественном мнении консенсус по проблемам исторического прошлого пока так и не сложился, а представление о ближайшей исторической перспективе остается дискуссионным и расплывчатым, предельно общим.

В связи с возможностью дальнейшего обострения ситуации вокруг Украины и в «ближнем зарубежье» России необходима срочная и глубокая политтехнологическая «ревизия». Складывающаяся ситуация требует глубокой переоценки политтехнологического обеспечения российской политики, которая проводилась до этого – причем переоценки достаточно быстрой и глубокой, которая бы позволила избежать вполне вероятных геополитических катастроф и «обвалов».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бакушев В.В., Гайдук В.В.* Украинский кризис: уроки для России и партнеров // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2014. – № 3-4.

2. *Болтенкова Л.Ф.* Политические уроки истории: проблемы Украины // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2013. – № 3-4.

3. *Гайдук В.В., Смирнова К.И.* Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. – № 2.

4. Кризис на Украине. Электронный ресурс. – URL: http://expert.ru/dossier/story/krizis-na-ukraine.

5. *Матвейчев О.А.* Уши машут ослом. Сумма политтехнологий. – М.: Эксмо, 2008.

6. *Медведев Н.П.* Этнополитический консенсус: к вопросу о конфликте на Юго-Востоке Украины // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2014. – № 1.

7. *Медведев Н.П.* СНГ: проблемы постсоветской реинтеграции // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2015. – № 1-2.

8. *Платонов В.М., Жильцов С.С., Глебов В.А.* Конституционная реформа на Украине: основные этапы развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2015. – № 4.

9. *Попов А.* Миссия Порошенко. Электронный ресурс. – URL: http://www.apn.ru/index.php?newsid=36345.

10. *Фурсов А.* «Русская весна» закончилась. Электронный ресурс. – URL: https://svpressa.ru/online/sptv/164674.

11. *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. – М.: Новое издательство, 2012.

12. *Шатилов А.Б.* «Крымский консенсус» российской элиты: причины и последствия // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2015. – № 2.

S.V. BIRYUKOV
Doctor of Political Science, Visiting Researcher
at the East China Normal University, Shanghai, PRC
A.V. ANDREEV
Candidate of Political Science, Director of the State TV
and Radio Company "Kuzbass", Kemerovo, Russia

THE UKRAINIAN CRISIS OF RUSSIAN POLITICS. THE REVISION OF POLITICAL TECHNOLOGIES

The article considers the experience of Russian policies and technologies in Ukraine since 1991, and also in the context of the political crisis of 2013-2014 and established as a result of this the political order. The authors substantiate the need for implementation a comprehensive audit of Russian technologies in the context of contemporary political challenges and crises.

Key words: *political strategy, political technologies, political crisis, Ukraine, revision of strategies and technologies.*

УДК 32 (575.3)

З.М. КУРБОНОВА
кандидат политических наук, докторант
Института философии, политологии и права
им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан,
Республика Таджикистан, г. Душанбе

МЕЖТАДЖИКСКИЙ КОНФЛИКТ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРИОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Развал СССР и «суверенизация» бывших советских республик вызвали социальные противоречия и поляризацию, выявили неравномерное развитие различных республик, народов, групп населения. Кризисы, социальные катаклизмы, попытки политических переворотов стали характерными явлениями на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: *конфликт, межтаджикский конфликт, социальные противоречия, политические кризисы, политический переворот, переговорный процесс.*

Начался XXI век, и завершился один из самых динамичных и драматических периодов человеческой истории – XX век. Одно из главных мест в политических процессах прошлого века принадлежит социально-политическим конфликтам – сложным феноменам, многообразным по своим истокам и генезису, по историческому времени, социально-политическому пространству, по содержанию и составу участников, причинам возникновения, их динамике и функциям в социально-политической жизни, роли в общественных изменениях. Как показала таджикистанская практика, конфликты возникают и протекают на объективной почве социально-политической ситуации в обществе, а в отдельных случаях могут экспортироваться со стороны. Следовательно, в различных странах динамика и функции конфликта в социально-политической жизни общества могут быть разными. В одних странах они могут быть направлены на трансформацию общества, в других – на дестабилизацию общества. Объективным примером становления основных функциональных признаков и свойств, типов и видов конфликтов, с одной стороны, а с другой – поиска путей и методов их решения может служить межтаджикский конфликт[1].

[1] Фаттоев С.С. Социально-политические конфликты и их особенности в условиях трансформации общества (на материалах Республики Таджикистан). Электронный ресурс. – URL: http://www.sotsialno-politicheskie-konflikty-i-ikh-osobennosti-v-usloviyakh-transformatsii-obshchestva-#ixzz4xv6LVCRT (дата обращения: 09.10.2017).

Во многих, если не в подавляющем большинстве, публикациях, в которых авторы пытаются изложить причины гражданского конфликта и развитие событий в Таджикистане 1990-х гг., преобладает или чрезмерная научность или незнание материала вообще. Большей частью авторы пользуются информацией ИТАР-ТАСС, «Интерфакса», «Останкино» или рассказами очевидцев, имеющих определенную идеологическую или политическую ангажированность.

Как правило, в публикациях экспертов-любителей приводятся следующие причины гражданского конфликта в Таджикистане: борьба кланов; религиозная подоплека; расширение наркобизнеса.

И, как видится, никогда не раскрывается реальная причина – вмешательство извне. В первую очередь, это военно-политические интересы России в контексте воссоздания СССР или некого обновленного союза в рамках СНГ. Далее следует религиозный фанатизм; влияние извне, прежде всего исламских государств; реакционная деятельность всяких оппозиционных движений и партий демократической и исламской ориентации. Казалось бы, не стоит выяснять, насколько и в чем умалчивают российские газеты, поскольку журналистов или публицистов-специалистов, хорошо или хотя бы неплохо знающих Таджикистан, его историю, почти нет. Почти с самого начала гражданского противостояния в Таджикистане распространилось мнение о том, что в республике главную роль играют отношения между кланами. Вряд ли стоит объяснять прописные этнографические истины, но в Таджикистане конфликт носил межрегиональный характер, а борьба кланов происходила внутри регионов и не носила глобального характера, влияющего на общую политику. Столь же ощутимы разногласия и в стане «победителей» – представителей кулябского региона и за каждым из них стояли влиятельные чиновники нынешнего правительства. Кто был в Таджикистане весной и летом 1992 года, тот помнит, что на оппозиционном митинге в Душанбе собирались представители практически всех регионов республики и даже таджикские узбеки. На альтернативном, так называемом прокоммунистическом митинге также собирались и северяне, и кулябцы, и горцы, но в отличие от первого вторые имели достаточно выраженный номенклатурный оттенок. Проще говоря, это были сторонники компартии. Это хорошо было видно по внешним атрибутам: на оппозиционном митинге висели как зеленые, так и трехцветные флаги (последние стали впоследствии основой для создания государственного флага). Несомненно, на события и прежде всего на расслоение общества влияли родовые и региональные отношения. Впрочем, сокрытие истинной картины регионального представительства всегда было выгодным козырем пропаганды против оппозиции. Режим Эмомали Рахмона пытался сымитировать «дружбу» таджикистанцев, назначив на посты вице-премьеров правительства одного горца-каратегинца, одного бадахшанца (вскоре они при, как водится, «невыясненных обстоятельствах» были убиты), во главе кабинета поставив северянина. Но, как и тогда, более 90% министров

и руководителей различного уровня, и в первую очередь силовики – представители кулябского региона. Этот региональный дисбаланс и является самой главной причиной дестабилизации в республике. Даже коммунисты во времена Советского Таджикистана главные посты распределяли равномерно: если первым секретарем всегда был северянин, то главой правительства и председателем Верховного Совета были выходцы из других регионов.

В 1992 году в Таджикистане выходило более 30 независимых и частных газет. Тем не менее, зарождающихся таджикских оппозиционеров стали называть «исламистами». К концу 80-х годов в Таджикистане было не более двух десятков мечетей, а грамотных священников – еще меньше. Население – партийное и беспартийное, открыто или скрывая, называло себя мусульманами. Еще в советские времена КГБ разрабатывало таджикских «ваххабистов», хотя таковых сторонников официальной идеологии Саудовской Аравии в Таджикистане не было. Никто не вспоминал почему-то о суфизме – философском и культурологическом учении среднеазиатских мусульман, благодаря которому в средние века стал возможен резкий подъем в развитии науки и искусства. Одним словом, в Таджикистане, происходила не просто борьба взглядов или идеологий, шла самая банальная борьба за нужную России власть, когда во главе страны становится (скорее, установлен) человек, мало смыслящий в экономике, а тем более в политике. Директор совхоза стал главой страны не столько по своей прихоти, сколько по желанию тех, кто хотел видеть Таджикистан послушным[1].

За несколько лет «независимости» Таджикистана межтаджикские противоречия и конфликты неоднократно приводили республику к политической дестабилизации и даже к политическим кризисам. Можно выделить ряд методологических подходов к анализу конфликта. Условно их делят на пять групп:

1) Межтаджикский конфликт – это противостояние цивилизаций. Эта теория так или иначе представлена во многих работах. Наиболее концентрированно данная точка зрения отражена в статьях Александра Умнова, а из отечественных аналитиков – в статьях Искандара Асадуллаева. Такой подход базируется на работах С. Хантингтона и Ф. Фукуямы и предполагает, что основной причиной межтаджикского конфликта стали противоречия между ориентацией на западную цивилизацию и ориентацией на Восток, точнее, на мир ислама.

2) Методологический подход, при котором основой анализа является проблема недостатка ресурсов. Этот подход хорошо представлен в работах известных этнографов Сергея Полякова и Валентина Бушкова. Эти авторы, следуя марксистской методологии и теориям социального конфликта Р. Дарендорфа и Питирима Сорокина, считают, что война в Таджикистане стала следствием глубокого социального, экономического, демографического кризиса, охватившего всю Центральную Азию, но имевшего наиболее

[1] Панфилов Олег. «В чем причина гражданского конфликта в Таджикистане?». Электронный ресурс. – URL: http://olegpanfilov.com/?p=1246 (дата обращения: 09.10.2017).

острый характер в малоземельном Таджикистане, в котором, кроме того, наблюдались высокие темпы прироста населения.

3) Третий подход называют геополитическим. Его используют очень разные авторы, такие как Г. Кургинян, Оливье Руа, Адилбек Каипбергенов. Последний опубликовал в газете «Правда» (1993 г.) статью «Таджикский спор с персидским акцентом. Новый взгляд на истоки конфликта». Широко поддерживают эту точку зрения российские военные аналитики. Согласно ей, Таджикистан стал ареной геополитической схватки третьих стран. Одной из модификаций этого подхода можно считать мнение о том, что деятельность международной наркомафии явилась основной причиной межтаджикского конфликта.

4) Особенности социальной структуры, национальной психологии и традиций привлекли внимание тех аналитиков, которые считают, что понять межтаджикский конфликт и найти пути его урегулирования можно лишь обратившись к социокультурным факторам развития таджикистанского общества. Этот подход представлен преимущественно в работах российских исследователей – либеральных демократов и в работах таджикских демократов – в статьях Олега Панфилова, Анвара Шахова, Дмитрия Микульского. Согласно этому подходу, основной причиной конфликта является этнонациональные особенности таджиков – клановая и региональная борьба.

5) Пятый подход можно назвать идеологическим. Согласно ему, конфликт в Таджикистане представляет собой борьбу идеологий. Наиболее ярко такой подход нашел свое отражение в книгах таких авторов, как Чори Мирзоев, Киемиддини Файз и др. Наиболее последовательно названную точку зрения отстаивают коммунисты. Их, с определенной долей осторожности, поддерживают многие западные исследователи, которые, симпатизируя противоположной стороне, т.е. демократам, видели в межтаджикском конфликте варварский аналог событий в Прибалтике, Грузии, Азербайджане[1].

Межтаджикский конфликт был огромной трагедией, прежде всего, для народа Таджикистана – около 60 тысяч жизней было потеряно, сотни тысяч человек оказались беженцами и перемещенными лицами. Экономике страны, ее усилиям начать независимое экономическое и социальное развитие, был нанесен колоссальный ущерб. Под вопросом было выживание Таджикистана как суверенного правового государства и само существование таджикской нации.

Однако, надо признать, что народ Таджикистана быстро осознал, какие разрушительные последствия может иметь продолжение гражданского противостояния, и начал оказывать активное противодействие тем силам, которые хотели использовать эту ситуацию в своих неблаговидных целях.

[1] Олимов М.А. «Проблемы методологии анализа и прогноза в изучении межтаджикского конфликта. Электронный ресурс. – URL: http://www.ca-c.org/journal/11-1997/st_06_olimov.shtml (дата обращения: 09.10.2017).

Подписанное 27 июня 1997 года в Москве «Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане» не только поставило точку под трагическим периодом в истории Таджикистана, но и еще раз доказало миру, что только политический диалог является главным и несомненным условием перехода от войны к миру.

«Общее Соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане» от 27 июня 1997 года заложило основы мира и постконфликтного политического развития страны. Оно обеспечило реализацию важных изменений в политической жизни и правовой базе функционирования государства.

В ходе многочисленных встреч и бесед с политологами и экспертами, а также представителями иностранных миссий в Таджикистане, стало очевидно, что таджикский опыт мирного процесса до сих пор становится предметом неоднократного рассмотрения и обсуждения. По мнению многих собеседников, успех мирного процесса в Таджикистане во многом связан с участием международного сообщества. Несмотря на то, что мирный процесс испытал взлеты и падения, урегулирование конфликта в Таджикистане стало примером классической миссии по установлению мира, успех которой был обусловлен желанием всех сторон участвовать в переговорах по достижению мирного соглашения при посредничестве ООН и региональных сил. В переговорах, кроме Специального представителя Генерального секретаря ООН, принимали участие в качестве наблюдателей представители Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организации Исламская Конференция (ОИК), Исламского Государства Афганистан, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Исламской Республики Пакистан, Российской Федерации, Туркменистана и Республики Узбекистан. В последующем определенный вклад в развитие мирного процесса внесли и страны-члены Контактной группы, Коллективные миротворческие силы, костяк которых составляли российские военные подразделения, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Программа развития ООН и другие международные организации.

Соседние с Таджикистаном страны СНГ очень тесно сотрудничали между собой, с Правительством Таджикистана и лидерами Объединенной таджикской оппозиции, а также с другими международными организациями. Совместное заявление лидеров СНГ в самом начале межтаджикского противостояния стало набатом международному сообществу о возникновении нового очага гражданской войны. С первых дней политического кризиса страны СНГ заняли активную позицию. Таджикскому правительству оказывалась политическая поддержка и экономическая помощь.

Роль государств-наблюдателей на переговорах – России, Ирана, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Пакистана и Афганистана – была огромной. Но тот консенсус, который был в ходе переговорного процесса, сложился не сразу. Это был сложный процесс притирки

национальных интересов каждой из этих стран, выработки общего видения, с тем, чтобы впоследствии группа стран-наблюдателей работала как одна команда.

Опыт урегулирования межтаджикского конфликта имел большое значение в предотвращении конфликтов в центральноазиатском регионе.

На примере произошедших в Таджикистане за последние годы позитивных изменений можно констатировать, что урегулирование межтаджикского конфликта стало возможным благодаря политической воле лидеров конфликтующих сторон, посредническим усилиям ООН, ОБСЕ и доброй помощи стран-соседей. Эти факторы, особенно значение ООН и ее подразделений, роль ОБСЕ, других международных и неправительственных организаций в урегулировании политического кризиса в Таджикистане, еще долго будут изучаться и политиками, и историками как положительный опыт миростроительства[1].

Сегодня, спустя более 25 лет после подписания «Общего соглашения об установлении мира и национального согласия», перед страной стоит множество нерешенных проблем, а именно не сумев уничтожить оппозицию физически, власти подавляют всякое проявление инакомыслия: запрещена деятельность всех оппозиционных партий, средства массовой информации подчинены государству и подвергаются негласной цензуре. Однако вряд ли будет логично обвинять душанбинский режим, обеляя при этом оппозицию. В ее рядах были и есть люди радикальных взглядов и действий. Сегодня Таджикистан стал некой территорией с отсталой экономикой, политически несостоявшимся государством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гайдук В.В., Зимина Е.В.* Истоки этнополитических конфликтов на Евразийском пространстве // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2013. – № 2.

2. *Медведев Н.П.* Политические кризисы и конфликты: теория и практика. Монография. – М., 2017.

3. *Медведев Н.П., Насиновский В.Е., Скакунов Э.И.* К концепции решения конфликтов в постсоветский период. – М., 1995.

4. *Михайленко А.Н.* Отношения России и Европейского союза в контексте евразийской интеграции // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2014. – № 1-2.

[1] Саралаев Урмат. Чрезвычайный и Полномочный Посол Кыргызской Республики в Республике Таджикистан. «Вклад международного сообщества в восстановлении мира и согласия в Таджикистане». Электронный ресурс. – URL: http://news.tj/ru/node/123401 (дата обращения: 09.10.2017).

5. *Олимов М.А.* Проблемы методологии анализа и прогноза в изучении межтаджикского конфликта. Электронный ресурс. – URL: http://www.ca-c.org/journal/11-1997/st_06_olimov.shtml.

6. *Панфилов Олег.* «В чем причина гражданского конфликта в Таджикистане?». Электронный ресурс. – URL: http://olegpanfilov.com/?p=1246.

7. *Пряхин В.Ф.* Евразия: реанимация «шахматной доски» // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2012. – № 1.

8. *Саралаев Урмат.* Чрезвычайный и Полномочный Посол Кыргызской Республики в Республике Таджикистан. «Вклад международного сообщества в восстановлении мира и согласия в Таджикистане». Электронный ресурс. – URL: http://news.tj/ru/node/123401.

9. *Фаттоев С.С.* Социально-политические конфликты и их особенности в условиях трансформации общества (на материалах Республики Таджикистан). Электронный ресурс. – URL: http://www.sotsialno-politicheskie-konflikty-i-ikh-osobennosti-v-usloviyakh-transformatsii-obshchestva-#ixzz4xv6LVCRT.

10. *Хопёрская Л.Л., Махмадов А.Н., Бакушев В.В.* Путь евразийской интеграции для Республики Таджикистан: факторы влияния // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2015. – № 4.

11. *Хопёрская Л.Л., Харченко В.А.* Станет ли Таджикистан членом Евразийского экономического союза? // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2017. – № 1.

12. *Явчуновская Р.А.* Влияние регионального развития на конфликтогенность современных международных отношений // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2015. – № 1-2.

Z.M. KURBONOVA
Candidate of political sciences,
Doctoral candidate of Institute of Philosophy, Political Sciences and Law named after A.Bahouddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

THE INTER-TAJIK CONFLICT AND ITS FEATURES IN ACQUISITION OF INDEPENDENCE CONTEXT

The collapse of the USSR and the "sovereignization" of the former Soviet republics caused social contradictions and polarization, revealed the uneven development of various republics, peoples, and population groups. Crises, social cataclysms, attempts at political coups became characteristic phenomena in the post-Soviet space.

Key words: *conflict, inter-Tajik conflict, social contradictions, political crises, political coups, negotiation process.*

УДК 32.323

А.В. СОКОЛОВ
кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Ярославль
Ю.А. НОВИКОВА
магистрант Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Ярославль

ГРУППОСОЗИДАЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)[1]

В статье рассматриваются городские конфликты на примере Ярославской области. Основное внимание уделяется позитивным последствиям городским конфликтов – их группосозидающей функции.

Эмпирической базой выступили результаты проведенного опроса экспертов, в котором приняли участие 17 человек (представители органов власти, НКО, политических партий, СМИ, академического сообщества). Также был проведен анализ 6 городских конфликтов, имевших место в Ярославской области за период 2005-2017 годов.

Результаты исследования позволили прийти к выводу о том, что городские конфликты, помимо прочих функций, способствуют возникновению групп, обладающих собственными ценностями представлениями, спецификой, самосознанием. Причинами формирования групп в ходе конфликтов являются групповая идентичность, общность самосознания и интересов, противоположность интересов, мнений сторон, различие социокультурных ценностей, чувство враждебности, противостояние одних другим, преследование своих целей, антагонизм. Особенно важно возникновение таких групп в городских конфликтах. Как правило, ключевой особенностью в таких конфликтах выступает объединение жителей города, которые, чувствуя свое единство, а потому силу, различными конвенциональными и неконвенциональными способами пытаются повлиять на благоприятное для них, а значит и для города в целом, разрешение конфликта.

В ходе исследования было выявлено, что среди городских конфликтов в Ярославской области чаще всего встречаются градостроительные конфликты, возникающие по поводу обустройства городской среды, сохранения или модернизации исторического наследия и т.п.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 16-03-00402а «Политическое управление городскими конфликтами в РФ: акторы, стратегии, институциональные основания».

В рассмотренных конфликтах участвуют как структурированные, иерархические группы (например, представители органов власти местного и регионального уровня), так и достаточно аморфные группы, выстроенные по сетевому принципу – горожане, градозащитники и гражданские активисты.

Ключевые слова: *городской конфликт, группосозидающая функция, НКО, органы власти, гражданская активность.*

Конфликты являются неотъемлемой частью жизни общества. Их, как правило, связывают с враждебностью, агрессией, спорами, противостоянием, войной, столкновением интересов, мнений, взглядов, принципов, обстоятельств. В те или иные конфликты вовлекается значительное число людей. Безусловно, само значение слова «конфликт» (от лат. Conflictus – столкнувшийся) отражает его отрицательную сторону. Но есть и другой взгляд на этот феномен. Так, по мнению Л. Козера, конфликт в социальной жизни выполняет позитивные, в том числе, группосозидающие функции. Он усиливает самосознание группы, дает представление о собственной отдельности и специфичности, благодаря чему происходит самоидентификация группы внутри системы, и таким образом конфликт задает границы внутри социальной системы. Кроме того, то взаимное отталкивание, которое возникает в результате конфликта, помогает сохранить целостность социальной системы, устанавливает определенное равновесие между составляющими ее частями[1].

Особым видом конфликтов является городской конфликт. Современный город – это специфический тип физического и социально-культурного пространства, имеющий как внешнее выражение (география, архитектура), так и внутреннее содержание (культурное, нормативно-ценностное, семиотическое), в котором происходит пересечение множества социальных субъектов и групп, имеющих несовпадающие, а, зачастую, и противоположные интересы, потребности, ценности и ориентации. При этом, как отмечают эксперты Московской школы кофликтологии, столкновения приобретают острый характер, а «общественные движения, политические партии и инвесторы привлекают разного рода специалистов ориентированных чаще всего на борьбу с инициативными группами, на рекламу градостроительных проектов, вовсе не заинтересованных в формировании среды и «площадок» для согласования интересов и поиска компромисса по поводу развития городской территории»[2].

Под городским конфликтом в узком смысле А.В. Самарин и А.В. Шадрина понимают «так или иначе выраженную негативную реакцию одного из городских сообществ на градоформирующие действия другого». Город-

[1] Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой. – М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. – С. 53.

[2] Градостроительные конфликты. Электронный ресурс. – URL: http://conflictmanagement.ru/gradostroitelnye-konflikty (дата обращения 23.10.2017).

ской конфликт в этом смысле означает столкновение интересов нескольких функциональных субъектов архитектурно-градостроительного процесса, когда они формируют городскую среду, враждебную по тем или иным параметрам для других субъектов[1].

Однако, в более широком контексте городской конфликт может быть представлен как «противостояние сторон в городском пространстве по поводу ценностей, интересов, влечений»[2]. Эти ценности и интересы могут быть не связаны напрямую с градостроительными процессами, однако в них включаются городские сообщества, становясь активными субъектами конфликта в городской среде. Этими субъектами и выступают группы людей, объединенные по принципу «взаимного отталкивания».

Городские конфликты могут существовать в различных видах и принимать разные формы. Противоборствующими сторонами конфликта могут стать горожане и местная власть, одна группа горожан может выступать против другой, также могут сталкиваться интересы бизнеса и власти и т.д. Объединяющим критерием городских конфликтов в общем случае, на наш взгляд, является то, что они формируются и протекают в городской среде.

Вне зависимости от вида и формы, конфликт позволяет участвующим в нем группам четче осознавать свои интересы и ценности и артикулировать их в общественном пространстве города, выполняя конструктивную группообразующую функцию. Еще Г. Зиммель отмечал, что внешний враг делает группу сплоченнее, поэтому борьба с противником оказывается главным инструментом группообразования. При этом, как справедливо отмечает автор учебника по философии конфликтов В.В. Черепанова, «процесс группообразования происходит во взаимодействии не только со сторонниками, но и с противниками, происходит формирование самосознания группы, ее представлений о собственной уникальности»[3]. Конфликт как с внешним для группы окружением, так и внутри нее способствует ее самоидентификации как субъекта социального процесса в городском пространстве и структурации отношений внутри группы.

Конфликты между субъектами городского взаимодействия способствуют укреплению внутригрупповых связей и отношений, объединению членов группы для борьбы с внешним врагом. Группы, находящиеся в состоянии конфликта начинают вырабатывать свои внутренние правила и нормы, четче определять общие ценности, выдвигать лидера группы. Иногда это происходит через внутригрупповой конфликт, однако подавление «инакомыслия» в таких группах, как правило, находят поддержку и одобрение у большинства членов группы.

---

[1] Самарин А.В., Шадрина А.В. Городские конфликты: пространство решений // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2010. – № 2. – С. 25.

[2] Кольба А.И., Соколов А.В. Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологизации и управления // Конфликтология. – 2016. – № 4. – С. 236.

[3] Черепанова Е.С. Философия конфликта. М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 76.

Анализ городских конфликтов подразумевает исследование социального масштаба процесса, фиксацию всей сложной системы взаимосвязи факторов и условий, воздействующих на конфликтующие стороны, определение регулирующих связей и элементов внутри процесса, выявление линий напряжения внутри конфликтующих групп и между ними, изучение индивидуальных и групповых мотиваций и линий поведения сторон конфликта. На основе анализа могут разрабатываться прогнозные сценарии развития ситуации в городе, формироваться более полное и глубокое представление о механизмах и закономерностях функционировании города в части поведения городских сообществ в конфликтных ситуациях.

Для анализа специфики городских конфликтов в современных российских условиях на примере городов Ярославской области был проведен опрос экспертов. Выборка экспертов составила 17 человек, в которую вошли представители органов власти, НКО, политических партий, СМИ, академического сообщества.

Основными факторами, влияющими на развитие городских конфликтов, по мнению экспертов, являются нежелание власти учитывать интересы горожан (7,4 балла по шкале от 0 до 10 баллов), отсутствие коммуникации власти и горожан (7) и жесткие ограничения ресурсов у власти для решения проблем горожан (6,9). Далее по степени важности были отмечены:

– преобладание интересов бизнеса над интересами других сегментов городского сообщества (5,8);

– ограниченность ресурсов города (5,6);

– манипуляции третьих сторон в своих интересах (5,5);

– отсутствие организационных структур, позволяющих горожанам оказывать воздействие на ситуацию в городе (5,2);

– проживание в городе различных социальных групп с не совпадающими интересами (4,1).

Отвечая на вопрос об основных субъектах городских конфликтов, 64% экспертов указали местные и региональные органы власти, 41% – горожан, 35% – градозащитников, 29% – гражданских активистов. Таким образом, эксперты выделили главными субъектами городских конфликтов органы власти местного и регионального уровня и горожан.

Наиболее распространенными типами городских конфликтов, по мнению 88% респондентов, являются градостроительные конфликты (застройка города, утверждение планов развития и др.). Далее по распространенности следуют конфликты в социальной сфере (работа ЖКХ, городских служб) и конфликты в сфере городской инфраструктуры (работа общественного транспорта, городские парковки и др.)[1].

По результатам опроса, эксперты отметили, что для городских конфликтов характерно возникновение коалиций, однако большая часть из них, как считают 2/3 экспертов, состоят из 2-3 субъектов.

[1] Их отметило 82% и 58% экспертов соответственно.

Среди наиболее часто встречающихся конструктивных последствий городских конфликтов является формирование городских сообществ, структурирование городского сообщества, содействующего развитию города. Данное последствие получило наиболее высокую оценку – 5,9 баллов (по шкале от 0 до 10 баллов). Далее по степени проявления можно проранжировать другие конструктивные последствия городских конфликтов:

– увеличивается вероятность конструктивного урегулирования подобных конфликтов в дальнейшем (5,5);

– решается проблема, вызвавшая конфликт (5,2);

– устраняются причины, которые могли бы вызвать подобные конфликты в будущем (5,1);

– вырабатываются технологии, улучшающие коммуникацию между участниками подобных конфликтов (5);

– снижается социальная напряженность в городской среде (4,9);

– вырабатываются новые нормы и правила поведения участников подобных конфликтов (4,8).

Однако в целом следует отметить, что положительные последствия конфликта выражены не значительно – средняя оценка большинства из них находится в диапазоне 4-6 баллов.

Данную ситуацию подтверждает и анализ примеров городских конфликтов. Так, например, в городе Ярославле один из городских конфликтов начался в 2005 году по поводу памятника федерального значения – Петропавловского парка. Причиной этого конфликта стала передача парка компании ООО «Гилси» в аренду[1]. Изначально компания обязалась заняться благоустройством парка, но вместо этого решила застроить часть территории парка коттеджами, что позволяло извлечь прибыль. Горожане выступили против строительства жилых домов в старейшем парке, но власти Ярославля проигнорировали их позицию. На сегодняшний день конфликт остается не разрешенным, и судьба парка до сих пор не решена.

В результате данного городского конфликта были сформированы две противоборствующие группы. Первая состояла из активных граждан, которые защищали парк от застройки, созданное Ярославское региональное общественное движение в защиту Петропавловского парка; рабочая группа, созданная при Департаменте охраны окружающей среды и природопользования Ярославской области по вопросу создания в Краснoперекопском районе г. Ярославля в границах Петропавловского парка особо охраняемой природной территории регионального значения.

Вторая состояла из компании ООО «Гилси» и городских властей, поддерживающих застройку парка.

---

[1] Петропавловский парк Ярославля под угрозой: арендатор планирует застройку парка. Электронный ресурс. – URL: http://www.rybinsk-portal.ru/news/block-5562/ (дата обращения: 21.10.2017).

Таким образом, можно отметить, что в данном городском конфликте группосозидающая функция ярко отражена и, возможно, в будущем повлияет на благоприятное для жителей города разрешение проблемы. Основными причинами, способствующими формированию групп в этом конфликте стали несовпадение взглядов и интересов у власти и горожан, чувство враждебности ярославцев к целям компании ООО «Гилси», нарушение властью городских норм.

Другой городской конфликт возник по вопросу о целесообразности застройки Павловской рощи в Дзержинском районе города Ярославля (единственной большой зеленой зоне во всем районе). Угрозу парку представлял ярославский застройщик ООО «Золотое кольцо», решивший построить на берегу Волги таунхаусы[1], Органы власти дали соответствующие разрешения. Чтобы спасти памятник природы, жители района объединились, и в ходе судебного разбирательства, проходившем по данному вопросу, выступили против застройки в Павловской роще. Суд встал на сторону жителей.

Можно отметить, что в ходе городского конфликта также были сформированы две группы. В первую входили ярославский застройщик ООО «Золотое кольцо», городские власти, студенты, которые выступали на стороне застройщика. Во вторую – жители Дзержинского района, ветераны в лице историка и почетного ветерана района Лидии Байковой, экологи в лице депутата муниципалитета, эколога Елены Анашкиной.

Таким образом, здесь мы также можем отметить влияние группосозидающей функции городских конфликтов. Причинами формирования групп в данном конфликте стало противостояние интересов граждан и власти, преследование властью своих целей; стремление граждан защитить свои принципы, интересы.

Значимый городской конфликт произошел в рыбинском микрорайоне Переборы. Камнем преткновения между общественностью и городскими властями стал мемориал жертвам Волголага, который должны были установить власти еще в 2008 году, но так этого и не сделали в связи с «отсутствием денег». В конце 2015 года на территории, где планировалось разместить мемориальный комплекс, началось строительство православной часовни[2]. Рыбинцы в лице рыбинского общественника Юрия Бахвалова, активистов, которые начали сбор подписей под петицией, в которой просили «не отдавать территорию под строительство объекта сугубо религиозного назначения»; руководителя Центра гражданской активности «Открытый Рыбинск» Андрея Чеканова настаивали на возведении монумента, который был бы

[1] Брагинский бунт: горожане не дали застроить парк. Электронный ресурс. – URL: http://76.ru/text/news/160864640684032.html (дата обращения 21.10.2017).

[2] Жители Рыбинска выступают против строительства часовни вместо памятника жертвам Волголага. Электронный ресурс. – URL: https://yarnovosti.com/rus/news/region/society/rybinsk_protiv_stroitelstva_chasovni_vmesto_pamyat (дата обращения 21.10.2017).

именно архитектурным объектом, а не церковным, потому что среди жертв Волголага были люди разных национальностей и вероисповеданий.

Таким образом, можно отметить, что данный городской конфликт разделил общественность на две группы: первая включала в себя жителей, которые выступали за установку памятного камня, а вторая включала в себя власть и церковь, выступавших за строительство часовни. Тем не менее, на данный момент, несмотря на разделение мнений общественности и власти, в рыбинском микрорайоне Переборы планируется одновременное строительство и часовни, и памятника.

В данном конфликте формированию групп способствовало разделение интересов, противоположность взглядов власти и жителей города, различие социокультурных ценностей, преследование властью своих целей.

Еще один конфликт произошел в городе Ярославле в результате вырубки деревьев в сквере на Мукомольном переулке перед храмом Димитрия Солунского[1]. Это произошло в результате обращения протоиерея в Управление МЧС России по Ярославской области с просьбой оказать помощь в спиливании деревьев рядом с храмом. Но совершенными действиями были возмущены в Мэрии Ярославля, так как ни силовики, ни батюшка не имели права принимать решение по уничтожению зеленых насаждений.

Таким образом, в данном конфликте сформировались две группы, первую из которых представляли епархия и МЧС города Ярославля, а вторую – Мэрия Ярославля, руководство «Горзеленхозстроя», Департамент городского хозяйства, «Агентство муниципального заказа ЖКХ». Формированию данных групп способствовала несогласованность действий городских структур, а также противоположность интересов и преследование собственных целей и Епархией, и властью.

Другой городской конфликт, который хотелось бы рассмотреть, произошел в городе Гаврилов-Ям Ярославской области в 2012 году. Около пятисот жителей вышли на митинг против закрытия градообразующего льнокомбината[2]. Поводом для протеста стала информация о грядущем банкротстве предприятия и планируемом сокращении числа работников. На митинге протестующие приняли резолюцию, в которой призвали власть заняться проблемами льнокомбината. Кроме того, они требовали передать его в собственность Ярославской области. Горожане хотели спасти градообразующее предприятие активными действиями, даже готовы было пойти против действующей на тот момент власти. Но градообразующий льнокомбинат сохранить не удалось.

---

[1] Конфликт с незаконной вырубкой сквера в Ярославле закончился миром. Электронный ресурс. – URL: http://www.yar.aif.ru/society/gkh/186489 (дата обращения 21.10.2017).

[2] В Гаврилов-Яме прошел многочисленный митинг против закрытия льнокомбината. Электронный ресурс. – URL: http://76.ru/text/newsline/598680.html (дата обращения 21.10.2017).

Таким образом, основными группами, сформировавшимися в ходе конфликта, являются, с одной стороны, жители Гаврилов-Яма, в том числе работники и бывшие работники льнокомбината, профсоюзная организация льнокомбината, с другой – власти, с третьей – собственники предприятия. Формированию групп в конфликте способствовало отсутствие взаимопонимания между ними, противоположность интересов, а также преследование властью собственных целей.

Еще один городской конфликт, произошел в Заволжском районе города Ярославля в районе Шевелюхи в 2016 году. Застройщиком, выкупившим земельный участок в сосновом бору, были вырублены вековые сосны[1]. Изначально это место было местом отдыха ярославцев. Инициативная группа в лице местных жителей, экологов и градозащитников написала письмо в прокуратуру Ярославской области с просьбой не допустить нарушений законодательства и отклонить проект застройки. Но в ответ услышала, что эта земля принадлежит заказчику, и его действия являются законными.

И все же 15 февраля 2017 года в администрации Заволжского района Ярославля состоялись публичные слушания по вопросу утверждения проекта планировки и проекта межевания территории в районе ул. Шевелюха, по итогам которых было принято решение о запрете вырубки деревьев в сосновом бору[2].

В данном конфликте также сформировались две группы. В первую входили горожане, градозащитники и экологи; Калинин Сергея Григорьевич, заместитель мэра города Ярославля по вопросам градостроительства; а, во вторую, – застройщик, органы прокуратуры, районная Администрация, Мэрия (кроме Калинина Сергея). Причинами формирования данных групп стали противоположность интересов, мнений, преследование сторонами своих целей, различия социокультурных ценностей.

Таким образом, среди городских конфликтов в Ярославской области чаще всего встречаются градостроительные конфликты, возникающие по поводу обустройства городской среды, сохранения или модернизации исторического наследия и т.п. В проведенном опросе эксперты также выделили основным видом конфликтов – градостроительные.

В рассмотренных конфликтах участвуют как структурированные, иерархические группы (например, представители органов власти местного и регионального уровня), так и достаточно аморфные группы, выстроенные по сетевому принципу – горожане, градозащитники и гражданские активисты.

---

[1] В Ярославле вырубают сосновый бор в районе Шевелюхи. Электронный ресурс. – URL: https://yarcube.ru/news/society/85614.php (дата обращения 21.10.2017).

[2] Жители Ярославля на публичных слушаниях отстояли от вырубки сосновый бор в Заволжском районе города. Электронный ресурс. – URL: https://7x7-journal.ru/item/91953 (дата обращения 21.10.2017).

Доминирующим фактором, влияющим на развитие городских конфликтов оказалось нежелание власти учитывать интересы горожан, как и отметила 1/2 часть экспертов. Рассмотренные примеры подтверждают результаты опроса экспертов – для городских конфликтов в Ярославской области наиболее характерно возникновение коалиций 2-3 субъектов.

Необходимо отметить, что фактически в городских конфликтах Ярославской области отсутствуют структуры-посредники, медиаторы, способствующие достижению консенсуса, обучающие представителей конфликтующих сторон конструктивному поведению в конфликтах, площадки для диалога помимо зафиксированных в законе, но не всегда эффективных публичных слушаний. На наш взгляд, создание подобных медиаторных структур способствовало бы значительному повышению конструктивного, созидательного потенциала городских конфликтов и формированию общегородского согласия по принципиальным вопросам развития городской среды.

В заключение отметим, городские конфликты, помимо прочих функций, способствуют возникновению групп, обладающих собственными ценностями представлениями, спецификой, самосознанием. Причинами формирования групп в ходе конфликтов являются групповая идентичность, общность самосознания и интересов, противоположность интересов, мнений сторон, различие социокультурных ценностей, чувство враждебности, противостояние одних другим, преследование своих целей, антагонизм. Особенно важно возникновение таких групп в городских конфликтах. Как правило, ключевой особенностью в таких конфликтах выступает объединение жителей города, которые, чувствуя свое единство, а потому силу, различными конвенциональными и неконвенциональными способами пытаются повлиять на благоприятное для них, а значит и для города в целом, разрешение конфликта.

Понимание глубинной сущности, принципов и закономерностей группообразующих процессов в пространстве города позволяет эффективно управлять конфликтами и конструктивно их разрешать, используя их созидательную функцию для формирования городского сообщества и развития города в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брагинский бунт: горожане не дали застроить парк. Электронный ресурс. – URL: http://76.ru/text/news/160864640684032.html.

2. В Гаврилов-Яме прошел многочисленный митинг против закрытия льнокомбината. Электронный ресурс. – URL: http://76.ru/text/newsline/598680.html.

3. В Ярославле вырубают сосновый бор в районе Шевелюхи. Электронный ресурс. – URL: https://yarcube.ru/news/society/85614.php.

4. *Гончаров П.К.* Власть и оппозиция в контексте российской многопартийной системы // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. – 2014. – № 1.

5. Градостроительные конфликты. Электронный ресурс. – URL: http://conflictmanagement.ru/gradostroitelnye-konflikty.

6. Жители Рыбинска выступают против строительства часовни вместо памятника жертвам Волголага. Электронный ресурс. – URL: https://yarnovosti.com/rus/news/region/society/rybinsk_protiv_stroitelstva_chasovni_vmesto_pamyat.

7. Жители Ярославля на публичных слушаниях отстояли от вырубки сосновый бор в Заволжском районе города. Электронный ресурс. – URL: https://7x7-journal.ru/item/91953.

8. *Козер Л.* Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой. – М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000.

9. *Кольба А.И., Соколов А.В.* Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологизации и управления // Конфликтология. – 2016. – № 4.

10. Конфликт с незаконной вырубкой сквера в Ярославле закончился миром. Электронный ресурс. – URL: http://www.yar.aif.ru/society/gkh/186489.

11. *Медведев Н.П.* Политические кризисы и конфликты: теория и практика. Монография. – М., 2017.

12. *Медведев Н.П.* Местное самоуправление в России: политико-правовые проблемы взаимодействия властных и общественных институтов // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2016. – № 2.

13. *Медведев Н.П.* Межпартийные конфликты как источник общественно-политического развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2016. – № 4.

14. Петропавловский парк Ярославля под угрозой: арендатор планирует застройку парка. Электронный ресурс. – URL: http://www.rybinsk-portal.ru/news/block-5562/.

11. Попов С.И. Городское самоуправление в странах Европы: история зарождения и развития // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2017. – № 2.

15. *Самарин А.В., Шадрина А.В.* Городские конфликты: пространство решений // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2010. – № 2.

16. *Черепанова Е.С.* Философия конфликта. М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.

A.V. SOKOLOV
candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of Social and Political Theories,
P.G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russia
JU.A. NOVIKOVA
master of Science, P.G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russia

GROUP-FORMING FUNCTION OF URBAN CONFLICTS (ON THE EXAMPLE OF YAROSLAVL REGION)

The article considers urban conflicts on the example of the Yaroslavl region. The main attention is paid to the positive consequences of urban conflicts – their group-forming function.

The results of a survey of experts, which was attended by 17 people (representatives of government bodies, NGOs, political parties, the media, the academic community) was the empirical base of the research. An analysis of 6 urban conflicts that took place in the Yaroslavl region over the period 2005-2017 was also carried out.

The results of the research led to the conclusion that urban conflicts, among other functions, contribute to the emergence of groups that have their own values, representations, specificities, and self-awareness. The reasons for the formation of groups in the course of conflicts are group identity, the commonality of self-awareness and interests, the opposite of interests, the opinions of the parties, the difference in socio-cultural values, feelings of hostility, opposition to one another, pursuit of one's goals, antagonism. The emergence of such groups in urban conflicts is especially important. As a rule, a key feature in such conflicts is the unification of city residents who, feeling their unity, and therefore force, in various conventional and non-conventional ways, try to influence the conflict resolution that is favorable for them, and therefore for the city as a whole.

During the research it was revealed that among urban conflicts in the Yaroslavl region, urban conflicts are most often encountered arising from the arrangement of the urban environment, preservation or modernization of the historical heritage, etc.

In the conflicts examined, both structured, hierarchical groups (for example, representatives of local and regional government bodies) participate, as well as amorphous groups built on a network principle – townspeople, city protectors and civil activists.

Key words: *urban conflict, group-forming function, NGO, governments, civic engagement.*

УДК 32.323; 323.1

А.Н. ПАЛЧАЕВ
кандидат политических наук,
политический советник Народного Собрания
Республики Дагестан,
Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНО ПРЕОДОЛИМЫХ ФАКТОРАХ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать некоторые ключевые факторы, которые при всех достигнутых в республиках Северного Кавказа успехах в борьбе с сепаратизмом, экстремизмом и терроризмом, все еще сохраняют потенциал конфликтогенности и в определенных условиях стимулирования социальной и политической нестабильности. Показано, что, хотя в последние полтора с лишним десятилетия преодолены негативные последствия пресловутого «парада суверенитетов» бурных 90-х годов прошлого века, тем не менее, было бы преждевременно и не совсем корректно утверждать, что целый ряд причин, вызвавших этот феномен, стал достоянием прошлого. Естественно, главное внимание уделено такому фактору как смешанный административно-территориальный и национально-территориальный принципы устройства региона, который, по мнению автора, в условиях, когда все республики стали многонациональными, затрудняет решение целого ряда социально-экономических и политических проблем. Обращено внимание на тот факт, что среди радикально ориентированной части национальных движений не потеряли актуальность идеи и проекты перестройке национально-территориального устройства региона на сугубо моно этнической основе. Особо важное значение в этом контексте придается политизации этнизма, которая некоторыми политиками используется в свих сугубо личных интересах.

Ключевые слова: *Российская Федерация, Северный Кавказ, национальная республика, регион, политика, народ, этнос, конфликт.*

В определении социальной и политической ситуации на Северном Кавказе ключевое значение имеет этнонациональный фактор. Множество других факторов по сути дела вытекает из него или же теснейшим образом связано с ним. Или, иначе говоря, многонациональный или полиэтнический состав населения накладывает существенный отпечаток на важнейшие сферы общественной жизни. Здесь множество этносов или народов, принадлежащих к различным этнокультурным и языковым семьям или группам, исповедующим разные религиозные верования от христианства и ислама до буддизма и зороастризма. Все они вместе взятые имеют не только общие интересы, но

каждый из них имеет собственные интересы, не совпадающие и конкурирующие с интересами других народов.

Поэтому одним из факторов, способствовавших появлению феномена пресловутого «парада суверенитетов» в первой половине 90-х годов в Российской Федерации в целом и на Северном Кавказе в особенности стал выход на поверхность в каждой из национальных республик множества, дремавших в советский период конфликтов, в основе которых лежат, прежде всего, этнонациональные, территориальные, конфессиональные и иные противоречия. Множество появившихся в тот период национальных движений почти всех коренных национальных меньшинств, порой даже малочисленных народов многонациональных республик выступали с требованиями выхода из их состава и создания самостоятельных моноэтнических субъектов в составе Российской Федерации: Балкарской, Черкесской, Абазинской, Кумыкской, Лезгинской и т.д. республик. В начале 90-х гг. национальные движения лезгин, кумыков, даргинцев и др. выступили за федерализацию Дагестана на этнической основе, а некоторые наиболее радикальные силы – даже за создание самостоятельных моноэтнических государств. Эти события и процессы довольно обстоятельно освещены в нашей политической науке и публицистике и, поэтому, нет надобности на них останавливаться. Здесь отметим лишь тот очевидный факт, что к настоящему времени такие проекты большей частью остались достоянием лишь весьма узких группировок, не пользующихся среди населения сколько-нибудь заметной популярностью.

Тем не менее, в регионе сохраняется множество проблем конфликтогенного характера. К тому же пока что не прослеживаются сколько-нибудь убедительные данные, которые позволили бы утверждать, что сепаратистские тенденции в регионе окончательно стали достоянием лихих девяностых годов. Так, в Республике Дагестан, по данным Всероссийской переписи населения, более или менее компактно проживают почти 94 тыс. чеченцев-акинцев, которые время от времени выступают за восстановление ликвидированного в 1944 г. Ауховского района, куда после их депортации были переселены лакцы. Эти требования особенно усилились с событиями в Чечне, достигших своей высшей точки в двух чеченских войнах. Попытки реализации этих требований потянули за собой целую цепочку дремавших до того времени этнонациональных и территориальных противоречий между самими чеченцами-акинцами, кумыками, аварцами и лакцами, в которых каждая из сторон имеет взаимные претензии друг к другу.

Нерешенной остается проблема ногайского народа. В результате целого ряда перекроек административных границ, вызванных сначала ликвидацией в 1944 г. Чечено-Ингушской АССР и образования Грозненской обл. с включением в ее состав всей территории Ногайской степи, а затем восстановлением Чечено-Ингушской АССР в 1957 г., ногайский народ оказался разделенным на три части: Караногайский, Кизлярский, Крайновский районы были переданы Дагестану, Кауслянский и Ачкулакский – Ставропольскому краю, Щелковский район – Чечено-Ингушской АССР. Поэтому совершенно

естественно, что на третьем курултае, состоявшемся в 1990 г., была провозглашена Ногайская республика в составе Российской Федерации. Хотя из-за противодействия руководства Дагестана, Чечни и Ставропольского края эта попытка закончилась неудачей, в настоящее время в самом Дагестане ногайское движение «Бирлик» (Единство) претендует на возврат себе тех территорий Ногайской степи, которые были заселены и освоены аварцами и даргинцами.

Довольно острые проблемы Республика Дагестан получила в наследство от проводившейся в течение всего советского периода политики переселения части жителей горных районов – аварцев, даргинцев и лезгин, – на территории равнинных районов, на которых в течение многих поколений компактно проживали кумыки, ногайцы и некоторые другие народы. Эта политика привела к серьезным изменениям на этнодемографической карте республики. Результатом такой политики при всех ее преимуществах с точки зрения решения комплекса ряда серьезных социально-экономических, культурных, образовательных и иных проблем стали, во-первых, постепенное запустение и хозяйственная деградация обширных территорий в высокогорных районах, где население традиционно занималось скотоводством, и, во-вторых, обострение как проблем трудоустройства, так и земельного вопроса в перенаселенных равнинных районах.

Хотя у адыго-черкесских народов Северо-западного Кавказа сепаратистские настроения, в 90-х годах проявлялись в менее очевидной форме, тем не менее, в силу комплекса исторических факторов, связанных, прежде всего, с Кавказской войной XIX в., у них возникли свои проблемы, аккумулировавшиеся в так называемом Черкесском вопросе. Особую остроту данный вопрос принял в 2005 году, когда в политических кругах стал известен некий проект, в котором будто предлагались ликвидация Республики Адыгея и ее включение в состав Краснодарского края. Против него выступили как представители адыгейцев самой республики, так и национальные организации, и движения черкесов всего Северо-западного Кавказа, а также организации зарубежной диаспоры. Дело дошло до того, что был сформирован Всемирный комитет солидарности с Республикой Адыгея с штаб-квартирой в Израиле. В обращении в Государственную Думу Российской Федерации и в Европарламент, подписанном представителями этих организаций, говорилось о недопустимости реализации подобных проектов.

Особо важное значение, с данной точки зрения, имеет тот факт, что многие организации, в том числе «Черкесский конгресс» декларирует в качестве одной из своих приоритетных целей достижение признания Российской Федерацией геноцида адыго-черкесских народов в результате Кавказской войны XIX века. Черкесский вопрос в трактовке радикального крыла соответствующих национальных организаций и внешних сил, особенно тема геноцида приобрели крайние формы с выбором в 2007 году города Сочи местом проведения Зимних Олимпийских игр 2014 года. В течение всего периода подготовки к Сочинской Олимпиаде эта тема стала использоваться в антироссийской кам-

пании, направленной на ее срыв. Тем не менее, попытки ее дискредитации и срыва, благодаря взвешенной политике руководства общественного парламента шапсугов «Адыгэ хасэ» во многом удалось нейтрализовать.

Время от времени продолжают выдвигаться требования об объединении всех адыго-черкесских народов – кабардинцев, черкесов, адыгов, шапсугов, а также близких им абазинов – в единый субъект в составе Российской Федерации. Так, резолюция с таким требованием была принята на состоявшемся в ноябре 2008 года Чрезвычайном съезде черкесского народа, в работе которого приняли участие представители соответствующих организаций, таких как «Черкесский конгресс», «Адыгэ-Хасэ», Международная Черкесская ассоциация, черкесские общественные объединения из Кабардино-Балкарии, Республики Адыгея, Краснодарского и Ставропольского краев[1]. В этом же русле шли дискуссии на съезде представителей черкесов, абазинов, русских и других этносов Карачаево-Черкесии, состоявшемся 5 июня 2010 года. Справедливости ради следует отметить, что эта позиция не нашла поддержки как официальных властей соответствующих республик, так и значительной части представителей самих названных народов.

Опыт 90-х годов прошлого века воочию показывает, что зачастую национальные движения, в политических программах которых преобладает этническое начало, рано или поздно теряют свой мобилизационный потенциал. Нередко они служат благоприятной почвой для утверждения жестких авторитарных режимов. Остроту проблеме в ряде постсоветских стран, подавляющее большинство которых не является моноэтническими, помимо всего прочего, придает тот факт, что там по сути дела сформировалась та или иная форма этнократической государственности. В ряде случаев государственность стала формироваться по типу апартеидных государств, то есть со значительным ущемлением прав представителей нетитульных народов.

Объективный анализ этого опыта применительно к положению дел на Северном Кавказ показывает, что одной из наиболее серьезных проблем, определяющих социально-экономическое и общественно-политическое положение в регионе, является этнотерриториальный принцип административно-государственной организации республик. Приходится сожалением констатировать, что при форматировании субъектного состава Российской Федерации этот принцип, унаследованный от СССР, в должной мере не был учтен. Трагедия СССР, как многонационального государства, так и его народов коренилась в том, что не был своевременно найден механизм согласования интересов, их реализации на практике без ущемления прав и интересов отдельно взятого человека как представителя определенного этноса, народа, нации. В результате возрождение национального самосознания, тем более, различные проявления национализма и этнизма в их политическом преломлении стали разрушительными для жесткого унитарного союзного государства.

[1] Вайханов Х.Х. Национальная безопасность России на региональном уровне: геополитико-конфликтологический подход. Южно-российское обозрение. – Выпуск 61. – Ростов н/Д., 2010.

В этом разрезе наиболее негативным результатом распада СССР стал всплеск на всем постсоветском пространстве центробежных, дезинтеграционных тенденций, процессов, способствующих разъединению, обособлению, сепаратизму народов. Кавказ превратился в арену ожесточенных межнациональных и межконфессиональных вооруженных конфликтов.

Обоснованность данного тезиса подтверждается опытом ряда бывших союзных республиках, где с получением независимости утвердились этнократические режимы, основанные на пренебрежении интересами не только национальных меньшинств, но и большей части собственно так называемых «титульных» народов. «Парад суверенитетов», которым сопровождался процесс распада СССР, послужил своего рода трамплином, с которого отдельные политики поднялись к вершинам власти, а провозглашавшиеся национальные идеи остались нереализованными, были принесены в жертву своих эгоистических интересов.

Защита национальной культуры, языка, традиций, обычаев, взятые сами по себе политически нейтральна и не обязательно заряжена негативным смыслом. Другое дело политизированная этничность, которая может стать угрозой социальной и политической стабильности, общественной безопасности и даже единству и территориальной целостности российской Федерации. Политизация этничности играет двойственную роль, обеспечивая, с одной стороны, сплочение этнической общности и мобилизуя ее для достижения определенных целей, с другой стороны, определение мнимых или реальных врагов вовне. Как показывают результаты многих исследований, в сознании людей, принадлежащих к той или иной этнической группе, возникает вначале «образ врага» или «врагов» в лице другой группы или групп людей, наделяемых всевозможными негативными характеристиками. Составной частью политизированного этнонационализма стали попытки пересмотра истории этносов, поставив во главу угла призывы к «очищению нации», «возвращении к почве», защите национальной культуры и языка от внешних влияний. от чужеродного «загрязняющего» влияния и т.д. Негативное влияние политизированного этнизма проявляется также в том, что многие политики пытаются использовать в своих сугубо эгоистических интересах завоевания места в структурах власти. Более того, представители так называемого титульного народа не прочь привлекать потенциал политизированного этнизма для монополизации высших государственных должностей.

В этом контексте одной из трудно разрешимых проблем Северного Кавказа является феномен так называемой социально-этнической стратификации, или иерархизации этнических групп, где каждый из этносов занимает определенное положение в политической системе. Речь идет о том, что в СССР была введена четырехуровневая система национально-территориального устройства, в которой народы входили в союзным республики автономные республики, автономные края, автономные области, которые получили на-

звания так называемых титульных народов, а многие этносы, которые испокон веков жили на территориях соответствующих государственных образований, как бы потеряли статус титульных. Эта система по сути дела был узаконена при переустройстве Российской Федерации.

В этом контексте обращает на себя внимание, прежде всего, тот факт, что сложившиеся к настоящему времени границы между национальными республиками не отражают реальное положение дел в регионе, поскольку построены без должного учета основополагающих социально-экономических, демографических, политических и иных факторов. Естественно, в становлении национального самосознания народа немаловажную роль играет исторически принадлежащая ему территория. Однако периодически осуществлявшиеся перекраивания границ государственно-административных границ в силу комплекса факторов на Северном Кавказе заметно запутало ситуацию с принадлежностью тех или иных территорий какому-либо отдельно взятому народу, даже конкретному субъекту Российской Федерации. Для правильного понимания такой постановки вопроса необходимо учесть тот факт, что в настоящее время все без исключения республики Северного Кавказа являются многонациональными или полиэтническими, хотя относительная численность того или иного этноса варьируется от республики к республике. В результате северокавказские республики представляют собой пример сообществ, в которых различные сегменты в лице этнонациональных общностей частично совпадают и пересекаются между собой, или, иначе говоря, здесь мы имеем сочетание территориальных и внетерриториальных сегментов. С этой точки зрения, специфическая особенность Северного Кавказа состоит в том, что здесь в буквальном смысле перемещались народы и районы, коллективы и семьи.

Соответственно, границы расселения многих этносов во всевозрастающей степени перестали соответствовать административным границам, что, в свою очередь, делает еще более эфемерными их претензии на спорные территории. Это создает чрезвычайное переплетение проблем, что, по сути, существенно затрудняет решение проблем какого-либо отдельно взятого народа вне связи с другими народами, тем более нельзя их решать за счет других народов.

Об актуальности такой постановки вопроса свидетельствует упомянутая выше негативная реакция, которую вызвала информация о возможности присоединения Республики Адыгея к Краснодарскому краю. Одно гипотетическое упоминание такой возможности вызвало в республике волну общественного протеста. Поэтому очевидно, что в этом направлении северокавказским народам предстоит пройти через длинный переходный период, когда национальная и территориальная модели должны, по сути, «притираться» друг к другу, вырабатывая новые формы внутренней организации российского государства. Это, в свою очередь, означает, что в данный период

сохранится асимметричность Российской Федерации. Постепенный переход к территориально-административному принципу возможен на путях уравнения социальных, экономических, политических прав всех субъектов, но при этом обеспечивая на всей территории федерации примерно одинаковые стандарты жизни. Иначе говоря, стратегическое направление развития страны в целом и Северного Кавказа в частности – это ставка на реальный федерализм при всемерном развитии местного самоуправления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вайханов Х.Х.* Национальная безопасность России на региональном уровне: геополитико-конфликтологический подход. Южно-российское обозрение. – Выпуск 61. – Ростов н/Д., 2010.

A.N. PALCHAYEV
Candidate of Political Sciences, Political Adviser
of the People's Assembly of the Republic of Dagestan,
Makhachkala, Dagestan

ON SOME DIFFICULT SURMOUNTABLE FACTORS OF CONFLICTOGENICITY OF THE NORTH CAUCASUS

The article attempts to identify and analyze some key factors that, despite all the successes achieved in the North Caucasian republics in the fight against separatism, extremism and terrorism, still retain the potential for conflict and under certain conditions to stimulate social and political instability. It is shown that, although the negative consequences of the notorious "parade of sovereignties" of the tumultuous 1990s of the last century have been overcome in the past decade and a half, nevertheless, it would be premature and not entirely correct to state that a number of reasons that caused this phenomenon became the property of the past. Naturally, the main attention is paid to such a factor as the mixed administrative-territorial and national-territorial principles of the region's structure which, in the opinion of the author, in the conditions when all the republics become multinational, makes it difficult to resolve a number of socio-economic and political problems. Attention is drawn to the fact that among the radically oriented part of national movements, ideas and projects have not lost their relevance to the reorganization of the national-territorial structure of the region on a strictly mono ethnic basis. Of particular importance in this context is the politicization of ethnism, which some politicians use for their own personal interests.

Key words: *the Russian Federation, the North Caucasus, the national republic, the region, politics, the people, ethnos, conflict.*

УДК 32.327

С.В. НОВОСЕЛЬЦЕВ
соискатель степени кандидата наук,
МГИМО МИД России,
Россия, г. Москва

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: ПОЗИЦИИ ИНДОНЕЗИИ И СИНГАПУРА

Территориальные споры в Южно-Китайском море – основной источник конфликтного потенциала в ЮВА и АТР в целом. Сам факт наличия неразрешенных тер. споров оказывает существенное влияние на развитие восточноазиатской региональной подсистемы международных отношений. В частности, такие влиятельные региональные игроки, как Индонезия и Сингапур, заявившие о своем нейтралитете, оказываются объектами политического «перетягивания каната» между КНР с одной стороны и «антикитайской» частью АСЕАН при поддержке США – с другой. Ситуация усложняется тесной экономической взаимосвязанностью «регионалов» с Китаем, используемой Пекином в качестве политического козыря.

Ключевые слова: *Южно-Китайское море, территориальный спор, Китай, Индонезия, Сингапур, АСЕАН, США.*

Территориальные споры в Южно-Китайском море (ЮКМ), безусловно, являются одной из наиболее значимых «болевых точек» современных международных отношений. География стран, чьи геополитические интересы затрагивает указанный конфликт, давно вышла за рамки региона Юго-Восточной Азии и Китая, распространившись практически на весь Азиатско-Тихоокеанский регион[1]. Сам факт наличия неразрешенных тер. споров оказывает существенное влияние и на развитие восточноазиатской региональной подсистемы международных отношений.

На сегодняшний день государства региона (как прямо вовлеченных в конфликт, так и не участвующие в нем) в зависимости от их позиции можно условно разделить на три «лагеря»:

– первый – «прокитайский»: Лаос, Камбоджа и Мьянма, предпочитающие экономическую помощь со стороны КНР «асеановской солидарности». В последние к подобной позиции начинает тяготеть и Бруней, хотя формально он не отказался от своих притязаний;

[1] Локшин Г.М. АСЕАН и территориальные споры в Южно-Китайском море // В сборнике: Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии ФГБУН «Институт Дальнего Востока» Российской академии наук. – Москва, 2016. – С. 396-397.

– второй – группа «формально нейтральных»: Сингапур, Индонезия и Таиланд – основные объекты политического «перетягивания каната»;

– наконец – «антикитайский» блок: Вьетнам, Филиппины и «примкнувшая к ним» Малайзия. Они выступают за четкие правовые разграничения и окончательное решение территориального спора[1].

В то же время изменение внутриполитической обстановки нередко вынуждает некоторые страны менять свои подходы к тер. спорам в ЮКМ. Так, например, с приходом к власти на Филиппинах Президента Р. Дутерте Манила скорректировала свой внешнеполитический курс, перейдя от откровенной конфронтации с Китаем к поиску путей компромисса.

Все более реальной становится перспектива подключения к конфликту одного из ключевых государств в АСЕАН – Индонезии, не раз заявлявшей о своем безусловном суверенитете над островами Натуна (на сам архипелаг другие государства не претендуют, однако известная китайская «девятипунктирная линия» охватывает часть прилегающей к нему исключительной экономической зоны). Джакарта не раз арестовывала заходившие без ее разрешения в ИЭЗ вокруг о. Натуна китайские рыболовецкие суда, а в июле 2017 г. индонезийский парламент принял символическое решение – изменить название акватории к северо-востоку от упомянутых островов на «Северное море Натуны»[2].

С 2015 г. Джакарта периодически осуществляет «программы рутинного патрулирования». Официальная позиция Джакарты заключается в том, что она не признает «линию девяти пунктиров», так как последняя не соответствует международному праву[3].

Тем не менее, несмотря на многочисленные инциденты, связанные с «вторжением» китайских судов в индонезийскую ИЭЗ, в целом общий курс Индонезии направлен стратегическое партнерство с Китаем. При этом в Джакарте неоднократно отмечали, что именно действия КНР в ЮКМ несут в себе угрозу национальным интересам и безопасности страны.

В целом, в вопросах, связанных с окружающими страну морскими акваториями правительство Президента Дж. Видодо исходит из сформулированной им ранее доктрины[4], основными элементами которой являются обеспечение продовольственной безопасности государства за счет рацио-

---

[1] Majumdar M. The ASEAN Way of Conflict Management in the South China Sea // Strategic Analysis. – 2015. – P. 77.

[2] Marboen A. Anggota DPR desak China hormati Laut Natuna Utara. Электронный ресурс. – URL: http://www.antaranews.com/berita/641745/anggota-dpr-desak-china-hormati-laut-natuna-utara (дата обращения: 19.09.2017).

[3] Индонезия стала следующей жертвой претензий Пекина в Южно-Китайском море. Электронный ресурс. – URL: https://obzor.press/press/11428-indoneziya-stala-sleduyushhej-zhertvoj-pretenzij-pekina-v-yuzhno-kitajskom-more (дата обращения: 19.09.2017).

[4] Цитата по: Другов А.Ю. Индонезия в 2014 г. // ЮВА: актуальные проблемы развития. – 2015. – № 26. – С. 71.

нального использования океанов, развития рыболовства и усиления охраны морских ресурсов; развитие морских коммуникаций и создание морской инфраструктуры, а также стимулирование морского туризма и судостроения; укрепление международного сотрудничества на море во всех сферах; развитие морских сил обороны для обеспечения безопасности морских путей и сообщений[1].

В то же время полноценная реализация данной доктрины, очевидно, может негативно сказаться на отношениях с Пекином, с которым администрация Дж. Видодо налаживает взаимовыгодные дружественные отношения. В частности, в 2015 г. в ходе встречи с Председателем КНР Си Цзиньпином была озвучена мысль о возможности сопряжения китайского «Морского Шелкового пути XXI века» с во многом аналогичной ей индонезийской концепции «мировой морской оси»[2].

Тем не менее, большинство экспертов склоняются к тому, что Индонезия, формально не имеющая противоречий с КНР, скорее будет пытаться играть роль посредника в деле разрешения тер. споров.

Одновременно Джакарта прилагает усилия для преодоления существующих внутри АСЕАН глубоких разногласий по проблеме морских прав и юрисдикции в ЮКМ, превращение Ассоциации в силу, которая могла бы принимать участие в обеспечении безопасности и стабильности в регионе[3].

Сингапур, не являющийся участником территориальных споров в Южно-Китайском море (ЮКМ), официально не поддерживает ни одну из сторон конфликта и не дает собственных оценок обоснованности их притязаний. Как неоднократно подчеркивал глава сингапурского внешнеполитического ведомства В. Балакришнан, Республика последовательно призывает все государства преодолевать разногласия мирными способами и в соответствии с международным правом, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., а также на основе Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море 2002 г. и Руководящих принципов ее реализации, принятых в 2011 г.[4].

В официальных заявлениях и в ходе личных контактов с иностранными партнерами, как показали визиты Премьер-министра Ли Сянь Луна в США и КНР в августе и сентябре 2016 г., сингапурские руководители, как правило, стремятся уйти от обсуждения болезненных, конфликтных вопросов,

---

[1] Там же.

[2] Ефимова Л.М. Индонезийская «Морская ось мира» и китайский «Морской шелковый путь XXI века» // Вестник МГИМО. – 2015. – № 6 (45). – С. 198.

[3] Петрова О.Л. Инцидент в районе Натуна в свете индонезийско-китайских отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2016. – № 31. – С. 133.

[4] Михневич С.В. Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Электронный ресурс. – URL: https://iorj.hse.ru/data/2016/03/30/1126664874/Михневич%20С..pdf (дата обращения: 19.09.2017).

делая акцент на необходимости поиска компромисса и выработки новых моделей взаимодействия в регионе[1].

В своем обращении к нации по случаю Дня независимости в августе 2016 г. Премьер-министр Ли Сянь Лун заявил, что Сингапур должен занимать твердую позицию по ситуации в ЮКМ. При этом здесь исходят из необходимости строгого соблюдения норм международного права для обеспечения свободы навигации и полетов, а также важности сохранения единства АСЕАН.

В качестве одного из шагов по снижению напряженности в ЮКМ Сингапур активно продвигает Кодекс поведения при незапланированных контактах на море – пакет документов по вопросам обеспечения безопасности военных кораблей, утвержденный в 2014 г. на 14-й встрече глав ВМС стран западной части Тихого океана[2]. Здесь предлагают распространить действие этого документа на корабли береговой охраны и подводные лодки, а также заключить аналогичное соглашение по военным самолетам.

Кроме того, Республика поддержала инициативу Брунея по созданию линии прямой связи между внешнеполитическими ведомствами стран-членов АСЕАН для оперативного установления контакта в случае возникновения кризисных ситуаций и предотвращения инцидентов в международных водах. В качестве конечной цели обозначен выход линии связи за пределы АСЕАН и ее распространение на партнеров Ассоциации. На состоявшейся в сентябре 2016 г. встрече министров обороны стран «десятки» и США глава сингапурского оборонного ведомства Нг Энг Хен еще раз отметил необходимость выработки практических механизмов недопущения конфликтов в ЮКМ.

Немногим ранее, в феврале 2016 г. в ходе встречи мининдел Сингапура и Китая сингапурской стороной также была сделана попытка увязать обеспечение стабильности и безопасности в ЮКМ с успешной реализацией китайского проекта Морского Шелкового пути XXI века[3].

Регулярно подчеркивая необходимость неукоснительного соблюдения всеми государствами норм международного права, Сингапур выступает за поиск решения проблемы Южно-Китайского моря в многостороннем формате, свою роль в котором он видит в качестве посредника и проводника коллективных интересов АСЕАН.

В частности, в свой актив Республика записывает успех встречи высокопоставленных представителей стран-членов Ассоциации и Китая

---

[1] Там же.

[2] Китай и АСЕАН подписали Кодекс поведения в Южно-Китайском море. Электронный ресурс. – URL: https://ria.ru/world/20160907/1476329230.html (дата обращения: 19.09.2017).

[3] Власов Н.В. Современная политика КНР в Юго-Восточной Азии // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 3 (42). – С. 60-67.

(18-19 мая с.г., г. Гуйян, провинция Гуйчжоу, КНР), в ходе которой удалось согласовать рамочные принципы кодекса поведения сторон в ЮКМ. Как ожидается, работа над ним будет продолжена в ходе встречи глав МИД стран АСЕАН и КНР на Филиппинах в августе с.г. По словам Министра иностранных дел Сингапура В. Балакришнана, здесь оптимистично настроены в отношении перспектив подписания юридически обязывающего документа.

В то же время, очевидно, что попытки сингапурских властей интернационализировать проблематику ЮКМ вызывают недовольство Пекина.

В сентябре 2016 г. в газете «Глобал Таймс», издаваемой официальным печатным органом Коммунистической партии Китая «Жэньминь жибао», была опубликована статья с критикой в адрес Сингапура за якобы вынесение им на обсуждение на прошедшем в Венесуэле 18 сентября 2016 г. саммите Движения неприсоединения вопроса территориальных споров в Южно-Китайском море. Однако сам факт затрагивания тематики спорных территорий на форуме сингапурская сторона категорически отрицает[1].

Судя по болезненной реакции на данный инцидент можно сделать вывод, что в китайском обществе растет убежденность в том, что блокируясь с США, Филиппинами и Вьетнамом, Сингапур склонен занимать антикитайскую позицию в этом вопросе. А позитивная реакция города-государства на решение Гаагского арбитража по иску Филиппин против КНР (в августе 2016 г. Премьер-министр Ли Сянь Лун охарактеризовал его как «решительное заявление») еще больше уверила китайское руководство в верности вышеупомянутых выводов[2].

Недовольство Китая вызывает и особый характер отношений Сингапура и США, прежде всего укрепление их взаимодействия в области обороны. Республика регулярно оказывает логистическую поддержку американским военным самолетам и кораблям в регионе.

Как отмечают местные эксперты, настойчивые попытки Пекина перетянуть Сингапур в свой «лагерь» могут иметь обратные последствия и подтолкнут город-государство к дальнейшему сближению с США.

Представляется, что в обозримом будущем в отношении тер. споров в ЮКМ Сингапур продолжит придерживаться прагматичной позиции нейтралитета, балансируя между Пекином, Вашингтоном и другими заинтересованными сторонами, чтобы сохранить с ними конструктивное взаимодействие и при этом не быть втянутым в выяснение отношений на чьей-либо стороне. С учетом статуса страны-координатора диалогового партнерства

---

[1] Михневич С.В. Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Электронный ресурс. – URL: https://iorj.hse.ru/data/2016/03/30/1126664874/Михневич%20С..pdf (дата обращения: 19.09.2017).

[2] Локшин Г.М. АСЕАН и территориальные споры в Южно-Китайском море // В сборнике: Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии ФГБУН «Институт Дальнего Востока» Российской академии наук. – Москва, 2016. – С. 409.

АСЕАН-КНР (до июня 2018 г.) и предстоящего председательства в Ассоциации в 2018 г. можно ожидать, что приоритетное внимание в сингапурской внешнеполитической повестке дня будет уделяться скорейшему согласованию юридически обязывающего Кодекса поведения сторон в ЮКМ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Власов Н.В.* Современная политика КНР в Юго-Восточной Азии // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 3 (42).

2. *Другов А.Ю.* Индонезия в 2014 г. // ЮВА: актуальные проблемы развития. – 2015. – № 26.

3. *Ефимова Л.М.* Индонезийская «Морская ось мира» и китайский «Морской шелковый путь XXI века» // Вестник МГИМО. – 2015. – № 6 (45).

4. Индонезия стала следующей жертвой претензий Пекина в Южно-Китайском море. Электронный ресурс. – URL: https://obzor.press/press/11428-indoneziya-stala-sleduyushhej-zhertvoj-pretenzij-pekina-v-yuzhno-kitajskom-more.

5. Китай и АСЕАН подписали Кодекс поведения в Южно-Китайском море. Электронный ресурс. – URL: https://ria.ru/world/20160907/1476329230.html.

6. *Локшин Г.М.* АСЕАН и территориальные споры в Южно-Китайском море // В сборнике: Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии ФГБУН «Институт Дальнего Востока» Российской академии наук. – Москва, 2016.

7. *Медведев Н.П.* Политические кризисы и конфликты: теория и практика. Монография. – М., 2017.

8. *Михневич С.В.* Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Электронный ресурс. – URL: https://iorj.hse.ru/data/2016/03/30/1126664874/Михневич%20С..pdf.

9. *Majumdar M.* The ASEAN Way of Conflict Management in the South China Sea // Strategic Analysis. – 2015.

10. *Marboen A.* Anggota DPR desak China hormati Laut Natuna Utara. Электронный ресурс. – URL: http://www.antaranews.com/berita/641745/anggota-dpr-desak-china-hormati-laut-natuna-utara.

S.V. NOVOSELTSEV
Candidate of Science Degree, Moscow State Institute of International Relations at The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

TERRITORIAL DISPUTES IN THE SOUTH CHINA SEA: VIEWPOINTS OF INDONESIA AND SINGAPORE

Territorial disputes in the South China Sea can be considered as one of the key conflictogenetic elements in South East Asia and Asia Pacific Region. The existence of unsolved territorial disputes itself has a significant impact on the East Asian regional sub-system of international relations. Some of the leading regional states as Indonesia and Singapore, which declared neutrality in this issue, find themselves being politically drawn over between China and "anti-Chineese" ASEAN member-states backed by the USA. Close economic interconnection between China and the regional countries, which Beijing tries to use as a political instrument, makes the situation even more complicated.

Key words: *South China Sea, territorial dispute, China, Indonesia, Singapore, ASEAN, USA.*

УДК 32.323
Э.Р. ШИРГАЗИНА
аспирант кафедры философии и политологии
Башкирского государственного университета
Россия, г. Уфа

ПЕРЕГОВОРНЫЕ ПРАКТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Начало XXI столетия определяется стремительным развитием политического взаимодействия акторов, актуализировавшим современные методы изучения политических процессов и технологий, к которым также следует отнести переговорные практики. Научный интерес к переговорной деятельности в политологии закономерен и оправдан, поскольку переговорный феномен, как и другие политические процессы, связан с динамическими трансформациями самого социума и общественных отношений.

Ключевые слова: *политология, переговорный процесс, политический процесс, политические технологии, стратегия, коммуникация, тактика.*

С древнейших времен и по нынешний день переговоры остаются одним из основных инструментов урегулирования противоречий, споров и конфликтов между сторонами. Первоначально в истории данный инструмент использовался торговцами в их повседневной работе, а с дальнейшим развитием человеческого общества и формированием политики как одной и сфер его деятельности зародился и сам переговорный процесс, каким мы его сегодня знаем. Каждый человек может ежедневно участвовать в десятках «переговоров» по самым разным вопросам, касающимся достижения экономических, личных или иных видов благ. Сегодня сфера применения данного инструмента значительно расширилась и относится не только к компетенции государственных деятелей, дипломатов и военных, но и отчасти общественных деятелей и политтехнологов.

Необходимо отметить различие в подходах к переговорному процессу в ситуации, когда переговоры ведутся в рамках сотрудничества сторон и в ситуации, когда работа ведется за столом переговоров в целях урегулирования конфликта, либо имеющихся между сторонами противоречий. Уровень взаимного доверия, психологический комфорт для субъектов во время переговорного процесса, а также продуктивность работы многократно выше в первой ситуации, а цена ошибки, неверного или опрометчивого решения возрастает во втором случае. Таким образом, наибольшую сложность представляет проведение переговоров в условиях конфликта интере-

сов сторон, который может привести к прямому столкновению участников процесса. В этой связи понятен интерес исследователей к изучению именно данных условий проведения совместной работы.

Переговоры рассматриваются в узком значении как одна из технологий альтернативного урегулирования конфликта. В широком – как особая коммуникационная связь между различными сторонами и позициями. Замысел переговоров заключается в поиске соглашения, основанного на общности интересов, между сторонами.

Стоит иметь в виду, что когда речь заходит о полном (абсолютном) расхождении или совпадении интересов, то мы имеем дело с совершенно иными типами взаимодействия участников.

В случаях полного совпадения интересов и согласия относительно путей достижения целей стороны переходят к совместным действиям, к кооперации. При полном противоречии интересов наблюдаются конкуренция, противоборство и конфронтация. Именно совпадение интересов делает переговорную практику возможной, а их расхождение побуждает стороны к проведению переговоров. В противном случае от переговоров остается одно название[1].

Частичное пересечение интересов сторон приводит нас к образованию переговорного пространства – области, где стороны могут прийти к достижению согласия[2]. Границы пространства могут быть определены не точно, однако до начала переговорной практики каждая сторона определяет для себя допустимые решения, которые она может себе позволить, то, на что может согласиться. При пересечении зон допустимых решений, т.е. наличии переговорного пространства, можно ожидать выполнения договоренностей, поскольку они воспринимаются сторонами, как взаимовыгодные. В случае отсутствия переговорного пространства достижение соглашения маловероятно.

Следующей особенностью переговорной практики является ее взаимозависимость. Об этой специфике переговорного процесса пишет в своей работе В. Мастенбрук, указывая на взаимозависимость сторон. Это проявляется в том, что их связывает переплетение интересов[3]. Т.е. поскольку интересы сторон связаны, собственные интересы могут быть в полной мере реализованы только в случае, когда реализованы и интересы партнера.

В обратном же случае, при улучшении ситуации одного переговорщика следует ухудшение ситуации другого, что может привести к отклонению или прекращению переговоров. Игнорирование равноправного положения

---

[1] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Региональные медиаторы и их роль в обеспечении национальной целостности России: коммуникативный аспект // Коммуникология. – 2014. – Т. 8. – № 6. – С. 115-128.

[2] Технология ведения переговоров: Учеб. пособие для студентов вузов / М.М. Лебедева. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 23.

[3] Мастенбрук В. Переговоры. – Калуга: Калужский институт социологии, 1993. – С. 175.

в переговорах, и того факта, что каждая из сторон имеет свои интересы, намерения, стратегии и влияние на ситуацию за переговорным столом, – приводит к «снижению эффективности совместного решения»[1].

В политической теории, как правило, выделяют четыре функции переговорного процесса:

1. Информационно-коммуникативная функция – получение всесторонней информации о проблеме и предполагаемых ее решениях.

2. Регулятивная функция – регулирование, координация и контроль за действиями сторон при их обоюдном согласовании друг с другом.

3. «Переключательная» функция – проявляется в случае, когда стороны не заинтересованы в принятии совместного решения, а переговоры проводятся для «разрядки ситуации» или с целью усыпить бдительность оппонента и потянуть время. Т.е. когда «партнеры демонстрируют незаинтересованность в деловых встречах, протокольных контактах, появляются слухи о возможности откладывания или разрыве переговоров и т.п.»[2].

4. Имиджево-политическая функция – проявляется в активной фазе манипулятивного воздействия на общественно-политическое сознание.

Зарубежный ученый Г.Р. Уинхэм выделяет три стадии переговорного процесса: поиск проблемной ситуации, совместная выработка программы решений и действий, достижение договоренности[3].

Первая стадия связана с выяснением и обсуждением проблемной ситуации, при этом особую значимость приобретает информационно-коммуникативная функция. Во время второй стадии происходит формирование общего концепта проблемы (в рамочной или расширенной формах), вырабатывается комплекс ее решения и алгоритм действий (регулятивная функция). И на последней стадии происходит определение рамок соглашения и договоренностей.

Переговорная практика также предполагает обращение к различным способам подачи позиций: открытый, закрытый, демонстративно-общностный (подчеркивает общность в позициях), демонстративно-конфликтный (подчеркивает различия в позициях)[4].

Стратегия переговорной практики предполагает обращение ко всем четырем способам трансляции собственной позиции, поэтому речь должна вестись прежде всего о их пропорциональном применении.

Принято выделять две стратегии переговорной практики – дистрибутивная и интегративная.

---

[1] Сулейманов А.Р. Региональная безопасность и национальная политика России. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 3. – С. 158-160.

[2] Ковалев А.Г. Азбука дипломатии. – М.: Междунар. отношения, 1988. – 5-ое. изд., перераб. и доп. – С. 232.

[3] Winham G.R. Negotiation as a management process // World Politics. – 1977. – Т. 30. – № 01. – С. 87-114.

[4] Надежин Н.Н. Структура переговорного процесса при урегулировании конфликтов // Вестник ЧитГУ. – 2007. – № 3 (44). – С. 130.

Дистрибутивная стратегия – являет собой стратегию проведения переговоров, в случае, когда стороны противопоставлены друг другу и используют любые возможности, чтобы упрочить свою силовую позицию путем подчинения оппонента. Интересы и позиции в данном случае различаются, так как интересы лежат в основе позиций и часто несут скрытый характер. Позицией в данном случае выступает «выигрыш», которого хочет добиться сторона в ходе переговоров.

Дистрибутивной стратегии характерно:

– переговоры ведутся на основе первоначально выдвинутых крайних позиций, которые каждая из сторон стремится отстаивать на протяжении всего времени;

– действия оппонентов направленны друг на друга, а не на решение проблем или достижения взаимовыгодного соглашения;

– стороны стремятся исказить или скрыть информацию о своих интересах, намерениях и целях;

– достигнутое соглашение удовлетворяет каждую из сторон в меньшей степени, чем это могло бы быть.

Подобная стратегия нередко приводит к деструктивному политическому поведению и срыву переговоров, а в случае договоренности к неразумным соглашениям, которые в той или иной степени не отвечают интересам сторон.

Противоположной стратегией проведения переговоров являются интегративная, нацеленная на совместное решение проблем. Осуществляет партнерский подход на основе учетов интересов каждой стороны и ведет к принятию взаимовыгодного соглашения – ситуация кооперации («победа – победа»).

Особенности интегративной стратегии детально описываются в работе Р. Фишера, В. Юри и Б. Паттона[1]:

– основное внимание в интегративной стратегии уделяется интересам сторон, а не позициям. Важной задачей становится: поиск общих интересов, учет интересов оппонента, объяснение своих интересов и интересов другой стороны, их значимость;

– участники представляются партнерами и действуют совместно, как в принятии решений, так и в заключении единого соглашения, что положительно сказывается на взаимосвязи между сторонами и способствует длительным отношениям;

– важным моментом является отделение проблемы от людей. Жесткий подход к решению проблемы и мягкий по отношению к людям. Всегда есть риск возникновения споров, стоит попытаться понять поведение партнера

[1] Fisher R., Ury W.L., Patton B. Getting to yes: Negotiating agreement without giving in. – Penguin Books, 3rd Revised ed. edition, 2011. – P. 240.

и поставить себя на его место, позволить выпустить пар, если того требует ситуация в силу эмоциональности оппонента;

– использование объективных критериев оценивания ситуации, позволяют принять логичное и разумное соглашение, так как достигнутое соглашение должно максимально учитывать интересы всех принимающих участие сторон.

Однако у интегративной стратегии также имеются свои недочеты в ее реализации. Очень важным является уровень доверия и открытости среди партнеров, чего крайне трудно добиться, особенно, если стороны сталкиваются впервые.

Так как важно принять обоюдовыгодное решение с учетом интересов обеих сторон, необходимо, чтобы стратегии интегративных переговоров придерживались все участники. В обратном случае излишняя откровенность может негативно отразиться на положении участника, если его оппонент придерживается стратегии жесткого позиционного торга.

Сложности появляются и в ситуации, когда ведутся переговоры между конфликтующими сторонами. Переход от конфронтации до партнерских отношений занимает достаточно длительный период времени.

Помимо выбора стратегии, важную роль в переговорах играют и тактические приемы. Посредством тактики происходит реализация функциональных возможностей переговоров. На данный момент нет какой-либо единой классификации тактических приемов, несмотря на популярность данной темы среди отечественных и зарубежных авторов. Однако своеобразной системой координат могут выступать стратегии переговоров, в рамках которых они используются.

Тактики дистрибутивной стратегии:

1. Преувеличение требований. Переговоры начинаются с выдвижения преувеличенных требований, не имеющих под собой реального подтверждения и потребности.

2. Расстановка ложных акцентов в собственной позиции. Для того, чтобы не дать оппоненту узнать свои настоящие интересы, переговорщики проявляют крайнюю заинтересованность в решении какого-либо малозначительного вопроса, а при достижении истинной цели снимают требования по данному пункту.

3. Выдвижение требований в последнюю минуту. В момент, когда остается только подписать соглашение, одна из сторон выдвигает еще одно требование, когда все вопросы, казалось бы, уже решены. Если оппонент хочет сохранить достигнутое, ему приходится идти на уступки.

4. Выжидание. Ситуация, в которой переговорщик не высказывает своих аргументов и не делает никаких предложения, вынуждая оппонента начать первым, для того чтобы получить как можно больше сведений и информации.

5. Давление. Ситуации, в которой оппонент предъявляет ультиматумы, грозится прервать переговоры, предупреждает контрагента о последствиях. Также имеют место угрозы и явная демонстрация силы.

6. Манипулирование.

7. Обман. В обмане не обязательно должна быть ложь. Чаще это сокрытие информации, неясные требования, отсутствие полномочий для решения проблемы, отсутствие намерения выполнять соглашение.

8. Двойное толкование. При подписании соглашения, требования формируются таким образом, чтобы в дальнейшем его можно было трактовать в своих интересах формально не нарушая его.

9. Выйти на позицию. Прием необходимый для того, чтобы вывести контрагента из равновесия. «Удар» в незащищенное место.

Тактики интегративной стратегии:

1. Постепенное повышение сложности обсуждаемых вопросов. Для того, чтобы избежать конфронтации сторон с самого начала и сформировать благоприятную атмосферу, обсуждение начинается с вопросов, представляющих наименьшие разногласия, а затем участники переговоров переходят к более сложным проблемам.

2. Тактика, основанная на принципе справедливости. Опасаясь, что меньший кусок достанется именно ему, оппонент стремится разделить как можно точнее.

3. Организация переговоров таким образом, чтобы оппонент был вынужден давать односложные простые ответы «Да» или «Нет» на каждый ваш ход. Тогда его можно загнать в угол построением аргументированных приемов.

4. Ситуация, когда переговорщик выдвигает такой аргумент, который заставляет оппонента переосмыслить свое видение и начать действовать по-другому.

5. Психологическое давление, при котором создается впечатление, что оппонент действительно прав и уверен в себе. Ситуация, в которой второй аргумент ослабляет первый.

6. Ситуация, в которой все правы. Один прав с правовой точки зрения, другой с технической. Встает необходимость выбора единой меры измерения выгоды для принятия решения.

7. Разделение проблемы на отдельные составляющие. Проблема разделяется на несколько аспектов, по которым постепенно достигается взаимное согласие.

8. Подчеркивание общности оппонентов, их общее стремление к единой цели, схожесть интересов.

9. Открытые позиции. Посредством ответов на вопросы или напрямую дать понять ваши истинные интересы. Показать уровень доверия и необходимости в решении поставленных вопросов.

Тактики двойственного характера:

1. Опережение возражений. Суть приема заключается в том, чтобы указать на все свои слабые стороны, до того, как это сделает оппонент.

2. Пакетирование. Идея тактики заключается в том, что несколько вопросов увязываются вместе и предлагаются к комплексному рассмотрению. В позиционном торге «пакет» включает в себя как привлекательные, так и малоприемлемые для оппонента предложения. Нередко такую ситуацию называют «продажа в нагрузку». Сторона, предлагающая «пакет», исходит из того, что оппонент, заинтересованный в нескольких предложениях, примет и остальные. В принципиальных переговорах «пакет» ориентирован на увязку интересов с возможным выигрышем для всех участников.

3. Уход. Может выражаться в переводе обсуждения на другую тему или другой вопрос, а также в просьбе отложить рассмотрение проблемы. В рамках позиционного торга преследует такие цели, как: 1) не вступать в дискуссию, в случае если позиция по предложенному вопросу плохо проработана; 2) не дать оппоненту точной информации; 3) затянуть переговоры; 4) отклонить в косвенной форме нежелательное предложение. Участники принципиальных переговоров используют «уход» в случаях, когда нужно согласовать вопрос с другими лицами или необходимо обдумать предложение.

Таким образом, можно прийти к выводу, что интегративная стратегия, характеризующаяся высоким уровнем кооперации между партнерами, и дистрибутивная стратегия, описывающая высокий уровень конкуренции, представляют собой наиболее популярные, адекватные и универсальные стратегии, применимые в политической реальности. И от того, какая политическая повестка дня складывается на тот или иной момент будет зависеть востребованность обозначенных стратегий. В любом случае необходимо помнить, что продуманность стратегии и применения адекватных тактических приемов является необходимым условием их эффективного использования в процессе цивилизованного разрешения конфликтного взаимодействия[1].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бакушев В.В., Гайдук В.В.* Украинский кризис: уроки для России и партнеров // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2014. – № 3-4.

2. *Гайдук В.В., Сулейманов А.Р.* Региональные медиаторы и их роль в обеспечении национальной целостности России: коммуникативный аспект // Коммуникология. – 2014. – Т. 8. – № 6.

3. *Кильмашкина Т.Н.* Организация переговорного процесса в системе управления социальным конфликтом // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 2 (38).

4. *Ковалев А.Г.* Азбука дипломатии. – М.: Междунар. отношения, 1988. – 5-ое. изд., перераб. и доп.

[1] Кильмашкина Т.Н. Организация переговорного процесса в системе управления социальным конфликтом // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 2 (38). – С. 46-50.

5. *Мастенбрук В.* Переговоры. – Калуга: Калужский институт социологии, 1993.

6. *Медведев Н.П.* Политические кризисы и конфликты: теория и практика. Монография. – М., 2017.

7. *Медведев Н.П., Насиновский В.Е., Скакунов Э.И.* К концепции решения конфликтов в постсоветский период. – М., 1995.

8. *Медведев Н.П.* Этнополитический консенсус: к вопросу о конфликте на Юго-Востоке Украины // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2014. – № 1.

9. *Надежин Н.Н.* Структура переговорного процесса при урегулировании конфликтов // Вестник ЧитГУ. – 2007. – № 3 (44).

10. *Сулейманов А.Р.* Региональная безопасность и национальная политика России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 3.

11. Технология ведения переговоров: Учеб. пособие для студентов вузов / М.М. Лебедева. – М.: Аспект Пресс, 2010.

12. *Явчуновская Р.А.* Влияние регионального развития на конфликтогенность современных международных отношений // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2015. – № 1-2.

13. *Fisher R., Ury W.L., Patton B.* Getting to yes: Negotiating agreement without giving in. – Penguin Books, 3rd Revised ed. edition, 2011.

14. *Winham G.R.* Negotiation as a management process // World Politics. – 1977. – T. 30. – № 01.

E.R. SHIRGAZINA
postgraduate student
in the Department of Philosophy and Political Science
of Bashkir State University
Ufa, Russia

NEGOTIATION PRACTICES IN POLITICAL PROCESS: STRATEGY AND TACTICS

The beginning of XXI century is determined with drastic development of actors' political cooperation that updated modern methods of research of political processes and strategies to which negotiation practices should also be referred. Scientific interest to negotiating activity in Political Science is natural and feasible since negotiation phenomenon just as other political processes is concerned with dynamic transformations of the society and social relations.

Key words: *political science, negotiation process, political process, political strategies, strategy, communication, tactics.*

УДК 355.43

А.С. ТЕТЕРЮК
аспирант кафедры политической теории
Московского Государственного Института
Международных Отношений МИД России,
Россия, г. Москва

К АНАЛИЗУ ПУТЕЙ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: ГИБРИДНАЯ ВОЙНА И АСИММЕТРИЧНЫЙ КОНФЛИКТ[1]

События в Крыму и на Украине привели к появлению многочисленных публикаций, применяющих термин «гибридная война» для описания новой военной стратегии России. Однако стремительное увеличение публикаций по гибридной войне, в первую очередь, зарубежных авторов приводит к теоретико-методологической путанице, связанной с использованием схожих, но не идентичных терминов: асимметричная война, стратегия непрямых действий, гибридный конфликт. Не всегда в зарубежных исследованиях присутствует разделение между крымской операцией и конфликтом на Украине, что не позволяет взвешенно исследовать данные явления по отдельности, описывая присущие каждой из ситуаций характеристики. В результате, теория асимметричной войны не получает должного развития. Предметом статьи является анализ крымской операции и событий на Украине с применением положений концепций гибридной войны и асимметричного конфликта. Отталкиваясь от методологии различения терминов гибридная война и гибридный конфликт, автор рассматривает особенности крымских и украинских событий с целью обоснования их принадлежности к разным категориям: гибридная война и асимметричный конфликт. Подобное рассмотрение указанных событий с учетом их особенностей способно внести дополнительную ясность в исследования современных конфликтов.

Ключевые слова: *гибридная война, асимметричный конфликт, крымская операция, Украина, Россия, НАТО, вооруженных конфликт.*

[1] Публикация подготовлена в рамках гранта РГНФ №15-37-01207 «Новая асимметричная война в теориях международных отношений: концептное моделирование, ивент-анализ, многомерный статистический и пространственный анализ конфликтов в Афганистане, Ливии и Украине».

Действия России в Крыму в 2014 году и последующие события на востоке Украины заставили зарубежных аналитиков и экспертов заговорить о новой гибридной войне, начатой РФ против западных стран. В публикациях иностранных ученых отмечается возросшее беспокойство руководства ЕС и НАТО относительно использования Россией передовых инструментов и комбинаций военно-силовых и невоенных методов достижения стратегических задач. Внезапное осознание возможностей, которыми располагает РФ для эффективной реализации национальных интересов, побуждает экспертов пристально анализировать особенности проведенной крымской операции и вооруженного конфликта на Украине.

Предварительный анализ иностранной литературы показывает, что при изучении крымских и украинских событий зарубежные эксперты исходят из нескольких взаимосвязанных тезисов, задающих направление их анализа:

- Гибридные действия России в Крыму представляют собой новый тип ведения войны, нечто ранее неизвестное в военном деле.
- Гибридная стратегия России осуществляется с упором на информационные, дипломатические и военно-силовые факторы (включая использование новых видов войск).
- Операция в Крыму и конфликт на юго-востоке Украины рассматриваются как единое событие и с позиции действий России.
- Это событие описывается при помощи многочисленных терминов.

В статье выдвигается мнение, что, несмотря на значительное количество работ, описывающих крымские и украинские события, не все они обладают добавочным полезным знанием, обогащающим теорию асимметричного конфликта и предлагающим новые исследовательские подходы. Причиной этого могут служить ошибочные выводы, заложенные в приведенных выше тезисах, которые ограничивают анализ. Среди таких выводов можно выделить представление действий России в Крыму и на Украине как новой гибридной стратегии. Кроме того, в исследованиях, как правило, рассматривается одинаковый набор факторов, способствующих успеху операции (информационная война, использование специальных сил). Анализа иных элементов стратегии не проводится. Наконец, рассмотрение событий в Крыму и на Украине как единого целого не отображает уникальности каждого события. Операция в Крыму имеет существенные отличные от событий на востоке Украины черты, в том числе, в плане характеристик сторон конфликта, методов ведения действий, тактики, военных потенциалов и т.д. Отсутствие описания указанных черт не позволяет определить концепт, в рамках которого события рассматриваются, что порождает многочисленные интерпретации крымско-украинских событий как «гибридной войны», «асимметричного конфликта», «непрямых действий», «войны нового поколения».

В зарубежных работах распространено мнение, что своими действиями в Крыму и на Украине Россия представила миру новую стратегию ведения военных действий. Аналитик Foreign Affairs П. Померанцев пишет, что «Путин заново изобретает военное дело», поскольку, пока западные страны

продолжают следовать устаревшим геополитическим стратегиям, «Кремль представляет собой авангард геополитики»[1]. Эксперт по оборонной политике Янис Берзиньш отмечает, что действия России представляют собой войну нового поколения[2]. По мнению специалистов журнала Jane's Defence Weekly, «гибридная война стала новой формой конфронтации в 2014 году после российского вторжения и аннексии Крыма»[3]. Тем не менее, предварительный анализ позволяет сделать вывод, что действия России в Крыму являются скорее логическим развитием военной мысли, соответствующей специфике современных сложных конфликтов.

Начальник Генерального штаба ВС РФ Валерий Герасимов в широко цитируемой среди западных экспертов статье 2013 года отмечает, что «в XXI войны происходят не по привычным шаблонам»[4]. Приведя в пример цветные революции в странах Северной Африки и Ближнего Востока 2010-2011 гг., он заключает, что «эти события и есть типичная война XXI века»[5], к формам и методам ведения которой военная наука должна адаптироваться и выработать релевантные контрмеры. Таким образом, речь идет о необходимости извлечения уроков из последних геополитических событий в странах, где изначально не силовые методы воздействия результировались в вооруженные столкновения. В еще более ранних работах российских военных экспертов также прослеживается понимание, что комплексные современные процессы, в первую очередь, глобализация, порождают нетипичные вызовы национальной безопасности, обобщенно характеризуемые термином «асимметричная война»[6]. Описывая особенности неравных военных действий, С. Чекинов и С. Богданов заключают, что меры по защите интересов России «должны сочетать в себе как прямые (симметричные) действия, так и осуществление асимметричных мероприятий, основное содержание которых может заключаться в нанесении неприемлемого ущерба в других (невоенных) сферах безопасности»[7]. И. Воробьев и В. Киселев в статье 2006 г. оказываются еще более дальновидными, подробно рассуждая об издревле известных методах непрямого уничтожения противника[8]. Проанализиро-

---

[1] Pomerantsev P. How Putin is Reinventing Warfare // Foreign Policy. – May 2014. – URL: http://foreignpolicy.com/2014/05/05/how-putin-is-reinventing-warfare/ (accessed 12.10.2017).

[2] Bērziņš J. Russia's New Generation Warfare in Ukraine: Implications for Latvian Defense Policy. National Defence Academy of Latvia. Policy Paper. – № 2. – 2014. – P. 15. – URL: http://www.sldinfo.com/wp-content/uploads/2014/05/New-Generation-Warfare.pdf (accessed 12.10.2017).

[3] Hybrid warfare: An evolving threat. Jane's IHS Markit. – URL: http://www.janes.com/images/assets/614/70614/Hybrid_warfare_An_evolving_threat.pdf (accessed 12.10.2017).

[4] Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. – Февраль 2013. Электронный ресурс. – URL: https://vpk-news.ru/articles/14632 (дата обращения: 12.10.2017).

[5] Там же.

[6] Чекинов С.Г., Богданов С.А. Асимметричные действия по обеспечению военной безопасности России // Военная мысль. – 2010. – № 3. – С. 14.

[7] Там же. – С. 21.

[8] Воробьев И.Н., Киселев В.А. Стратегия непрямых действий в новом облике // Военная мысль. – 2006. – С. 2-10.

вав классические военные труды, в которых отмечена значимость непрямых способов разгрома противника, авторы указывают на неотъемлемую составляющую непрямых действий в военных современных операциях: «еще более отчетливо непрямые внезапные охватывающие действия стали превалировать над фронтальными столкновениями в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX-начала XXI века. Такие операции, как «Решительная сила» в Югославии, «Буря в пустыне» и «Шок и трепет» в Ираке, можно считать рубежными с точки зрения развития стратегии непрямых действий»[1].

Некоторые зарубежные авторы солидарны с мнением, что комбинирование военных и невоенных методов ведения войны не является чем-то новым для России. М. Галеоттив своей статье заключает, что, начиная с XIX в. русские были приучены к ведению войны способом, активно совмещающим неконвенциональные, нелегальные, обманчивые и провокативные элементы[2]. По мнению С. Бископа, непрямые действия России в принципе стоит рассматривать как закономерный ответ на аналогичную деятельность, проводимую западными странами в отношении латиноамериканских, африканских и азиатских режимов в XX – XXI веках[3].

Подобный анализ позволяет заключить, что рассмотрение действий России на крымском полуострове и Украине с точки зрения новой вехи в военном деле является в определенном смысле упрощением. В таком случае, описание информационных, силовых и политико-дипломатических возможностей России в крымских и украинских событиях становится важной, но не исчерпывающей задачей, поскольку подобные аспекты российского военного вмешательства уже были всесторонне проанализированы в ходе пятидневной войны в августе 2008 года[4]. События в Крыму и на Украине представляют собой вне сомнения качественно новый уровень российского стратегического и оперативно-тактического искусства, требующего анализа. Однако это скорее является закономерным следствием адаптации как российского военно-стратегического планирования, что находит свое отражение в положениях военных доктрин РФ 2010 и 2014 гг.[5], так и военного

---

[1] Там же. – С. 6.

[2] Galeotti M. Hybrid, ambiguous and non-linear? How new is Russia's new way of war? // Small Wars and Insurgencies. – 2016. – Vol. 27. – No 2. – P. 296.

[3] Biscop S. Hybrid Hysteria. Security Policy Brief. – 2015. – No. 64. – P. 2.

[4] См. например, Cohen A., Hamilton R.E. The Russian Military and the Georgia War: Lessons and Implications. Strategic Studies Institute. – 2011. – P. 114; Nichol J. Russia-Georgia Conflict in August 2008: Context and Implications for U.S. Interest. – 2009. CRS Report for Congress. – P. 39; Colonel Donovan G.T. Russian Operational Art in the Russo-Georgian War of 2008. U.S. Army War College. – 2009. – P. 46.

[5] Военная доктрина Российской Федерации 2010 г. Электронный ресурс. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/461 (дата обращения: 12.10.2017); Военная доктрина Российской Федерации 2014 г. Электронный ресурс. – URL: https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html (дата обращения: 12.10.2017).

комплекса (модернизация вооруженных сил, начатая с 2008 года после августовских событий)[1], к новым типам вооруженных конфликтов.

Принимая во внимание ограничения, лежащие в этом исследовательском подходе, в статье предлагается использовать другую логику анализа. При всей взаимосвязи крымско-украинских событий, их можно разложить на два самостоятельных геополитических события, каждое из которых имеет внутреннюю логику развития и, следовательно, требует к себе «особую линию стратегического поведения»[2].

Используя понятийную схему, предложенную Я. Чижевским для разграничения типов современных военных конфликтов[3], данные события рассматриваются с позиций двух концепций: крымская операция, в силу своих особенностей, относится к типу гибридного противостояния/войны (стратегический уровень в понятийной схеме), в то время как происходящий на юго-востоке Украины вооруженный конфликт – к асимметричным вооруженным противостояниям (частный случай вооруженного конфликта на региональном уровне).

В основе отнесения крымской операции к типу гибридной войны – представление ее в качестве неотъемлемого элемента долгосрочного внешнеполитического курса, зиждущегося на основополагающей доктринальной идее о «приведении политического влияния России в соответствие с ее экономическими возможностями»[4]. Это означает, что крымская операция, несмотря на свою уникальность, с точки зрения стратегического планирования представляется еще одним проявлением защиты национальных интересов РФ на фоне глобального геополитического противостояния с западными странами. Вполне естественно, что подобное противостояние будет включать применение всего спектра реальных и конструируемых методов прямого (силового) и непрямого воздействия. Уместными примерами такого столкновения интересов в данном контексте можно назвать августовские события 2008 года и критику России со стороны западных стран за ее действия по принуждению Грузии к миру; ливийская военная операция; санкционные войны; «мюнхенская» речь Путина[5] и включение России в список

---

[1] Charap S. The Ghost of Hybrid War // Survival. – 2015. – Vol. 57. – No. 6. – P. 53; Одним из наглядных примеров такой модернизации является создание в 2014 году Национального центра управления обороной Российской Федерации.

[2] Микрюков В.Ю. Военной науке нужны творцы, а не исполнители // Независимое военное обозрение. – 2017.

[3] Чижевский Я.А. Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт и «гибридная война» // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 282.

[4] Богатуров А.Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. – 2007. – № 13 (5). – С. 54-69.

[5] Стенограмма речи Владимира Путина на Конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене 2007 года. Электронный ресурс. – URL: https://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/ (дата обращения: 15.10.2017).

главных угроз Обамой[1]. Именно использование совокупности информационных, политико-экономических, силовых, психологических и дипломатических усилий на стратегическом уровне взаимодействия противников, которое наблюдалось в ходе и вокруг крымских событий, позволяет отнести ее к категории гибридной войны.

Как было отмечено выше, анализ информационных, дипломатических и военно-силовых факторов в крымской операции не раскрывает всех ее особенностей. Поэтому в статье предлагается добавить несколько факторов для дополнительного обоснования успеха операции:

1. Вовлеченность первого лица государства в планирование операции. В асимметричном конфликте центральная роль в осуществлении военной операции возлагается на военное командирование. В гибридной же войне инициатором стратегических действий зачастую является первое лицо государства. Личное вовлечение президента РФ в разработку крымской операции способствовало централизации и ускорению процесса принятия решений по ее выполнению[2]. Тем самым преодолевалась медлительность и плохая координация действий вооруженных сил, что отмечалось экспертами в ходе пятидневной войны 2008 года[3]. Кроме того, вероятно это привело к возрастанию степени решимости при проведении операции, что, как показывают последние исследования, является немаловажным фактором, влияющим на ее исход[4]. Наконец, участие президента в планировании операции заложило иное целеполагание, сместив фокус с военных целей на политические. Благодаря этому, во главу угла не ставились уничтожение инфраструктуры и личного состава противника, проведение акций устрашения и террора в отношении населения, что присуще вооруженным конфликтам, но не гибридным войнам[5].

---

[1] Full text of President Obama's 2014 address to the UN General Assembly. – 2014. – URL: https://www.washingtonpost.com/politics/full-text-of-president-obamas-2014-address-to-the-united-nations-general-assembly/2014/09/24/88889e46-43f4-11e4-b437-1a7368204804_story.html (accessed 15.10.2017).

[2] «Мы поддержали своих»: Путин раскрыл подробности операции по присоединению Крыма // Lenta.ru. – Март 2015. Электронный ресурс. – URL: https://lenta.ru/articles/2015/03/15/putin_crimea/ (дата обращения: 15.10.2017).

[3] Galeotti M. Hybrid, ambiguous and non-linear? How new is Russia's new way of war? // Small Wars and Insurgencies. – 2016. – Vol. 27. – No 2. – P. 289; Pallin C.V., Westerlund F. Russia's war in Georgia: lessons and consequences // Small Wars & Insurgences. – 2009. – Vol. 20. – P. 400-424; Оценка действий российской армии в Южной Осетии // Военное обозрение. – Декабрь 2010. Электронный ресурс. – URL: https://topwar.ru/2760-ocenka-dejstvij-rossijskoj-armii-v-yuzhnoj-osetii.html (дата обращения: 15.10.2017).

[4] Kertzer J.D. Resolve in International Politics. Princeton University Press. – 2016. – P. 20.

[5] Hoffman F. On Not-So-New-Warfare: Political Warfare vs. Hybrid Threats. WarontheRocks. – July 2014; На важность политических целей в гибридной войне также обращают внимание: Charap S. The Ghost of Hybrid War // Survival. – 2015. – Vol. 57. – No. 6. – P. 51-58.

2. Использование неформальных и негосударственных акторов. Несмотря на центральную роль сил специального назначения и военных (формальных акторов в данном контексте) в осуществлении операции, анализ других участников крымских событий позволяет сделать вывод о широком привлечении неформальных структур в качестве вспомогательных (auxiliary) инструментов достижения оперативных задач. Известно, что 27 февраля группа вооруженных людей без знаков отличия начала занимать стратегические объекты на территории Крыма[1]. Поддержку на местном уровне им оказывали полиция, в том числе, отряды «Беркут», ликвидированные украинским режимом[2], а также добровольцы-казаки, специально прибывшие на полуостров для поддержания общественного порядка и защиты населения на время операции[3]. Кроме них действовали другие вооруженные силы самообороны, включая полукриминальные структуры и бандформирования. Их участие позволяло нейтрализовать радикалов, маскируя это под несвязанные с операцией «разборки» преступных группировок. Функция формирования общественной поддержки референдума населением выполнялась связанным с Кремлем политиком Аксеновым, однако не исчерпывалась ею. Он также координировал действия неформальных сил, будучи аффилированным с нелегальными формированиями. Согласно источникам, в 1990-х Аксенов был связан с криминалом, служил лейтенантом в группе «Сэйлем» и мог заручиться их поддержкой в рамках операции[4].

3. Достижение поддержки населения несиловыми методами. Согласно источникам, полуостров был присоединен практически без жертв (не более двух погибших с украинской стороны)[5]. Это не только подтверждает профессионализм участвующих в операции сил, но и является немаловажным психологическим фактором, обеспечившим симпатии населения. Крымская операция наглядно продемонстрировала реализацию принципа завоевания «умов и сердец» населения (winningmindsandhearts), что является одной из стратегических задач в конфликтах для предупреждения последующего диверсионного противодействия со стороны повстанческих сил в случае не-

---

[1] Гольц А. Четвертое взятие Крыма // Pro et Contra. Май-август 2014. – С. 46. Электронный ресурс. – URL: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_63_45-56.pdf (дата обращения: 18.10.2017).

[2] Крымский «Беркут» перешел в подчинение властей автономии // Lenta.ru. – Март 2014. Электронный ресурс. – URL: https://lenta.ru/news/2014/03/01/berkut/ (дата обращения: 18.10.2017).

[3] Российское казачество в операции по присоединению Крыма // АПН. – 2016. Электронный ресурс. – URL: http://www.apn.ru/index.php?newsid=35854 (дата обращения: 20.10.2017).

[4] «Сэйлем» и «Башмаки» // Радио свобода. – 2014. Электронный ресурс. – URL: https://www.svoboda.org/a/26656786.html (дата обращения: 20.10.2017).

[5] Russian marine kills Ukraine navy in Crimea, says ministry // Reuters. – April 2014. – URL: https://www.reuters.com/article/us-ukraine-crisis-military/russian-marine-kills-ukraine-navy-officer-in-crimea-says-ministry-idUSBREA360GB20140407 (accessed 20.10.2017).

согласия местных жителей[1]. Известно, что действия НАТО в Афганистане и Пакистане, нередко приводящие к гибели мирного населения, содействовали усилению антиамериканских настроений, что выражалось в недоверии и отказу граждан в содействии[2]. Вместе с тем, экспертами отмечается определенная взаимосвязь между обеспечением безопасности населения в военных операциях и успешным протеканием самой операции[3]. Подобное можно было наблюдать в Крыму: действия российских войск создали у населения психологическое чувство защищенности, что благоприятно сказалось на ходе операции.

В отличие от гибридных действий, события на юго-востоке Украины описываются в рамках концепции «асимметричного конфликта». Асимметричный конфликт становится сегодня модельным типом вооруженных противостояний, представляющим разновидность (частный случай) вооруженного конфликта и предполагающим непропорциональный характер отношений и асимметрию потенциалов противоборствующих сторон[4]. Несмотря на многогранность понятия, его «локализация» позволяет вычленить ряд особенностей (характеристик), благодаря которым вооруженное противостояние можно отнести к категории асимметричных:

- В асимметричном конфликте слабая сторона (негосударственный субъект, нерегулярные формирования) придерживается стратегии, отличной от стратегии сильного противника, использует нетрадиционные методы ведения войны с целью нанесения материального и психологического ущерба и достижения политической победы, навязывает более сильному противнику невыгодную модель протекания конфликта, включая «растягивание» его временных рамок;
- Сильная сторона в ассиметричном противостоянии вынуждена учитывать логику действий слабой стороны, в результате чего сталкивается с рядом проблем: невозможностью соблюдения принципов и норм МГП, давлением со стороны мирового сообщества, внутриполитического сооб-

---

[1] WHAM: Winning Hearts and Minds in Afghanistan and Elsewhere. Joint Special Operations University. – February 2012. – P. 4. – URL: http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/jsou/winning_hearts_and_minds_feb2012.pdf (accessed 20.10.2017).

[2] Pakistani Public Opinion Ever More Critical of U.S. PEW Research Center. – July 2012. – URL: http://www.pewglobal.org/2012/06/27/pakistani-public-opinion-ever-more-critical-of-u-s/ (accessed 20.10.2017).

[3] Wilder A., Fishstein P. Winning Hearts and Minds? Examining the Relationship between Aid and Security in Afghanistan. Feinstein International Center. – 2012. – P. 5. – URL: http://fic.tufts.edu/assets/WinningHearts-Final.pdf (accessed 20.10.2047).

[4] Gross M.L. Moral dilemmas of modern war: Torture, assassination, and blackmail in an age of asymmetric conflict. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – P. 321; Веселовский С.С. Войны будущего // РСМД. – 2013. Электронный ресурс. – URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voyny-budushchego/ (дата обращения: 20.10.2017); Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – С. 284.

щества и СМИ, невозможностью в короткие сроки решить стратегические задачи и т.д.[1].

Использование «языка» асимметрии позволяет сфокусировать анализ на рассмотрении черт неравенства между противоборствующими сторонами. Единицами анализа в асимметричных конфликтах выступают две противоборствующие стороны (сильная и слабая). В конфликте на Украине такими сторонами являются вооруженные силы Украины и негосударственные образования на юго-востоке – ДНР и ЛНР. Российское участие в конфликте нерелевантно выделять в качестве отдельной единицы, поскольку, во-первых, РФ официально не является стороной конфликта[2]. Во-вторых, ее возможное участие является опосредованным (например, в виде гуманитарной помощи), что затрудняет его конкретизацию.

Черты асимметричности вооруженного конфликта на Донбассе:

1. Асимметрия воюющих сторон. В асимметричном конфликте государственный актор противопоставлен негосударственному субъекту[3], представленному религиозно-заряженной группировкой (ИГ) или группировкой сопротивления (Движение «Талибан», ЭТА). В конфликте на Донбассе войсковая группировка Украины включала правительственные войска: подразделения министерства обороны (ВС и силы территориальной обороны), МВД (с учетом национальной гвардии), государственную пограничную службу, службу безопасности и управления государственной охраны. Противостояли им нерегулярные, добровольческие вооруженные формирования непризнанных образований, которые, согласно международному праву, являются нелегитимными. Одной из важных характеристик армии ополченцев также является привлечение наемников и солдат удачи. Из источников следует, что на стороне ДНР и ЛНР воевали наемники из Сербии, Норвегии, Германии, Испании, Белоруссии, Казахстана, Польши и даже США[4]. К категории «иностранных» добровольцев, по сути, можно добавить и воюющих на территории Украины российских граждан (в том числе, «чеченские батальоны» и боевики ЧВК «Вагнера»).

2. Асимметрия методов ведения войны. Неравенство статусов противников порождает разность стратегий, применяемых конфликтующими сторонами. Начав АТО как контртеррористическую операцию по подавлению

---

[1] Чижевский Я.А. Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт и «гибридная война» // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 269-283.

[2] Путин: «Россия не является участником конфликта на Украине» // Известия. – Июнь 2014. Электронный ресурс. – URL: https://iz.ru/news/572111 (дата обращения: 20.10.2017).

[3] Степанова Е.А. Индекс безопасности. – 2011. – № 2 (97). – Том 17. – С. 167.

[4] Цыганок А.Д. Донбасс: неоконченная война. Гражданская война на Украине (2014-2016): Русский взгляд. – М.: АИРО-XXI, 2016. – С. 310-311.

протестного движения, впоследствии киевский режим определил его как террористическую угрозу нацбезопасности, что позволило перейти к ведению широкомасштабных военных действий[1]. В качестве методов ведения войны использовалась тактика «выжженной земли»: планомерная зачистка территории и уничтожение гражданской инфраструктуры, без вступления в открытое противостояние, т.е. уничтожая противника на расстоянии[2]. Для непризнанных республик действия ВСУ расценивались как открытая агрессия, предполагающая навязывание воли центра и геноцид несогласных[3]. В условиях неравенства военных потенциалов, ЛНР и ДНР приняли стратегию сопротивления с элементами диверсионно-террористической войны: нападение на отдельные отряды силовиков, мобильная оборона с возможностью быстрой перегруппировки, засадные действия с налетами на военные блокпосты и колонны.

3. Асимметрия военных потенциалов. Под военным потенциалом в статье понимается количество вооруженных сил и военной техники, участвующей в конфликте. В асимметричных конфликтах, как правило, наблюдаются серьезные диспропорции в данном показателе между сторонами. По разным оценкам, группировка Украины в период 2014-2015 гг. могла насчитывать от 60-65 тыс. до 280 тыс.[4], 300-750 танков с учетом оставшихся после распада СССР[5] и несколько тысяч БТР и БМП, хотя в ряде источников встречаются гораздо более скромные оценки – не более 100. Потенциал же повстанческих отрядов был неизмеримо меньше: на 2015 г. она составляла 35-40 тыс. человек, около 500 танков, примерно 700-800 БТР и БМП[6].

---

[1] Украина признала Донецкую и Луганскую «народные республики» террористическими организациями // Interfax. – Май 2014. Электронный ресурс. – URL: http://www.interfax.ru/world/376587 (дата обращения: 20.10.2017).

[2] Бочарников И.В. Тактика «выжженной земли на Донбассе» // Геополитический журнал. – 2014. – № 5. – С. 13-19.

[3] Заявление руководства Донецкой Народной Республики. – Апрель 2014. Электронный ресурс. – URL: https://kprf.ru/international/ussr/130353.html (дата обращения: 20.10.2017).

[4] Шарковский А. Война на юго-востоке Украины меняется качественно // Независимое военное обозрение. – Май 2015. Электронный ресурс. – URL: http://nvo.ng.ru/realty/2015-05-22/1_ukraina.html (дата обращения: 20.10.2017); Полторак: численность ВСУ в 2015 году составляла до 280 тысяч человек // РИА. – Февраль 2016. Электронный ресурс. – URL: https://ria.ru/world/20160210/1372502759.html (дата обращения: 20.10.2017).

[5] Откуда у Украины танки. Перспективы ВСУ // Военное обозрение. – 2015. Электронный ресурс. – URL: https://topwar.ru/74058-otkuda-u-ukrainy-tanki-perspektivy-vsu.html (дата обращения: 20.10.2017); Ukrainian Army losses in ATO (“anti-terrorist operation”) according to the IISS’s Military Balance. – May 2016. – URL: http://thesaker.is/ukrainian-army-losses-in-ato-anti-terrorist-operation-according-to-the-iisss-military-balance/ (accessed 20.10.2017).

[6] Шарковский А. Война на юго-востоке Украины меняется качественно // Независимое военное обозрение. – Май 2015. Электронный ресурс. – URL: http://nvo.ng.ru/realty/2015-05-22/1_ukraina.html (дата обращения: 20.10.2017); Главный переговорщик от СБУ Юрий Тандит – о вариантах обмена Надежды Савченко // Новая газета. – Март 2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бакушев В.В., Гайдук В.В.* Украинский кризис: уроки для России и партнеров // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2014. – № 3-4.

2. *Богатуров А.Д.* Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. – 2007. – № 13 (5).

3. *Бочарников И.В.* Тактика «выжженной земли на Донбассе» // Геополитический журнал. – 2014. – № 5.

4. *Веселовский С.С.* Войны будущего // РСМД. – 2013. Электронный ресурс. – URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voyny-budushchego/.

5. *Воробьев И.Н., Киселев В.А.* Стратегия непрямых действий в новом облике // Военная мысль. – 2006. – № 9.

6. *Гайдук В.В., Зимина Е.В.* Истоки этнополитических конфликтов на Евразийском пространстве // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2013. – № 2.

7. *Герасимов В.В.* Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. – Февраль 2013. Электронный ресурс. – URL: https://vpk-news.ru/articles/14632.

8. *Гольц А.* Четвертое взятие Крыма // Pro et Contra. – Май-август 2014. Электронный ресурс. – URL: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_63_45-56.pdf.

9. *Дериглазова Л.В.* Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.

10. *Медведев Н.П.* Политические кризисы и конфликты: теория и практика. Монография. – М., 2017.

11. *Медведев Н.П.,* Насиновский В.Е., Скакунов Э.И. К концепции решения конфликтов в постсоветский период. – М., 1995.

12. *Микрюков В.Ю.* Военной науке нужны творцы, а не исполнители // Независимое военное обозрение. – Январь 2017. Электронный ресурс. – URL: http://nvo.ng.ru/nvo/2017-01-13/1_932_tvorci.html.

13. *Муравых А.И.* Угрозы глобальной безопасности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – № 2.

14. *Степанова Е.А.* Асимметричный конфликт как нематематическая категория // Индекс безопасности. – 2011. – № 2.

15. *Цыганок А.Д.* Донбасс: неоконченная война. Гражданская война на Украине (2014-2016): Русский взгляд. – М.: АИРО-XXI, 2016.

16. *Чекинов С.Г., Богданов С.А.* Асимметричные действия по обеспечению военной безопасности России // Военная мысль. – 2010. – № 3.

17. *Чижевский Я.А.* Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт и «гибридная война» // Политическая наука. – 2016. – № 2.

18. *Явчуновская Р.А.* Влияние регионального развития на конфликтогенность современных международных отношений // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2015. – № 1-2.

19. *Bērziņš J.* Russia's New Generation Warfare in Ukraine: Implications for Latvian Defense Policy. National Defence Academy of Latvia. – 2014. – № 2.

20. *Biscop S.* Hybrid Hysteria. Security Policy Brief. – 2015. – No. 64.

21. *Charap S.* The Ghost of Hybrid War // Survival. – 2015. – Vol. 57. – No. 6.

22. *Galeotti M.* Hybrid, ambiguous and non-linear? How new is Russia's new way of war? // Small Wars and Insurgencies. – 2016. – Vol. 27. – No 2.

23. *Gross M.L.* Moral dilemmas of modern war: Torture, assassination, and blackmail in age of asymmetric conflict. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

24. *Hoffman F.* On Not-So-New-Warfare: Political Warfare vs. Hybrid Threats. War on the Rocks. – July 2014.

25. Hybrid warfare: An evolving threat. Jane's IHS Markit. – URL: http://www.janes.com/images/assets/614/70614/Hybrid_warfare_An_evolving_threat.pdf.

26. *Kertzer J.D.* Resolve in International Politics. – Princeton University Press. – 2016.

27. *Pallin C.V., Westerlund F.* Russia's war in Georgia: lessons and consequences // Small Wars & Insurgences. – 2009. – Vol. 20.

28. *Pomerantsev P.* How Putin is Reinventing Warfare // Foreign Policy. – 2014.

29. *Wilder A., Fishstein P.* Winning Hearts and Minds? Examining the Relationship between Aid and Security in Afghanistan. Feinstein International Center. – 2012. – URL: http://fic.tufts.edu/assets/WinningHearts-Final.pdf.

30. WHAM: Winning Hearts and Minds in Afghanistan and Elsewhere. Joint Special Operations University. – 2012.

A.S. TETERYUK
post-graduate, department of political science Moscow State University of International Relations under Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow

TO THE ANALYSIS OF WAYS OF STUDYING MODERN ARMED CONFLICTS: HYBRID WAR AND ASYMMETRIC CONFLICT

Events in Crimea and Ukraine have led to emergence of the numerous publications applying the term "hybrid war" to the description of new military strategy of Russia. However, rapid increase in publications on hybrid war, first of all, of foreign authors, leads to the theoretical and methodological confusion caused by use of similar, but not identical terms: asymmetric war, strategy of indirect actions, hybrid conflict. Not always foreign authors distinguish between the Crimean operation and the Ukrainian conflict which doesn't allow to analyze thoroughly these phenomena separately, describing unique characteristics of each situations. As a result, the theory of asymmetric warfare doesn't gain due development. The article analyses the Crimean operation and events in Ukraine in terms of the concepts of hybrid war and asymmetric conflict. Using the methodology to distinct the terms hybrid war and hybrid conflict, the author analyzes the features of Crimean and Ukrainian events with the aim to justify their belonging to different categories: hybrid war and asymmetric conflict. Consideration of these two events, taking into account their features, can bring additional clarification in research of the modern conflicts.

Key words: *hybrid war, asymmetric conflict, Crimean operation, Ukraine, Russia, NATO, armed conflict.*

УДК 32.327

В.Л. АБРАМОВ
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ,
Россия, г. Москва
О.Д. АБРАМОВА
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политологии и политического управления
Российской академии народного хозяйства и
Государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ЕАЭС ПРИ ФОРМИРОВАНИИ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА[1]

Статья посвящена изучению проблем и определению возможностей реализации экономических интересов России и ЕАЭС в условиях формирования Большого евразийского партнерства. Авторы выявляют вызовы и угрозы, влияющие на интересы России и ЕАЭС, рассмотрены варианты многостороннего сотрудничества, обосновано, что формирование Большой Евразии призвано стать одним из элементов нового миропорядка, ответом на риски и вызовы современного мира, одной из основных несущих опор глобальной мировой политики.

Ключевые слова: *экономические интересы, многостороннее сотрудничество, Россия, ЕАЭС, ШОС, Шелковый путь.*

Выдвинутая В.В. Путиным на Петербургском экономическом форуме 2016 года идея создания Большого евразийского партнерства видится сейчас задачей еще более актуальной, прежде всего вследствие наличия глобальных рисков, которые могут повлиять на характер международных отношений и мировой экономики. Президент РФ отметил, что в перспективе ЕАЭС будет расширять интеграционный контур в направлении формирования нового Большого Евразийского партнерства (БЕП), прежде всего с государствами, с которыми уже сложились тесные отношения: Китай, Индия,

[1] Статья подготовлена по результатам участия в выполнении Общеуниверситетской комплексной темы Финансового Университета при Правительстве РФ.

Пакистан, Иран, страны СНГ[1]. Более высокий уровень партнерских отношений позволит решать крупные технологические задачи, а также мотивировать и вовлекать в процесс технологического развития новых участников. В данном контексте весьма актуальной проблемой является обсуждение конкретных условий всеобъемлющего торгово-экономического партнерства между странами ЕАЭС и Китаем, которое станет одним из первых шагов к формированию БЕП. Можно аргументировано говорить о том, что основной площадкой для построения Евразийского экономического партнерства наряду с государствами-членами ЕАЭС будут служить и страны ШОС.

В географическое пространство ШОС входят 6 государств-членов (Китай, Россия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), 6 государств – наблюдателей (Монголия, Белоруссия, Иран, Афганистан, Индия и Пакистан) и 6 партнеров по диалогу (Турция, Шри-Ланка, Непал, Камбоджа, Азербайджан и Армения). Все они являются важными экономическими субъектами, расположенными вдоль ЭПШП, в рамках 6 экономических коридоров, зафиксированных в документе «Видение и действия, направленные на продвижение совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века»[2].

В построении БЕП важное значение должно придаваться реализации экономических интересов России и ЕАЭС при состыковке проектов ЭПШП в сфере жесткой инфраструктуры, так как намеченные экономические коридоры формируют каркас общего евразийского экономического пространства. Под состыковкой в сфере жесткой инфраструктуры подразумевается содействие интеграции транспортных, энергетических и информационных сетей, создание азиатско-европейской транспортно-логистической системы беспрепятственного перемещения товаров, людей и информационных потоков.

Новый азиатско-европейский континентальный мост, выходя из Синьцзяна и проходя Казахстан и Россию, Белоруссию и Польшу дойдет до Балтийского моря и Западной Европы, имеется вариант, когда он будет проходить через Казахстан (или Киргизию, Узбекистан, Туркменистан), Каспийское море, Кавказ, Черное море, Украину, Румынию, сформирует новый азиатско-европейский континентальный мост. Этот мост преобразует Центральную Азию в своего рода хаб потоков товаров, людей, информации, капиталов, технологий, проходящего через все государства-члены ЕАЭС. Он соединит Азиатско-Тихоокеанское экономическое кольцо как

---

[1] См.: Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 17 июня 2016 г. Электронный ресурс. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178 (дата обращения: 25.12.2016).

[2] См.: Электронный ресурс. – URL: http://eurasianeconomic.org/1001/2017/01/30/Ekonomicheskij-poyas-SHelkovogo-puti-i-Morskoj-SHelkovyj-put-21-go-veka.phtml (дата обращения: 25.12.2016).

современный локомотив мировой экономики с Европейским Союзом, что приведет к всеобъемлющему социально-экономическому развитию «золотой середины» Евразии, позволив региону выйти из ситуации зависимости национальных экономик от экспорта сырья и энергоресурсов, и разрешит стратегическую задачу индустриализации, реиндустриализации и всесторонней модернизации.

Имеется вариант, при котором экономический пояс Шелкового пути, выходя из китайского Синьцзяна и проходя Казахстан (или Киргизию, Узбекистан, Туркменистан, Иран, Турцию через Средиземное море – до Европы, или через Иран зайдет в Персидский залив), сформирует экономический коридор между Китаем, Центральной и Западной Азией. По этому коридору, с одной стороны, могут транспортироваться энергетические ресурсы Центральной и Западной Азии в Азиатско-Тихоокеанский регион. А с другой стороны – здесь же будут осуществляться инвестиции, трансфер передовых технологий и продукция производственных мощностей Азиатско-Тихоокеанского экономического кольца в Центральную и Западную Азию, что должно привести к ускорению промышленного развития, диверсификации национальных экономик в этом регионе.

В контексте приоритетов КНР можно выделить экономический пояс Шелкового пути, который выходя из китайского Синьцзяна и простираясь до Пакистана, представляет собой китайско-пакистанский экономический коридор. Он может развернуться также на север – на Иран, что станет важным дополнением к экономическому коридору между Китаем, Центральной и Западной Азией. Коридор открывает перспективы на Юг – на Индийский океан, не только для Северо-Западного региона Китая, но и для стран-членов Евразийского экономического союза. В этом регионе будет формироваться зона экономического сотрудничества и стратегической безопасности, начиная от Кашгара (Синьцзян) и заканчивая портом Гвадар в Пакистане, с протяженностью 3000 км., соединяя три крупных экономических региона – Восточную, Центральную и Южную Азию с Западной Азией.

Приоритетом для КНР можно определить и экономический пояс Шелкового пути, который выходя из Юго-Западного региона Китая, соединяя Мьянму, Бангладеш и Индию, сформирует важнейший коридор экономического сотрудничества, свяжет Южную Азию с Центральной и Западной Азией, что делает Южную Азию во главе с Индией экономически интегрированными с регионом Юго-Восточной Азии. Реализация этого коридора приведет к совместному развитию экономик Центральной, Западной, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии.

Проанализируем возможности и проблемы реализации проекта Большого евразийского партнерства (БЕП) в условиях глобальных и региональных вызовов[1].

[1] Автор – Красавина Л.Н.

Важнейшими глобальными вызовами являются:

• повышение степени интернационализации хозяйственных связей субъектов мировой экономики в условиях ее глобализации;

• усиление регионализации мировой экономики не только в форме традиционных региональных экономических объединений, но и в форматах новых масштабных мегапартнерств развитых и развивающихся стран на основе межрегионального сотрудничества;

• изменение подходов в глобальном регулировании экономических и финансовых отношений на основе сочетания относительного либерализма и многоуровневого государственного регулирования, что в немалой степени обусловлено банкротством доктрины абсолютного либерализма в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг.

В аспекте этих современных мировых вызовов целесообразен новый взгляд на актуализацию интересов России и государств-членов ЕАЭС в реализации проекта формирования БЕП по следующим основным причинам.

Во-первых, инновационная составляющая глобализации экономики определяет их заинтересованность в технологическом перевооружении, модернизации производства и инфраструктуры, участии в телекоммуникационных сетях глобального и регионального масштабов.

Во-вторых, участие России и ЕАЭС в формировании проекта БЕП обусловлено их интересами в обеспечении относительной стабильности макроэкономических показателей, на которые негативно влияют не только национальные факторы, но и глобальные, а также региональные вызовы. Глобальные вызовы, обусловленные нестабильностью мировой экономики, негативно воздействует на Россию и другие страны ЕАЭС, проявляется в следующих формах:

• деформация процесса воспроизводства в условиях финансовой глобализации, существенно обгоняющей динамику процессов экономической глобализации;

• мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг., а также посткризисная депрессия;

• высокая зависимость экспорта российской экономики и других нефтеэкспортирующих стран ЕАЭС от динамики мировых цен;

• возрастание внешнеэкономических и геополитических рисков, вызванных введением санкций США, Европейского Союза и других западных стран по отношению к России и адекватных российских контрсанкций.

Новый глобальный вызов, влияющий на интересы России и ЕАЭС, проявляется в перерастании процесса регионализации мировой экономики, проходящий в традиционной форме преимущественно неинтеграционных торгово-экономических объединений (их число 413 по оценке ВТО в 2015 г.), в трансрегионализацию в форме межрегиональных объединений,

мега-проектов с участием развитых и развивающихся стран[1]. При формировании БЕП интересы России и ЕАЭС связаны с возможностью развития многосторонних международных экономических отношений в новых форматах, доступом на новые рынки товаров, услуг, капиталов, трудовых ресурсов.

Президент Российской Федерации В.В. Путин на саммите «Один путь, одна цель» (Пекин, май 2017 г.) подчеркнул, что Россия уделяет особое внимание развитию Евразийского экономического союза. Начиная с 2010 г. это интеграционное региональное объединение прошло путь от этапа Таможенного союза, затем Единого экономического пространства с 2015 г., к этапу создания ЕАЭС в составе России, Казахстана, Белоруссии, Киргизии и Армении. Договор о ЕАЭС определил основные направления интеграционного взаимодействия государств-членов по созданию общего рынка факторов производства, общего финансового рынка, принципы и правила взаимной торговли и совместной торговой политики по отношению к третьим странам[2].

В настоящее время свыше 50 стран Европы, Азии, Латинской Америки проявили интерес к сотрудничеству с ЕАЭС. В ноябре 2016 г. вступило в силу Соглашение по созданию ЗСТ с Вьетнамом. Ведутся переговоры о форме свободной торговле Евразийского союза с Египтом, Ираном, Индией, Сербией, Сингапуром.

С точки зрения экономических интересов России и ЕАЭС при взаимодействии со странами Азии и Ближнего Востока в формате ЕАЭС важен выбор оптимального варианта многостороннего сотрудничества, в том числе и с перспективами формирования БЕП. Один из них базируется на принципе распространения на третьи стороны, не входящие в интеграционный Евразийской союз, уровня снижения таможенных пошлин до уровня государств-участников Таможенного союза. В этом отношении нужно сделать определенные выводы из истории несостоявшегося проекта создания ЗСТ ЕАЭС с КНР, которая предусматривала предоставление китайским партнерам такой интеграционной преференции. Однако, с точки зрения интересов государств-членов ЕАЭС, он несет риски, связанные с невысоким уровнем конкурентоспособности государств-участников этого интеграционного объединения.

Более приемлемым является вариант многостороннего сотрудничества в формате ЕАЭС без предоставления льготного таможенного режима третьим странам с точки зрения защиты интересов государств-членов Евразийского союза. В этой связи проект ЗСТ с Китаем был заменен «Соглашением

[1] См.: Хейфец Б.А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства: вызовы для России / монография / Институт экономики РАН. – М., 2016.

[2] Договор о ЕАЭС. – 2015.

о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС с Китаем» без предоставления ему интеграционных преференций, как и всем третьим странам[1].

Такой подход может быть взят за основу участия ЕАЭС в проекте «Экономический пояс шелкового пути» и формирования БЕП, что важно для защиты безопасности национальных экономик в условиях ее невысокой конкурентоспособности.

Преимущества использования интеграционного формата, реализуемого в ЕАЭС со странами-членами, которые можно использовать при формировании неинтеграционных межрегиональных объединений и мегапартнерств обусловлены наличием концептуальных и нормативно-правовых документов о Таможенном союзе, Евразийском экономическом союзе, его институциональных структурах. В ЕАЭС они менее забюрократизированы, чем в Европейском союзе, хотя следует признать, требуется повышение оперативности и эффективности их интеграционного взаимодействия.

В ЕАЭС также проявляется негативная реакция на сокращение объемов взаимной торговли и финансовой поддержки со стороны России в условиях западных санкций, а также и российских контрсанкций. Это вызвано в том числе и возникшей цепной реакцией снижения курса национальных валют стран-членов по причине значительной девальвации российского рубля в ноябре 2014 г. Хотя объективной основой девальвации валют в других странах ЕАЭС является в первую очередь ухудшение их макроэкономических и финансовых показателей.

Для анализа интересов ЕАЭС в формировании БЕП важно оценить возможности многостороннего сотрудничества Евразийского союза с Китаем по реализации проекта «Экономический пояс шелкового пути» (ЭПШП). В результате подготовительной совместной работы в мае 2015 г. принято решение о сопряжении интеграционных процессов в ЕАЭС и проекта Китая по формированию ЭПШП. Созданная рабочая группа регулярно обсуждает инвестиционные инфраструктурные проекты, кооперацию в сфере высоких технологий, стимулирование и защиту взаимных инвестиций, решение инвестиционных споров.

Многовариантность и гибкость подхода к сотрудничеству в рамках проекта ЭПШП в полной мере соответствуют и интересам участия в нем в формате ЕАЭС и на двухсторонней основе государств-членов этого интеграционного объединения. Степень интересов этих стран определяется долей их участия в конкретных проектах. Например, в инфраструктурном проекте создания автодорожного международного транспортируемого коридора

[1] Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. Новости. Электронный ресурс. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/16-10-2015-2.aspx (дата обращения: 25.12.2016).

протяженностью 8445 км., доля территорий Китая составляет примерно 41%, Казахстана – 33%, России – 26%.

Проектируется софинансирование России и Китая при строительстве высокоскоростной железной дороги Москва-Казань. Из общего объема инвестиций (1 трлн. рублей) около половины составят кредиты китайских корпораций и Фонда Шелкового пути. В согласовании инвестиционных интересов ЕАЭС и Китая возможны двухсторонние соглашения по созданию экономических торгово-производственных зон в рамках ЭПШП. Об этом свидетельствует инициатива Белоруссии об участии КНР в новом индустриальном парке «Великий камень». По линии сопряжения интересов ЕАЭС-ЭПШП по либерализации торговли услугами вероятны двусторонние соглашения по либерализации туризма, по информационным услугам, электронной торговле. Для Китая актуально развитие выездного туризма, в том числе в Россию, особенно в ее дальневосточные регионы.

Специфика заинтересованности стран-членов Евразийского Союза в участии по формированию БЕП обусловлена особенностью этого сложного проекта. Речь идет о развитии многостороннего сотрудничества с участием стран ЕАЭС с неинтеграционными объединениями – Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Разный уровень интернационализации хозяйственных связей – более высокого интеграционного взаимодействия стран ЕАЭС по сравнению с неинтеграционным взаимодействием стран ШОС и АСЕАН определяет вектора заинтересованности России и других стран ЕАЭС в сотрудничестве с ними.

При анализе интересов России и государств-участников ЕАЭС, связанных с оценкой перспектив их многосторонней кооперации в рамках ШОС, речь идет в первую очередь о трех странах Евразийского союза – России, Казахстане, Киргизии – а также пяти стран-участниц ШОС: Китая, Индии, Пакистана, Таджикистана, Узбекистана, объединяющих почти 40% населения мира. Заинтересованность России и ЕАЭС в развитии многосторонней кооперации со странами ШОС возросла с принятием на саммите в Уфе (2015 г.) важного документа «Стратегия развития ШОС на период 2015-2025 годы». Особенность этой стратегии состоит в усилении экономического компонента, экономического взаимодействия с акцентом на взаимопомощь стран-участниц.

Сферой интересов России в сотрудничестве с государствами ШОС является использование возможностей взаимных расчетов в национальных валютах, а не в ведущих мировой валюте – долларе США, а также второй по значению мировой валюте – евро. Безусловно, расчеты в национальных валютах позволяют снизить трансакционные расходы, связанные с покупкой долларов и евро на национальную валюту, валютные риски. Однако при

этом возникает риск снижения российской экспортной валютной выручки по энергоносителям, номинированной в этих мировых валютах, как одного из источников пополнения бюджетных доходов и официальных резервов России, которые обеспечивают своевременное погашение международных обязательств государства по его импорту и внешней задолженности.

К сфере интересов России и ЕАЭС в сотрудничестве с ШОС относится их участие в созданном в 2013 г. «Межбанковом объединении» (МБО). В его составе: Банк развития Казахстана, Государственный банк развития Китая, Внешэкономбанк России, Национальный банк Казахстана, Национальный банк внешнеэкономической деятельности Узбекистана и Расчетно-сберегательная компания Киргизии. Сфера деятельности межбанкового объединения – прежде всего кредитование совместных инвестиций и, возможно, обслуживание взаимных расчетов в национальных валютах.

Таким образом, актуализация интересов России и всех стран ЕАЭС зависит от степени развития их многостороннего сотрудничества с ШОС, соотношения преимуществ и рисков потерь в связи с невысокой конкурентоспособностью государств-участников Евразийского союза.

Заинтересованность России и ЕАЭС в развитии многостороннего сотрудничества с таким участником проекта БЕП как АСЕАН определяется значительной ориентацией этой региональной организации на развитие многосторонней взаимной торговли и инвестиций. С одной стороны, это определяет шанс ЕАЭС увеличить его незначительную долю в совокупном экспорте и импорте стран АСЕАН (1.5% и 2% соответственно), хотя импортные пошлины в некоторых из них невысокие. С другой стороны, одновременно существует риск возникновения препятствий на пути реализации интересов России и ЕАЭС в сотрудничестве с АСЕАН. Это обусловлено тем, что соглашение об «Экономическом сообществе АСЕАН» (2 ноября 2015 г.) основано на двух принципах: 1) высокой степени либерализации движения факторов производства между странами-участниками; 2) значительными импортными пошлинами и нетарифными ограничениями в отношении третьих стран[1]. По отношению к государствам-членам АСЕАН имеется втрое меньше количественных торговых ограничений, чем со стороны АСЕАН к странам Евразийского Союза (например, по квотированию торговли определенными товарами, по оценке Всероссийской академии внешней торговли)[2].

Более очертаемую форму приобрели интересы ЕАЭС при подписании Соглашения о создании зоны свободной торговли с Вьетнамом, подпи-

[1] ASEAN (2015). ASEAN 2025. Forging ahead together.

[2] Электронный ресурс. – URL: apec-centre.ru/wp.content/uploads/2015/08pdf (дата обращения: 25.12.2016).

санного в 2015 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая в Пекине в мае 2017 г. на Форуме, посвященном проекту «Одни пояс, один путь», отметил вступление в силу этого соглашения в октябре 2016 г. Повышение шанса реализации интересов России и ЕАЭС обусловлено отсутствием в этом соглашении некоторых принципов, характерных для межрегиональных партнерств. Например, исключены положения об использовании инструментов нетарифного регулирования санитарных и фитосанитарных защитных мер; об изменении визовых режимов и увеличении квот на приток иностранной рабочей силы.

Россия заинтересована не менять визовый режим и не увеличивать квоту на трудовых мигрантов в отношениях с Вьетнамом, а также в незначительных ограничениях в сфере торговли услугами и инвестиций. В Соглашении о ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом отмечено, что их режим не должен быть менее благоприятным, чем для третьих стран, за исключением гарантий предусмотренных, соглашением о Евразийском экономическом союзе (2015 г.)[1]. В этом проявляется преимущество международных экономических отношений в формате ЕАЭС, а не только на двухсторонней основе стран-участниц.

В целом условия Соглашения о создании ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом наиболее толерантны и поэтому приемлемы как основа аналогичных соглашений с другими странами при осуществлении проекта Большого Евразийского экономического пространства.

Россия и ЕАЭС заинтересованы в создании условий взаимовыгодной торговли между Азией и Европой на основе общепризнанных прозрачных правил и стандартов ее регулирования. Но при этом важно учитывать особенности ЕАЭС как интеграционного регионального объединения (как и Европейского союза), где более высокий уровень интернационализации хозяйственных связей и их либерализации по сравнению с неинтеграционными региональными объединениями[2]. Это предопределяет необходимость применения режимов отношений государств-участников ЕАЭС к государствам-членам неинтеграционных объединений ШОС и АСЕАН как к третьим странам в соответствии с Договором о ЕАЭС без предоставления им интеграционных льгот, например, по снижению и тем более отмене таможенных пошлин.

В условиях невысокой конкурентоспособности России и других стран ЕАЭС реализация их интересов зависит от соотношения шанса получить преимущество многостороннего сотрудничества в формате Большого Евразийского партнерства и риска потерь от упущенных выгод. В этом отно-

[1] Цветов А. Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам. Электронный ресурс. – URL: lenta.ru/articles/2015/06/29/ (дата обращения: 25.12.2016).

[2] Красавина Л.Н. Концептуальные основы повышения интеграционного взаимодействия государств участников Европейского экономического союза // Деньги и кредит. – 2016. – № 12.

шении участие стран ЕАЭС в БЕП может стать дополнительным фактором повышения их конкурентоспособности.

Россия и ЕАЭС заинтересованы в участии в проекте создания Большого Евразийского партнерства на основе многостороннего и двухстороннего межрегионального сотрудничества трех региональных объединений ЕАЭС, ШОС, АСЕАН. Как подчеркнул президент РФ Путин В.В. в выступление на Форуме «Один пояс – один путь» (май 2017 г.) это позволит выйти на формирование единого экономического пространства от Атлантики до Тихого океана, повысит возможности получения выгод по линии упрощения регулирования многосторонних и двусторонних торговых и инвестиционных проектов.

Таким образом, реализация интересов России и ЕАЭС основывается на сопряжении их экономических интересов при участии в проекте Большого евразийского партнерства от Атлантики до Тихого океана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Договор о ЕАЭС. – 2015.
2. *Красавина Л.Н.* Концептуальные основы повышения интеграционного взаимодействия государств участников Европейского экономического союза // Деньги и кредит. – 2016. – № 12.
3. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. Новости. Электронный ресурс. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/16-10-2015-2.aspx.
4. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 17 июня 2016 г. Электронный ресурс. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178.
5. *Хейфец Б.А.* Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства: вызовы для России / монография / Институт экономики РАН. – М., 2016.
6. *Цветов А.* Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам. Электронный ресурс. – URL: lenta.ru/articles/2015/06/29/.
7. Электронный ресурс. – URL: http://eurasianeconomic.org/1001/2017/01/30/Ekonomicheskij-poyas-SHelkovogo-puti-i-Morskoj-SHelkovyj-put-21-go-veka.phtml.
8. Электронный ресурс. – URL: apec-centre.ru/wp.content/uploads/2015/08pdf.
9. ASEAN (2015). ASEAN 2025. Forging ahead together.

V.L. ABRAMOV
Doctor of Economics, Full Professor,
Chief Researcher, Institute for International Economic Relations,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow
O.D. ABRAMOVA
Doctor of Political Science, Full Professor,
Professor of the Department of Political Science
and Political Management of the Russian Academy
of National Economy and Public Service under the President
of the Russian Federation, Russia, Moscow

ECONOMIC INTERESTS OF RUSSIA AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN THE FORMATION OF THE GREATER EURASIAN PARTNERSHIP

The article is devoted to the study of problems and the determination of the possibilities for realizing the economic interests of Russia and the EAEU in the context of the Greater Eurasian partnership formation. The authors identify the challenges and threats that affect the interests of Russia and the EAEU, consider options for multilateral cooperation.It is justified that the formation of Greater Eurasia is intended to become one of the elements of the new world order, a response to the risks and challenges of the modern world, one of the main supporting frameworks of global world politics.

Key words: *economic interests, multilateral cooperation, Russia, EAEU, SCO, Silk road.*

УДК 329.17

О.Н. СЛОБОТЧИКОВ
кандидат политических наук, профессор, ректор НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», Россия, г. Москва
В.В. КИСЕЛЕВ
кандидат психологических наук, доцент кафедры мировых цивилизаций и мировой политики НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», Россия, г. Москва

ИРЛАНДСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ: ПРИЧИНЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье представлен анализ проблемы ирландского политического радикализма и его исторических, этнокультурных, экономических и политических детерминант. Рассмотрены предпосылки к борьбе Северной Ирландии за выход из состава Соединенного Королевства.

Ключевые слова: *политический радикализм, сепаратизм, Ирландия, Шинн Фейн, Ирландская республиканская армия, католики, протестанты, борьба за независимость, терроризм, ирредентизм, Ольстер, Брексит.*

Ирландский политический радикализм тесно связан с борьбой «Зеленого острова» за независимость от Великобритании и имеет многовековую трагическую историю. Противостояние ирландских католиков с английскими протестантами привело к кровавым событиям 1649-1653 гг., в результате которых армия Оливера Кромвеля победила ирландское сопротивление, жестоко вырезала католических священников, угнала в рабство тысячи ирландцев. Англичане устроили в Ирландии настоящий геноцид местного населения: католики лишились свободы вероисповедания и права на образование, шел интенсивный процесс отчуждения земель в пользу протестантских переселенцев из Англии и Шотландии, осевших преимущественно на территории современной Северной Ирландии, а коренных ирландцев, согласно акту «Ад или Коннахт», насильно переселяли в пустынную область Коннахт, за пределы которой им запрещалось выбираться под страхом смерти. Хотя акт не был реализован в полной мере, он привел к гибели 616 тыс. ирландцев, иммиграции 40 тыс. ирландцев в Европу и вывозу 100 тыс. ирландцев в Вест-Индию практически в качестве рабов[1]. Подобное отношение

[1] Афанасьев Г.Е. Судьбы Ирландии: Публ. лекции / Г.Е. Афанасьев. – Одесса: тип. «Одес. вестн.», 1887. – С. 88; Воронин Д. История почти всего. Практическое пособие поедателей времени. – М.: Издательские решения, 2017. – С. 1110.

со стороны победителей привело к радикализации ирландского общества, остро переживавшего свое бесправное, угнетенное положение на «Зеленом острове» и за его пределами, что способствовало росту ненависти к английским и шотландским протестантам-колонизаторам. Это, в свою очередь, стало причиной формирования национального самосознания ирландцев, их консолидации в рамках диаспор по всей Европе (в Париже, Антверпене, Саламанке, Виго и др. городах) и на Американском континенте. Впоследствии конфликты ирландцев с местным населением нашли отражение в шедевре голливудского кинематографа «Банды Нью-Йорка» (2002 г.), повествующем о суровых условиях борьбы за выживание ирландских иммигрантов, объединившихся в банду «Мертвые кролики», чтобы дать отпор «коренным» жителям – лицам, родившимся в США, из банды «Баури бойз» (см. рис. 1). К началу XX века ирландские банды объединились в мафиозные кланы, составившие серьезную конкуренцию итальянской мафии, а ирландская диаспора стала одной из самых многочисленных и могущественных в США.

Рисунок 1. Образ ирландских иммигрантов в США в голливудском кинематографе – герой Лиама Нисона с кельтским крестом в руках (кадр из фильма «Банды Нью-Йорка» режиссера Мартина Скорсезе)

Таким образом, англичане поступили крайне опрометчиво, поскольку нарушили все рекомендации по рациональному управлению новыми регионами в составе государства. Так, Никколо Макиавелли предлагал после завоевания новой страны для удержания власти в ней перенести на завоеванную территорию столицу объединенного государства и учредить колонии, разорив лишь малую часть населения (преимущественно главных

оппонентов и бунтовщиков)[1]. Такие меры способны укрепить авторитет завоевателя, консолидировать новые земли государя со старыми владениями в рамках единого государства и минимизировать социально-экономические дисбалансы, сохранив старую, привычную для коренного населения покоренной страны систему налогообложения. Однако этот план не был реализован, а англичане, напротив, вели себя по отношению к ирландцам по-варварски жестоко. В результате завоевания, население Ирландии сократилось до 750 тыс. человек (т.е. почти вдвое), народные протесты разгонялись, а владеть землей, покупать ее и продавать на Британских островах ирландцам строго запрещалось[2].

В дальнейшем английский гнет только усиливался, но и ирландская борьба с англичанами становилась все более ожесточенной. Так, Славная революция в Англии привела к гражданской войне в 1689-1691 гг. (Война двух королей) на острове Ирландия, где Яков II Стюарт готовил при поддержке ирландских католиков плацдарм для отвоевания британской короны. После провала якобитов жизнь среднестатистического ирландца стала похожей на испытание, многие из них выживали, питаясь одним только картофелем. Тяжелое экономическое положение Ирландии, политическая дискриминация католиков, жесткий протекционизм в английской экономике, ограничивавший поставки ирландских товаров, отставание Ирландии в индустриализации, нищета населения и отношение Лондона к ирландским землям как в дочерней колонии («child-colony») в XVIII веке привели к росту сепаратистских настроений и политического радикализма[3].

Война за независимость и образование США подали ирландцам позитивный пример отстаивания интересов в борьбе с Лондоном, стремившимся минимизировать центробежные настроения в Британской империи огнем и мечом. С начала 1776 года ирландцы активизируют лоббирование своих интересов в английской метрополии, установившей эмбарго на экспорт товаров из Ирландии в США, добиваются практически равного доступа к торговле с британскими колониями и снижения дискриминации католиков, но Ирландия при этом все еще оставалась старейшей колонией Великобритании. В 1798 году на «Зеленом острове» вспыхнуло восстание, поставившее под вопрос колониальный статус Ирландии. Как результат, первого января 1801 года вступил в силу Акт об англо-ирландской унии, закрепивший за Ирландией статус союзного государства в составе Великобритании, а ирландские депутаты получили места в Палате общин, хотя сам ирландский

[1] Макиавелли Н. Государь. О военном искусстве / Никколо Макиавелли, [пер. с итал.]. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – (Эксклюзивная классика). – С. 12-13.

[2] Воронин Д. История почти всего. Практическое пособие поедателей времени. – М.: Издательские решения, 2017. – С. 1110.

[3] Грудзинский В.В. Имперская проблема и англо-ирландская уния 1801 года // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 24 (379). – С. 122-136.

Рисунок 2. Герб города Дроэда (Республика Ирландия)

парламент был упразднен[1]. Таким образом, ирландцам удалось повысить свой региональный статус в составе королевства, но при этом пришлось лишиться политических инструментов для функционирования автономии с прицелом на последующую сецессию.

Тем не менее, эскалация англо-ирландского конфликта наступила в 1845-1849 гг., когда урожай картофеля в Ирландии значительно сократился из-за фитофтороза, в то время как протестанты-лендлорды повысили арендную плату за землю, чтобы «отбить» свои убытки, а это привело к гибели от голода почти миллиона человек, еще более миллиона ирландцев бежали из страны[2]. В Ирландии наступил Великий картофельный голод, не имевший аналогов по своему масштабу и усиливший движение за разрыв унии с Великобританией на фоне эпидемий холеры, тифа и других заболеваний. Несмотря на то, что Британия была самой богатой страной мира, гуманитарную помощь ирландцам решил оказать 31-ый султан Османской империи Абдул-Меджид I. Ужаснувшись от масштабов ирландской трагедии, султан отправил в ирландский город-порт Дроэда корабли с продовольствием и был готов пожертвовать до 10 тысяч фунтов стерлингов (что, впрочем, сделать не удалось в полной мере, так как королева Виктория запретила любую иностранную финансовую помощь, превышающую дотации со стороны английской короны)[3]. По одной из легенд жители города по достоинству оценили помощь османского султана и увековечили турецкую символику (звезду и полумесяц) на гербе Дроэды (см. рис. 2).

Великий картофельный голод в очередной раз привел к резкому сокращению ирландского населения на Британских островах: многие люди просто умирали от нехватки пищи, другие же пытались иммигрировать из Британии в поисках лучшей жизни. Эту национальную трагедию помнят в Ирландии и по сей день. Так, на одной из набережных Дублина можно посетить довольно мрачный по своему эмоциональному содержанию мемориал, посвященной голоду, подтолкнувшему ирландцев к иммиграции (см. рис. 3).

---

[1] Там же.

[2] Воронин Д. История почти всего. Практическое пособие поедателей времени. – М.: Издательские решения, 2017. – С. 1110; Deenihan Jimmy. Time to recall our Famine heroes. – URL: http://www.irishexaminer.com/viewpoints/analysis/time-to-recall-our-famine-heroes-263721.html (accessed 24.09.2017).

[3] Deenihan Jimmy. Time to recall our Famine heroes. – URL: http://www.irishexaminer.com/viewpoints/analysis/time-to-recall-our-famine-heroes-263721.html (accessed 24.09.2017).

Рисунок 3. Мемориал «Эмигранты. Голод» в г. Дублин
(скульптор Роуэн Гиллеспи)

В начале XX века англо-ирландский конфликт вновь стал набирать обороты. Так, в 1916 году в Дублине произошло вооруженное восстание ирландских республиканцев в Пасхальную неделю («Пасхальное восстание»), надеявшихся застать врасплох англичан, сконцентрировавшихся на событиях с полей сражений Первой мировой войны. Восстание перекинулось и на другие территории Ирландии, однако было подавлено англичанами и даже местными жителями-ирландцами, посчитавшими подобные действия в годы войны предательством[1]. Тем не менее, это восстание заложило организационные и идеологические основы Ирландской республиканской армии (ИРА), радикальной националистической боевой организации, которая ушла на недолгое время в подполье. Очередная эскалация конфликта произошла в 1919 году и связана с демаршем депутатов ирландского происхождения в британском парламенте, объявивших независимость Ирландии в одностороннем порядке. В результате начался вооруженный конфликт (больше напоминавший городскую герилью), вошедший в историю как Война за независимость Ирландии 1919-1921 гг. Самое активное участие в нем принимали боевики ИРА с одной стороны и британская армия, и констебли – с другой, а «Зеленый остров» раскололся на две части – южную и северную. Итогом войны стала независимость Ирландской Республики (южная часть острова, включившая в себя 26 графств) и инкорпорация Оль-

[1] Воронин Д. История почти всего. Практическое пособие поедателей времени. – М.: Издательские решения, 2017.

стера (северная часть острова), проголосовавшего за унию с британцами, в состав Соединенного Королевства[1]. Президентом независимой Ирландии был избран Имон де Валера, один из лидеров националистической партии Шинн Фейн (к слову сам де Валера родился в Нью-Йорке, а его мать была ирландской иммигранткой).

Несмотря на перемирие, ИРА продолжила бороться за независимость Ольстера от Великобритании и его объединение с католической Ирландией, вернувшись к своей террористической деятельности в 1954 году. Таким образом, отличительной чертой ирландского радикализма стали одновременно сепаратизм и ирредентизм – своеобразный симбиоз центробежных тенденций относительно Лондона и центростремительных относительно Дублина. Особого размаха деятельность ИРА достигла в 70-е гг. XX века, что можно объяснить возросшей социальной базой для вербовки боевиков, так как ирландцы-католики стали быстрее терять работу на фоне экономической нестабильности, нежели протестантское население[2]. Стоит отметить, что по своим методам политической борьбы ИРА больше напоминали исламских фундаменталистов (кстати, члены ИРА поддерживали тесные контакты с палестинскими боевиками, проходили подготовку на Ближнем Востоке и, очевидно, закупали там оружие). Тем не менее произошел раскол ИРА на фракции, которые стали противостоять друг другу. Фракция «временных» придерживалась тактики осуществления открытого террора[3]. Существовали и другие мощные фракции – например, «Официальная ИРА», склонная к марксизму. В данном случае в среде ирландских радикалов прослеживались тенденции сближения ультраправых и ультралевых ирландских сепаратистов. Это нельзя считать удивительным, поскольку ирландский вопрос серьезно и основательно рассматривался еще Карлом Марксом, внимание которого привлек подъем ирландской революционной борьбы за независимость. Карл Маркс активно критиковал лидеров английских тред-юнионов за оппортунизм относительно ирландского вопроса, а ирландское национально-освободительное движение считал «предварительным условием освобождения английского рабочего класса», хотя ранее полагал, что именно английский рабочий класс принесет свободу на «Зеленый остров»[4]. Национализм с марксистским уклоном был характерен и для

[1] Гирин Д. Вокруг света за 60 дерби: «Рейнджерс» – «Селтик» // Спорт-экспресс. Электронный ресурс. – URL: https://www.sport-express.ru/football/foreign/reviews/795119/ (дата обращения: 22.09.2017).

[2] Иванов П. Ирландская республиканская армия: террор по-европейски. Электронный ресурс. – URL: https://ria.ru/radio/20150202/1045448761.html (дата обращения: 22.09.2017).

[3] Гордиенко А.Н. Войны второй половины XX века / Авт.-сост. А.Н. Гордиенко. – Мн.: Литература, 1998. – С. 104. – (Энциклопедия военного искусства).

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 16. – 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – С. 407.

другой террористической сепаратистской боевой организации – Эускади та Аскатасуна (ЭТА), боровшейся за создание независимой Басконии на территории Испании и Франции. На данный момент консолидация левых радикалов с правыми радикалами уже не кажется чем-то невозможным, а представляет собой обычную политическую практику для европейских стран[1]. Можно констатировать, что «Официальная ИРА» была в авангарде борьбы с британцами, совершив ряд громких террористических акций, поразивших своим размахом и дерзостью всю Европу (см. рис. 4). Одновременно развернулась настоящая информационно-психологическая война в СМИ на Британских островах, в которой ирландские сепаратисты старались привлечь на свою сторону как можно больше единомышленников, распространяя информацию о жестокости британцев, а британцы активно пытались демонизировать оппонента[2]. При этом ирландские радикалы часто припоминали британцам их преступления, издевательские шутки и карикатуры, открыто обвиняя их в геноциде ирландского народа, религиозной нетерпимости и воинственном расизме[3].

Рисунок 4. Мемориальная доска Джо Макканна,
бойца «Официальной ИРА», совершившего неудачное покушение
на лидера Ольстерской юнионистской партии Джона Дэвида Тейлора

[1] Киселев В.В. Современный радикализм в Западной Европе // Россия и современная цивилизация. Материалы международной научно-практической конференции. – М.: Институт мировых цивилизаций, 2012. – С. 41-48.

[2] Curtis Liz. Ireland: The propaganda war. The British media and the «battle for hearts and minds». – Belfast: Sásta, 1998. – P. 346.

[3] Curtis Liz. Nothing but the same old story: the roots of anti-Irish racism. – Belfast: Sásta, 1996. – P. 104.

Рисунок 5. Боевики ИРА с флагами Ирландии на одном из своих парадов

К числу последних резонансных терактов ИРА можно отнести обстрел из миномета аэропорта Хитроу в 1994 году. В 2000 году боевики ИРА выстрелили из гранатомета РПГ-22 по зданию МИ-6. Несмотря на то, что в 2005 году руководство ИРА объявило об окончании вооруженной борьбы и переходе к политическим методам деятельности, свои акции члены организации прекратили только в 2010 году, хотя и сейчас в рядах ИРА состоят несколько сотен человек (см. рис. 5)[1].

Интересно, что противостояние ирландцев-католиков и протестантов-сторонников унии с Великобританией вылилось и на футбольное поле, причем в Шотландии, где исторически не любят католицизм. Так, в Глазго в 1790 году было 43 антикатолических общества, хотя католиков в чертогах города проживало всего лишь 39[2]. Поэтому дерби города Глазго между местными клубами «Селтик» и «Рейнджерс», которое в Европе называют не иначе как «Старая фирма», по своему накалу и принципиальности стоит особняком. Футбольный клуб «Селтик» (в переводе с английского – «Кельтский») был основан ирландским католическим священником братом Уолфридом, активно собиравшим средства для бедняков (главным образом, для ирландских иммигрантов, приехавших на заработки в Шотландию, и их семей), и использует в своей экипировке зеленый цвет – цвет Ирландии[3].

[1] Иванов П. Ирландская республиканская армия: террор по-европейски. Электронный ресурс. – URL: https://ria.ru/radio/20150202/1045448761.html (дата обращения: 22.09.2017).

[2] Минин С. Битвы «Старой фирмы» // Независимая газета. Электронный ресурс. – URL: http://www.ng.ru/style/2010-09-01/8_football.html (дата обращения: 22.09.2017).

[3] Гирин Д. Вокруг света за 60 дерби: «Рейнджерс» – «Селтик» // Спорт-экспресс. Электронный ресурс. – URL: https://www.sport-express.ru/football/foreign/reviews/795119/ (дата обращения: 22.09.2017).

Рисунок 6. Футболка футбольного клуба «Селтик» (Глазго) с ирландской эмблемой Национального дня памяти Великого голода

Постепенно ирландских иммигрантов в Шотландии становилось все больше, они создавали свои гетто в крупнейших городах. Это не нравилось местному протестантскому населению, активно поддерживающему клуб «Рейнджерс», на матчи которого шотландские фанаты до сих пор приходят с британскими флагами «Юнион Джек» и скандируют «No surrender», боевой клич армии Вильгельма III Оранского времен войны англичан и шотландцев с католиками-якобитами[1]. В ответ фанаты «Селтика» стали проносить на трибуны ирландские триколоры, а клуб время от времени выходит на поле в футболках с проирландскими нашивками (см. рис. 6).

Если в «Селтике» относительно терпимо относились к протестантам, то в «Рейнджерс» католикам было запрещено надевать футболку клуба с начала XX века. Трансфер 1989 года католика Мо Джонстона из «Селтика» в состав «рейнджеров» привел к акциям протеста, в результате которых торсида светло-синих жгла клубные шарфы и абонементы, а поклонники «кельтов» прозвали Джонстона Иудой[2]. Накал страстей до сих пор не охладел. Летом 2017 года на матче квалификации Лиги чемпионов УЕФА против клуба «Линфилд» из Северной Ирландии (за него болеют в основном протестанты-юнионисты) фанаты «Селтика» активно размахивали флагами Ирландской Республики, растянули на трибуне баннер, на котором был нарисован солдат ИРА, и распевали песни, восхваляющие ирландских борцов за свободу. По слухам, эту провокацию одобрило руководство клуба.

Современные реалии британской внешней политики вновь поставили на повестку дня вопрос о территориальной целостности страны, хотя сепаратистские настроения в Северной Ирландии были минимизированы, а радикальные политические организации подавлены. Лондон принял ряд

[1] Там же.

[2] Там же; Минин С. Битвы «Старой фирмы» // Независимая газета. Электронный ресурс. – URL: http://www.ng.ru/style/2010-09-01/8_football.html (дата обращения: 22.09.2017).

довольно успешных политических и экономических мер для стабилизации региона и обеспечения пусть и хрупкого, но относительно жизнеспособного баланса «центр – регионы», используя для этого главный рычаг региональной политики – экономическое стимулирование[1]. Так, в Ольстер были направлены существенные финансовые дотации, целью которых было создание новых рабочих мест и снижение социальной напряженности. К числу политических и управленческих мер поддержания стабильности можно отнести вынесение британскими судами довольно длительных приговоров для членов ИРА, рекрутирование бывших сепаратистов в органы власти с целью обеспечения их лояльности британским властям[2]. Однако уровень жизни в Ирландии является одним из самых высоких в Европе, чему свидетельствуют ряд экономических показателей. Согласно данным Евростата, на 1 января 2017 года Ирландия находится на втором месте после Люксембурга по размеру минимальной заработной платы (1563 евро), опережая по этому показателю лидеров Евросоюза – Францию и ФРГ[3]. Размер средней брутто-зарплаты в Ирландии без социальных выплат со стороны работодателя в Ирландии также один из самых высоких в Европе – 3810.17 евро (в Великобритании – 3482.35 евро), что позволяет сделать вывод об экономической привлекательности гражданства Ирландии с точки зрения участия в ирландской экономике[4].

Выход Великобритании из Европейского Союза вновь актуализировал противоречия внутри государства, которые способны привести к эскалации «спящих» конфликтов и сепаратистских настроений. Так, в ходе референдума о выходе Соединенного Королевства из ЕС 1,66 млн. шотландцев проголосовали против Брексит («за» – 1,01 млн. человек), причем против выхода из ЕС проголосовало и большинство жителей Северной Ирландии, главным образом, приживающих на юге Ольстера (всего около 56% североирландского электората), что позволило первому министру Шотландии и партии Шинн Фейн заявить о наплевательском отношении Лондона к национальным интересам шотландцев и североирландцев, а потому Ольстер будет добиваться объединения с Ирландией, а Шотландия – независимости[5]. В этом

---

[1] Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – С. 792.

[2] Иванов П. Ирландская республиканская армия: террор по-европейски. Электронный ресурс. – URL: https://ria.ru/radio/20150202/1045448761.html (дата обращения: 22.09.2017).

[3] Eurostat обнародовал данные о минимальных зарплатах в ЕС. Электронный ресурс. – URL: https://news.mail.ru/economics/28744686/ (дата обращения: 22.09.2017).

[4] Средние зарплаты в Европе: уровень выплат по странам Евросоюза, таблицы зарплат в 2017, 2016 году. Электронный ресурс. – URL: http://ru-geld.de/salary/europe.html (дата обращения: 22.09.2017).

[5] Коваленко Н. Евросоюз шантажирует Британию ирландским сепаратизмом // Взгляд. Электронный ресурс. – URL: https://vz.ru/world/2017/5/2/868685.html (дата обращения: 22.09.2017); Шотландия и Северная Ирландия проголосовали против Brexit. Электронный ресурс. – URL: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/576cb6f19a7947cdf26f9922 (дата обращения: 24.09.2017).

контексте шотландцы и ирландцы могут выступить единой коалицией против Великобритании, рискующей повторить печальную историю СССР и Югославии. Причем еще Джордж Оруэлл говорил о кельтском национализме, который способен объединить под своими знаменами шотландцев, валлийцев и ирландцев на идеологической платформе расизма. По мнению Джорджа Оруэлла, для кельтского национализма свойственно мнение, что «кельт духовно превосходит англосакса – он непосредственнее, больше одарен творчески, менее вульгарен, меньший сноб»[1].

Выход из ЕС и игнорирование региональных интересов в Великобритании наилучшим образом способствуют дальнейшим спекуляциям о независимости Шотландии и Ольстера. По итогам весенних выборов 2017 года в Ассамблею Северной Ирландии юнионисты в совокупности набрали почти столько же голосов местного электората, сколько получили вместе Шинн Фейн и Социал-демократическая и рабочая партия (СДРП), укрепившие свои позиции. Это дало повод Брюсселю использовать сепаратизм в Ольстере как инструмент давления на правительство Великобритании, а премьер-министру Ирландии Энду Кенни заявить о возможности членства Ольстера в ЕС после Брексит, но уже в составе единой Ирландии, увеличив общий ВВП «Зеленого острова» до 35,6 млрд евро[2]. Более того, согласно Соглашению Страстной Пятницы, Северная Ирландия имеет право воссоединиться с Республикой Ирландия, если за это проголосует большинство по обеим сторонам, а потому такой вариант развития событий кажется вполне реальным[3]. Перспектива североирландского референдума не выглядит призрачной еще и благодаря шотландскому примеру, поскольку Никола Стерджен, лидер Шотландской национальной партии и глава местной исполнительной власти, рассматривает возможность повтора референдума в Шотландии ввиду кардинального изменения экономической и политической ситуации в Европе и в самой Шотландии после Брексит, невыгодного для шотландской стороны[4].

Таким образом, можно отметить, что ирландский политический радикализм имеет свои характерные и неповторимые черты: ему свойственен ирредентизм, т.е. борьба за объедение разделенного государственными границами ирландского народа, эклектика национализма и ультралевых иде-

---

[1] Оруэлл Джордж. Заметки о национализме // Скотный Двор. Эссе, [сборник: перевод с английского]. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – (Эксклюзивная классика). – С. 219.

[2] Коваленко Н. Евросоюз шантажирует Британию ирландским сепаратизмом // Взгляд. Электронный ресурс. – URL: https://vz.ru/world/2017/5/2/868685.html (дата обращения: 22.09.2017).

[3] Северная Ирландия может стать частью Евросоюза после Brexit, сообщают СМИ. Электронный ресурс. – URL: https://ria.ru/world/20170328/1490982651.html (дата обращения: 24.09.2017).

[4] Проведение референдума о независимости Шотландии отложено до определения условий «Брексита». Электронный ресурс. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3433797 (дата обращения: 09.10.2017).

ологических установок, вековые традиции сопротивления британцам как результат интериоризации в массовом сознании рядовых ирландцев преступлений Лондона и религиозных войн. Несмотря на уход с политической арены ИРА, в авангарде дестабилизации ситуации в Ольстере остается партия Шинн Фейн, которая долгое время поддерживала тесные партнерские отношения с боевиками, но сейчас легализовалась в Ассамблее Северной Ирландии и Парламенте Республики Ирландия[1]. Очевидно, что эскалация борьбы за независимость Каталонии придаст уверенности ирландским радикалам, а последствия Брексит подготовят почву для рациональных аргументов по поводу дальнейших действий по организации референдума о независимости Ольстера, позволяя местным националистам грамотно использовать инструменты внушения и убеждения не только среди ирландцев, но и на европейской арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Афанасьев Г.Е.* Судьбы Ирландии: Публ. лекции. – Одесса: тип. «Одес. вестн.», 1887.

2. *Воронин Д.* История почти всего. Практическое пособие поедателей времени. – М.: Издательские решения, 2017.

3. *Гирин Д.* Вокруг света за 60 дерби: «Рейнджерс» – «Селтик» // Спорт-экспресс. Электронный ресурс. – URL: https://www.sport-express.ru/football/foreign/reviews/795119/.

4. *Гордиенко А.Н.* Войны второй половины XX века / Авт.-сост. А.Н. Гордиенко. – Мн.: Литература, 1998. – (Энциклопедия военного искусства).

5. *Грудзинский В.В.* Имперская проблема и англо-ирландская уния 1801 года // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 24 (379).

6. *Иванов П.* Ирландская республиканская армия: террор по-европейски. Электронный ресурс. – URL: https://ria.ru/radio/20150202/1045448761.html.

7. *Киселев В.В.* Современный радикализм в Западной Европе // Россия и современная цивилизация. Материалы международной научно-практической конференции. – М.: Институт мировых цивилизаций, 2012.

8. *Коваленко Н.* Евросоюз шантажирует Британию ирландским сепаратизмом // Взгляд. Электронный ресурс. – URL: https://vz.ru/world/2017/5/2/868685.html.

9. *Макиавелли Н.* Государь. О военном искусстве / Никколо Макиавелли, [пер. с итал.]. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – (Эксклюзивная классика).

10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – Т. 16. – 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960.

[1] Sinn Féin. – URL: http://www.sinnfein.ie/ (accessed 14.09.2017).

11. *Минин С.* Битвы «Старой фирмы» // Независимая газета. Электронный ресурс. – URL: http://www.ng.ru/style/2010-09-01/8_football.html.

12. *Оруэлл Джордж.* Заметки о национализме // Скотный Двор. Эссе, [сборник: перевод с английского]. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – (Эксклюзивная классика).

13. Проведение референдума о независимости Шотландии отложено до определения условий «Брексита». Электронный ресурс. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3433797.

14. Северная Ирландия может стать частью Евросоюза после Brexit, сообщают СМИ. Электронный ресурс. – URL: https://ria.ru/world/20170328/1490982651.html.

15. Средние зарплаты в Европе: уровень выплат по странам Евросоюза, таблицы зарплат в 2017, 2016 году. Электронный ресурс. – URL: http://rugeld.de/salary/europe.html.

16. *Туровский Р.Ф.* Политическая регионалистика. – М.: ГУ ВШЭ, 2006.

17. Шотландия и Северная Ирландия проголосовали против Brexit. Электронный ресурс. – URL: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/576cb6f19a7947cdf26f9922.

18. *Curtis Liz.* Ireland: The propaganda war. The British media and the «battle for hearts and minds». – Belfast: Sásta, 1998.

19. *Curtis Liz.* Nothing but the same old story: the roots of anti-Irish racism. – Belfast: Sásta, 1996.

20. *Deenihan Jimmy.* Time to recall our Famine heroes. – URL: http://www.irishexaminer.com/viewpoints/analysis/time-to-recall-our-famine-heroes-263721.html.

21. Eurostat обнародовал данные о минимальных зарплатах в ЕС. Электронный ресурс. – URL: https://news.mail.ru/economics/28744686/.

22. Sinn Féin. – URL: http://www.sinnfein.ie/.

O.N. SLOBOTCHIKOV
Ph.D. in Politics, professor,
rector of the Institute of World Civilizations,
Moscow, Russia
V.V. KISELEV
Ph.D. in Psychology, associate professor
of the Department of World Civilizations and World Politics
in the Institute of World Civilizations,
Moscow, Russia

THE IRISH POLITICAL RADICALISM: THE CAUSES AND POSSIBLE CONSEQUENCES

The analysis of the problem the Irish political radicalism and its historical, ethnocultural, economic and political determinants is presented in the article. The prerequisites for the struggle of Northern Ireland for the secession from the UK are considered.

Key words: *political radicalism, separatism, Ireland, Sinn Féin, the Irish Republican Army, Catholics, Protestants, a struggle for independence, terrorism, irredentism, Ulster, Brexit.*

УДК 32.327

ЛИ ДАНЬ
аспирант кафедры международных отношений Восточного института-Школы региональных и международных отношений Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток

ИЗУЧЕНИЕ РОССИИ В КНР: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Изучение Советского Союза и России в КНР имеет исторические традиции. В КНР опубликовано немало научных статей и монографий, посвященных различным аспектам истории и политики России. С начала XXI века китайско-российские отношения стратегического взаимодействия развиваются стабильно, достигнут ряд значительных успехов. В данной работе рассматриваются институты изучения России в КНР в XXI веке, которые по форме деятельности их можно разделить на партийные, правительственные, научно-исследовательские и образовательные. Эти институты изучают разных сфер России и влияют на формирование внешней политики Китая в отношении России. При этом в последние годы происходит увеличение количества и качества таких институтов, расширение тематики российских исследований на региональном уровне, в частности в Северо-Восточном Китае.

Ключевые слова: *КНР, институты изучения России, XXI век, региональный уровень, Северо-Восточный Китай.*

В XXI веке с улучшением отношений между Китаем и Россией увеличивается изучение России и периода СССР, и современного этапа, что затрагивает политическую, историческую, экономическую и другие сферы. Стратегическое партнерство России и Китая стало одним из приоритетных направлений внешнеполитического курса КНР с начала 2000-х годов и успешно продолжается. Это сильно способствует изучение России в Китае, особенно в Северо-Восточном Китае. По мнению Чжу Минцюаня из Фуданьского университета, «В первое десятилетие XXI века КНР и РФ широко и эффективно сотрудничали в двусторонних отношениях и ряду международных вопросов»[1].

[1] Чжу Минцюань. История современных международных отношений. – М.: Издательство Фуданьского университета. – Шанхай, 2013. – С. 208.

По форме деятельности институтов изучения России в КНР их можно разделить на три группы: партийные, правительственные, научно-исследовательские и образовательные.

Первую группу образуют партийные учреждения. В ее состав входят ЦК КПК, имеющий самые большие права в принятии внешнеполитических решений, Политбюро ЦК КПК и его Постоянный комитет. Но с началом XXI века происходит дальнейшее развитие данных учреждений. В 2000 г. ЦК КПК принял решение о создании Центральной ведущей группы национальной безопасности, которая должна работать совместно с Центральной ведущей группой иностранных дел в Кабинете иностранных дел ЦК КПК. Международный отдел ЦК КПК и Сектор России в Шестом управлении активизировали свою деятельность за счет тесных связей с основными партиями России, постепенно расширяя политическую основу китайско-российского стратегического партнерства. Также после восемнадцатого съезда в ноябре 2013 года ЦК КПК принял решение организовать Центральный совет национальной безопасности. Он стал важным элементом обеспечения внешней безопасности Китая[1].

Вторая группа состоит из правительственных учреждений, в виде специальных отделов по изучению России. В МИД КНР имеется Департамент стран Европы и Центральной Азии, который исследует и планирует отношения КНР со странами Европы и Центральной Азии, осуществляя контакты, связанные с этими регионами и странами, делает дипломатические представления и т.д. Например, 13 октября 2016 г. директор департамента Гуй Цунъюй в ходе встречи с делегацией СМИ России представил доклад о состоянии отношений между нашими странами и указал на большой потенциал и перспективы двустороннего сотрудничества при ответе на вопросы делегации[2]. В Министерстве коммерции работает Департамент Европы и Азии, занимающийся разработкой, организацией, реализацией стратегии и политики развития торгового сотрудничества со странами Европы и Азии. В департаменте Первый отдел специально работает по сотрудничеству с Россией. Директор этого департамента Лин Цзи сказал, «… у нашего реорганизованного департамента большие обязанности продвигать экономическое и торговое сотрудничество с государствами Европы и Азии, и мы будем стараться оказывать помощь предприятиям, которые стремятся войти на рынок Европы и Азии…»[3]. Представители этого департамента регулярно

---

[1] ЦК КПК создал Центральный совет национальной безопасности. Си Цзиньпин пребывал в должности председателя. Электронный ресурс. – URL: http://www.ahtv.cn/c/2014/0126/00210605.html (дата обращения: 25.10.2017).

[2] Директор Гуй Цунъюй встретился с делегацией СМИ России. Электронный ресурс. – URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/dozys_673577/xwlb_673579/t1405363.shtml (дата обращения: 13.10.2017).

[3] Директор Лин Цзи встретился с депутатом Государственной Думы РФ А.М. Бабаков. Электронный ресурс. – URL: http://oys.mofcom.gov.cn/article/tpxw/201606/201606 01331584.shtml (дата обращения: 02.06.2017).

встречаются с различными российскими деятелями. После 16-го съезда КПК КНР принцип «политического участия» всех слоев населения получает теоретический базис. В то время усиление роли провинций в принятии решений и в управлении страной отразила такая тенденция, как в рамках прежней социальной структуры обозначилось существенное, почти двукратное, увеличение представительства руководителей провинциального уровня[1].

На региональном уровне в каждой провинции и городе действуют кабинеты иностранных дел, которые работают для улучшения регионального сотрудничества с приграничными российскими территориями. Они также занимаются сбором информации для центральных государственных органов КНР. Региональные отделы составляют документы с предложениями и рекомендациями для центральных органов.

В северо-восточных провинциях Китая – Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин учреждения такого типа много занимаются делами по отношениям с Россией. Отделы занимаются не только поиском материалов и различных ресурсов для сотрудничества с Россией, но и организуют различные мероприятия и визиты с российскими учреждениями. Например, у провинции Хэйлунцзян существуют исторические дружественные отношения с Россией. В Кабинете иностранных дел правительства провинции Хэйлунцзян выделен Отдел сотрудничества с Россией, отвечающий за внедрение, регулирование и реализацию проектов и программ сотрудничества с Россией. А также Отдел Европы и Азии, который занимается отношениями наряду с Россией и другими странами СНГ. Кабинет выполняет решения ЦК КПК, регулирует контакты и сотрудничество между соответствующими органами провинции и регионами тех стран в разных сферах. Например, 10 мая 2016г. в ходе встречи замдиректора Кабинета иностранных дел провинции Хэйлунцзян Сун Минвэнь с Генеральным консулом РФ в Шэньяне обсудились вопросы оформления визы для разных делегаций двух стран, чтобы лучше проводить мероприятия, организованные двумя странами, и отдельно, и совместными силами[2].

Третья группа институтов включает различные исследовательские и образовательные учреждения, которые в свою очередь, делятся на центральные и региональные. Научно-исследовательские институты играют важную роль в изучении России, их количество постепенно увеличивается. Из девяти институтов, действующих в 1990-е гг., половина является академиями наук, как занимающий лидирующее место Институт России, Восточной Ев-

---

[1] Мамаева Н. Политика. КПК на современном этапе развития (конец XX – начало XXI века) // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 2. – С. 46, 49.

[2] Замдиректора Сун Минвэнь посетил Генеральное консульство России в Шэньяне. Электронный ресурс. – URL: http://www.hljswb.gov.cn/newsshow.php?cid=4&id=285&lanmu=1&zt=0 (дата обращения: 12.05.2017).

ропы и Центральной Азии АОН КНР, Центр российских и центрально-азиатских исследований Шанхайской академии международных исследований, Институт изучения России АОН провинции Хэйлунцзян и другие. А в течение последних пятнадцати лет в Китае прибавилось еще четырнадцать институтов по изучению России при университетах. Из них пять в Пекине, три в Харбине и два в Шанхае, по одному университету в городах Сиань, Сычуань, Шэньян и Хэфей. Конкретные данные приведены в следующей (Таблица 1).

Таблица 1

Институты по изучению России при университетах XXI века

№№	Название института	Год основания	Бывшее название	Руководитель
1	Институт изучения российского права, Хэйлунцзянский университет, г. Харбин	2001	Исследовательская группа проекта по изучению российских законов (1999)	Лю Чуньпин
2	Центр изучения России, Пекинский университет, г. Пекин	2001		Ли Фэнлинь
3	Центр изучения России и СНГ, Университет международной торговли и экономики, г. Пекин	2003		Цинь Сюаньжэнь
4	Центр российского права, Политики-юридический университет Китая, г. Пекин	2003		Хуан Даосю
5	Институт китайско-российских экономических и технических сотрудничеств, Харбинский политехнический университет, г. Харбин	2004		Сунь Чансюн
6	Центр изучения России и Центральной Азии, Фуданьский университет, г. Шанхай.	2005	Центр изучения России и Восточной Европы (2000)	Чжао Хуашэн
7	Институт изучения Азии и Европы, Сиъаньский транспортный университет, г. Сиъань	2006		Е Гохуа
8	Институт изучения России, Хэйлунцзянский университет, г. Харбин	2010	Институт изучения вопросов о России (1991)	Го Ли

№№	Название института	Год основания	Бывшее название	Руководитель
9	Центр изучения современной России, Сычуаньский университет, г. Сычуань	2010		Ли Джичан
10	Институт изучения экономики и политики России и Восточной Европы, Ляонинский университет, г. Шэньян	2010		Чэн Вэй
11	Центр изучения России, Пекинский педагогический университет, г. Пекин	2011		Лю Цзюань
12	Центр изучения России, Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай	2011		Ван Нин
13	Центр изучения России, Аньхойский университет, г. Хэфей	2014	Институт изучения России (1992)	Ши Хуншэн
14	НУК-СПГУ Центр исследования России, г. Пекин	2015		Гуань Сюелин

Таблица составлена автором на основании официальных сайтов этих университетов.

Все указанные институты специально изучают Россию, возросшее количество институтов, созданных после 2000 года, показывает, что двусторонние отношения между Россией и Китаем стали более активно развиваться. Данные институты призваны продвигать развитие дружественных отношений между КНР и РФ. По утверждению Руслана Изимова из Международной Тюркской академии, все исследовательские и образовательные институты Китая объединяет поставленная перед ними общая задача – содействие государственным органам страны в выработке концептуальных стратегий и программ[1]. Стоит отметить, что на Северо-Востоке Китая проводится много исследований России. Хэйлунцзянский университет занимает лидирующее место по изучению России и русского языка не только на Северо-Востоке Китая, но и в целом стране. В 2010 году в этом университете был создан Институт изучения России на базе Института изучения вопросов СССР. В настоящее время он является единственным институтом по специальному изучению России среди ВУЗов Китая. А в провинции Цзилинь с 1994 года действует Центр изучения Северо-Восточной Азии при

[1] Ruslan Izimov. Chinese think tanks and Central Asia. A new assessment // Voices from Central Asia. – 2015. – № 23. – С. 1-5.

Цзилиньском университете. Центр уже стал важным учреждением по изучению России, экономики, культуры и истории стран Северо-Восточной Азии и региональному сотрудничеству. При центре издается журнал «Форум Северо-Восточной Азии», который входит в перечень рецензируемых научных изданий Китая.

В заключении можно делать вывод, что в Китае научные исследования по изучению России успешно развиваются с начала нового века, их количество увеличивается даже в таких далеких от России провинциях Китая, как Сычуань и Аньхой. Хотя основной спрос на информацию о России исходит от государственных и партийных органов, но все больший интерес проявляют региональные институты, которые в основном занимаются сбором материалов и координацией сотрудничества с центральными институтами. В дальнейшем будет более активное изучение России в Китае, также увеличение количества и сфер изучения, особенно в приграничном регионе – Северо-Восточном Китае.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрамов В.Л., Абрамова О.Д.* Развитие инновационной экономики в КНР // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2013. – № 1.

2. *Абрамова О.Д.* Экономика России в условиях санкций: современное состояние и прогнозы развития // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2015. – № 1-2.

3. *Буянов В.С.* БРИКС как стратегический проект // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2017. – № 1.

4. Директор Гуй Цунъюй встретился с делегацией СМИ России. Электронный ресурс. – URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/dozys_673577/xwlb_673579/t1405363.shtml.

5. Замдиректора Сун Минвэнь посетил Генеральное консульство России в Шэньяне. Электронный ресурс. – URL: http://www.hljswb.gov.cn/newsshowphp?cid=4&id=285&lanmu=1&zt=0.

6. *Мамаева Н.* Политика. КПК на современном этапе развития (конец XX-начало XXI века) // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 2.

7. *Медведев Н.П.* Региональное развитие в условиях открытости государства: европейский и российский опыт // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. – 2014. – № 1.

8. *Михайленко А.Н.* Перспективные внешние направления развития Евразийского Экономического Союза // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – № 1.

9. *Ожиганов Э.Н.* Политика Российской Федерации на современном мировом рынке космических продуктов и услуг // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – № 4.

10. *Перская В.В.* Формирование устойчивых конкурентных преимуществ государств-членов ЕАЭС на основе реализации Экономического пояса Шелкового пути // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – № 3.

11. Слова руководства Департамента евразийских дел. Электронный ресурс. – URL: http://oys.mofcom.gov.cn/article/gywm/201405/20140500607952.shtml.

12. ЦК КПК создал Центральный совет национальной безопасности. Си Цзиньпин пребывал в должности председателя. Электронный ресурс. – URL: http://www.ahtv.cn/c/2014/0126/00210605.html.

13. *Чжу Минцюань.* История современных международных отношений. – М.: Издательство Фуданьского университета. – Шанхай, 2013.

14. *Явчуновская Р.А., Василенко А.М.* Научно-технологическая составляющая международного сотрудничества: концептуальные основы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2013. – № 2.

15. *Ruslan Izimov.* Chinese think tanks and Central Asia. A new assessment // Voices from Central Asia. – 2015. – № 23.

LI DAN
Candidate of the Department of international relations, School of regional and international relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

RUSSIAN RESEARCH IN CHINA: SITUATION AND PROSPECTS

The study of the Soviet Union and Russia in the PRC has historical traditions. In the PRC, many scientific articles and monographs on various aspects of Russian history and politics have been published. Since the beginning of the XXI st century, China-Russia strategic partnership has been developed steadily, and a number of significant successes have been achieved. This paper is about Chinese institutions of Russian research in the XXI st century, by their form of activity they can be divided into party, governmental, research and educational. These institutions research different spheres of Russia and influence on the formation of China's foreign policy towards Russia. At the same time, in recent years there has been an increase in the number and quality of such institutions, the expansion of the subject of Russian research at the regional level, particularly in Northeast China.

Key words: *PRC, institutions of Russian research, XXI-st century, regional level, Northeast China.*

УДК 32.327

ЧАН ХЫУ ТХАН
аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Вьетнам

ФАКТОРЫ, СНИЖАЮЩИЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ВЬЕТНАМЕ

Коррупция является сложным и исторически социальным феноменом, сопутствующим человеческому обществу. Во Вьетнаме коррупция существует на протяжении всей истории Вьетнама в разной степени. В настоящее время коррупция становится серьезной проблемой, затрагивающей многие аспекты экономической, социальной и политической жизни во Вьетнаме. Хотя коммунистическая партия Вьетнама и правительство Вьетнама активно борются с этой проблемой, обнародуя относительно всеобъемлющее антикоррупционное законодательство и принимая различные антикоррупционные меры по всей стране, эффективность антикоррупционной политики вызывает сомнения. Эта проблема развивается настолько серьезно, что на самом деле она становится самой серьезной угрозой легитимности Коммунистической партии Вьетнама. В этом документе содержится углубленный анализ факторов, снижающих эффективность антикоррупционной политики во Вьетнаме, и содержатся некоторые рекомендации по улучшению соблюдения антикоррупционной политики.

Ключевые слова: *коррупция, антикоррупционная политика, национальная безопасность, факторы, снижающие эффективность, Вьетнам, политическая система, социализм.*

Коррупция является одной из серьезных проблем во Вьетнаме, угрожая экономической и политической безопасности. Во Вьетнаме уже предпринят ряд мер, но до сих пор нет никаких признаков того, что коррупция Вьетнама находится под контролем. Согласно Международной оценке прозрачности (Transparency International) с 2007 по 2016 годы, Вьетнам несущественно изменил свой рейтинг по индексу коррупции. На приведенных ниже диаграммах представлен обзор рейтинга Вьетнама среди 176 опрошенных стран по всему миру по индексу коррупции с 2007 по 2016 год.

Можно видеть, что коррупция во Вьетнаме имеет тенденцию к небольшому снижению. В течение последних 10 лет он находился в диапазоне от 112 до 123 из 176 обследованных стран. Однако Вьетнам остается в группе стран с серьезной коррупцией.

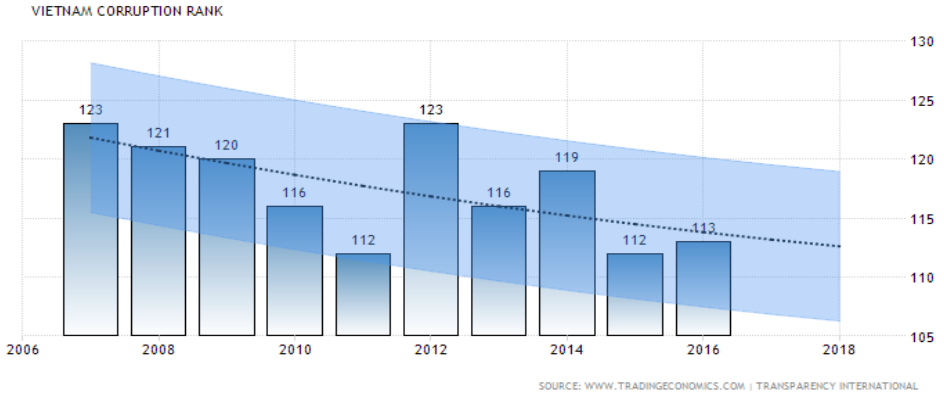


Диаграмма 1. Вторжение в коррупцию во Вьетнаме с 2007 по 2018 год по международной оценке прозрачности[1]

Сложный характер коррупции затрудняет потерпеть поражение, а вредные последствия коррупции подрывают доверие граждан к правящей партии. Граждане скептически относятся к политической воле Коммунистической партии и правительству Вьетнама в борьбе с коррупцией. Вопросы о причинах, по которым Вьетнам имеет относительно всеобъемлющее законодательство в борьбе с коррупцией и почему свершившаяся сторона ставит первоочередной приоритет для борьбы с коррупцией, но применение антикоррупционной политики не приводит к тому, что ожидаемые результаты анализируются в разных аспектах. Ниже приведен список факторов, снижающих эффективность антикоррупционной политики.

Прежде всего, подходы к борьбе с коррупцией представляют собой разрозненные и неконкурентные подходы, которые серьезно затрудняются группами интересов. Понимая негативные последствия коррупции для легитимности однопартийного режима, в 2009 году Вьетнам разработал стратегию предотвращения коррупции и повышения эффективности предотвращения и борьбы с коррупцией во Вьетнаме на период до 2020 года. С общей целью предотвращения и постепенного устранения коррупции и возможности для развития коррупции и развития здорового и эффективного правительства с этическими и неподкупными государственными служащими. Реализация стратегии борьбы с коррупцией осуществляется в основном в партии и в правительстве, отчасти потому, что партия и правительство не поощряют активное участие гражданского общества в этой борьбе, а отчасти потому, что гражданин боится, что «никакое взяточниче-

[1] Trade Economics. Vietnam Corruption Rank. URL: http://www.tradingeconomics.com/vietnam/corruption-rank/forecast (accessed 13.10.2017).

ство не означает завершение работы». Хотя почти все государственные учреждения разработали свои собственные планы борьбы с коррупцией в соответствии с национальной стратегией, эти планы часто формализованы. Не совсем ясно, как эти планы реализованы в реальности. Политическая воля просто инкапсулирована в планы, резолюции, заявления и юридические документы, но еще не подтверждена положительными результатами, поскольку выполнение антикоррупционных планов мешает групповым интересам. Интересы групп или групп интересов действительно существуют во вьетнамском обществе на протяжении всей истории, но появляются все чаще и развиваются с растущей скоростью, особенно после экономических реформ. Помимо членов партии, которые готовы бороться с коррупцией, небольшое число членов партии с деградированной моралью пытаются задушить или даже противостоять антикоррупционной политике для поддержания своих интересов. Эта печальная ситуация была подтверждена действующим Генеральным секретарем Коммунистической партии Вьетнама Нгуеном Фу Чонгом на конференции по реализации 4-го Центрального постановления «Дегенерация морали и образа жизни воплощена в эгоистичном, прагматичном, оппортунистическом и спекулятивном образе жизни, расточительность, коррупция, сектантство, локализм, бюрократия и нечувствительность к трудностям граждан и т. д. Общественность больше всего обеспокоена коррупцией, сектантством и групповыми интересами»[1]. Во Вьетнаме группы интересов очень разнообразны и сложны, с прочной связью с обладателями руководящих должностей в правительственных и партийных органах с людьми, которые используют преимущества государственной политики для получения прибыли. Группы интересов – это объединения отдельных лиц или организаций, которые на основе одной или нескольких общих проблем пытаются влиять на государственную политику в свою пользу, обычно путем лоббирования членов правительства. Для доступа к важной информации о государственной политике и нормативных актах, таких как налоги на землю, цены на землю, процентные ставки, цены на бензин, импорт золота или инвестиционный план до официального объявления, а также для того, чтобы воспользоваться некоторыми преломиями от лидеров, чтобы выиграть контракты или пакеты ставок, некоторые люди дают взятки старшим лидерам. Как только они попадают в группы интересов, они совершают проступки. Их действия подрывают репутацию партии и государства. В последнее десятилетие Вьетнам видел рост так называе-

[1] Деградация нравственности и образа жизни, нечувствительность к трудностям граждан и жадность власти среди правительственных чиновников (Cán bộ suy thoái sống ích kỷ, hám danh, ham quyền, vô cảm với dân). Электронный ресурс. – URL: http://dantri.com.vn/chinh-tri/can-bo-suy-thoai-song-ich-ky-ham-danh-ham-quyen-vo-cam-voi-dan-20161014194602753.htm (дата обращения: 20.01.2016).

мого «сверхбогатого» класса, который часто связан с политической элитой и оказывает существенное влияние на развитие политики. По данным социологического опроса «Коррупция с точки зрения граждан, фирм и государственных чиновников», 40% считают, что группы интересов используют связи для получения преимуществ, а 19% говорят, что группы интересов используют коррупцию для достижения своих целей[1]. Группы интересов вызвали множество препятствий для экономической и политической безопасности. Групповые интересы усугубили проблему коррупции и моральной и идеологической деградации государственных чиновников и членов партии. Борьба с групповыми интересами также означает борьбу с коррупцией и наоборот.

Отсутствие строгих санкций против коррумпированных людей, особенно старших офицеров и членов партии, вызывает озабоченность. Приверженность делу ликвидации коррупции и применения сурового наказания против коррумпированных людей, независимо от их профессиональных должностей и социального статуса, подтверждается в резолюциях партии и законодательства. Фактически, до сих пор было несколько случаев, когда некоторые высокопоставленные должностные лица были уволены или привлечены к ответственности за бесхозяйственность, но почти все они находятся на министерской должности. Например, вице-премьер-министр Нго Хуан Лок был изгнан из своего офиса Национальным собранием из-за его плохого управления, что привело к увеличению цен на цемент в 1995 году и его одобрению на выбор неквалифицированной компании в качестве победителя торгов на крупный и важный строительный проект, в котором также наблюдалась серьезная коррупция и незаконная покупка земли. В одном из самых крупных уголовных дел, связанных с общенациональной деятельностью организованной преступной группировки, возглавляемой Нам Кам в 2003 году, среди 154 обвиняемых, пытавшихся вместе с Нам Камом, были несколько старших должностных лиц Коммунистической партии Вьетнама, включая бывшего заместителя министра полиции Буй Куок Хуй, который был приговорен к трем годам тюремного заключения за нарушение служебных обязанностей в городе Хошимин, где действовала эта преступная банда); бывший глава государственного радиостанции Чан Маи Хань, которому был назначен десятилетний срок, и оштрафовали 128 миллионов донгов или 8000 долл. США за получение взятки и бывшую заместителя главы Верховной прокуратуры народа Фама Си Цзянь, которая также была при-

[1] World Bank and Vietnam Governmental Inspectorate. Corruption from the perspectives of citizens, firms and governmental officials. Results of sociological survey. – P. 98. – URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/989741468133546312/pdf/738070REVISED0000January02013000ENG.pdf (accessed 20.01.2016).

знана виновной в получении взятки и предоставила шестилетнее предложение плюс штраф в размере 434 млн. донгов (или 27,000 долл. США). Однако серьезность наказаний в отношении правонарушителей недостаточно сильна для предотвращения коррупции. Типичным примером является случай с заместителем министра торговли и промышленности. Со многими обвиняемыми ошибками в выравнивании государственного предприятия с 2004 по 2010 год она была вынуждена уйти в отставку до расписания без каких-либо дальнейших расследований, чтобы проверить происхождение активов около 5 млн. долларов под ее шествием и ее родственников которые, как предполагается, относятся к процессу выравнивания. С 1986 года только Динь Ла Тханг, член политбюро и секретарь партии города Хо Ши Минь (крупнейший город во Вьетнаме) получил предупреждение и был уволен из Политбюро 7 мая 2017 года из-за плохого управления, которое приводит к потере большой государственный капитал, когда он был секретарем коммунистического комитета и председателем Национальной нефтегазовой группы (Петровьетнам) с 2009 по 2011 год. После того, как он был дисциплинирован и уволен из Политбюро, он был переведен в Центральную экономическую комиссию для работы в качестве депутата, возглавляющего там с июня 2017 года. Вышеупомянутая ситуация ясно показывает, что, в отличие от Китая, Вьетнам все еще не готов разбираться с серьезными обвинениями в адрес высших или высших должностных лиц Коммунистической партии Вьетнама и правительства[1]. К сожалению, социологический опрос «Коррупция с точки зрения граждан, фирм и государственных чиновников» в 2012 году показывает, что более 90% людей считают, что коррумпированные люди не подвергаются суровому наказанию, а 91% считают, что отсутствие строгого и своевременного обращения с серьезными случаями вызвали цинизм в обществе[2].

Факт, способствующий распространению коррупции на государственной службе, – это моральная и идеологическая деградация правительственных чиновников и членов партии. Твердо построенная система Коммунистической партии Вьетнама от центрального к местному уровню вносит большой вклад в резонансные победы Вьетнама в разных войнах. Однако сейчас перед партией стоит серьезная проблема моральной и идеологической деградации членов партии, подтвержденная Нгуен Фу Чонгом, генеральным секретарем Коммунистической партии Вьетнама «Спад политической мысли, морали и образа жизни ряда членов партии не был оттолкнут,

[1] Vu Cong Giao. Anti-corruption versus political security: reflection on the Vietnamese context, Int. J. Diplomacy and Economy. – Vol. 2. – Nos. ½. – 2014. – P. 42-70.

[2] World Bank and Vietnam Governmental Inspectorate. Corruption from the perspectives of citizens, firms and governmental officials. Results of sociological survey. – P. 63. – URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/989741468133546312/pdf/738070REVISED0000January02013000ENG.pdf (accessed 20.01.2016).

но они продвигаются еще сложнее и сложнее. Коррупция, расточительность и негативность по-прежнему серьезны, особенно эти проблемы возникают среди ряда членов партии, занимающих высокие посты в государственном аппарате»[1]. С психологией наслаждения, быстрым поиском прибыли и чрезмерным вниманием к материалам некоторые правительственные чиновники и члены партии, особенно люди, работающие в секторах финансирования, аудита, инспекции, оценки проектов и т.д., используют свои полномочия и позиции для спроса на взятки или присвоения национального бюджета. Проявления деградации партийной системы и государственного аппарата включают непотизм. Из-за снижения политической идеологии и нравственности назначение и продвижение правительственных чиновников не основывается на квалификации и рабочем опыте, а также на ценностях взяточничества и семейных отношений. Одной из причин повышения подозрения людей в решимости партии по очистке аппарата государства и партии является ненадлежащее проведение процедур назначения и продвижения офицеров. Проблема «неправильного человека сидит в неправильном положении». Например, Ву Хуй Хоанг был принят для работы в Юго-западном руководящем комитете, который отвечает за руководство и надзор за провинциями в юго-западном регионе Вьетнама и непосредственно управляется и контролируется Политбюро в апреле 2014 года. В соответствии с процедурами, он должен был пройти 12-месячный испытательный срок до официального принятия, а затем продвижения по службе. Через 3 месяца после работы в комитете он был отправлен в Японию для прохождения программы докторантуры в течение трех лет с октября 2014 года по сентябрь 2017 года. В январе 2016 года, когда он находился на испытательном сроке, он был назначен заместителем главы Экономического Отдела в этом комитете, хотя он не был в офисе, чтобы выполнять свою работу. Через 32 дня после раскрутки он был переведен в Провинциальный народный комитет Кан-То, который затем продвинул его к заместителю директора Центра поощрения инвестиций этой провинции, хотя он еще не закончил свою докторскую программу. Это беспрецедентное продвижение было одним из 32 человек, которые были наняты и продвигались нечестно только в этой организации. Компетентные агентства обнаружили, что многие из них были завербованы и назначены благодаря их тесным отношениям с лидером комитета или лидерами других правительственных учреждений на разных уровнях, и их квалификация не соответствует требованиям к работе. В последнее время пресса обнаружила, что во многих государственных учреж-

[1] Моральная деградация ряда членов партии вызывает беспокойство (Suy thoái đạo đức ở một bộ phận cán bộ rất đáng ngại). Электронный ресурс. – URL: https://tuoitre.vn/suy-thoai-dao-duc-o-mot-bo-phan-can-bo-rat-dang-ngai-530900.htm (дата обращения: 10.11.2017).

дениях в провинциях и районах чаще появляется явление так называемой «семьи мандаринов» (другими словами, кумовство). Многие коррумпированные и некомпетентные кадры по-прежнему назначаются на высокие руководящие должности благодаря своим семейным и клановым отношениям. После того, как они будут назначены на ключевые должности, они сформируют группы интересов, скрывающие и защищающие друг друга. Например, в прессе сообщается, что 10 лидеров партийных и правительственных учреждений в районе Ким Дуонг провинции Хай Дуонг принадлежат к семье секретаря коммунистической партии этого района. Другая провинция, которая находится недалеко от провинции Хай Дуонг, является провинцией Бак-Нинь, где 25 руководящих должностей занимают родственники секретаря Коммунистической партии провинции. Возможно, все эти люди достаточно квалифицированы, чтобы удерживать свои нынешние позиции, но кровные отношения настолько заметны в таких небольших географических районах, что оптимистичные люди скептически относятся к процедурам отбора персонажей.

Четвертым фактором является неудачная реализация принципа критики и самокритики среди членов партии. Принцип критики и самокритики рассматривается как основное оружие коммунистической партии Вьетнама в борьбе с коррупцией внутри страны, но на практике она не полностью соблюдается. Например, Зыонг Чи Зунг, председатель правления вьетнамской государственной корпорацией Vinalines с 100% государственным капиталом, в процессе реализации проекта покупки плавучего дока для ремонта судов, подписал решение о покупке старых плавучих доков, которые были в поврежденном состоянии, и их эксплуатация была невозможна. Продавцом доков была компания «Находка» (Россия), которая предлагала сделку за сумму ниже на 5 млн.USD. Тем не менее, Зыонг Чи Зунг подписал решение о покупке плавучих доков за 14 млн. USD через посредническую компанию Сингапура. Таким образом, Зыонг Чи Зунг и его сообщники получили выгоду в сумме 1,7 млн. USD, в итоге Зыонг Чи Зунг был арестован по обвинению в коррупции и по решению суда от 17.05.2012 был приговорен к расстрелу. По факту, должностные лица и члены партии, совершенные в коррупцию, совершают долгий период до обнаружения. Бывший премьер-министр Вьетнама Нгуен Тан Зунг также признал, что «У Vinashin [крупнейшей судостроительной компании во Вьетнаме где Зыонг Чи Зунг работал] насчитывается до 6000 членов партии, но нет никаких сообщений о денонсации от каких-либо членов партии, в то время как лидеры этого кооператива давно совершили коррупцию, и они все еще избираются членами партии»[1]. Это показывает, что подход критики и самокритики не работает в борьбе с коррупцией,

[1] Опрос премьер-министра о других будущих «виналинах» (Thủ tướng người ta hỏi còn vinashine nào nữa không). Электронный ресурс. – URL: http://vietnamnet.vn/vn/thoi-su/thu-tuong-nguoi-ta-hoi-con-vina-nao-nua-105581.html (дата обращения: 20.01.2016).

потому что никто не осмеливался публично говорить о ошибках своих боссов на собраниях, даже когда они знали о них очень четко.

Коммунистическая партия Вьетнама и правительства не создали условий для трех важных субъектов, в том числе прессы, граждан и организаций гражданского общества, чтобы играть важную роль в борьбе с коррупцией. Это один из факторов, которые в настоящее время значительно препятствуют эффективному осуществлению антикоррупционной политики во Вьетнаме. Вьетнамский народ имеет мало доступа к антикоррупционному законодательству, особенно в отдаленных и изолированных районах, что приводит к низкой осведомленности о проблемах коррупции. В соответствии с показателем эффективности управления и государственной администрации Вьетнама в 2015 году только 43% граждан знают о законе о коррупции. С 2011 по 2015 год индекс только изменился на 1%, показывая, что правительство не смогло распространить антикоррупционное законодательство на граждан[1]. Отсутствие информации фактически препятствует гражданам выполнять свою антикоррупционную роль. Кроме того, отсутствие механизмов и специализированных учреждений для защиты мишеней явно мешает антикоррупционным агентствам получить доступ к хорошему источнику информации. Пресса не полностью независима для свободного выражения своих взглядов по вопросам коррупции. Организации гражданского общества еще не считаются реальным актором антикоррупции, что ограничивает их антикоррупционные способности. Более сильная готовность граждан сообщать о коррупционных актах может способствовать участие, как негосударственных субъектов, так и средств массовой информации, которые могут служить каналами для граждан сообщать о коррупции[2]. Это поможет Вьетнаму преодолеть систематическую и мелкую коррупцию.

Незаконное обогащение не было криминализировано в антикоррупционном законодательстве, но Вьетнам осуществил политику декларирования собственности, которая в принципе является хорошей мерой по предотвращению коррупции. Однако формальное осуществление этой политики не оказывает никакого влияния на предотвращение коррупции. Более миллиона правительственных должностных лиц обязаны ежегодно декларировать свои доходы и недвижимость, но ни одна специализированная организация не отвечает за проверку достоверности заявленной информации, что приводит к огромным грудам письменных заявлений в архивах. Фактически, незначительные санкции, такие как предупреждение за опыт обучения, бес-

[1] CECODES, VFF-CRT & UNDP. The Vietnam Provincial Governance and Public Administration Performance Index in 2015. Measuring citizens' experiences. – P. 63. – URL: http://papi.org.vn/eng/wp-content/uploads/2016/04/PAPI-2015_REPORT_ENGLISH-1.pdf (accessed 20.01.2016).

[2] CECODES, VFF-CRT & UNDP. The Vietnam Provincial Governance and Public Administration Performance Index in 2015. Measuring citizens' experiences. – P. 88. – URL: http://papi.org.vn/eng/wp-content/uploads/2016/04/PAPI-2015_REPORT_ENGLISH-1.pdf (accessed 20.01.2016).

полезны для предотвращения коррупции. Доверие граждан к этой политике очень невелико, причем 85% респондентов считают, что восстановление коррумпированных активов и репарации жертвы были слабыми[1]. При нынешнем уровне заработной платы, выплачиваемой государственным чиновникам, у нетрадиционных государственных служащих нормальная жизнь. Однако не редко можно увидеть, как высокопоставленные правительственные чиновники владеют виллами, превосходными квартирами и роскошными автомобилями и отправляют своих детей на учебу за границу. К сожалению, в этом парадоксе не было данных социологического опроса. Из-за отсутствия криминализации «незаконного обогащения» антикоррупционные агентства могут проводить свои расследования только для проверки происхождения имуществ, принадлежащих государственным должностным лицам, после получения писем о денонсации от граждан и информации из печати. Недавний случай с директором Департамента природных ресурсов и окружающей среды в провинции Йен Бай является хорошим примером политики отказа от декларирования собственности. Согласно выводам четырехмесячного расследования, обнародованного государственными инспекторами 23 октября 2017 года, он не объявлял несколько частей своих активов с 2014 года. В частности, этот чиновник не смог объявить 1200 квадратных метров земли и более 59000 квадратных метров сельскохозяйственные земли, а также банковский кредит на сумму 3,8 млрд. долл. США (166884 долл. США) в 2014 году. В 2015 году также было объявлено не более 13000 квадратных метров жилой площади, 41000 квадратных метров сельскохозяйственных угодий, банковского кредита в размере 6 млрд. донгов (263502 доллара США) и около 9,9 млрд. новозеландских долларов (83442 доллара США), одаренных его родителями. В 2016 году, после того как Фам Ши Куй был назначен директором провинциального отдела охраны окружающей среды, он не смог известить о более чем 7900 квадратных метрах жилых земель, 27336 квадратных метров сельскохозяйственных угодий, 600 квадратных метров дома в Минь Тан Уорд, город Йен Бай, еще чем 9 млрд донгов (395253 доллара США) банковских кредитов и 60 таблеток золота, заимствованных у его друзей. В течение трех последовательных лет его нечестная декларация была необнаруживаемой, хотя у него есть вилла, которая находится на красивом холме. Общественность очень заинтересована в том, чтобы узнать, откуда взялись его активы, и почему банк согласился предоставить ему такой большой кредит. Кажется, что общественность должна долго ждать, чтобы получить ответ, или они никогда не узнают его. Этот недостаток фактически является лазейкой в антикоррупционном законодательстве во Вьетнаме.

[1] World Bank and Vietnam Governmental Inspectorate. Corruption from the perspectives of citizens, firms and governmental officials. Results of sociological survey. – P. 63. – URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/989741468133546312/pdf/738070REVISED0000January02013000ENG.pdf (accessed 20.01.2016).

В любой стране судебная система всегда играет очень важную роль и вносит значительный вклад в успех борьбы с коррупцией при условии уважения независимости и беспристрастности судебной власти, и в стране есть хорошо обученные судьи. Большой проблемой, стоящей перед судебной властью Вьетнама, является неполная независимость и низкая производительность. Хотя Конституция Вьетнама 1992 года и Закон об организации народных судов предоставляют официальную независимость судебной системе, судебная система Вьетнама на практике по-прежнему регулируется Коммунистической партией Вьетнама[1]. Это связано с тем, что организация и функционирование государственного аппарата Вьетнама соответствуют принципу централизации, который не может обеспечить независимость суда. Вмешательства в судебные процессы относительно распространены в различных формах и на разных уровнях, в результате чего судьи иногда не могут принимать свои решения полностью объективно, беспристрастно и в соответствии с нормами права. Это особенно справедливо в отношении громких дел о коррупции, в которых, хотя судебное разбирательство не является полностью формальным, но приговоры обычно применяются, и Коммунистическая партия Вьетнама и правительства обычно оказывает влияние на судей до того, как дела будут рассмотрены. Во многих крупных случаях коррупции Верховный суд должен попросить инструкции у Коммунистической партии Вьетнама, прежде чем открыть судебный процесс о том, кто может быть обвинен и какие приговоры должны быть возвращены, поскольку нарушители являются почти высокопоставленными членами правительственных учреждений, а также старшие члены коммунистической партии Вьетнама. Подобная история происходит в местных судах, где судьи, рассматривающие дело о коррупции, должны просить указания не только от верховных судов, но и от партийных частей Коммунистической партии Вьетнама[2]. В дополнение к его зависимому статусу существуют некоторые другие факторы, способствующие слабости судебной власти в борьбе с коррупцией во Вьетнаме. Низкий профессионализм судей влияет на эффективность борьбы с коррупцией. Баснически, вьетнамские судьи, особенно в местных судах, не прошли адекватную подготовку по вопросам борьбы с коррупционными делами, в то время как наблюдается рост сложности дел с коррупцией. В то же время судьи не обязаны указывать причины своих решений, в то время как судебные решения редко становятся общедоступными (хотя Верховный суд недавно начал публиковать свои решения), и нет никаких уникальных положений о свистках в судебных органах. Эти причины объясняют, почему

[1] Независимая судебная система, несколько теоретических и практических вопросов (Tư pháp độc lập, một số vấn đề lý luận và thực tiễn). Электронный ресурс. – URL: http://tks.edu.vn/thong-tin-khoa-hoc/chi-tiet/119/511 (дата обращения: 15.10.2017).

[2] Vu Cong Giao. Anti-corruption versus political security: reflection on the Vietnamese context, Int. J. Diplomacy and Economy. – Vol. 2. – Nos. ½. – 2014. – P. 42-70.

некоторые судьи и секретари суда принимают на себя риск получить взятки, а затем уменьшить санкции в отношении правонарушителей. Граждане по-прежнему считают, что коррупция происходит только на досудебной стадии со многими известными случаями, когда правительственные инспекторы и прокуроры получали взятки за то, что они не принесли дело о коррупции в суд, но реальность показывает, что коррупция также имеет место во время судебного разбирательства. Например, Фан Ван Куанг, судья Народного суда округа Нам Дан, провинция Нге Ан получил взятку в размере 20 млн. донгов от другого судьи Во Та Чыонга, чтобы уменьшить санкции против Ле Ван Ван, который совершил азартные игры из тюрьмы на испытательный срок в 2014 году. После обнаружения взяточничества Куанг был приговорен к тюремному заключению на 6 лет, а Труонг – 2 года. В 2015 году, Чыонг Ви Ван, судья района Да Хуай, провинция Лам Донг, также был заключен в тюрьму на 7 лет за получение взятки в размере 50 млн. донгов или 2500 долл. США за вынесение вердикта, в котором Нгуен Чан Куан, который убил участников дорожного движения в автомобиле несчастный случай получил 12-месячное испытательное время вместо имплантирования.

И последнее, но не менее важное: некоторые ограничения соблюдаются в антикоррупционном законодательстве. Вьетнам сопоставим с другими странами региона с точки зрения количества законов, регулирующих коррупционные преступления, но необходимо учитывать отсутствие единообразия в этих законах. Хотя эта слабость, которая была освещена в антикоррупционной стратегии Вьетнама к 2020 году, еще не была окончательно решена. Например, в 2005 году в законе о борьбе с коррупцией произошли два пересмотра, которые касались только административных вопросов и мер профилактики. Сфера применения еще не расширилась в частном секторе, исключая, таким образом, антикоррупционные агентства, занимающиеся рассмотрением дел о коррупции в совместных предприятиях и акционерных обществах, где доля государства составляет значительную часть не менее 50%, а играют все более важную роль в экономике. Незаконное обогащение, которое еще не было криминализировано в антикоррупционной законодательной базе, представляет собой серьезную проблему для борьбы с коррупцией. Согласно социологическому исследованию по коррупции, проведенному Всемирным банком и Правительственной инспекцией, правительственные чиновники также выразили обеспокоенность по поводу качества законов о борьбе с коррупцией, и около 78% считают, что законы слишком общие, они являются лишь формальными, и некоторые из них устарели[1].

[1] World Bank and Vietnam Governmental Inspectorate. Corruption from the perspectives of citizens, firms and governmental officials. Results of sociological survey. – P. 63. – URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/989741468133546312/pdf/738070REVISED0000January02013000ENG.pdf (accessed 20.01.2016).

Эти факторы фактически препятствовали осуществлению антитеррористической политики Вьетнама. Очень важно, чтобы вьетнамская коммунистическая партия и правительство Вьетнама уделяли больше внимания вышеуказанным факторам путем реализации четырех рекомендованных групп мер:

1. Совершенствовать антикоррупционное законодательство, такое как криминализация «незаконного обогащения» и добавление положений, связанных с ценностью подарков, чтобы уменьшить вероятность того, что правительство будет использовать традиционные праздничные дни для получения взятки в законы о борьбе с коррупцией, улучшения процедур декларирования активов (сокращение количества люди, которые обязаны объявлять активы, публиковать результаты декларации активов для общественности и прессы, создавать агентство для проверки точности декларации, принимать сильные санкции против недобросовестных декларантов и т.д.), принять закон о создании и функционировании ассоциации, чтобы организации гражданского общества более активно участвовать в борьбе с коррупцией.

2. Совершенствовать сектор государственного управления путем упрощения административных процедур и применения технологий для уменьшения неудобств и бюрократии, содействия административным процедурам для граждан и повышения качества административных услуг, выполняемых государственными служащими.

3. Обеспечить условия для эффективного осуществления антикоррупционной политики, такие как повышение прозрачности и нравственности правительственных чиновников и членов партии, принятие сильных санкций против развратителей независимо от их социального и политического статуса, обеспечение независимости антикоррупционных агентств без какого-либо вмешательства со стороны партии в расследование, процесс судебного разбирательства, совершенствование механизма защиты ударников, содействие участию организаций гражданского общества, средств массовой информации и граждан в борьбе с коррупцией, совершенствование процедур найма и продвижения персонала на основе квалификации, морали и опыта и т.д.

4. Содействовать повышению осведомленности о предотвращении коррупции людей и предприятий для создания культуры без терпимости к коррупции. В настоящее время большинство рекомендаций сосредоточено на снижении вероятности коррупции и расширении возможностей обнаружения коррупции. Однако очевидно, что коррупция исходит как от дачи взяточничества, так и от получателей взяточничества. Поэтому необходимо поддерживать и поощрять предприятия к разработке и внедрению корпоративных норм и стандартов в области борьбы с коррупцией и повышению их корпоративной социальной ответственности, с тем чтобы они стали союзниками в борьбе с коррупцией. В то же время правительству следует принять различные меры для повышения осведомленности граждан о том, чтобы они отказались давать взятки и стали готовыми осудить коррупционные деяния.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Закон о борьбе с коррупцией в 2005 году (с исправлениями и дополнениями в 2007 и 2012 годах) и руководящие принципы исполнения. – Ханой: Изд-во национальная политика – правда, 2013.

2. *Медведев Н.П., Чернышов С.И.* К вопросу о сущности понятия «политическая деятельность» // Вопросы политологии. – 2015. – № 4.

3. *Муравых А.И.* Угрозы глобальной безопасности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – № 2.

4. *Нгуен Суан Чыонг.* Предотвращение и борьба с коррупционными преступлениями с иностранными элементами в контексте глобализации. – Ханой: Изд-во национальная политика, 2012.

5. *Нгуен Куок Шыу*. Предотвращение коррупции в государственных службах во Вьетнаме. Теория и практика. – Ханой: Изд-во национальная политика – правда, 2013.

6. Независимая судебная система, несколько теоретических и практических вопросов. Электронный ресурс. – URL: http://tks.edu.vn/thong-tin-khoa-hoc/chi-tiet/119/511.

7. *Нисневич Ю.А.* Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса. – М., 2017.

8. *Нисневич Ю.А.* Проблемы концептуализации феномена коррупции. Часть 1 // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – № 1.

9. *Нисневич Ю.А.* Проблемы концептуализации феномена коррупции. Часть II // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – № 2.

10. Опрос премьер-министра о других будущих «виналинах». Электронный ресурс. – URL: http://vietnamnet.vn/vn/thoi-su/thu-tuong-nguoi-ta-hoi-con-vina-nao-nua-105581.html.

11. *Саруханян В.О., Гусарская Т.А.* Коррупция и отмывание денег: современные вызовы для государственной системы. Часть I // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – № 1.

12. *Саруханян В.О., Гусарская Т.А.* Коррупция и отмывание денег: современные вызовы для государственной системы. Часть II // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – № 2.

13. Стратегию предотвращения коррупции и повышения эффективности профилактики и борьбы с коррупцией во Вьетнаме к 2020 году. Электронный ресурс. – URL: http://www.thanhtra.gov.vn/ct/vbpq/Lists/LawDocument/View_Detail.aspx?ItemID=630&Page=1.

14. *Фам Нгок Хиен & Фам Ань Туан.* Вопросы и ответы о борьбе с коррупцией. – Ханой: Изд-во национальная политика, 2012.

15. *Фан Суан Сон, Фам Тхе Лык.* Выявление коррупции и антикоррупционных мер в современном Вьетнаме. – Ханой: Изд-во национальная политика, 2008.

16. CECODES, VFF-CRT & UNDP. The Vietnam Provincial Governance and Public Administration Performance Index in 2015. Measuring citizens' experiences. – URL: http://papi.org.vn/eng/wp-content/uploads/2016/04/PAPI-2015_REPORT_ENGLISH-1.pdf.

17. Transperancy International. Corruption Perception Index in Vietnam. – URL: http://www.tradingeconomics.com/vietnam/corruption-rank/forecast.

18. *Vu Cong Giao.* Anti-corruption versus political security: reflection on the Vietnamese context, Int. J. Diplomacy and Economy. – Vol. 2. – Nos. ½. – 2014.

19. World Bank and Vietnam Governmental Inspectorate. Corruption from the perspectives of citizens, firms and governmental officials. Results of sociological survey. – URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/989741468133546312/pdf/738070REVISED0000January02013000ENG.pdf.

TRAN HUU THAN
Post-graduate student at the Chair of Political Analysis and Management, Russian People's Friendship University, Vietnam

FACTORS THAT REDUCE THE EFFECTIVENESS OF ANTI-CORRUPTION POLICY IMPLEMENTATION IN CONTEMPORARY VIETNAM

Corruption is a complex and historical social phenomenon that accompanies with the human society. In Vietnam, corruption exists throughout Vietnam's history with different level of impacts. Although the Communist Party of Vietnam and the Government of Vietnam actively fight against this problem by promulgating a relatively comprehensive anticorruption legislation and taking different anticorruption measures nationwide, the effectiveness of the anticorruption policy is questionable. This problem is progressing so seriously that it actually becomes the most serious threat to the legitimacy of the Communist Party of Vietnam as conceded in many party documents. This paper provides an in-depth analysis of factors reducing the effectiveness of implementing the anticorruption policies in Vietnam and makes some recommendations for improving the enforcement of anticorruption policies.

Key words: *corruption, anti-corruption policy, national security, efficiency-reducing factors, Vietnam, political system, socialism.*

УДК 32.327

В.В. ПАВЛОВ
аспирант кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ДОНАЛЬДЕ ДЖОНЕ ТРАМПЕ: ПЕРВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Статья является попыткой первичного осмысления особенностей функционирования Совета национальной безопасности США и системы принятия внешнеполитических решений при Президенте Дональде Джоне Трампе. Автор делает вывод о продолжающемся процессе концентрации влияния на процессы формирования внешней политики США в Белом доме при усилении тенденций к деформализации процесса с учетом сложностей, связанных с факторами влияния ключевых игроков системы и общей внутриполитической ситуации в Вашингтоне.

Ключевые слова: *Дональд Трамп, Совет национальной безопасности, внешняя политика США.*

Период, прошедший с момента инаугурации Дональда Джона **Трампа** (Donald John Trump), первые шаги новой Республиканской Администрации на международной арене, а также известные факты о функционировании системы принятия внешнеполитических решений при Президенте позволяют предварительно охарактеризовать особенности работы Совета национальной безопасности США при Д. Трампе с учетом влияния личности Президента, а также его ближайших советников. Реализации данной научной задачи способствуют анализ профессионального профиля Президента и его советников, а также недавней предвыборной кампании.

Д. Трамп критиковал американские военные союзы и уровень финансового участия в них партнеров США; выступал против торговых соглашений США и поддерживал введение тарифов; проявлял симпатии к подходам «сильных» лидеров. Он последовательно отстаивал данные взгляды на протяжении 30 лет, которые предшествовали его избранию на пост Президента США. Иными словами, Д. Трамп убежден, что США получали недостаточные «компенсации» за поддержание миропорядка и защиту союзников[1].

[1] Wright Thomas. “Trump’s Team of Rivals, Riven by Distrust”. – URL: http://foreignpolicy.com/2016/12/14/trumps-team-of-rivals-riven-by-distrust/?utm_content=buffer2891c&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer (accessed 30.09.2017).

Д. Трамп спроецировал принципы ведения бизнеса на предвыборную кампанию, полагаясь на узкий круг лояльных (но не обязательно компетентных) советников (в частности, значительное влияние на Д. Трампа оказывают его родственники: дети – **Дональд-мл. (**Donald Jr.), Иванка (Ivanka) и Эрик (Eric); Джаред Кушнер (Jared Kushner) – зять Президента, бизнесмен, владелец газеты «The New York Observer» и представитель одной из наиболее влиятельных еврейских семей Нью-Йорка). Такой подход, перенесенный на период пребывания в офисе, препятствует попаданию к Президенту любых «внешних» мнений. Поэтому делегирование полномочий опытным специалистам будет неэффективным, если они не пользуются доверием Президента.

Основные лозунги его предвыборной кампании – «Вернем Америке ее величие!» (Make America Great Again!) и «Америка прежде всего» (America First). В основе видения Президента – примат экономики, прагматизма и т.н. национального эгоизма, а основная потребность – это «наведение порядка» внутри собственных границ. Эти лозунги напрямую противоречат точке зрения, согласно которой глобальный миропорядок, основывающийся на либеральной демократии, является основой американского могущества и процветания. Д. Трампа отличает непредсказуемость; он склонен мыслить крупными общими идеями, руководствоваться интуицией, умеет изучить свою «аудиторию» и подать ей «правильный» контент. Д. Трамп ориентирован на успех и популярность собственного образа[1].

Изначальный Кабинет Д. Трампа по большей части состоял «из амбициозных политиков-непрофессионалов, либо из профессионалов-ренегатов, […] борцов с системой»[2]:

Вице-Президент Майкл Ричард «Майк» Пенс (Michael Richard «Mike» Pence) – бывший член Палаты представителей, и Губернатор штата Индиана, консервативный республиканский политик, необходимая опытная «политическая ширма» кабинета Д. Трампа.

Первый Советник по вопросам национальной безопасности Майкл Томас Флинн (Michael Thomas Flynn) – Генерал-Лейтенант в отставке, посвятивший большую часть жизни службе в армии и имеющий несколько высших военных образований, 18-й директор Разведывательного управления Министерства обороны США при Президенте Б. Обаме (ушел в отставку на фоне конфликтов с представителями Демократической Администрации).

---

[1] Сушенцов А., Ребро О., Сучков М. и др. Следующий Президент США: Профессиональные профили Хиллари Клинтон и Дональда Трампа. Электронный ресурс. – URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/sleduyuschiy-prezident-ssha-professionalnyy-profili-hillari-klinton-i-donalda-trampa/ (дата обращения: 30.09.2017).

[2] Атасунцев А., Зубов Н. Двадцатка Трампа: Кому новый президент США доверил управление Америкой. Электронный ресурс. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3201309 (дата обращения: 30.09.2017).

Кандидатура Рекса Уэйна Тиллерсона (Rex Wayne Tillerson) на пост Госсекретаря США была выдвинута по инициативе группы в составе Кондолизы Райс, Стивена Хедли, Роберта Гейтса и Джеймса Бейкера, которых М. Пенс попросил о помощи, когда поиски подходящего кандидата в команде Д. Трампа зашли в тупик. Личность Р. Тиллерсона – главы компании «Эксон Мобил» (Exxon Mobil Corporation) и успешного бизнесмена, прошедшего карьерный путь от простого инженера до Главного исполнительного директора, с хорошими связями с иностранными политиками самого разного уровня, – была положительно воспринята Д. Трампом. В своей бизнес-практике на ключевой должности в «Эксон Мобил» Р. Тиллерсон не раз занимал позицию (иногда открыто, иногда делал это кулуарно), которая противоречила официальной линии Администрации Б. Обамы. Р. Тиррельсона можно охарактеризовать как прагматика и, скорее, консерватора[1].

Министр обороны Джеймс Норман Мэттис (James Norman Mattis) – отставной генерал Корпуса морской пехоты США. Дж. Мэттис посвятил всю жизнь военной службе, получив сразу несколько высших военных образований. Принимал участие в операциях «Щит пустыни» (Operation Desert Shield) и «Буря в пустыне» (Operation Desert Storm) в Персидском заливе, командовал Оперативно-тактической группой 58 (Task Force 58) в ходе операции «Несокрушимая свобода» (Operation Enduring Freedom) в Афганистане, 1-ой дивизией Корпуса морской пехоты США в период военной операции США в Ираке в 2000-х гг., а также возглавлял Центральное командование вооруженных сил США (USCENTCOM).

За время службы Дж. Меттис заслужил прозвища «Бешенный пес» (Mad Dog), а также «Боевой монах» (Warrior Monk), поскольку никогда не состоял в браке и не имел детей. Дж. Мэттис является сторонником более активного, но при этом – продуманного, использования американской военной мощи, в том числе, и для поддержки американских союзников за рубежом.

Хотя Дж. Мэттис нередко оказывался втянутым в скандалы в связи с его заявлениями, которые могли идти вразрез с мнением официального Пентагона, генерал пользуется уважением в военных кругах, при том как у низшего, так и у офицерского состава. Следует отметить, что в целом позиции Дж. Мэттиса и Президента Д. Трампа по ряду ключевых вопросов развития вооруженных сил США и военной политики скорее совпадают[2].

---

[1] Ребро О. Профиль кандидата на пост Госсекретаря США Рекса Тиллерсона. Электронный ресурс. – URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/profil-kandidata-na-post-gossekretarya-ssha-reksa-tillersona/ (дата обращения: 30.09.2017); Rex W. Tillerson. – URL: https://www.state.gov/r/pa/ei/biog/267393.htm (accessed 30.09.2017).

[2] Атасунцев А., Зубов Н. Двадцатка Трампа; Суховерхов К. Профиль следующего Министра обороны США Джеймса Мэттиса. Электронный ресурс. – URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/profil-sleduyuschego-ministra-oborony-ssha-dzheymsa-mettisa/ (дата обращения: 30.09.2017); Jim Mattis. Secretary of Defense. – URL: https://www.defense.gov/About/Biographies/Biography-View/Article/1055835/james-mattis/ (accessed 30.09.2017).

«Оригинальную» команду Д. Трампа в сфере национальной безопасности можно условно разделить на три блока: сторонники политики «Америка прежде всего» (America Firsters), «религиозные воины» (religious warriors) и традиционалисты (traditionalists).

И если к первому лагерю можно отнести, к примеру, Стивена Кевина «Стива» Бэннона (Stephen Kevin «Steve» Bannon), в целом, такая политика не находит широкой поддержки в республиканском истеблишменте.

Именно в момент острой критики М. Флинн становится советником Президента и вместе с ним на политическую арену выходят т.н. «религиозные воины» – когорта республиканцев, которая не сместила акцент с «войны» против радикального исламизма и терроризма на проблему сохранения американского лидерства в Европе и Восточной Азии. Два данных вопроса можно считать ключевыми внешнеполитическими реперными точками Республиканской партии после террористических актов 11 сентября 2001 г. Именно первый аспект важен для значительной части республиканского электората и активно продвигался в предвыборной кампании Д. Трампа, поскольку, в том числе, в данных терминах «прорекламировать» идею «America First» было реальнее.

Крыло традиционалистов, в свою очередь, закрывает оставшиеся бреши в стратегии первых двух групп. Эти политики и эксперты (например, Дж. Мэттис, Митт Ромни, Ричард Хаас, С. Хедли) в целом разделяют положения внешнеполитического консенсуса относительно правильной стратегии США после окончания Второй мировой войны и видят свою задачу в приведение внешней политики Д. Трампа в более мейнстримовское русло.

В результате каждая из «фракций» заинтересована в ограничении свободы двух других, однако для этого требуется сотрудничество с каждой из них. Потребность в таком балансе может дать ответ на вопрос, почему Д. Трамп изначально сделал выбор именно в пользу треугольника М. Флинн – Дж. Мэттис – Р. Тиррельсон[1].

Законодательную базу функционирования Совета национальной безопасности США при Д. Трампе обеспечивает «Меморандум об организации», который был издан 28 января 2017 г. Организация Совета национальной безопасности и Системы Совета, в целом, следует традиции, установленной при предшествующих президентских администрациях. При этом в документе отмечается, что с учетом трансграничности угроз XXI в. совещательные структуры при Президенте должны демонстрировать возможность к трансформации и адаптации. При том, что Президент остается председателем Советов национальной и внутренней безопасности, отмеча-

[1] Wright Thomas. “Trump’s Team of Rivals, Riven by Distrust”. – URL: http://foreignpolicy.com/2016/12/14/trumps-team-of-rivals-riven-by-distrust/?utm_content=buffer2891c&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer (accessed 30.09.2017).

ется, что в его отсутствие и по его указанию Вице-Президент «может председательствовать» на заседаниях. Такая формулировка, очевидно, создает потенциал к борьбе за влияние и столкновению интересов Вице-Президента и Советника по вопросам национальной безопасности (и соответственно, по внутренней безопасности), который традиционно председательствует на заседаниях Совета в подобных ситуациях (то же закладывается и в Комитете заместителей). При этом определение повестки остается в ведении Советника.

Также расширяется круг должностных лиц, которые «приглашаются в качестве участников на любое заседание СНБ» (а также могут присутствовать на встрече Комитета директоров). Среди них Глава Аппарата, Главный специалист по вопросам стратегии, Советник Президента и др. В такой ситуации Совет может «раздуваться» до состояния, в котором его работа будет либо неэффективной, либо указанные выше лица будут иметь большее влияние на Президента, поскольку выбраны и подотчетны ему лично и не представляют какую-либо государственную бюрократию. Это может быть особенно вероятно в случае с Директором Национальной разведки и Главой Комитета начальников штабов, которые, хотя и сохраняют свое постоянное присутствие в Совете («shall also attend»), по сути, исключаются из заседаний Комитета директоров и приглашаются лишь в случае рассмотрения повестки, имеющей отношение к их работе. При этом сложным представляется спроектировать ситуацию, при которой мнение, как минимум, Директора Национальной разведки можно не учитывать при рассмотрении вопросов по проблематике национальной безопасности[1].

13 февраля 2017 г. М. Флинн ушел в отставку на фоне сообщений о том, что политик ввел в заблуждение высокопоставленных членов Администрации относительно содержания бесед с Послом Российской Федерации Сергеем Кисляком в декабре 2016 г. Джозеф Кит Келлог-мл. (Joseph Keith Kellogg Jr.) – также отставной генерал – занял пост и.о. Советника по вопросам национальной безопасности[2].

Генерал-лейтенант Герберт Рэймонд «Г.Р.» МакМастер (Herbert Raymond «H.R.» McMaster) был назначен на должность Советника по вопросам национальной безопасности 20 февраля 2017 г. Г. МакМастер – профессиональный военный, писатель, доктор философии, принимал участие в активных фазах двух операций США в регионе Персидского залива, служил в Афганистане. В период второй иракской кампании Г. МакМастер зарекомендовал себя в качестве одного из лучших специалистов по противоповстанческим

[1] Presidential Memorandum. Organization of the National Security Council and the Homeland Security Council. January 28, 2017. – URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/28/presidential-memorandum-organization-national-security-council-and (accessed 01.10.2017).

[2] Berman Russell. “The Resignation of Michael Flynn”. – URL: https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/02/the-resignation-of-michael-flynn/516579/ (accessed 01.10.2017).

операциям. Знающие его люди описывают Г. МакМастера как преданного долгу солдата и высокоинтеллектуального человека, который не боится высказывать неудобную правду вышестоящим чинам и политикам и добиваться поставленных целей даже в случае противодействия официальных лиц. В отличие от большинства других назначений, выдвижение Г. МакМастера на должность Советника снискало одобрение как у сторонников, так и у противников Д. Трампа в Вашингтоне. Стоит, однако отметить, что задача нового Советника была вдвойне непростой: Г. МакМастер вынужден не только заручиться доверием Д. Трампа в ситуации, когда в Белом доме особенно велика роль иных советников Президента, но и выстроить работоспособную централизированную систему принятия решений, значительной заинтересованности в которой, как минимум, в начале своего президентства не проявляли ни Д. Трамп, ни его ближайшее окружение[1].

В начале апреля 2017 г. стало известно, что С. Бэннон – бывший глава влиятельного консервативного «Breitbart News» и основной стратег предвыборной команды Д. Трампа – лишился своего места в Совете национальной безопасности (не исключено, что это было связано с назначением на должность Г. МакМастера). При этом политик продолжал оставаться Советником Президента, а Группа стратегических инициатив (Strategic Initiatives Group), подотчетная непосредственно С. Бэннону, продолжила свое функционирование. Группа de facto являлась отдельным аналитическим центром, разрабатывающим рекомендации для Президента. Ряд аналитиков расценивали ее как отдельный значимый центр силы в Белом доме – наряду с Советом национальной безопасности и командой Вице-Президента[2].

Переходный период в Администрации Д. Трампа был связан со многими сложностями в вопросах закрытия целого ряда вакантных постов разного уровня в связи с разными позициями советников Президента и министров, отсутствием кандидатур или неспособностью назначенных лиц исполнять некоторые специфические задачи, которые имеют отношение к ряду должностей[3].

В первые месяцы президентства Д. Трампа от источников, знакомых с ситуацией внутри Администрации, начала поступать информация о том, что Президент был разочарован невозможностью управлять страной таким же об-

---

[1] De Luce Dan. “From ‘Dereliction of Duty’ to Trump’s White House”. – URL: http://foreignpolicy.com/2017/02/20/from-dereliction-of-duty-to-trumps-white-house/ (accessed 01.10.2017).

[2] Buncombe Andrew. “Steve Bannon ‘removed from National Security Council’ but remains Donald Trump’s chief strategist”. – URL: http://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/steve-bannon-national-security-council-remove-donald-trump-chief-strategist-white-house-a7668676.html (accessed 01.10.2017).

[3] De Luce Dan and John Hudson. “Trump’s National Security Team Is Missing in Action”. – URL: http://foreignpolicy.com/2017/01/18/trumps-national-security-team-is-missing-in-action/?utm_content=buffer6e24d (accessed 30.09.2017).

разом, как и корпорацией. Масштабы бюрократии, несогласные судьи, необходимость взаимодействия с Республиканцами на Капитолийском холме, утечка информации и разногласия между членами Совета национальной безопасности – все это затормаживало процесс принятия решений и их реализацию, что не могло нравиться Президенту, который на основе собственного профессионального опыта привык к диаметрально противоположной ситуации[1].

При этом утечки также свидетельствуют о том, что в конфиденциальной обстановке Д. Трамп высказывал мнение, что «система» на самом деле не сможет помешать Президенту назначать в Правительство желаемых должностных лиц или реализовывать политические проекты.

Основываясь на собственном профессиональном опыте, Д. Трамп также склонен переадресовывать детальные вопросы своим советникам, к примеру, С. Бэннону или Дж. Кушнеру. Президент также часто задает «простые» вопросы при обсуждении «сложных» тем, а при чрезмерном погружении в детали меняет тему обсуждения, чтобы создавалось впечатление, «будто [Президент – Авт.] все время контролирует ситуацию»[2].

По мнению признанного специалиста по вопросам функционирования американских президентских администраций Джеймса Манна, Совет национальной безопасности Д. Трампа принципиально отличается от советов шести предыдущих республиканских администраций, которые занимали Белый дом с момента окончания Второй мировой войны. Советники при прошлых президентах-республиканцах ранее могли входить в первый или второй «эшелоны» президентских кабинетов или аппарата системы национальной безопасности и обладали тем самым «внешнеполитическим опытом». Кроме того, основные советники Д. Трампа также не были ранее знакомы друг с другом и имеют ряд расхождений во взглядах.

Как показывает практика, опытные должностные лица не всегда способны сформировать эффективный внешнеполитический курс; в равной степени разность во взглядах не обязательно означает паралич системы принятия решений. При этом, однако, многое зависит от наличия стратегического видения и умения извлекать выгоду из дискуссии. Именно здесь важна личность Президента. Д. Трамп же, по мнению Дж. Манна, не предлагает жизнеспособной стратегии и склонен просто принимать сторону победителя, когда «баталии» среди его советников подойдут к концу[3].

---

[1] Isenstadt Alex Vogel P. Kenneth and Josh Dawsey. “Trump vexed by challenges, scale of government”. – URL: http://www.politico.com/story/2017/02/donald-trump-challenges-governing-presidency-234879 (accessed 01.10.2017).

[2] Buncombe Andrew. “Donald Trump ‘surprised he cannot run the US government like his businesses’, aides reveal”. – URL: http://www.independent.co.uk/news/world/americas/donald-trump-surprise-run-us-government-like-business-president-scale-limits-white-house-executive-a7573601.html (accessed 01.10.2017).

[3] Mann James. “Donald Trump’s Foreign Policy Team: Built to Fail”. – URL: https://www.nytimes.com/2016/12/17/opinion/sunday/donald-trumps-foreign-policy-team-built-to-fail.html?mcubz=0 (accessed 01.10.2017).

Проведение внешней политики новой Республиканской Администрацией, несомненно, осложнено как ситуацией, складывающейся в Белом доме и Совете национальной безопасности, так и известными скандалами, и подозрениями, а также противодействием со стороны вашингтонского истеблишмента, который всячески будет усложнять процесс принятия и реализации президентских инициатив. В этом контексте открытым остается два вопроса: (1) является ли т.н. «трампизм» случайным исключением из правил или проявлением новой формирующейся реальности американской политики; и (2) насколько американские лидерство, мощь и влияние пострадают за период президентства Д. Трампа. Ответы на данные вопросы еще только предстоит сформулировать. Что же касается системы принятия решений при Президенте США, то уже сейчас с уверенностью можно констатировать, что Д. Трамп продолжил известную тенденцию, направленную на концентрацию контроля над внешней политикой в Белом доме, делая ставку на неформальные и более компактные и закрытые механизмы принятия решений, подключив при этом к процессу собственную семью, что можно считать определенным нововведением для современного американского президентства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Атасунцев А., Зубов Н.* Двадцатка Трампа: Кому новый президент США доверил управление Америкой. Электронный ресурс. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3201309.

2. *Ребро О.* Профиль кандидата на пост Госсекретаря США Рекса Тиллерсона. Электронный ресурс. – URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/profil-kandidata-na-post-gossekretarya-ssha-reksa-tillersona/.

3. *Суховерхов К.* Профиль следующего Министра обороны США Джеймса Мэттиса. Электронный ресурс. – URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/profil-sleduyuschego-ministra-oborony-ssha-dzheymsa-mettisa/.

4. *Сушенцов А., Ребро О., Сучков М. и др.* Следующий Президент США: Профессиональные профили Хиллари Клинтон и Дональда Трампа. Электронный ресурс. – URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/sleduyuschiy-prezident-ssha-professionalnyy-profili-hillari-klinton-i-donalda-trampa/.

5. *Berman Russell.* “The Resignation of Michael Flynn”. – URL: https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/02/the-resignation-of-michael-flynn/516579/.

6. *Buncombe Andrew.* “Donald Trump ‘surprised he cannot run the US government like his businesses’, aides reveal”. – URL: http://www.independent.co.uk/news/world/americas/donald-trump-surprise-run-us-government-like-business-president-scale-limits-white-house-executive-a7573601.html.

7. *Buncombe Andrew.* “Steve Bannon ‘removed from National Security Council’ but remains Donald Trump’s chief strategist”. – URL: http://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/steve-bannon-national-security-council-remove-donald-trump-chief-strategist-white-house-a7668676.html.

8. *De Luce Dan.* “From ‘Dereliction of Duty’ to Trump’s White House”. – URL: http://foreignpolicy.com/2017/02/20/from-dereliction-of-duty-to-trumps-white-house/.

9. *De Luce Dan and John Hudson.* “Trump’s National Security Team Is Missing in Action”. – URL: http://foreignpolicy.com/2017/01/18/trumps-national-security-team-is-missing-in-action/?utm_content=buffer6e24d.

10. *Isenstadt Alex Vogel P. Kenneth and Josh Dawsey.* “Trump vexed by challenges, scale of government”. – URL: http://www.politico.com/story/2017/02/donald-trump-challenges-governing-presidency-234879.

11. *Jim Mattis.* Secretary of Defense. – URL: https://www.defense.gov/About/Biographies/Biography-View/Article/1055835/james-mattis/.

12. *Mann James.* “Donald Trump’s Foreign Policy Team: Built to Fail”. – URL: https://www.nytimes.com/2016/12/17/opinion/sunday/donald-trumps-foreign-policy-team-built-to-fail.html?mcubz=0.

13. Presidential Memorandum. Organization of the National Security Council and the Homeland Security Council. January 28, 2017. – URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/28/presidential-memorandum-organization-national-security-council-and.

14. *Rex W. Tillerson.* – URL: https://www.state.gov/r/pa/ei/biog/267393.htm.

15. *Wright Thomas.* “Trump’s Team of Rivals, Riven by Distrust”. – URL: http://foreignpolicy.com/2016/12/14/trumps-team-of-rivals-riven-by-distrust/?utm_content=buffer2891c&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer.

V.V. PAVLOV
PhD student, Department of Political Science
and Public Administration, School of Public Policy,
The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia

THE U.S. NATIONAL SECURITY COUNCIL UNDER DONALD JOHN TRUMP: THE EARLY INSIGHTS

The article under consideration represents an attempt of a preliminary assessment of the U.S. National Security Council and foreign policy decision-making system functioning under President Donald John Trump. The author believes that the process of control concentration over foreign policy formulation in the White House is still evident with the growing tendency towards the process de-formalization. The abovementioned facts are subject to key engaged personalities influence and current political developments in Washington, D.C. – both generally bringing complexities thereto.

Key words: *Donald Trump, the National Security Council, the U.S. foreign policy.*

УДК 32.327

САЗЕДУЛ ИСЛАМ
аспирант кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ В НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ БАНГЛАДЕШ

Терроризм является одной из самых распространенных проблем в мире. В некоторых странах это явление считается основным препятствием для развития государства. В данной статье анализируется эволюция военных настроений и движений в странах Южной Азии, включая Афганистан, Пакистан, Индию и Бангладеш. Военные настроения распространились в этом регионе после войны между Афганистаном и Советским Союзом. В статье рассматривается взаимосвязь исламской военизации и политического процесса в Республике Бангладеш. Автором отмечается, что военные группировки не только тесно связаны с исламскими политическими партиями, но также иногда пользуются поддержкой светских политиков, чтобы получить политические выгоды. В результате, военизированность и фундаментализм способствуют развитию политического кризиса в Народной Республике Бангладеш.

Ключевые слова: *терроризм, фундаментализм, секуляризм, демократия, дискриминация, ИС.*

MD SAZEDUL ISLAM
Department of comparative politics
People's Friendship University,
Moscow, Russia

RISE OF MILITANCY AND TERRORISM AND THE POLITICAL CRISIS OF BANGLADESH

Terrorism is one of the common problem in the world. For some countries it is considered as the major obstruction to develop the nation. In this article it is analyzed the evolution of militancy in south Asian countries including Afghanistan, Pakistan, India and Bangladesh. Militancy got a powerful shape after the war of Afghanistan and Soviet union, then it was extented in this region. The article explores the intimacy between Islamic militancy and the politics in

Bangladesh. Through this article it is observed that militant groups are not only closely connected with the Islamic political parties but also sometimes patronized by the secular politician in order to get the political benefits. As a result militancy and fundamentalism are creating a political crisis in Bangladesh.

Key words: *Terrorism, Fundamentalism, Secularism, Democracy, Discrimination, IS.*

Terrorism is a global phenomenon, it is considered by the scholars as a social fact, sometimes as a crime. Terrorism is more extreme than most common crimes since it often involves the their victimization. This terrorism has been discussed first as a political trend and movement; second, by the religious movement; thirdly, a movement pursuing far-reaching political goals that go beyond the overthrow of individual regimes or rulers, the seizure of individual territories or countries. (Vitaly Tretyakov, 2015).

The term "terrorism "is defined in many ways, the most commonly accepted definition by UN which was produced in 1992 "An anxiety inspiring method of repeated violent action, employed by (semi) clandestine individual, group or state actors, for idiosyncratic, criminal or political reasons, whereby in contrast to assassination the direct targets of violence are not the main targets". Recently the term militancy has become the synonym of terrorism, it is the product of fundamentalism. (Rahman & Kashem, 2016).

It is the number one problem for many countries in south Asia like Afghanistan and Pakistan. Just two decades ago "Al Qaeda" and Taliban were the well known militant organizations in the world. Now there are many militant groups such as "Boko Haram" in Nigeria, "Al-Shabab" in Somalia, IS in Syria, Bin Laden front line, Al Nusra and Ansar Al Sharia in libya e.t.c. According to the western intelligence report the number of the small and big militant organizations in the world is around five thousand. (Sharker, Bijon, 2015).

After the attack of September 11, western researchers identified that poverty is the main reason to be attracted to terrorism. Many of them claimed after observing Taliban leadership, structure of the different terrorist groups and the role of some religious educational institute (Madrassa) that, it was the religious education which was the source of extremism. But soon these ideas faced the challenges, because it was found later many of the leaders and the suicide bombers were not belong to any religious institutions rather they had modern education and belong to rich family. In this circumstances it is found that to increase terrorism there is no any single factor. There are some factors which are responsible to spread terrorism. They are: Socioeconomically, political, cultural and global. Socio–economic drivers refer the social isolation, polarization, discrimination, depression and deprivation. Violation of human rights, harsh persecution of the government, deprivation of political rights are included in political drivers. Cultural drivers are connected with

the idea that Islam or a particular religion and culture is attacked or threatened by others. In global drivers having a concept that Muslim community are the victim of oppression and discrimination everywhere. (Riaz Ali, 2016).

Some scholars mention that the concept of enemy of Islam is also the influencing factors to develop militancy in the world. Domination and foreign policy of USA, Western Europe and transnational corporations in Islamic and Arab countries is one of the main reason to consider USA and Europe as the common enemy of Islamic terrorist groups of the world. Western governments have been pursuing the policy of the most active, even military, intervention in the affairs of the countries concerned and overthrowing the regimes and rulers existing there, the most irreconcilable and radical part of the Islamic community decided to postpone the struggle for its civilization to the territory of the enemy, that is, to the US and Europe. In this sense, we must recognize that modern international terrorism is the answer to the actions of modern Western imperialism (Vitaly Tretyakov, 2015).

The democratic government who are supported by USA and Western Europe are also regarded as enemies of terrorist groups, as a result for them it's a duty to fight against internal defense (police, army) of the country. As we can see in Pakistan .Afghanistan, India and in Bangladesh the people from police and army are often target of killing by the terrorist groups.

Another motivation to spread terrorism is that "universal brotherhood" in Islam. According to the teaching of Islam all the Muslims are as like as a body, if any part of the body is suffered whole body feels that pain. Similarly elsewhere in the world if any Muslim country or community are oppressed or attacked by someone, other Muslims should protect them or support them. This concept is one kind of calling which is connected with the global driver to the terrorism. For example, when in Syria IS terrorist groups the more reducing their power the more we can see the terrorist activities in Europe or other parts of the world by the other groups of terrorist as the sign of their solidarity with the IS terrorists.

Another reason is associated with the revival of Muslim khalifa or Sharia in the government system. Secular democracy was incorporated in Turkey in 1928 and which was the last Muslim khelafat in the history of Islam. Terrorist groups having intention to establish khalifa system again, Islamic states in Syria can be taken as an evidence, this ideology was expanded among the young people throughout the world and as a result hundreds of foreign terrorist including from Russia and Europe joined with them in Syria.

In Europe, the political structure has opened the way for all participants but the Muslim Immigrant are far away from the politics. In the European society these Muslim community are the victim of inequality and discrimination. In French it can be understood where Muslim community having a limited participation in politics. The foreign policy and the role of Western European countries in middle East in the past decades also an element to increase terrorism in Europe. (Riaz Ali, 2016).

Due to the deepest socio-economic and political contradictions there is a possibility of widespread international terrorism. The tendency of combining criminal terrorism with political power is more significant. It is noticed that the transnational criminal groups continuing to directly influence the policies of states, forming shadow capitals. Narco terrorism has emerged, which denotes the specific cooperation of terrorists and drug distributors because in today's world there has been a fusion of terrorism with the drug business. Moreover, in the 21st century, the traditional sphere of activity of criminal structures (drug trafficking, smuggling, trafficking in arms and people,money laundering) was supplemented by such factor as the merging of separate ethnic criminal groups with ethnic terrorist and extremist structures.As a result, terrorist groups that provide assistance to drug distributors not only receive money for financing but also undermine the base of the state. (Lyubarsky, Evgeny Sergeevich, 2010).

Terrorism and the political crisis of Bangladesh. Bangladesh is located in South Asia, surrounded by India and having a small boarder with Myanmar, covers an area of 147570 square kilometers. It was ruled by the different foreign rulers in different times, Moguls ruled it from 23th century to 28th century, during the British period it was included in India. In 1947 in the period of separation of Indian cub- continent it was a part of Pakistan, finally in 1971 it got Independence from Pakistan. According to the world bank report 2014 Bangladesh has a population of 158.5 million, where Muslims make up 90 percent and Hindus are 9 percent and other religions including Christians and Buddhists are consists of the rest 1 percent.

In Bangladesh like other South East Asian countries Islamist militancy and terrorism are one of the major socio-political issues. It becomes the hot topic of research because of national and transnational security concern. Immediately after the attack in USA on 11th September in 2001,Bangladesh is presented as the hub of terrorism after Pakistan and Afghanistan. However after the serial bombing in 2005 throughout the country become a serious law and order issue. (Rahman & Kashem, 2011).

It is difficult to estimate the actual numbers of the militant groups in Bangladesh because most often they change their names and the members from time to time,at present it is identified that there are 70 extremist groups in Bangladesh. During 1999-2016 Islamist militants carried out over 203 attacks, killing 190 innocent people and injuring more than 2,658 people. (Rahman. Mohammad Azizur, 2016).

A several number of Bangladeshi fundamentalists had joined with Afghan Taliban and fought against Soviet Union in 1979 to 1989. After returning from Afghanistan these people dreamt to have an Islamic country like Afganistan and established the root of terrorism in the country. "Harkatul Jihad" which was established in 1992, considered as the first generation of militancy in Bangladesh. The founder of this organization had a direct connection with Al-Qaeda and the

terrorist organizations in Pakistan. In 1996 “Kital fi Sabililah” and “Zamat ul Mujahidin” in 1998 were emerged as the second generation. This groups had no any direct connection with Al-Qaeda but the founder of these groups was also visited Afganistan and pakistan. ”Hizbut Tahrir” was the third generation of militant group which was established in 2001. The forth generation was born in 2007 and the fifth generation has come out after the emergence of Islamist state in Syria, The members of the fifth generation are well educated and some of them went to Syria and joined with IS. (Riaz Ali, 2016).

Recently a survey has been conducted by the renowned newspaper in Bangladesh “Prothom Alo” to know the reason of increasing militancy of Bangladesh. According to the survey 72 percent of young people think that unemployment and poverty are playing a major role in dragging the young towards the path of militancy. Apart from this 49 percent of young people explained that the factors of deprivation, absence of social justice, and illiteracy are responsible in promoting militancy. In the survey it is noticed that 58 percent of the young said that due to misuse and mis interpretation of religion, militancy is increasing. It was found that 18 percent respondent said, the problem is increasing due to that continuous degradation of social values, illiteracy, and wrong education. About 12 percent said lack of social justice is the important reason of increasing militancy. (Islam Ashraful, 2017).

Terrorism is not only a social problem but also it is a political crisis of Bangladesh. It is the third largest Muslim country in the world. Though it is considered as liberal Muslim country but fundamentalism is very common topic. After the birth of Bangladesh secularism was one of the main principles of the constitution. In that period religion based political parties were banned. But by the change of power, religion had been involved in the politics and several religion based political parties appeared. Actually according to the goal of the Islamist groups in Bangladesh we can divide them into two parts: one is terrorist group and other is the liberal modern political group which are based on religion. The similarity of these two groups are that both of them dream to get the political power and want to establish Sharia based Islamic country. The difference between this two groups is that one of them want to go in power by violence, killing and bombing because this group believe that democracy is against Islam. Since they consider that west is the enemy of Islam, democracy as a man made process and western ideology and culture is harmful and prohibited in Islam. They believe that Sharia is sent by God and to establish this it is legal to kill those people who are against them.

The other groups want to win the power of the state by election or by democratic ways. They have accepted democracy as the process of formation of government. Now in Bangladesh there are several political parties who are based on religion. Religion based political parties have a great influence in the politics. Although these political parties having a small amount of the voting support of the people but they are very important for the big secular political parties to get

the power. Therefore, several political parties have been in alliance with these Islamic political parties. The politicization of Islam and the use of religion to gain votes is another political factors associated with the rise of Islamist militancy in Bangladesh. (Rahman azizur, 2016).

The use of religious extrimism for political purpose is a very alarming issue. In Bangladesh some cases are found where political leaders are considered as the "God father" of the militant groups. Militants and extremists have been patronized or supported by some politicians (Rahman and Kashem, 2011). Even some politicians are claimed to finance them during the ruling period of Bangladesh national party. (Sharker Bijon, 2015).

It is observed in the countries (where islamist and religious political parties were emerged) when participation of the general people in the political process is limited, then religion based political parties become powerful. Hamas in Palestine and Muslim Brotherhood in Egypt are the good example of the emergence of religion based political parties. If secular democracy can not ensure the right of the people then people think about the alternative way, in this case religion based politics gets the favorable position. (Riaz Ali, 2013).

So in future in Bangladesh we can not deny the possibility of getting the power of religion based political parties if the present political parties fail to establish political stabilities as well as promoting social justice and freedom of explanation and ensuring human rights of the citizen.

Conclusion. Terrorism is one of the major problem of Bangladesh. To address this problem every government are concerned and show "zero tolerance" against militancy. In the country no one terrorist groups is active as before because of the activeness of government. Hundreds of members of the militant groups are arrested and punished, some of the leaders were hanged for killing the people. But it is difficult to say that the roots of the terrorism have been eradicated. They are now hidden and sometimes playing role to kill people (especially who are against Islam) and to create a terrible environment by bombing. Politicians should start political culture of tolerance and must stop to claim each other. They should not facilitate a political environment that is conductive to the rise of extremism and terrorism. Democracy allows citizen of a country to create a political party based on religion as well as it is able to limit the power of those parties, so we should practice democracy effectively. Recently political instability and the undemocratic behavior of two main parties in the country have become favorable to the interest of the fundamentalist political parties. So it is the high time to establish political stability and to ensure political rights of the people in order to protect democracy and power both from the fundamentalist political parties and from the terrorist groups. Some policies can be taken to address this problem.

1) Terrorism should be understand in the wider context of political violence. Strategies of fighting terrorism and resolving the issues of political violence need to be comprehensive and balanced.

2) In South Asian countries there is not adequate exploration of the strategies of reconciliation and reintegration with the terrorist groups. So governments should have taken appropriate strategies to negotiate with them.

3) The core challenge of terrorism lies on the national level. Though getting help from international organizations and other countries is helpful but they can not play a decisive role to solve this problem inside the country, so government should increase own abilities to remove this problem.

4) To deal with cross boarder terrorism, bilateral cooperation is the most effective way. (Anand Kumar, 2012).

REFERENCES:

1. *Anand Kymar.* The terror challenge in South Asia and prospect of regional cooperation. 2012. – URL: https://www.idsa.in/system/files/book/Book_Terror-ChallengesSouthAsia.pd

2. Bangladesh Demographic and Health Survey 2014 – The DHS Program. [Electronic resource]. – URL: https://dhsprogram.com/pubs/pdf/FR311/FR311.pd

3. Bangladesh – World Bank Data – World Bank Group. [Electronic resource]. – URL: https://data.worldbank.org/country/bangladesh

4. *Islam Ashraful.* "Militancy is increasing due to poverty and misinterpretation of religion, July 18, 2017. – URL: www.prothom-alo.com (in bangla language)

5. *Riaz Ali.* "What is the reason for militancy in Bangladesh'', July, 2016. – URL: www.dw.com/.../ (in bangla language).

6. Rahman and Kashem "understanding religious militancy and terrorism in Bangladesh", December, 2011. – URL: https://www.scribd.com/.../Understanding-Religious-Militanc.

7. *Rahman Mohammad Azizur*. "The forms and Ecologics of Islamist militancy and terrorism in Bangladesh. Journals for Deradicalization, 2016, No 7. – URL: journals.sfu.ca/jd/index.php/jd/article/download/58/49.

8. *Riaz Ali.* Future of religion based parties and politics in Bangladesh, June 1, 2013. – URL: www.prothom-alo.com (in bangla language).

9. *Sharker Bijon.* The rise of militancy in bangladesh: a review, January 2015. – URL: https://opinion.bdnews24.com/bangla/archives/24140 (in bangla language).

10. *Lyubarsky Evgeny Sergeevich.* Терроризм в условиях глобализирующегося мира: методологический аспект. 2010. – URL: www.dissercat.com/.../terrorizm-v-usloviyakh-globaliziruyushcheg.

11. *Виталий Третьяков.* Тезисы о «международном терроризме» и политическом бессилии Европы, 17.11.2015. – URL: https://ria.ru/analytics/20151117/1322657231.html

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ПРОФЕССОРА Ю.А. НИСНЕВИЧА «ПОЛИТИКА И КОРРУПЦИЯ: КОРРУПЦИЯ КАК ФАКТОР МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА»

Sheverdyaev S.N. Book review. "Politics and Corruption: Corruption as a Factor of the Global Political Process" by Yu. Nisnevich, professor

Новая монография известного российского политолога, профессора Национального исследовательского университета Высшей школы экономики Ю.А. Нисневича посвящена проблематике, которая продолжает наращивать обороты в современном междисциплинарном российском научном дискурсе.

Рассматриваемый труд «Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса» представляет собой в известной мере обобщение научного творчества автора по проблемам политической коррупции, с которыми теперь мы имеем возможность познакомиться на новом уровне научного синтеза.

Вниманию читателя представлен фундаментальный труд, раскрывающий и убедительно иллюстрирующий наиболее важные взаимосвязи между политикой и коррупцией. Автор монографии последовательно рассуждает о заявленном предмете через призму структуры работы, каждый из фрагментов которой служит очередной ступенью в доказательстве превращения коррупции в фактор современного мирового политического процесса.

Так, в рамках рассуждений об исторической ретроспективе коррупции автор предлагает нам окунуться в историю и убедиться в высокой степени внимания к проблеме коррупции с глубокой древности до наших дней, о котором свидетельствуют труды выдающихся мыслителей и деятелей прошлого. Данный экскурс наглядно показывает, что коррупция преследует человеческую цивилизацию, начиная с самых первых государственных образований, она актуальна для всякого исторического промежутка времени и является неотъемлемой частью истории любой национальной государственности. Особенно интересно нам будет посмотреть на памятные коррупционные сюжеты из нашей собственной истории, как ранней, периода Московского Царства, так и истории Империи Романовых и далее советского времени.

В следующем разделе работы отталкиваясь от традиционных концептуальных подходов к коррупции, таких как нормативно-ценностный и рационально-функциональный, проф. Ю.А. Нисневич ставит вопрос о необходимости выработки нового взгляда на коррупционные явления, который обозначает как инструментальная концептуализация. Автор вступает в интересную дискуссию относительно вариантов определения коррупции, справедливо признавая, в частности, проблематичным исключительно

юридико-правовой подход к коррупции, поскольку тот, находясь в зависимости от необходимости определять коррупционные нарушения и ответственность за них в законе, не способен охватить весь комплекс возможных проявлений коррупции. В своей критике рационалистических подходов к определению коррупции, которые известны нашумевшим представлением о благотворной роли коррупции как «смазки бюрократических колес» (С. Хантингтон и др.) автор обращается к исследованию Д. Кауфманна и Шан-Цзинь Вея, которые с использованием методов математического моделирования, доказали несостоятельность этой гипотезы, поскольку коррупция, напротив, приводит к дополнительному увеличению временных затрат на взаимодействие с бюрократией, обременению бизнес-процессов и повышению стоимости капитала.

В результате, в связи с явными недостатками нормативно-ценностного и рационально-функционального подходов предлагается обратиться к более комбинированному взгляду, который обеспечит инструментальное объяснение коррупции в аспекте механизмов коррупции и инструментов противодействия ей. В рамках этой исследовательской парадигмы автор определяет «в общем виде коррупцию как противоправное использование должностным лицом административно организованной структуры предоставленных ему управленческих ресурсов не для обеспечения выполнения задач и функций структуры, а для извлечения личной или групповой выгоды, которая может иметь как материальные, так и нематериальные формы выражения. При этом под противоправным использованием понимается использование с различными нарушениями как формальных юридико-нормативных установлений, включая нормы служебного поведения и этики, так и неформализованных социетальных норм поведения, этики и морали».

Рассуждая о вариантах классификации коррупционных явлений, автор сводит различные известные классификации формы политической и экономической коррупции в единую систему, отработанную до такой степени, что ее оказывается возможным отразить в схематическом виде. Причем образная схема показывает временную и качественную динамику перевоплощения коррупции из одной формы в другую вплоть до наиболее системной формы политической коррупции, известной как «захват государства», результатом которого «всегда является формирование коррумпированного политического режима авторитарного типа».

В разделе об измерении коррупции Ю.А. Нисневич во главу угла ставит вопрос о валидизации, релевантности результатов всевозможных межстрановых исследований коррупции, которые в последнее время стали водиться в большом множестве. Под валидностью понимается степень соответствия измерительного инструмента (в данном случае, показателя коррупции, полученного на основе экспертных оценок и/или опросов общественного мнения) измеряемому явлению (латентному уровню коррупции). Автор об-

ращается к теории вопроса и раскрывает крайнюю актуальность проблемы валидизации социологических измерений коррупции в связи с его латентным характером и значительной сложностью идентификации всех статистически значимых фактов коррупции.

Тщательно оценивая методологию наиболее влиятельных исследований коррупции, (как специализированных антикоррупционных, так и агрегированных: Индекс «Коррупционный компонент политического риска», «Индекс верховенства закона», «Индекс качества государственного управления», «Индекс восприятия коррупции» и другие) автор на основании расчетов и сопоставительного анализа, который разворачивается в тексте монографии, приходит к выводу, что в качестве наиболее адекватной методики анализа валидности и надежности индексов коррупции целесообразно последовательное применение таких методов математико-статистического анализа как корреляционный анализ, анализ частных коэффициентов корреляции, метод главных компонент, факторный и регрессионный анализ.

Применение же такой методики позволило автору установить, что наиболее валидными и надежными из известных и широко используемых показателей состояния коррупции в государстве являются Индекс восприятия коррупции Трансперенси Интернешнл и Индекс контроля коррупции Всемирного банка, хотя при этом оговаривается, что валидность и надежность этих индексов для государств с высоким уровнем коррупции заметно меньше, чем для государств с низким уровнем коррупции.

В качестве опорной категории для следующего раздела своей монографии о взаимосвязи «качества государства» и уровня коррупции Ю.А. Нисневич избирает концепцию полиархии Р. Даля, которая отражает представление о таком типе современной государственности, при котором широкий комплекс политических институтов обеспечивает возможность функционирования подлинной представительной демократии. Действительно, этот термин позволяет избежать смысловых пересечений с устоявшейся терминологией государствоведения и других специализированных областей политико-правового знания и дает логическую возможность расчистить пространство для новизны выводов в отношении заявленной в книге проблематики.

К числу обязательных признаков полиархии относятся: свободные, честные и регулярно проводимые выборы; сменяемость политических должностных лиц по результатам выборов; свобода выражения; альтернативные источники информации; автономия ассоциаций; всеобщие гражданские (личные) права; подотчетность и ответственность публичной власти; правозаконность (верховенство закона); независимость судебной системы. На базе двухэтапного анализа автор проводит кластеризацию современных государств с точки зрения их близости к полиархическому идеалу. При этом проф. Ю.А. Нисневич проводит эту работу на основе собственного оригинального подхода, а именно, исходя из того, какой из трех механизмов – конкуренция, принуждение или коррупция – выступает в качестве доминирующего.

Особенно наглядными являются предложенные автором графики и диаграммы, в которых государства сопоставляются в зависимости от различных критериев качества государства, а также таблицы с результатами ранжирования всех стран мира по степени удовлетворения критериям полиархии.

Один из важнейших выводов, к которому здесь приходит автор, заключается в том, что индикаторы распространения коррупционных практик являются одним из наиболее достоверных способов оценки качества государства. Выдвинутая автором гипотеза на этот счет находит прямое подтверждение на богатейшем сравнительном материале.

В фокусе внимания следующего раздела книги стоит взаимосвязь коррупции и авторитаризма. Здесь автор препарирует современные авторитарные государства и оценивает значение коррупции для их функционирования, раскладывая страны по таким типам, как: нестабильные недемократические режимы, «рудиментарные» авторитарные режимы, современные постколониальные диктатуры, авторитарно-клептократические или неоавторитарные режимы.

Среди наблюдений, который можно вывести из этого всеобъемлющего сопоставительного анализа, мы бы выделили популярность форм президентского и полупрезиденсткого правления в государствах этого среза. По всей видимости, данная формальная конституционная модель в наилучшей степени позволяет вуалировать авторитарную политическую практику.

Еще один примечательный вывод автора касается временной динамики преобразования потенциально демократического государства в страну, где контроль власти базируется на механизмах политической коррупции: скорость деградации демократических институтов составляет всего один-два избирательных цикла. Внешнее и наиболее простое выражение этого процесса, которое может быть легко идентифицировано исследователем – характерное злоупотребление новой политической элитой законодательным ресурсом к своей выгоде, т.е. ради укрепления своей власти и контроля ресурсов.

Не менее интересно наблюдение автора в отношении прямой культурной преемственности советской номенклатуры и новой политической элиты посткоммунистических стран, в которых сохранились авторитарные режимы. Действительно, этому существует множество наглядных свидетельств в отношении привилегий и характера ответственности представителей политической элиты в таких государствах.

В следующем разделе своей книги Ю.А. Нисневич использует новый угол зрения для рассмотрения взаимовлияния публичной власти и коррупции: рассматривается мотивация коррупционного поведения и меры противодействия коррупции. Влияние человеческого фактора на распространение коррупции в публичной сфере изучено через призму развенчания ряда популярных мифов из области психологии коррупции и обоснования некоторых базовых установок. К примеру, любопытным является отсылка к исследованию А. Рогоу и Г. Лассуэлла, которые посредством метода case-study

провели в исторической ретроспективе исследование достоверности знаменитой максимы лорда Дж. Актона «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно» применительно к политической карьере тридцати политиков, которые доминировали в системе публичной власти США в конце XIX – начале XX века. Так вот по результатам данного исследования был сформулирован вывод о фактической недостоверности указанной максимы. Согласно позиции авторов исследования «Честность не расходится с властью. Власть не обязательно ведет к коррупции или, наоборот, облагораживает».

Знаменем для значительной части исследования психологии политической коррупции с точки зрения своей институциональной исследовательской парадигмы автор делает афоризм выдающегося философа и методолога К. Поппера: «Институты – как крепости: их надо хорошо спроектировать и населить». Для прикладных вопросов исследования это означает, по мнению Ю.А. Нисневича, что распространение коррупции в сфере публичной власти определяется двумя ключевыми установками: качеством институтов, т.е. их способностью противодействовать коррупции и купировать коррупционные отношения, а также индивидуальными качествами, предрасположенностями и степенью конформизма реализующих публичную власть должностных лиц.

Далее автор разворачивает исследование особенностей и разнообразия мотивации в системе государственно-властной деятельности. Одна из интересных закономерностей, выявленных здесь – это зависимость характера распространения коррупции от типа лидерства и образцов поведения политических лидеров, которые начинают воспроизводится и транслироваться в нижних этажах властной пирамиды.

На основе типов легитимации власти в моделях М. Вебера и Д. Истона автор находит убедительные статистические свидетельства утверждения Ф. Фукуямы о том, что «даже самые твердокаменные диктаторы считают себя обязанными получить хотя бы налет демократической легитимности, устроив выборы». Согласно позиции профессора Ю.А. Нисневича «манипулируя избирательным законодательством и процедурой проведения избирательных кампаний посредством использования широкого спектра приемов электоральной коррупции, современные диктаторские и неоавторитарные режимы целенаправленно деформируют институт выборов для имитации своей псевдодемократической … легитимности в формате плебисцитарной легитимации с жестко контролируемой симуляцией состязательности». Так в 182 (или 94,8%) современных государствах, в качестве основополагающего порядка формирования, а, следовательно, и удержания публичной власти на конституционном уровне установлен институт выборов.

Вступая в заочную полемику с А. Шедлером, автор подвергает сомнению допущение теории «электорального авторитаризма», позволяющее выделять некие эволюционные ступени в развитии качества электорального

процесса. Так, по Шедлеру такие режимы занимают часть туманной зоны (foggy zone), которая расположена между консолидированным авторитаризмом (closed authoritarianism) и электоральной демократией и имеет протяженность в пространстве деформаций института выборов, допускающую наличие размытых (blurry) и противоречивых (controversial) пограничных с электоральной демократией режимов. Однако с позиции Ю.А. Нисневича «такой подход представляется содержательно контрпродуктивным для понимания сущности современных авторитарных режимов, а понятие «электоральный авторитаризм», которое допускает интерпретацию института выборов как выборов различной степени «второй свежести», в соотнесении с понятием «электоральная демократия», основанном на инструментальной интерпретации института выборов как честных, свободных и состязательных».

Интересной частью книги является исследования одного из действенных средств сокращения политической коррупции, именуемой управленческой люстрацией. На основе богатого сравнительного материала, касающегося стран, реализовавших в последние десятилетия политику люстрации в своих правопорядках, автор делает вывод о том, что существует зависимость (хотя и нелинейная) между люстрацией и уровнем распространения политической коррупции. Вполне оправданно утверждается, что «результаты регрессионного анализа также подтверждают, что степень реализации процесса люстрации после крушения советских режимов оказывает заметное влияние на состояние коррупции. При этом важным является тот факт, что влияние степени реализации процесса люстрации на состояние коррупции остается статистически значимой при условии действия других предикторов, оказывающих заметное влияние на состояние коррупции, в том числе и таких значимых предикторов как политическая конкуренция и членство в ЕС».

Помимо люстрации автор рассматривает и другие популярные в современной мировой практике институциональные способы противодействия коррупции, такие как приведение в действие реальной профессиональной конкуренции при занятии должностей на государственной службе и в сфере политики для обеспечения реалистичности меритократического подхода; деполитизация деятельности должностных лиц, занимающих административные должности публичной власти; развитие культуры кодексов служебной этики; декларирование публичными должностными лицами своих активов; формирование системы организационно-правовых механизмов по предотвращению и разрешению конфликта интересов; создание системы гарантий для защиты заявителей о коррупции и т.д.

Наконец, в заключительной части монографии мы видим целую галерею сюжетов из недавнего прошлого, связанных с публичными протестами, многие из которых поднимали на щит коррупционные проблемы. Это касается и событий «арабской весны», «цветных революций» на постсоветском пространстве, публичных выступлений в странах Латинской Америки,

Юго-Восточной Азии, а также целой серии общественных протестов в Европе и США. Анализ приведенных примеров позволяет автору вполне обоснованно констатировать, что в современном мире коррупция становится причиной политических кризисов и одним из ключевых лейтмотивов массовых протестных акций, в результате которых могут происходить смены правящих политических режимов или отставки высших и иных должностных лиц государства, а обвинения в коррупции используются в качестве значимого электорального фактора. Это в действительности подтверждает, что сегодня коррупция играет роль одного из доминантных факторов мирового политического процесса.

Обобщая сказанное, можно с уверенностью сказать, что книгу профессора Ю.А. Нисневича «Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса» можно рекомендовать всем, кто интересуется проблематикой политической коррупции и имеет намерение серьезно разобраться в причинах многих современных политических событий. Особое впечатление производит обширная литература, которую автор использует по ходу своих рассуждений. Богатая фактология и информационная насыщенность позволяет использовать работу в качестве своего рода энциклопедии антикоррупционного знания: таково разнообразие материала, исторического, сравнительного и доктринального. Многих читателей обрадует точность и достоверность предлагаемых автором суждений, которые подтверждаются расчетами и иллюстрируются графиками, диаграммами, таблицами и всевозможными классификациями. Иными словами, новая книга профессора Ю.А. Нисневича очевидно является событием в отечественном междисциплинарном научном дискурсе по вопросам политической коррупции, которое заслуживает особого внимания.

С.Н. ШЕВЕРДЯЕВ

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и
муниципального права юридического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
директор Научно-образовательного центра
конституционализма и местного самоуправления,
эксперт Проектно-учебной лаборатории антикоррупционной
политики НИУ ВШЭ, Россия, г. Москва

НАШИ АВТОРЫ

Абрамов Валерий Леонидович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра исследований международных экономических отношений Финансового Университета при Правительстве РФ, академик Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва (valabr@yandex.ru).

Абрамова Ольга Дмитриевна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой внешнеполитической деятельности России факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (olgaabramova2409@yandex.ru).

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», Москва, Россия (aap62@yandex.ru).

Амиантов Алексей Андреевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ассистент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (amiantov@duma.gov.ru).

Андреев Андрей Владимирович – кандидат политических наук, директор государственной телерадиокомпании «Кузбасс», Россия, г. Кемерово (voprospolitolog@yandex.ru).

Ахмадиен Комбиз Сахоби – аспирант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Бакушев Валерий Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (la.kolesnikova@migsu.ru).

Барсуков Александр Михайлович – кандидат политических наук, заместитель декана факультета политики и международных отношений Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Новосибирск (amb2@inbox.ru).

Бирюков Сергей Владимирович – доктор политических наук, приглашенный исследователь Восточно-Китайского педагогического университета (East China Normal University), Шанхай, КНР (voprospolitolog@yandex.ru).

Глебов Виктор Александрович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (glebov17@mail.ru).

Гришаева Ольга Николаевна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории и археологии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, Россия, г. Елец (olya.grishaeva.85@mail.ru).

Гришин Олег Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (helg-g@mail.ru).

Давыдов Владимир Николаевич – кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Института современной политики Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (davidov_vn@mail.ru).

Дзюбан Валерий Валерьевич – доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Гуманитарных дисциплин и коммуникационных технологий» НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», Россия, г. Москва (bryanskstudzuban@mail.ru).

Ефремова Елена Александровна – доцент кафедры Международного права и политологии Института права Самарского Экономического Университета, аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Самара (lenoksamara97@gmail.com).

Касымов Азамат Акбарович – аспирант кафедры политологии и социологии РЭУ им. Г.В. Плеханова, Республика Таджикистан, г. Душанбе (faroz@bk.ru).

Киселев Вадим Васильевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры мировых цивилизаций и мировой политики НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», Россия, г. Москва (quisellov@mail.ru).

Кочергина Марина Викторовна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой Общегуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Институт экономики управления в промышленности», Россия, г. Москва (kochergina_mv@mail.ru).

Кузнецова Екатерина – аспирант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Курбонова Зульфия Махманабиевна – кандидат политических наук, докторант института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан, Республика Таджикистан, г. Душанбе (zukurbonova@mail.ru).

Ли Дань – аспирант кафедры международных отношений Восточного института-Школы региональных и международных отношений Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (liallala321@gmail.com).

Медведев Николай Павлович – доктор политических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (medvedev_rudn@mail.ru).

Мышьякова Дарина Вадимовна – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (darinarsenico@gmail.com).

Мэн Сянюнь – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (men.cutie-2015@yandex.ru).

Набиев Бахтияр Эйваз оглы – Бакинский Государственный Университет, Республика Азербайджан, г. Баку (zamrahov@gmail.com).

Нестерчук Ольга Алексеевна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (nesterchuk68@mail.ru).

Николенко Анастасия Алексеевна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru).

Новикова Юлия Андреевна – магистрант Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Ярославль (beshennayarozza@yandex.ru).

Новосельцев Сергей Владимирович - соискатель степени кандидата наук МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (novoseltsev.s.v@my.mgimo.ru).

Павлов Владимир Владимирович – аспирант кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (vladimir.v.pavlov@inbox.ru).

Палилов Денис Евгеньевич – аспирант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва (dpalilov@ya.ru).

Палчаев Абдуселим Нажмудинович – кандидат политических наук, политический советник Народного Собрания Республики Дагестан, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала (palcha2010@mail.ru).

Репьева Яна – аспирант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Саздул Ислам – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (sazid.ul.islam2010@gmail.com).

Слизовский Дмитрий Егорович – доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (de373@mail.ru).

Слоботчиков Олег Николаевич – кандидат политических наук, профессор, ректор НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», Россия, г. Москва (rektor@imc-i.ru).

Соколов Александр Владимирович – кандидат политически наук, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Ярославль (alex8119@mail.ru).

Строганов Вадим Борисович – аспирант кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург (tarangarret@mail.ru).

Сулейманова Шукран Саидовна – доктор политических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики факультета журналистики ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Москва (sher2016@yandex.ru).

Тетерюк Алексей Сергеевич – аспирант кафедры политической теории Московского Государственного Института Международных Отношений МИД России, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Толочко Александр Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, Россия, г. Елец (tolochko888@gmail.com).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

Цинь Тинтин – аспирант Школы Региональных и международных исследований Дальневосточного федерального государственного университета, Россия, г. Владивосток (mcqtt163@163.com).

Чан Хыу Тхан – аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Вьетнам (huuthanqbuni@gmail.com).

Шевердяев Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Научно-образовательного центра конституционализма и местного самоуправления, эксперт Проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики НИУ ВШЭ, Россия, г. Москва (snshev@gmail.com).

Ширгазина Эльза Рифовна – аспирант кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета, Россия, г. Уфа (elvenelanor@mail.ru).

Экзеков Мусса Хабалевич – докторант кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва (kamzes@hotmail.com).

OUR AUTHORS

ABRAMOV V.L. – Senior research officer of the Research centre of international economic relations by the Financial University under the Government of the Russian Federation, doctor of Economics, professor, academician of the Russian Academy of natural Sciences, Russia, Moscow.

ABRAMOVA O.D. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russia's Foreign Policy Chair of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow.

AHMADIEN KOMBIZ SAHOBI – Ph.D. candidate at The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

ALBOV A.P. – Doctor of Law, Candidate of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law and the State of NANO VO The Institute of World Civilizations, Moscow, Russia.

AMIANTOV A.A. – Ph.D. (political sciences), Associated Professor of the Department of Political Sience and Political Management of the Russian Presidental Academy of National Economy and Public Administration in the direction of political institutions, processes and technologies, Assistant Professor at the Chair of Political Analysis and Management, Russian Peoples' Friendship University, Moscow, Russia.

ANDREEV A.V. – Candidate of Political Science, Director of the State TV and Radio Company "Kuzbass", Kemerovo, Russia.

BAKHTIYAR NABIYEV – Baku State University, Baku, Azerbaijan.

BAKUSHEV V.V. – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Parliamentarism and Interparliamentary Cooperation of the Institute of Public Service and Management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

BARSUKOV A.M. – Candidate of Political Science, Deputy Dean of the Department of Politics and International Relations at the Siberian Institute of Management – a branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia.

BIRYUKOV S.V. – Doctor of Political Science, Visiting Researcher at the East China Normal University, Shanghai, PRC.

DAVYDOV V.N. – Candidate of Political Science, Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Contemporary Politics at the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

DZUBAN V.V. – doctor of historical Sciences, candidate of pedagogical Sciences, Professor, head of "Humanitarian disciplines and communication technology" NANO IN "Institute of world civilizations", Moscow, Russia.

EFREMOVA E.A. – Associate Professor, Department of International Law and Political Science, Institute of Law, Samara University of Economics, Ph.D. Candidate at The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Samara, Russia.

EKZEKOV M.Kh. – doctoral student in the Department of The National and federal relations of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

GLEBOV V.A. – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Assistant Manager of the Department of Political Analysis and Management at the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

GRISHAEVA O.N. – Ph.D. in Political Science, Senior Lecturer of the Department of History and Archeology, Yelets State University I.A. Bunin, Elets, Russia.

GRISHIN O.E. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

KASIMOV A.A. – Aspirant Faculties politics and sociology REU by him G.V. Plekhanova, Dushanbe , Republic of Tadjikistan.

KISELEV V.V. – Ph.D. in Psychology, associate professor of the Department of World Civilizations and World Politics in the Institute of World Civilizations, Moscow, Russia.

KOCHERGINA M.V. – candidate of historical Sciences, head of Department of Humanities and social Sciences, ANO "Institute ekonomiki management in industry", Moscow, Russia.

KURBONOVA Z.M. – Candidate of political sciences, Doctoral candidate of Institute of Philosophy, Political Sciences and Law named after A.Bahouddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

KUZNETSOVA E. – Ph.D. candidate at The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

LI DAN – Candidate of the Department of international relations, School of regional and international relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

MD SAZEDUL ISLAM – Department of comparative politics People's Friendship University, Moscow, Russia.

MEDVEDEV N.P. – Doctor of Political Science, full professor, professor at The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

MENG XIANGYUN – The Department of Comparative Politics People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

MYSHIAKOVA D.V. – Ph.D. candidate at The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

NESTERCHUK O.A. – Doctor of Political Science, full professor, professor of the Department of Political Analysis and Management at the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

NIKOLENKO A.A. – Candidate of Political Science, Senior Lecturer at Department of Management, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

NOVIKOVA Ju.A. – master of Science, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

NOVOSELTSEV S.V. – Candidate of Science Degree, Moscow State Institute of International Relations at The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

PALCHAYEV A.N. – Candidate of Political Sciences, Political Adviser of the People's Assembly of the Republic of Dagestan, Makhachkala, Dagestan.

PALILOV D.E. – Ph.D. candidate at The Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

PAVLOV V.V. – PhD student, Department of Political Science and Public Administration, School of Public Policy, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

REPIEVA Y. – Ph.D. candidate at The Russian Presidential Academy ofNational Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

SHIRGAZINA E.R. – postgraduate student in the Department of Philosophy and Political Science of Bashkir State University, Ufa, Russia.

SLIZOVSKY D.E. – Doctor of Historical Sciences, full professor, professor at The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

SLOBOTCHIKOV O.N. – Ph.D. in Politics, professor, rector of the Institute of World Civilizations, Moscow, Russia.

STROGANOV V.B. – Ural Federal University The name of the first President of Russia BN. Yeltsin, Graduate student of the Department of Political Science, Yekaterinburg, Russia.

SOKOLOV A.V. – candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Social and Political Theories, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

SULEYMANOVA Sh.S. – doctor of political Sciences, Professor, Department of public relations and media policy Department of the faculty of journalism IIPAM of Ranepa under the RF President, Moscow, Russia.

TETERYUK A.S. – post-graduate, department of political science Moscow

State University of International Relations under Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

TOLOCHKO A.V. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Yelets State University I.A. Bunin, Elets, Russia.

TRAN HUU THAN – Post-graduate student at the Chair of Political Analysis and Management, Russian People's Friendship University, Vietnam.

TSIN TINTIN – Ph.D. candidate at School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

TUSHKOV A.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 8 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 10 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Сноски помещаются постранично, нумерация сносок должна быть сквозная. Шрифт – 12, межстрочный интервал – 1.

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

7. Все статьи подлежат обязательному рецензированию. Вместе с материалом автор может представить рецензию, подписанную доктором или кандидатом наук и оформленную в установленном порядке.

8. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: www.voprospolitolog.ru, www.souzpolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru, souzpolitolog@yandex.ru

Academic journal
“Political Science Issues”
Issue 4 (28), 2017

Established by the National Union of Political Scientists
The journal is published with the assistance of LLC “Publishing House “Science Today” with the participation of the Institute of Today Politics of the Russian Friendship University.
The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index.
Academic papers published in the journal undergo obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Ivanishina I.G.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide with the position of the editorial board.
No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:
84, Vernadskogo prospect, building 6, office 2069, Moscow, Russia, 119606
Tel: (910) 463-53-42
www.voprospolitolog.ru, www.souzpolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru, souzpolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 24.11.2017
Format 60x84/16. Offset paper.
Offset print. Number of printed sheets
Circulation 120 copies. Order ___.
Printed at the LLC “Bely Veter”
Str. Shchipok, 28, Moscow, Russia, 115054
Tel.: (495) 651-84-56

© National Union of Political Scientists, 2017

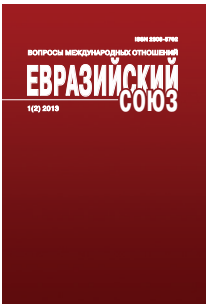
НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ ПОЛИТОЛОГОВ (WWW.SOUZPOLITOLOG.RU) ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал
«РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.
Журнал включен в базу РИНЦ.
Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал
«ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.
Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006
Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru



Научный журнал
«ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве,
а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802
Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).
Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
souzpolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал
«Вопросы политологии».
Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.
Индекс издания – 70035.

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал 70035

Вопросы политологии

Количество комплектов	

на 2018 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда_____
(почтовый индекс, адрес получателя)
Кому_____

			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА
ПВ	место	литер	на журнал 70035

Вопросы политологии

Стоимость	Каталожная		Количество комплектов	
	услуги почты			
	полная			

на 2018 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда_____
(почтовый индекс, адрес получателя)
Кому_____